

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Ларри НИВЕН

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

21

ТРИНАДЦАТЫЕ
ЗВЕЗДНЫЕ
ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежная
остросюжетная
фантастика**

ЛАРРИ НИВЕН

ТРИНАДЦАТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

TALLINN "MELOR"

1994

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериал «Звездные войны» является интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняется Законом.

Перепечатка данного сериала с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

ЛАРРИ НИВЕН.

"Тринадцатые звездные войны". Перевод с англ. Составитель А.Саяпин. Таллинн: "Мелор", 1994, 384 стр. ил. /"Библиотека зарубежного кримин. и прикл. романа". Выпуск 21/.

"Тринадцатые звездные войны" мы открываем новым фантастическим боевиком Ларри Нивена "Дар Земли".

На одной из планет, открытых землянами в процессе освоения космоса, возникает маленькое диктаторское государство, разделенное на классы. Террористическая организация "Сыны Земли" начинает борьбу против существующего режима. Служба безопасности жестоко расправляется с ними — все захваченные террористы направляются в специальную клинику, где их тела будут использоваться в качестве материала для замены больных органов людей, стоящих на вершине власти...

Кроме того, мы публикуем еще три новых фантастических боевика: "Подводная война" Генри Каттнера, "Планета-тюрьма" Кларка Дарлтона, "Когда время сошло с ума" Фредерика Пола.

ИТАК, ТРИНАДЦАТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ"...

И $\frac{470310100-012}{8УЗ/03/-94}$

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-87005-012-X

© «MELOR», 1994г.

ДАР ЗЕМЛИ

РАМРОБОТ

Рамробот был первым, кто увидел Маунт Лукиткэт.

Рамроботы были первыми разведчиками с миров, пригодных к заселению. Межзвездные исследовательские роботы, с неограниченными запасами энергии, которую они черпали из космического водорода, могли перемещаться в пространстве со скоростью, близкой к скорости света. Много лет назад Объединенные нации послали к ближайшим звездам рамроботов, чтобы отыскать планеты, пригодные для обитания человека.

Странно, что первые рамроботы не могли сами менять программу исследования. Например, рамробот Просион опустился весной на планету Мы Сделали Ее. Случись это летом или зимой, когда ось планеты направлена на ее звезду, робот бы заметил ветры, дующие со скоростью сто пятьдесят миль в час. Рамробот Сириус отыскал две небольшие, пригодные для обитания, зоны на Джинксе, но он не был запрограммирован на исследование других особенностей планеты. И вот рамробот Тау Цети приземлился на Маунт Лукиткэт.

На этой планете было пригодно для обитания только Плато. Остальная часть планеты представляла собой обжигающую черную пустыню, непригодную ни для чего. Плато было по площади меньше, чем любая планета, разрешенная Проектом Колонизации к заселению. Но межзвездный рамробот нашел точку, пригодную для обитания, и это было все, что он должен был узнать по своей программе.

Медлительные корабли с колонистами, которые следовали за рамроботами, не были предназначены для обратного путешествия. Их пассажиры должны были где-то высадиться и остаться там навсегда. Вот так триста лет назад было заселено Плато Лукиткэт.

Воздушные полицейские кары гнались за бегущим человеком. Он слышал их вой, похожий на жужжание пчел летом. Нет, они слишком поздно включили моторы на полную мощность. Сейчас они мчались со скоростью сто миль в час — огромная скорость для такого небольшого пространства, как Плато Лукиткэт, но недостаточная, чтобы догнать человека, которому оставалось всего несколько ярдов до края.

Фонтанчики пыли поднимались перед беглецом. И, наконец, полиция решилась на то, чтобы повредить тело человека. И вот человек рухнул в пыль, как кукла, брошенная капризным ребенком. Одна нога у него вытянулась, но он пополз дальше с помощью рук.

Вот он дернулся еще раз, но продолжал карабкаться. На самом краю он увидел кар, пикирующий на него из голубой высоты.

Прикусив кончик языка, Иезус Пьетро Кастро нацеливал свой кар на бородастое, искаженное болью и гневом лицо. На дюйм ниже — и он врежется в утес, на дюйм выше — и он не попадет в человека, упустит возможность отшвырнуть его обратно на Плато. Он нажал сразу две кнопки газа...

Слишком поздно. Человек исчез.

Потом они стояли на краю и смотрели вниз.

Иезус Пьетро часто видел группы детей, которые стояли на самом краю и, полные страха и возбуждения, старались рассмотреть самое дно. Они подзуживали друг друга, заставляя подойти ближе, еще ближе... Ребенком он сам делал то же самое и до сих пор помнил то ощущение страха и восторга, которое возникало в нем. Оно и до сих пор еще жило в нем.

На глубине сорока миль под клубящимся морем белого тумана скрывалась истинная поверхность планеты. Плато на Лукиткэт имело площадь равную всего лишь половине Калифорнии. Остальная часть планеты представляла собой черную печь, температура в которой была достаточна, чтобы расплавить свинец. У поверхности планеты плотность атмосферы в шестьдесят раз превышала плотность земной атмосферы.

Метью Келлер совершил самое худшее из всех преступлений. Он бросился с края Плато, унося с собой свои глаза, свои внутренние органы, свои мили кровеносных сосудов — все то, что могло быть использовано для замены износившихся органов других людей. Даже его ценность, как производителя, которой нельзя было пренебрегать в колонии, существующей всего триста лет, теперь была равна нулю. Может быть теперь только вода, которая есть в его теле, вернется на Плато в виде дождя в реки и озера, или в виде снега на большой северный ледник. А сейчас он уже, наверное, превратился в пепел на поверхности планеты на сорокамильной глубине.

А может он все-таки не упал?

Иезус Пьетро, Глава Полиции, с усилием отошел от края. Этот клубящийся бесформенный туман вызывал странные галлюцинации и странные мысли. Иезус Пьетро поймал себя на мысли, что когда придет его время, он предпочел бы тоже броситься вниз. А это настоящая измена.

Майор встретился с ним глазами явно неохотно.

— Майор, — сказал Иезус Пьетро, — почему этот человек убежал от тебя?

Майор развел руками.

— Он на несколько минут скрылся между деревьями. А когда он бросился к краю, мои люди не сразу заметили его.

— Как он добрался до деревьев? Скажи, почему твои кары не перехватили его раньше?

Майор колебался на долю секунды дольше, чем следовало. Иезус Пьетро продолжил:

— Ты решил поиграть с ним. Он не мог уйти от тебя, не мог скрыться, так что ты решил позволить себе немного позабавиться.

Майор опустил глаза.

— Ты теперь займешь его место,— сказал Иезус Пьетро.

Игровая площадка была засажена травой и деревьями. Посреди стояла карусель. Одноэтажное здание школы, выкрашенное в нежно-розовый коралловый цвет, окружало площадку с трех сторон. С четвертой стороны, за забором из деревянных столбов, увитых виноградной лозой, находился край Гамма Плато, откуда открывался вид на озеро Дэвидсона, расположенное на Дельта Плато.

Мэтью Лейф Келлер сидел под деревом и размышлял. Вокруг него играли дети, но они не обращали на него внимания. И дежурные преподаватели тоже не замечали его. Когда Мэт хотел остаться один, никто не подходил к нему.

Дядя Мэт исчез. Его судьба была до того ужасна, что взрослые даже избегали говорить о ней.

Полиция пришла в дом вчера вечером. Полицейские ушли, забрав с собой дядю, большого и доброго. Мэт знал, что дядю увозят в госпиталь, поэтому он пытался остановить этих огромных людей в форме, но они были суровы и неприклонны. Восьмилетний мальчик не смог уговорить их.

Через день должно было поступить сообщение об обвинениях против него, а также о том, каков будет приговор. Но теперь это уже не имеет значения. Дядя Мэт больше не вернется.

В глазах у мальчика зашипало и он понял, что сейчас заплачет.

Гарольд Лиллард прекратил свою бессмысленную беготню, когда понял, что он давно бежит один. Ему было десять лет и он был довольно большой для своего возраста. Он всегда нуждался в обществе. Причем желательно, чтобы вокруг него были малыши, которыми бы он мог командовать. Оглядевшись, он заметил маленького мальчика, сидевшего под деревом на краю площадки. Мальчик маленький. И сидит далеко от дежурных преподавателей.

Гарольд подошел.

Мальчик под деревом поднял на него глаза.

Гарольд сразу потерял интерес. Он сделал безразличное лицо и побежал к карусели.

Рамскун Робот N 143 включил линейный ускоритель.

Перемещаясь в межзвездном пространстве, он был похож на гигантское металлическое насекомое. Во всем, за исключением содержимого грузового отсека, он походил на сорок своих предшественников. В носу был установлен рамскун генератор, тяжелый бронированный цилиндр с большой полостью в центре. По сторонам

цилиндра, на странной металлической конструкции, которая напоминала сложенные ноги кузнечика, были смонтированы огромные двигатели. Тело ракеты было небольшим. Там находилась только вычислительная система и система питания для компьютера.

Когда включились двигатели, Джуно, планета с которой взлетел рамробот, стал невидим из-за языков пламени. Немедленно после взлета начал разматываться кабель, сделанный из молекулярной цепи Синклера. Длина его достигала тридцати миль. На конце кабеля находилась свинцовая капсула, такая же тяжелая, как сам рамробот.

Такие же грузовые отсеки уже целые столетия отправлялись к звездам. Но этот груз был особенным.

Похожий на рамробота N 141 и N 142, уже направляющиеся к Джинксу и Вундерланду, похожий на рамробота N 144, еще не выпущенный в полет, рамробот N 143 нес в себе семена революции.

Эта революция на земле уже началась. Там она происходила спокойно, планомерно. Но на Маунт Лукиткэт все должно было произойти совсем по-другому.

С двумя лучами активничного света рамробот приближался к орбите Плутона. Плутон и Нептун находились далеко от Солнца и поблизости не было кораблей, которым бы могло повредить магнитное поле.

Включился рамскун генератор.

Коническое поле формировалось медленно, но когда оно перестало осциллировать, стало стабильным, оно уже достигало двух сотен миль в диаметре. Ракета начала собирать в этот гигантский конус межзвездную пыль и водород. Она все еще ускорялась. Внутренняя система питания уже отключилась и теперь она будет бездействовать в течение двенадцати лет. Горючим для ракеты теперь будет служить межзвездное вещество, которое она будет собирать в полете.

В окружающем ракету пространстве не сможет существовать ничто живое в смертельном вихре электромагнитных волн, которые излучаются при работе рамскуна генератора. Сотни лет люди пытались создать эффективные экраны, которые позволили бы людям летать на таких ракетах. Однако, это так и не удалось сделать. Поэтому семена и оплодотворенные яйца животных в замороженном виде приходилось перевозить в хорошо экранированных капсулах на большом расстоянии от генератора. Люди же были вынуждены путешествовать в космосе на медлительных кораблях, с огромными запасами горючего. Скорость этих кораблей не превышала половину скорости света.

Скорость рамробота N 143 непрерывно возрастала с течением времени. Солнце постепенно превращалось в яркую звезду, яркость которой все время уменьшалась. С увеличением скорости конус рамскуна все более противодействовал увеличению скорости, но при этом увеличивалось количество водорода, поступающего в двигатели, и это

компенсировало сопротивление конуса. Телескопы станций слежения вблизи Нептуна изредка улавливали ровное свечение ярко-голубого пламени двигателей.

Скорость уже приближалась к скорости света и вселенная смещалась вокруг ракеты. Звезды изменяли свое положение и вот солнце уже осталось позади на расстоянии одного светового года. Оно уже стало тускло-красным, а Тау Цети впереди сверкала ярко-белым светом. Рамробот достиг середины своего пути — он пролетел расстояние в 5,95 световых года от солнца.

Реле включило компьютер рамробота. Наступило время передачи. Рамскун включился и погасли голубые огни возле дюз двигателей. Рамробот переключил всю свою накопленную энергию на луч лазера. Луч протянулся вперед, достиг системы Тау Цети. Снова включились двигатели рамробота и ракета полетела прямо по своему лучу, который четко указывал курс.

Возле двери медицинского кабинета образовалась очередь из пятнадцатилетних мальчишек, каждый из которых держал конический сосуд с чистой желтоватой жидкостью. Один за другим, они отдавали свои сосуды угрюмой мужеподобной медсестре и отходили в сторону, уступая место другим.

Мэт Келлер был третьим от конца. Когда мальчик перед ним отступил в сторону, уступая место, и сестра протянула руку за его бутылкой, не отрывая глаз от машинки, Мэт критически осмотрел бутылку.

— Выглядит не очень хорошо, — сказал он.

Медсестра со злостью подняла взгляд. Этот ублюдок колонистов задерживает ее!

— Пожалуй, я пропущу ее через себя еще раз, — сказал Мэт и выпил содержимое бутылки.

— Это был яблочный сок, — сказал он вечером. — Если бы вы видели ее лицо! Я думал, что ее хватит удар.

— Но зачем ты сделал это? — с искренним недоумением спросил отец. — Зачем ты издеваешься над мисс Прин? Ведь это нужно для того, чтобы знать, каково твое здоровье. Все данные идут прямо в больницу.

— Я думаю, что это было очень смешно, — сказала Джен. Она была младшей сестрой Мэта и всегда принимала его сторону во всех спорах.

Улыбка Мэта соскользнула с его лица и оно вдруг превратилось из детского во взрослое.

— Это за дядю Мэта.

Мистер Келлер посмотрел на Джен, затем на мальчика.

— Если ты будешь продолжать в том же духе, Мэт, ты кончишь как и он.

Беспокойство отца тронуло мальчика.

— Не беспокойся, Генгис,— сказал он.— Мисс Прин, наверное, забыла об этом. Мне обычно везет.

— Чепуха. Если она не доложила о тебе, то тебе действительно повезло.

— Скорее всего так оно и есть.

В маленькой палате хирургического отделения больницы Иезус Пьетро Кастро сел в первый раз за четыре дня. Он перенес операцию — маленькую, но очень важную: ему заменили левое легкое. Кроме того, он получил категорический приказ от Милларда Парлета, который был из числа тех, кто высадился здесь с корабля. Ему было приказано немедленно бросить курить.

Иезус Пьетро чувствовал, как внутри у него натягиваются швы, когда он садился в постели, чтобы заняться работой с документами, накопившимися за четыре дня. Пачка бумаг, которую его помощник положил на столик возле постели, была очень толстой. Иезус вздохнул, взял перо и принялся за работу.

Через пятнадцать минут его нос сморщился при каком-то смутном воспоминании. Он снова прочитал бумагу, затем скомкал ее. Подумав, он расправил ее и снова просмотрел.

— Мэтью Лейф Келлер? — задумчиво произнес он.

— Обвинен в измене,— мгновенно ответил майор Йенсен.— Шесть лет назад. Он бросился вниз с Альфа Плато. Он должен был поступить в больницу для преларирования и сохранения органов тела.

Но он не поступил туда, тут же вспомнил Иезус Пьетро. Предшественник майора Йенсена пошел туда вместо него. И все же Келлер погиб...

После минутного колебания майор Йенсен сказал:

— У него есть племянник.

— Ему сейчас около пятнадцати лет?

— Может быть. Я проверю.

«Племянник Келлера,— подумал Иезус Пьетро,— я мог бы поступить по закону и наказать его.

Нет. Пусть он думает, что ему сошла с рук его выходка. Пусть пока порезвится. Настанет день, когда он даст тело, которое украл у нас его дядя.»

Иезус Пьетро улыбнулся, но боль его резко кольнула под ребрами и он откинулся на подушки.

Поверхность рамскун генератора уже перестала быть гладкой и блестящей. Она была вся усеяна раковинами, кратерами, которые возникали при ударах частиц космической пыли, прошедшей через поле генератора. Кратеры были везде: на генераторе, на двигателях, на теле самой ракеты, и даже на грозовом отсеке, который тащился на буксире сзади. Весь корабль, казалось, был обработан пескоструйным аппаратом.

Но все эти повреждения не были катастрофическими. Корабль мог еще лететь по меньшей мере сто лет.

И вот сейчас, отдалившись от солнца на восемь с половиной световых лет, рамскуп генератор отключился во второй раз. Пламя из двигателей превратилось в две голубоватые струйки, которые обеспечивали ускорение всего в одну двенадцатую часть. Автоматически включился механизм намотки и постепенно грузовой отсек скрылся в люке.

Машина, казалось, немного колебалась... И вот два цилиндрических двигателя качнулись и сложенные рычаги крепления начали выпрямляться. Некоторое время двигатели находились под прямым углом по отношению к корпусу, а затем рычаги снова стали складываться, но теперь двигатели были направлены вперед.

Специальный механизм развернул грузовую капсулу и кабель снова размотался на всю длину.

Снова включился рамскуп генератор, моторы взревели на полную мощность. Водород и гелий снова начали отдавать свою энергию.

На расстоянии 8,3 световых года от солнца, почти на половине расстояния от солнца до Тау Цети, находилась двойная звезда под названием Л726-8. Это были красные карлики. Их главной особенностью было то, что они имели очень маленькую массу. И все же их силы притяжения хватало, чтобы удерживать вокруг себя тонкую атмосферу.

Войдя в нее, ракета начала тормозиться. Вселенная снова стала изменяться. Звезды принимали свою обычную форму и цвет. На расстоянии 11,9 световых лет от солнца и за сто миллионов миль от звезды Тау Цети, двигатели прекратили работу. Разнообразные датчики стали осматривать небо. Вот они остановились. Зафиксировали свое положение.

Корабль двинулся снова. Теперь ракета должна была долететь до своей цели, используя горючее внутреннего бака.

Тау Цети это звезда класса X8. Она на четыреста градусов холоднее солнца и яркость ее составляет всего 45% яркости солнца. Планета Маунт Лукиткэт вращалась вокруг этой звезды по круговой орбите с радиусом 67 миллионов миль. Планета не имела ни одного спутника.

Рамробот приближался к Маунт Лукиткэт. Он двигался крайне осторожно, в точности выполняя все инструкции, заложенные в программу компьютера.

Температура поверхности: 600 градусов по Фаренгейту. Отклонения небольшие. Атмосфера: плотная, ядовитая у поверхности. Диаметр: 7650 миль.

Что-то появилось на горизонте. В видимом свете это было похоже на острова в море тумана. Несколько плато, разделенные остроко-нечными утесами. Но рамробот мог пользоваться не только невидимым светом. На Плато температура была, как на земле, воздух

пригоден для дыхания человека и плотность атмосферы такая же, как на земле.

Антенны приняли два радиосигнала. Это были локаторы рамробота, отразившиеся от какого-то препятствия. Судя по всему, препятствий было два и находились они на расстоянии четверти мили друг от друга. Это были два космических корабля Лукиткот, соединенные между собой замысловатой конструкцией, где размещалась больница. Так что космические корабли были теперь вовсе не корабли, а какое-то сооружение в виде космического замка. Но рамробот не знал этого, да ему и не нужно было знать.

Сигналы поступили. Рамробот N 143 начал спуск.

Пол мягко вибрировал под его ногами. Отовсюду доносился приглушенный шум. Иезус Пьетро Кастро шел по длинным извилистым запутанным коридорам больницы.

Хотя торопиться ему приходилось часто, он никогда не бежал. В конце концов, он же не гимназист. Он двигался, как слон, который не бегают никогда, но ходит с такой скоростью, что может легко догнать и раздавить бегущего человека. Он шел широкими шагами, опустив голову. Глаза его угрюмо смотрели из-под низкого лба с выпуклыми надбровными дугами и разросшимися бровями. Его усы и седые волосы грозно топоршились. Они были в странном контрасте с землистой кожей. Полицейские при виде его поспешно уступали ему дорогу, как пешеходы, отскакивающие от автобуса. Интересно, почему они так отскакивают? Из-за его чина, или же бояться, что огромное тело сметет их при столкновении? Они, вероятно, и сами не знали этого.

Возле большой каменной арки, стоявшей у входа в больницу, Иезус Пьетро посмотрел вверх и увидел над головой сияющую бело-голубую звездочку. Он едва успел ее заметить, как она погасла и отдаленный грохот затих.

Его уже ждал джип. Его приказы выполнялись мгновенно. Иезус сел в машину и водитель, не ожидая указаний, сразу же тронулся. Больница с ее стенами и конструкциями осталась позади.

Груз рамробота спускался вниз на парашютах.

Кары уже были в воздухе, сопровождая парашюты. Вероятно, большая часть груза опустится возле больницы. Рамробот нацелил их на тот или другой корабль, между которыми, как живое существо, как коралл, выросло архитектурное сооружение — больница.

Однако, сегодня ветер был очень сильный.

Иезус Пьетро нахмурился. Парашют может снести за гряды утесов, и тогда он не попадет на Альфа Плато, где выстроены дома первых поселенцев, прибывших с первым кораблем, и куда не допускались остальные колонисты. Возможно, груз попадет в район колонистов.

Так и случилось. Кары сопровождали груз, перелетая сорокафутовые утесы, отделявшие Плато Альфа от Плато Бета, на котором

фруктовые рощи и сады перемежались с полями, где выращивались овощи и хлеб. На Бета не было домов, так как первые поселенцы не любили близкого соседства с колонистами. Колонисты работали на Бета.

Иезус Пьетро взял микрофон.

— Слушайте приказ. Груз Рамробота N 143 приземлился на Бета. Сектор 22 или где-то рядом. Вышлите туда четыре отряда. Не трогать полицейские кары или поселенцев. Но любого колониста в радиусе полмили от места приземления арестовать и задержать для допроса.

Груз приземлился на дальнем краю цитрусовой рощи.

Здесь росли лимонные и апельсиновые деревья. На одном из рамроботов прибыли семена этих деревьев — настоящие чудеса земной биологической науки. Путем изменения генов удалось добиться, что эти деревья не боялись никаких вредителей, они были неприхотливы и могли расти везде. Плоды их не гнили и оставались спелыми в течение десяти месяцев. Всхожесть семян была поразительной: из шести семян пять проросло.

Так как деревья нуждались в солнечном свете, у них были широкие листья и густая крона. Это был настоящий густой лес, в котором росли даже грибы, такие же как на Земле.

Полли уже нашла штук десять. Если кто-нибудь спросит ее, то она скажет, что пришла сюда за грибами. Но к тому времени, как появится гипотетический человек, который будет ее спрашивать, она уже спрячет свою камеру.

В данный момент на Бета Плато было много колонистов. Они отдыхали, устраивали пикники, собирали грибы. Бдительный полицейский непременно обратил бы внимание на то, что люди чересчур равномерно распределились на Плато. И слишком многие из них входили в организацию Сыны Земли.

Груз Рамробота приземлился в том районе, где была Полли. Она была в роще, когда услышала глухой стук. Она пошла быстро, но осторожно в сторону звука. Со своими черными волосами и кожей, темной от загара, она была почти невидима в сумраке между деревьями. Она укрылась за двумя толстыми стволами, а затем осторожно выглянула.

Большой цилиндрический предмет лежал на траве. Стropy пяти парашютов запутались.

— «Так вот как это выглядит, — подумала она. Неужели такой маленький предмет прилетел с безмерно далекой земли. Впрочем, это всего лишь небольшая часть того, что прилетело. Основное тело рамробота полетит обратно на Землю.»

Но сейчас нужно было думать о грузе. Грузы, которые прибывали с рамроботами никогда не были тривиальными. В течение шести месяцев с момента прихода сигнала мазера Сыны Земли готовились захватить капсулу рамробота N 143. В худшем случае они передадут

капсулу за плату этой шайке — первым поселенцам. А в лучшем случае они получат оружие для борьбы.

Полли только хотела выйти из леса, как вдруг появились кары. Почти тридцать штук приземлились вокруг капсулы.

Полли оставалась в лесу.

Солдаты не узнали Иезуса Пьетро, но они поняли, что это он. Все люди, за исключением нескольких, которые окружали груз, принадлежали элите. Водители из предусмотрительности оставались в машинах. Иезус Пьетро был очень осторожен, чтобы не толкнуть кого-нибудь, не наступить кому-нибудь на ногу, или даже просто не оказаться у кого-нибудь на пути.

И поэтому он оказался в последних рядах. Ему было очень плохо видно, когда Миллард Парлетт, прямой потомок первого капитана «Планка», открыл капсулу и заглянул в нее.

Иезус Пьетро видел, как старец достал что-то и начал рассматривать при солнечном свете.

Это был прямоугольник с закругленными ребрами, завернутый в эластичный материал, который тут же начал распадаться. Нижняя половина была сделана из металла, а верхняя из отдаленного потомка стекла, материала более твердого, чем самая твердая сталь, и более прозрачного, чем простое стекло. В верхней половине плавало что-то бесформенное.

Иезус Пьетро вдруг понял, что рот его широко открыт. Но он взял себя в руки и только его зрачки расширились. Да, он знал, что это. Об этом грузе известие они получили шесть месяцев назад, когда луч мазера достиг планеты.

Великий дар и великая опасность.

— Это должно сохраняться в величайшей тайне, — сказал Миллард Парлетт, голосом скрипучим как дверь. — Ни слова об этом, они постараются захватить его любой ценой. Мы должны сказать Кастро... Кастро. Где черт поберет, Кастро?

— Я здесь, сэр.

Полли спрятала камеру в футляр и начала уходить дальше в лес. Она сделала несколько снимков, и даже два с помощью телескопического объектива. Она сама не могла рассмотреть то, что находилось в стеклянном ящичке, но на пленке все будет хорошо видно.

Она полезла на дерево вместе с камерой. Листья и сучья старались сбросить ее вниз, но она лезла и лезла, забираясь в самую гущу. И когда она остановилась, все тело ее было сжато ветвями дерева. Здесь было темно, как в пещерах Плутона.

Через несколько минут полиция начнет обшаривать все вокруг. Они подождут, пока элита не покинет этот район. Да, просто невидимой быть недостаточно. Полицейские будут пользоваться не только зрением, но и приборами видения в инфракрасных лучах.

Полли не могла ругать себя за то, что не захватила капсулу. Сыны Земли не смогли расшифровать сообщение мазера, но они знали, что капсула очень ценная. И Полли тоже теперь знала. Когда восемнадцать тысяч колонистов узнают, что находилось в капсуле...

Пришла ночь. Полиция собрала всех колонистов, которых смогла обнаружить. Никто из захваченных не видел, как спустилась капсула, и все они были отпущены после допроса. Сейчас полиция обыскивала район с помощью инфракрасных детекторов. В лесу, где скрывалась Полли, было обнаружено несколько подозрительных пятен, и по ним были произведены выстрелы из акустических стуннеров. Полли так и не узнала, что по ней стреляли. Когда она проснулась на следующее утро, она с облегчением поняла, что все еще находится на дереве. Дождавшись полудня, она спустилась и пошла по направлению к Мосту Бета-Гамма, спрятав камеру под грибами.

СЫНЫ ЗЕМЛИ

С колокольной башни Кемпбелтауна раздались четыре громopodobных звенящих звука. Звуковые волны пронеслись через город, пересекли поля, дороги и постепенно замерли вдали. Однако, хотя и очень слабые, они достигли шахты, и люди, прислушиваясь к ним, опустили кирки и лопаты.

Мэт улыбнулся в первый раз за этот день. Он уже сейчас представил во рту вкус холодного пива.

Дорога от шахты вела все время под гору и Мэт на велосипеде добрался до Челлера как раз вовремя: таверна только начала заполняться народом. Он заказал себе как обычно бутылку и первый стакан выпил залпом. Второй стакан он уже наливал медленнее и аккуратней. Он сел на свободное место и начал с наслаждением прихлебывать пиво. В таверну заходили все новые и новые люди.

Завтра суббота. Теперь два дня и три ночи он сможет забыть о шахте, о работе.

Чей-то локоть толкнул его в шею. Он не обратил внимания: это была привычка, которую его предки завезли с перенаселенной земли, и которая так и осталась здесь. Но локоть во второй раз ткнул его и как раз в тот момент, когда Мэт поднес к губам стакан. Пиво плеснуло ему прямо за ворот. Мэт повернулся, чтобы обругать нахала.

— Прошу прощения, — сказал невысокий человек с прямыми черными волосами. У него было острое невыразительное лицо. Человек походил на уставшего клерка. Мэт всмотрелся в это лицо.

— Худ,— сказал он.

— Да, меня зовут Худ. Но я не узнаю тебя.— В голосе человека прозвучала вопросительная интонация.

Мэт ухмыльнулся. Он любил эксцентричные жесты. Он сунул пальцы за ворот и одним рывком расстегнул рубашку до самого пояса.

— А теперь узнаешь? — спросил он.

Клерк отшатнулся, но затем его глаза заметили небольшой шрам на груди Мэта.

— Келлер.

— Точно,— сказал Мэт и застегнул рубашку.

— Келлер, будь я проклят,— сказал Худ, и по тому, как он сказал это, стало ясно, что ругаться для него дело непривычное.— Ведь прошло уже больше семи лет. Чем ты занимался все это время?

— Садись поскорее,— Худ увидел освобождающийся стул и спокойно сел на него, едва только прежний владелец поднялся.— Я работаю нянкой червей в шахте. А ты?

Улыбка Худа растаяла.

— Э... а ты не сердишься на меня за этот шрам?

— Да нет,— искренне воскликнул Мэт.— Все это произошло из-за меня, а кроме того, ведь это было так давно.

Да, это было давно. Мэт учился в восьмом классе, когда Худ пришел в их класс, чтобы взять перочинный ножик и заточить карандаш. Мэт тогда впервые увидел Худа, мальчик того же роста, что и он, хотя и старше на год, весьма щуплый и нервный. К несчастью, учителя в классе не было. Худ прошел через весь класс, не глядя ни на кого, взял ножик, заточил карандаш и повернулся, чтобы идти. Но толпа вопящих возмущенных мальчишек преградила ему путь. Для Худа они показались ордой каннибалов. И впереди стоял Мэт, держа в руках стул. Он стоял в позе дрессировщика зверей.

Худ в ужасе бросился к выходу и его острозаточенный карандаш оставил шрам на груди Мэта.

Впервые Мэт оказался в роли жертвы. Для него этот шрам был эмблемой стыда и позора.

— Хорошо,— с облегчением сказал Худ.— Значит ты теперь шахтер?

— Да, и сожалею об этом каждый день. Я проклинаю тот час, когда земля послала нам этих маленьких змей.

— Но это лучше, чем копать землю самому.

— Ты так думаешь? Хочешь прослушать лекцию?

— Секунду.— Худ героическим жестом осушил стакан.— Я готов.

— Черви в шахтах пять дюймов длиной и четверть дюйма в диаметре. Они возникли в результате мутации земных червей. Их входное отверстие усыпано маленькими алмазными зубами. Они грызут руды металлов ради удовольствия, но питаются они синтетической

пищей, причем для каждой разновидности червей пища своя. И каждая разновидность поглощает руды определенных металлов. Это еще больше осложняет дело. В нашей шахте шесть типов червей и каждый тип я должен кормить.

— По-моему, это не так сложно. А сами они не могут найти свою пищу?

— Теоретически могут. Но на практике не всегда. Бактерии в желудке червей заставляют их выбрасывать руду. И когда черви питаются, мы собираем вокруг них частицы металла. Но бактерии легко погибают. И тогда погибают и черви, так как руда забивает внутренний проход. Тогда другие черви съедают их, чтобы забрать руду, но в пяти случаях из шести руда не та. Да, они едят не ту руду, не тех червей, не ту пищу, и умирают. Но даже, если бы они делали бы все то, что надо, они все равно погибают в течение десяти дней. Это происходит потому, что зубы их снашиваются слишком быстро. Чтобы компенсировать это, они должны были бы размножаться со страшной скоростью, но они так заняты работой, что у них нет для этого времени. И нам снова приходится обращаться к первым поселенцам.

— Значит, вы зависите от них?

— Да, поселенцы делают то, что хотят.

— Может, они подкладывают что-нибудь в пищу червей?

Мэт удивленно посмотрел на него.

— Я готов поклясться, что так оно и есть. Или же они не подкладывают то, что нужно. Благодаря этому они зарабатывают больше денег и не дают нам заработать их. Они...— и тут Мэт прикусил язык. Как ни как, он ведь совершенно не знает Худа, с которым не встречался столько лет.

— Пора обедать,— сказал Худ.

Они допили пиво и отправились в ресторан. Худ хотел знать, что же случилось с его школьными товарищами, вернее, соучениками. У Худа почти не было друзей, он плохо сходилась с людьми. Затем он рассказал о себе. Худ стал учителем в школе Дельта. К удивлению Мэта этот угрюмый мальчик стал великолепным рассказчиком. Его подчеркнуто сухой деловитый тон делал его шутки еще более смешными. Они оба высоко ценились на своей работе и оба хорошо зарабатывали. На Плато не было настоящих бедняков.

— Поселенцы хотели получать от колонистов вовсе не их деньги,— сказал Худ, когда они сидели за обеденным столом.

За кофе Худ упомянул, что сегодня будет вечеринка.

— И мы приглашены?

— Да.

У Мэта на этот вечер не было никаких планов, но он решил уточнить.

— А как насчет незваных гостей?

— Из незваных будешь ты один. Но тебе понравится Харри Кейн. Он хозяин.

— Я готов.

Солнце уже садилось за край Гамма Плато. Они оставили свои велосипеды за домом. Когда они вышли к фасаду, солнце снова появилось — огненно-красный полудиск, купающийся в море вечного тумана. Дом Харри Кейна находился всего в сорока ярдах от гряды утесов. Юноши постояли немного, глядя, как солнце уходит в туман, а затем пошли к дому.

Это было огромное бунгало, выстроенное в виде креста из местного камня, напоминающего по строению кораллы. Камни были совершенно необработаны. Мэт никогда не видел дома, стены которого были не покрашены и даже не обработаны, и он восхитился.

Однако, приглядевшись, Мэт увидел, что это настоящие кораллы — еще один дар земли. Эти кораллы были мутантами обычных морских кораллов. Разрастаясь, они создавали причудливые строения. Это был самый любопытный строительный материал. Единственное, что приходилось делать при создании такого дома, это обтянуть сооружение пластиковой пленкой, которая бы задавала направление росту коралла. Все колонисты жили в домах из коралла. Мало кто из них получал разрешение строить дома из камня, кирпича или дерева. Однако многие колонисты старались придать своим домам вид домов на Альфа Плато. Они делали это с помощью краски, деревянных щитов и плит из камня.

Но дом Харри Кейна был совсем не похож ни на те дома, ни на другие.

Когда они открыли дверь, резкий шум ударил в уши. Мэт даже остановился на пороге, чтобы привыкнуть к этому шуму. Это была еще одна дурная привычка, занесенная с Земли, где население людей в последние годы составляло двенадцать миллиардов и поэтому, если кто-то хотел, чтобы его услышали, должен был кричать. Эта привычка не умерла и здесь, за 11,9 световых лет от Земли. В большой гостиной было полно народу. Все ходили, все кричали наперебой, и, казалось, никто из них не замечает нескольких стульев.

Комната была очень большой, а бар в ней просто огромный. Мэт воскликнул:

— У этого Харри Кейна должно быть куча денег.

— О да. Идем со мной, я познакомлю вас.

Когда они проходили через комнату, Мэт слышал обрывки разговоров. Вечеринка, видимо, недавно началась, так как многие люди были незнакомы друг с другом. Однако, пили все. Здесь были люди всех возрастов и разных профессий. Худ сказал правду. Если здесь и с неудовольствием принимали новеньких, то он не заметил этого.

Стены дома были такие же, как и наружные стены дома — цвета розового коралла. Пол был покрыт ковром из искусственно выращенной травы. Трава была совсем как настоящая, но Мэт знал, что под ней не земля, а все тот же розовый коралл.

Они добрались до бара, слегка помятые толпами людей. Худ нак-

лонился над стойкой, хотя и весьма недалеко, так как был мал ростом.

Он крикнул:

— Харри! Две водки с содовой! И я рад представить тебе, черт побери, Келлер, как тебя зовут?

— Мэт.

— Мэта Келлера. Я знаю его еще со школы.

— Очень приятно, Мэт.— Сказал Харри Кейн и протянул руку для пожатия.— Рад видеть вас у себя.— Харри был одного роста с Мэтом, но гораздо мощнее. На его широком лице выделялся бесформенный нос и широкая улыбка. Он выглядел совсем как бармен. Харри налил в стаканы со льдом водки с содовой, протянул им напиток.— Можете развлекаться,— сказал он, и пошел, чтобы обслужить двух новых пришедших.

Худ сказал:

— Харри считает, что лучший способ встречать гостей, это служить барменом первые пару часов. А потом он поручает это тому, кто пожелает.

— Хорошая мысль,— сказал Мэт.— А тебя зовут, кажется, Джей?

— Да. Это сокращенное от Джейхок. Джейхок Худ. Один из моих предков был из Канзаса. Джейхок — это птица в гербе Канзаса.

— Странно, что нам потребовалось восемь лет, чтобы узнать, как зовут друг друга.

В этот момент некоторые из присутствующих заметили Худа и собрались вокруг него. Худ едва успевал улыбаться и отвечать на приветствия. Мэт был озадачен. Он был уверен, что Харри Кейн что-то передал Худу, здороваясь с ним. Мэт был достаточно воспитан, чтобы не спрашивать Худа ни о чем, и он изо всех сил старался забыть об этом.

Вскоре появились еще четыре мужчины и женщина. Из них Мэт запомнил только женщину.

Ее звали Лейни Матсон. Она была лет на пять старше, чем Мэт. Ей было около двадцати шести лет. Мэт был выше ее примерно на полдюйма. Однако она была на высоких каблуках-шпильках, а высокая прическа делала ее еще выше. Она была не просто высокая, она была большая: с широкими, с четко обрисованными бедрами, с высокой грудью, хорошо видимой через разрез декольте. Мэт решил, что она выглядит гораздо лучше, чем есть на самом деле. Вероятно, умеет пользоваться косметикой. В каждом ее движении ощущался избыток сил, какая-то богатая щедрость.

Четверо мужчин, пришедших с ней, были ее возраста: всем лет под тридцать. И они были ей под стать: большие, сильные. У Мэта от них в памяти остались только сильные рукопожатия, громкие голоса и большие улыбающиеся откуда-то сверху лица. Они понравились Мэту. Он даже не мог выделить кого-либо из них.

Худ снова удивил его. Несмотря на всеобщий крик, он говорил

спокойно, почти не повышая голоса и не стараясь видеть лицо собеседника. Но тем не менее он умудрялся держать нить разговора в своих руках. Один из высоких людей рассказал историю о том, как он устроил шутку в школе: запустил киноплёнку в обратном направлении. Затем Мэт с удивлением обнаружил, что рассказывает о том, как он принес в медпункт бутылку яблочного сока и как он чуть не довел до шока медсестру. Кто-то тихим вежливым голосом рассказал, как он однажды стащил кар, когда одна семья первых поселенцев отдыхала на природе. Затем он поставил автопилот так, чтобы кар крутился над самым краем Плато. И там кар летал пять дней подряд, прежде чем рухнуть в вечный туман на виду у всей полиции.

Мэт смотрел на Джея Худа и Лейни, которые разговаривали между собой. Лейни положила свою руку на плечи Худа, голова которого едва доставала до ее подбородка. Они говорили быстро, перебивая друг друга, вспоминая какие-то смешные истории, анекдоты, шутки, и тем не менее они успевали принимать участие в общем разговоре.

Это, конечно, не любовь, решил Мэт, но это было очень похоже на любовь. Худ и Лейни чувствовали себя очень хорошо в обществе друг друга. Это заставило Мэта почувствовать себя одиноким.

Вскоре Мэт заметил, что у Лейни слуховой аппарат. Он был такой маленький и имел такую окраску, что был почти невидим в ее ухе. Мэт даже не был уверен, что у Лейни был аппарат.

Но если у Лейни был слуховой аппарат, то очень странно, что он был такой устаревшей конструкции. Уже много лет слуховые аппараты в виде тонкой пленки пластика укреплялись на височной кости под кожей. Правда, до Маунт Лукиткэт такая технология еще не дошла, а первые поселенцы вообще не нуждались в слуховых аппаратах. Они просто заменяли свои органы слуха другими, которые хранились в банках человеческих органов.

Стаканы уже опустели и один мужчина из эскорта Лейни пошел к бару. Люди разбились на небольшие группы, которые постоянно сливались, перемешиваясь, снова разбивались, но уже в новом составе. В общем, это была самая обыкновенная вечеринка. На секунду Мэт и Джей Худ остались одни среди спин и локтей гостей. Худ сказал:

— Хочешь познакомлю с прекрасной девушкой?

— Всегда хочу.

Худ повернулся, чтобы идти, и Мэт заметил странный блеск в его ухе — то же самое он видел и у Лейни. С каких пор Худ потерял слух? Конечно, может быть все это влияние водки. Но Мэт ясно видел эти маленькие блестящие предметы. Они были того же размера, что и предмет, который Харри Кейн передал Худу при встрече.

— Это простейший способ провести рейд, сэр, — сказал Иезус Пьетро, свободно сидевший в своем кресле, положив руки на стол.

Живое воплощение в высшей степени интеллигентного человека, занятого важной работой.

— Мы знаем, что они покидают дом Харри Кейна по двое и по трое. Мы будем хватать их у дома. А когда они поймут это и перестанут выходить, тогда мы войдем в дом.

Под маской спокойствия Иезус Пьетро был обеспокоен. Первый раз за последние четыре года он готовил большой рейд против Сынов Земли, и Миллард Парлетт выбрал именно этот вечер, чтобы посетить больницу. Почему именно сегодня? Он за последние месяцы приходил лишь однажды, слава богу. Его визиты всегда угнетающе действовали на людей Иезуса Пьетро.

По крайней мере, сегодня Парлетт пришел сам. Обычно он вызывал Пьетро к себе домой, и в этом не было ничего хорошего. Здесь Иезус Пьетро был у себя, в своей среде. Его кабинет служил как бы продолжением, расширением его индивидуальности. Стол перед ним имел форму бумеранга и охватывал его так, чтобы было как можно больше рабочего пространства. В кабинете стояли три кресла разной степени удобства: для важных гостей, для персонала больницы и для полицейских. Кабинет имел квадратную форму и только задняя стена была вогнутой, и если три стены были светло-кремового цвета, четвертая стена была сделана из темного полированного металла.

Это была одна из кают «Планка» — корабля, который принес людей на эту планету. Корабль был как бы олицетворением духовной мощи планеты, а к тому же половину электроэнергии производили генераторы корабля. Сидя за своим столом, Иезус Пьетро ощущал за своей спиной могущество земной цивилизации.

— Единственная наша проблема, — сказал он ровным голосом, — это то, что не все гости Харри Кейна замешаны в заговоре. По крайней мере, половина из них приглашена для камуфляжа. Отделить их потребует много времени.

— Я понимаю, — сказал старик. Голос его был скрипучим. Он походил на высокого тощего Дон Кихота, но в его глазах не было безумия. Они были вполне здоровые и очень бдительные, пронизательные. Почти две сотни лет больница поддерживала его тело, разум нормально функционировал. Возможно он уже и сам не знал, какая же часть его тела принадлежит ему, а какая колонистам, осужденным за разные преступления. — Почему сегодня? — спросил он.

— А почему нет, сэр? — сказал Иезус Пьетро. Он уже понимал, к чему клонит старик и лихорадочно соображал. Миллард Парлетт был далеко не дурак. Он был из тех поселенцев, что охотно брали на себя ответственность. Большинство из тридцати тысяч поселенцев на Маунт Лукиткэт предпочитали заниматься чем-нибудь приятным — спортом, модами, разрабатывать законы и правила. Парлетт предпочитал работать — иногда. Он решил управлять больницей. Ум его был остр. Хотя он редко появлялся на людях, он великолепно

знал все, что происходит на планете, и обмануть его было невозможно.

И сейчас он сказал:

— Вчера прибыл рамработ. Всю ночь твои люди обшаривали окрестности в поисках шпионов. А сегодня вечером ты решил провести большой рейд в первый раз за четыре года. Ты думаешь, что кто-то ускользнул из твоих людей?

— Нет, сэр! — Однако, это не удовлетворило старика. — Я просто предполагаю, что если какой-нибудь колонист имеет сведения о грузе рамработа, он обязательно будет сегодня в баре у Кейна, даже если все демоны тумана будут стоять на его пути.

— Я не одобряю рискованных предприятий, — сказал Парлетт. Иезус Пьетро отчаянно старался придумать подходящий ответ. — Впрочем, ладно, Кастро. Пусть так. Что ты сделал с капсулой рамработа?

— Я думаю, что люди из больницы уже распаковали ее, сэр. И... содержимое тщательно охраняется. Вы хотите взглянуть?

— Да.

Иезус Пьетро Кастро, глава полиции, единственный вооруженный человек в мире, поспешно поднялся, чтобы проводить важного гостя. Если они поторопятся, то он еще успеет возглавить рейд сам. Но ничто в мире не могло заставить торопиться первого поселенца.

Худ сказал правду: Полли Туриквист была действительно прекрасна. Она была маленькая, смуглая и спокойная. Мэту очень захотелось узнать ее поближе. У нее были длинные мягкие волосы цвета беззвездной ночи, прямые карие глаза и улыбка, которая, казалось, играла на ее лице даже тогда, когда она старалась быть серьезной. Мэт подумал, что она очень похожа на человека, у которого есть тайна. Она не говорила, она только слушала.

— Парапсихологические способности вовсе не миф, — настаивал Худ. — Когда «Планк» улетал с земли, там уже было много устройств для усиления психической энергии. Телепатия стала почти управляемой. Они...

— Что значит, «почти управляемой»?

— Это значит, что специально обученные люди могли читать мысли других людей. Телепатов уже стали привлекать к расследованию дел об убийствах.

— Хорошо, хорошо, — сказал Мэт. Он в первый раз видел, как Худ разговаривал. По реакции слушателей Мэт понял, что Худ оседлал своего любимого конька. Он спросил:

— Где же они теперь, эти твои ведьмы?

— Они не ведьмы! Смотри Кел... смотри Мэт! Каждый, кто излучает пси-энергию, немного телепаты. Это доказано. А ты знаешь, как они отбирали наших предков в качестве кандидатов на космическое путешествие длительностью в тридцать один год?

Кто-то из толпы ответил:

— Всех кандидатов отправляли на орбиту вокруг Земли.

— Да. Четыре кандидата в небольшом корабле летали вокруг Земли в течение месяца. Ни один телепат не смог бы выдержать этого.

Полли Турнквист следила за спором, как зритель теннисного мяча: она поворачивалась то к одному говорящему, то к другому. Широкая улыбка появилась на ее лице. Волосы мягко стлались по ее плечам. Смотреть на нее было одно удовольствие. И она знала, что Мэт смотрит на нее. Время от времени ее взгляд обращался на Мэта, как бы приглашая его разделить ее интерес к разговору.

— Почему не смог бы? Ведь он был не один?

— Не то общество для него. В любом месте на Земле скрытый телепат окружен тысячами умов. В космосе же его окружают лишь три человека. И он не может от них скрыться даже на час, не то что на месяц.

— Откуда ты все это знаешь, Джей? Из книг!

Глаза Полли сверкали, когда она слушала жаркий спор. Мочки ушей Худа покраснели. Волосы Полли цвета воронова крыла взметнулись и открыли на мгновение правое ухо. И Мэт заметил у нее в ухе маленький, почти не видимый, слуховой аппарат.

Значит и у нее есть тайна. И Мэту показалось, что он уже знает ее.

Триста лет назад «Планк» прибыл на Маунт Лукиткэт. Шесть членов команды бодрствовали. Они должны были по прилете вывести из состояния сна пятьдесят пассажиров. На исторических магнитных лентах описано то, как летающее крыло нырнуло в атмосферу планеты и много часов летало в густом ядовитом тумане, раскаленном до огромной температуры. И только потом на горизонте появились вершины гор, которые находились на высоте сорока миль над поверхностью планеты и простирались на сотни миль. Как будто над морем вечного тумана появился новый материк. Команда замерла в изумлении, а капитан Парлетт сказал:

— Лукиткэт!

История приземления корабля не была никем написана, но была всем хорошо известна. Но когда пассажиры очнулись от сна, они обнаружили, что очутились в диктаторском государстве. Те, кто решил протестовать, а таких было мало, погибли. Когда же приземлился «Артур Кларк», а это случилось через сорок лет, картина повторилась. И ситуация на планете не изменилась, хотя население возросло и прошло уже триста лет.

Однако, с самого начала существовали революционные элементы, группы. Их названия менялись, и Мэт понятия не имел, как они называют себя сейчас. Он сам никогда не был революционером. И у него никогда не возникало желания к этому. Революционеры так

и не смогли ничего добиться, разве что служили пополнением для банка человеческих органов. Да и как могло быть иначе, если первые поселенцы контролировали все оружие на планете и учитывали каждый ватт энергии на Маунт Лукиткэт?

Если здесь было гнездо повстанцев, то они очень хорошо замаскировались. Многие из гостей не имели слуховых аппаратов, и именно они здесь не были знакомы ни с кем. Как и Мэт. Во всеобщем шуме голосов были люди, которые могли слышать те голоса, которых не слышали другие.

Мэт позволил разыгаться своему воображению. Если нагрянет полиция, то те немногие, принадлежащие к избранному кругу, наверняка имеют путь для бегства и они им воспользуются во время паники. Мэт и остальные непосвященные будут служить для отвлечения.

Оживленный разговор о телепатии, о пси-энергии продолжался.

Мэт отбросил мысль об уходе. Безопасность? Конечно. Но здесь он мог хоть на время забыть о работе, о червях и о многом другом, что делало его жизнь такой, какой она была. К тому же любопытство овладело им. Он хотел знать, что думают эти революционеры, как они действуют, как защищают себя, чего они хотят... Он хотел знать...

Он хотел знать Полли Турнквист. Теперь больше, чем раньше. Она была маленькая, нежная, и каждый, кто видел ее, испытывал желание защитить ее. Почему эта нежная девушка решила посвятить свою жизнь такому опасному делу? Ведь раньше или позже все ее внутренние органы и части ее тела попадут в лапы полиции и она будет препарирована, чтобы продлевать жизнь и здоровье правящей элите первых поселенцев.

Мэт испытывал страстное желание отговорить ее, заставить ее уйти с ним куда-нибудь в безопасное место. Но смогут ли они найти в столь ограниченном пространстве безопасное место?

Конечно нет, но...

Но она даже не знала, о чем он думает. Если она узнает об этом, он умрет. Ни словом, ни взглядом он не должен выдать себя.

Все это очень усложняло дело. Если бы Мэт мог играть роль простого наблюдателя, смотрящего и слушающего, но ничего не говорящего. Но он не был простым наблюдателем. Теперь он тоже был замешан. Он знал Джей и любил его, ему понравилась Лейни Матсон и Харри Кейн, и он влюбился в Полли Турнквист. Эти люди положили свои жизни на алтарь борьбы. И его жизнь тоже! Он ничего не мог поделать с этим.

Мужчина среднего роста с плохо разыгранным оживлением говорил:

— Джей, ты говоришь нам, что на Земле много занимаются проблемами пси-энергии. Но что они сделали? Они достигли огромного прогресса в биологии. Космические корабли непрерывно совершенст-

вуются. Рамроботы летают во все концы вселенной. Но что сделано в области пси-энергии? Абсолютно ничего. А почему?

— Потому...

— Потому, что все это чепуха, суеверия, мифы.

— О, заткнись,— подумал про себя Мэт. Все эти разговоры лишь для того, чтобы прикрыть подлинную сущность этой встречи. Он незаметно выскользнул из круга слушателей. Никто не обратил внимания на него. Мэт пошел к бару, чтобы наполнить свой стакан.

Харри Кейн уже покинул стойку и его место занял парень. Чуть моложе самого Мэта. Когда Мэт попробовал то, что ему налил бармен, то оказалось, что в стакане чистая водка.

Когда он снова повернулся к людям, то увидел только Полли, которая смеялась, глядя в его внезапно поглупевшее лицо.

С полдюжины задержанных сонно сидели вдоль стены в кузове патрульной машины. Полицейский медик в белом халате поднял голову, когда в фургон вошел Иезус Пьетро.

— О, это вы, сэр. Я думаю, что эти трое не причем, а у остальных в ушах механизмы.

Ночь была черна, как обычно — на Маунт Лукиткэт не было луны. Иезус Пьетро оставил Милларда Парлета возле стеклянной стены банка органов размышляющим... о чем он мог размышлять? О вечной жизни? Вряд ли. Даже Миллард Парлетт, стодевяностолетний старик умрет, когда выйдет из строя центральная нервная система. Невозможно трансплантировать мозг без трансплантации памяти. О чем думал Парлетт? Выражение лица его было весьма странным.

Иезус Пьетро взял голову одного из подозреваемых в руки, повернул ее, чтобы заглянуть в ухо. Безвольное тело свалилось набок.

— Я ничего не вижу.

— Когда мы хотели удалить механизм, он испарился. Вот у этой девушки механизм еще на месте.

— Хорошо.— Он наклонился над девушкой. Глубоко в ухе, так что нельзя было достать пальцами, находилось что-то черное с розовым ободком. Он сказал.— Дайте микрофон.

Человек крикнул. Иезус Пьетро нетерпеливо ждал, когда ему принесут микрофон. Наконец. Иезус Пьетро приложил его к голове девушки и включил усиление звука.

В шорохе электрических разрядов слышались звуки.

— Закрепи микрофон,— сказал Иезус Пьетро. Медик положил девушку на бок, и липкой лентой прикрепил микрофон к ее голове. В фургоне слышались глухие звуки тока крови в артериях.

— Когда первые ушли с вечеринки?

— Первыми ушли эти двое. Примерно двадцать минут назад.

Дверь фургона открылась, чтобы пропустить двоих мужчин и

двоих женщин. Они были без сознания и лежали на носилках. У одного человека в ухе был аппарат.

— Вероятно они не подали сигнала, чтобы их не заподозрили ни в чем,— сказал Иезус Пьетро.— Глупо. А теперь, если он вышел на Сынов Земли...

Сейчас нужно подумать, как захватить их лидеров, не дать им бежать.

Бежать? Куда? Его люди не нашли путей бегства. Соники не нащупали никаких подземных ходов.

И вдруг Иезус Кастро понял, что из громкоговорителя доносятся звуки, очень тихие. Он приблизил ухо к громкоговорителю.

— Оставайтесь до тех пор, пока не захотите уйти сами. Помните, это обычная вечеринка, так сказать, день открытых дверей. Однако, те из вас, у кого нет никаких важных сообщений, должны уйти до полуночи. Те же, кто хочет поговорить со мной, пусть используют обычные каналы. Помните, не нужно пытаться удалить из ушей аппараты. В шесть часов они самоуничтожатся. А теперь, наслаждайтесь!

— Что она сказал? — спросил медик.

— Ничего важного. Хотелось бы мне быть уверенным, что это сам Кейн.— Иезус Пьетро кивнул медику и двум копам.— Следите за ней,— сказал он и вышел в ночь.

— Почему ты уходишь? Здесь довольно интересно.

— Я не уйду. Просто мой стакан оказался пустым, и к тому же я хотел, чтобы ты пошла со мной.

Полли рассмеялась.

— Ты, должно быть, веришь в чудеса.

— Конечно. А почему ты пошла за мной?

Находясь в самой гуще гостей, которые непрерывно говорили, Мэт и Полли оставались наедине друг с другом. Хорошее воспитание не позволяло другим обращать внимание на эту парочку. И никто не слушал их: ведь нельзя же одновременно участвовать в двух разговорах! И они оставались одни в небольшом пространстве, ограниченном спинами и локтями гостей, пространстве небольшом, как телефонная будка.

— Я думаю, что Джей помешался на этой пси-энергии,— сказала Полли. Она не ответила на вопрос Мэта и тот был доволен этим. Ему повезло, что удалось уйти незамеченным из круга Худа. Но Полли сама пошла за ним и это было для него совершенно новое ощущение. Он наслаждался, размышляя о том, что заставило ее пойти за ним.

— Он всегда об этом говорит?

— Да. Он думает, что если бы мы могли...— Она замолчала. Девушка с тайной.— Забудем Джея. Расскажи о себе.

И он говорил о червях, о доме, о школе в девятом секторе Гамма

Плато, упомянул о дяде Мэте, который был революционером и погиб. Но девушка не попала на этот крючок. Полли рассказала о детских годах, проведенных в доме близ Университета колонистов, затем рассказала о работе на энергетической станции, но она ни словом не упомянула о слуховом аппарате.

— Ты похожа на девушку с тайной, — сказал Мэт. — Может, твоя улыбка создает такое впечатление?

— Ты умеешь хранить тайны? — тихо спросила она, придвинувшись к нему совсем близко, так, что он даже почувствовал ее острые груди.

Мэт улыбнулся уголком рта, как бы говоря, что вопрос совершенно излишний. И тогда она сказала:

— Я тоже.

И это было все. Но она не отодвинулась от него. Они улыбались друг другу. Лица их сейчас были совсем рядом. Она была очень красива, эта Полли. Лицо, влекущее к себе, но и предупреждающее об опасности. Фигурка маленькая, стройная, женственная, четко обрисовывалась под обтягивающим зеленым свитером. Мэт молча смотрел ей в глаза и испытывал неопишное блаженство. Но вот прошел момент забвения, растворения друг в друге и они снова оказались в комнате, среди людей, среди разговоров.

Перемещения в людской массе вынесли их на середину комнаты. Они снова протолкались к бару, чтобы наполнить стаканы, но их снова унесло. В этом монотонном гуле голосов таилась разгадка вечной тайны привлекательности сборищ подвыпивших людей. В монотонном гуле голосов и бесцельном перемещении людей был какой-то гипнотизм. Время переставало существовать для всех. Пришел момент, когда Мэт уже созрел для того, чтобы предложить Полли проводить ее домой, и он был уверен, что она не откажется.

Но он упустил этот момент.

Что-то изменилось в лице Полли. Она, казалось, прислушивалась к чему-то, чего не слышал он. Слуховой аппарат? Мэт был готов, чтобы изобразить то, что он ничего не замечает, но и это ему не удалось. Полли внезапно исчезла в толпе, как будто она вспомнила, что не сделала чего-то важного, или же захотела поправить какую-то интимную деталь в своей одежде. Мэт пытался идти за ней, но людское море сомкнулось перед ним.

Слуховой аппарат, сказал себе Мэт. Это он позвал ее. Мэт остался у бара, сопротивляясь волнам, которые пытались оторвать его от стойки. Он уже был пьян и рад этому. Он уже не верил в слуховой аппарат. Просто внезапно Полли потеряла интерес к нему. Это было ему знакомо. Так уже бывало с другими девушками — они уходили от Мэта также внезапно, как и Полли. Сейчас он был более, чем разочарован. Он был уязвлен. Водка помогала ему унять боль.

Около десяти тридцати он пошел за стойку бара. Парень, который играл роль бармена, уже надрался и с радостью уступил место Мэту.

Мэт тоже был пьян. Он подавал выпивку с достоинством, вежливо, но без подобострастия. Толпа понемногу таяла. На Лукиткеэт наступила ночь. Вскоре тротуары во всех городах свернут на ночь и раскатают только на рассвете. Да, эти революционеры встают, наверное, очень поздно. Им, вероятно, не нужно идти на работу, отмечаться в табеле. Мэт автоматически обслуживал клиентов. Оставалась только водка, сделанная из сахара, воды и воздуха с помощью специально обученных бактерий. Пусть пьют, подумал Мэт.

Кто-то заказал водку с грейпфрутом. Мэт налил стакан и подал, не глядя. Но рука со стаканом не исчезла из поля зрения Мэта. Мэт постепенно осознал, что это рука Лейни Матсон.

— Хэлло,— сказал он.

— Хелло. Тебе не надоело?

— Немного.

Кто-то поменялся с ним местами, один человек из эскорта Лейни, и Лейни повела его через раздвинувшуюся толпу к свободному дивану. Каким-то чудом в этой комнате оказался никем не занятый диван. Он прикрыл глаза и комната закружилась вокруг него в бесконечном танце.

— Ты всегда так надираешься?

— Нет. Так вышло.

— Что случилось?

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее.

В пьяном тумане он увидел ее лицо, ее рот, чересчур широкий, ее глаза, странно огромные. На лице ее играла улыбка.

— Ты когда-нибудь видела девственника в возрасте двадцати одного года? — спросил он, чтобы посмотреть ее реакцию.

Уголки губ Лейни дрогнули.

— Нет.

Он понял, что она старается сдержать улыбку. Мэт резко отвернулся.

Она спросила:

— Тебя не интересуют девушки?

— О, нет, напротив!

— Тогда, что же?

— Она ушла от меня.— Мэту было трудно отвечать ей.— Все девушки, которые приглянутся мне, внезапно уходят от меня.— Он махнул рукой.— Я не знаю, почему.

— Встань.

— Что?

Он почувствовал, как ее рука помогает ему встать. Он поднялся. Комната закружилась перед ним и он понял, что сейчас ему лучше сидеть. Но он пошел за ней. Ее рука не давала упасть ему. И следующее, что он помнил, была абсолютная темнота.

— Где мы?

Ответа не было. Он ощутил, как ее руки расстегивают пиджак.

Затем эти руки с острыми ногтями пробежали по его груди. Брюки его упали на пол.

— Так вот оно что, — сказал он с удивлением, но тут же понял, что сморозил глупость.

— Не бойся, — сказала Лейни. — Черт побери, как ты нервничаешь! Иди сюда. Только не споткнись.

Он перешагнул через свои брюки, стараясь не упасть. Колени его коснулись чего-то.

— Падай лицом вниз, — приказала Лейни и он повиновался ей. Это был надувной матрац, сильно накачанный.

Ее сильные руки массировали мышцы его шеи, позвоночник, плечи. Он чувствовал себя на седьмом небе. Он лежал, раскинув руки, как лебедь, а ее сильные пальцы почти отделяли один позвонок от другого, вливая в него свежесть и бодрость.

Когда он был готов, он повернулся на спину и притянул ее к себе.

Слева была куча фотографий высотой в фут. Перед ним лежали три фотографии. Иезус Пьетро вытянул руку, посмотрел на них издали. Затем подписал имя под одной из них. Остальные ничего ему не напоминали и он сунул их в общую кучу. Затем он встал и потянулся.

— Слич их с задержанными, — сказал он помощнику. Тот вытянулся, взял кипу фотографий и вышел из походного кабинета, чтобы идти в фургон. Иезус Пьетро вышел за ним.

Почти половина гостей Харри Кейна были в полицейском фургоне. Фотографии были сделаны еще раньше, когда гости только собирались. Пьетро, со своей феноменальной памятью, узнал почти всех.

Ночь была холодная и темная. Легкий ветерок приносил запах дождя.

Дождь.

Иезус Пьетро посмотрел на небо и увидел, что оно затянуто плотными тучами. Не хватало еще проводить рейд в бурю с дождем. Ему это совсем не нравилось.

Вернувшись в кабинет, он включил переговорное устройство и все каналы связи.

— Слушайте все, — сказал он ровным тоном. — Пора.

— Неужели все так нервничают?

Лейни нежно улыбнулась. Теперь она смогла смеяться, когда ей хотелось смеяться. Теперь она могла не бояться того, что обидит этого мальчишку.

— Я думаю, что все первый раз боятся.

— И ты?

— Конечно. Но Бен был очень ласков. Хороший человек Бен.

— Где он теперь? — Мэт ощутил теплое чувство к неизвестному ему Бену.

— Он... его нет. — По ее тону Мэт понял, что разговор продолжать нельзя. Ему показалось, что он слышит голос в слуховом аппарате.

— Может мне зажечь свет?

— Давай, если найдешь выключатель, — сказала Лейни.

Она никак не ожидала, что он сможет найти выключатель в крошечной тьме, но он нашел. И ему стало невыносимо хорошо. Он пробежал глазами по ее обнаженному телу, лежащему рядом с ним, увидел темный треугольник спутанных волос внизу живота, вспомнил прикосновение теплой мягкой кожи... Он знал, что снова может прикоснуться к ней, окунуться в ее аромат, утонуть в блаженстве. Это было неведомое ему раньше ощущение.

— Мне приходится скрывать свое лицо под маской из грима.

— Незабываемое лицо, — теперь он говорил правду. — А твоему телу совсем не требуется грим. — Да, это было прекрасное тело, созданное для любви, способное дарить блаженство, которому нет конца, тело, которое он по глупости считал слишком большим для любви.

— Мне нужно ходить в маске, но без одежды.

— Ты и так привлекаешь к себе всеобщее внимание.

Она рассмеялась и Мэт приложил ухо к ее животу у пупка, прислушиваясь, как сотрясаются в смехе мышцы ее живота.

Внезапно послышался шум дождя, барабанившего в толстые стены из коралла. Они замолчали и прислушались. Вдруг Лейни стиснула пальцами его руку и прошептала:

— Рейд.

«Она имеет в виду дождь, — подумал Мэт и повернулся к ней. Она была в ужасе. Ноздри, глаза расширились. — Нет, она имела в виду именно рейд!»

— Тут же есть путь для бегства?

Лейни покачала головой. Она прислушивалась к тому, что звучало из слухового аппарата.

— Но он же должен быть. Не беспокойся. Я не хочу ничего знать об этом. Мне ничего не грозит. — Лейни удивленно взглянула на него и он сказал: — Я заметил слуховые аппараты. Но это не мое дело.

— Конечно, Мэт. Тебя пригласили сюда, чтобы взглянуть на тебя и оценить. Многие из нас приводят посторонних. Некоторых мы приглашаем присоединиться к нам.

— О!

— Я сказала правду. Пути для бегства нет. Но здесь есть убежище.

— Отлично.

— Но нам до него не добраться. Полиция в доме. Они пустили усыпляющий газ. Скоро он просочится через двери.

— А окна?

— Там нас ждут.

— Мы можем попытаться.

— О'кей.— Она вскочила на ноги и набросила на себя платье. Он даже не стал тратить время на это. Подскочив к окну, Мэт швырнул мраморную пепельницу в стекло, благодаря демонам тумана, что на Маунт Лукиткэт не делают неразбиваемых стекол. Мэт бросился в окно.

Две пары рук схватили его, не дав его ногам коснуться земли. Мэт лягнул изо всей силы и услышал чей-то стон. Уголком глаза он видел, как она выскользнула из окна и скрылась в кромешной тьме. Отлично, он отвлек внимание и дал ей возможность скрыться. Мэт забился в крепких руках. Сильный удар обрушился на его челюсть. Перед глазами вспыхнуло звездное небо, колени стали ватными. Но вот звездное небо затянулось тучами и он снова пришел в себя. Мэт дернулся изо всех сил и ему удалось вырвать руку. Он тут же нанес сильный удар локтем. Это был прекрасный удар прямо в живот до самого позвоночника. Восхитительное ощущение! И вот он уже свободен. Он бежит.

Первый раз в своей жизни он нанес такой удар. Тот полицейский теперь будет инвалидом. И если его схватят...

Влажная скользкая предательская трава под ногами. Один раз он поскользнулся на сыром камне и полетел вперед, сильно ударившись щекой и плечом. Дважды он попадал в луч прожектора и каждый раз он падал в траву и уползал от него. Затем он снова вскакивал и бежал. Дождь помогал ему и мешал преследователям. Дождь и счастливая звезда Мэта Келлера. Молнии сверкали вокруг него, но он не мог сказать, помогают они ему, или мешают.

И даже когда ему стало ясно, что он спасся, он продолжал бежать.

КАР

— Ну вот и все.

Миллард Парлетт откинулся в кресле и с удовлетворением посмотрел на пишущую машинку. Речь его лежала на столе и последний лист сверху. Он поднял кипу бумаги своими длинными узловатыми старческими пальцами и быстро привел листы в порядок.

— Записать ее сейчас?

— Нет. Завтра утром. Нужно посидеть и подумать, не забыл ли я что-нибудь. Все равно я не буду произносить ее раньше, чем через два дня.

Теперь все решено. Поселенцы должны понять его. Слишком долго

они жили беззаботно, как правящая элита. И если теперь они не приспособятся...

Даже его потомки... они редко говорят о политике, а когда говорят, то Миллард Парлетт заметил, что говорят они не в терминах силы и могущества, а в терминах права, пожизненного права жить так, а не иначе.

Сейчас Миллард Парлетт смог бы созвать целую армию своих потомков — детей, внуков, правнуков, праправнуков и так далее. Он старался воспитывать их в те редкие моменты, когда ему удавалось делать это. И те из них, что предпочитали обычную жизнь первых поселенцев: игры, развлечения, модная одежда, изысканные разговоры, — делали это помимо его воли. Средний поселенец полностью зависел от того факта, что он поселенец.

А если равновесие сил нарушится?

Они пропадут. Ведь столько времени они живут в придуманном мире, в мире, который мог измениться. И если он изменится, они будут уничтожены.

Смогут ли они понять старого человека, человека давно ушедшего поколения?

Нет. Сейчас он устал. Миллард Парлетт положил листки на стол, поднялся и вышел из кабинета. Но он заставит слушать его. По приказу Совета в два часа в воскресенье все чистокровные поселенцы должны будут слушать его выступление. И если он сможет преодолеть... нет, он должен.

Они поймут, что именно доставил им рабробот N 143.

Барабанный шум дождя заполнял весь коралловый дом, куда входила и выходила только полиция. Последний колонист, лежащий без сознания на носилках, был готов к выносу из дома, когда туда вошел майор Янсен.

Он нашел Иезуса Пьетро, который, развалился в удобном кресле. Он держал перед собой кипу фотографий.

— Кто это?

— Это те, кого мы еще не схватили, сэр.

Иезус Пьетро выпрямился, с неудовольствием ощутив на себе мокрую одежду.

— Как они смогли ускользнуть?

— Не могу представить. Никто не вырвался через оцепление.

— Подземных ходов нет. Эхолокаторы не обнаружили их. — Иезус Пьетро снова быстро просмотрел фотографии. Многие имена под лицами были ему знакомы. — Это ядро, — сказал он. — Мы уничтожим эту ветвь организации Сынов Земли, если схватим их. Где они?

Помощник молчал. Вопрос был чисто риторический. Пьетро откинулся назад, глядя в потолок.

— Где они?

— Здесь нет тайных ходов.

— Они не могли бежать. Их бы остановили, а если бы и не остановили, то хотя бы заметили. Если, конечно, в полиции не завелись предатели. Но их, конечно, нет...

Могли они добраться до утесов? Нет, вряд ли, это место охраняется лучше всего. У этих повстанцев какая-то странная манера: они бросаются с обрыва, когда загнаны в угол...

Воздушный кар? У колонистов по закону нет каров, и о том, что у кого-то украден кар, тоже сведений не поступало в последнее время. Но Иезус Пьетро всегда подозревал, что кто-то из первых поселенцев связан с Сынами Земли. У него не было никаких доказательств, и даже подозрений, но он тщательно изучал историю и знал, что все революции начинаются на самом верху социальной структуры общества и лишь затем перемещаются вниз.

Поселенец вполне мог снабдить их каром для бегства. И кар видели, но не остановили. Ни один полицейский не имеет права останавливать кар...

— Янсен, проверь, видели ли кар во время налета. Если видели, то разузнай, сколько и какие они.

Майор Янсен вышел из комнаты, не выразив никакого удивления по поводу странного приказа.

Один офицер нашел нишу в южной стене, близ двери. В нише находилось гнездо животных, чистильщиков дома. Офицер осторожно извлек оттуда двух взрослых животных, находящихся без сознания, и четырех щенков. Он хотел осмотреть нишу.

Одежда Иезуса Пьетро сохла очень медленно и коробилась по мере высыхания. Сам он сидел, закрыв глаза и сложив руки на животе. Наконец он открыл глаза, вздохнул и нахмурился.

Это очень странный дом, Иезус Пьетро.

Да. Слишком роскошен для колониста.

При этой мысли лоб его еще более нахмурился.

Он посмотрел на розовые коралловые стены, на пол, с выращенным ковром. Неплохо, совсем неплохо. Харри Кейн был бакалавром.

Сколько же может стоить этот дом?

О, около тысячи звезд, не считая обстановки. А с обстановкой вдвое больше. Один ковер стоит девяносто звезд. Пара чистильщиков дома пятьдесят звезд...

А сколько стоит фундамент?

Тысяча демонов! Фундамент же делали люди! Он один наверное, стоит двести тысяч! На эти деньги можно выстроить целую школу! Но зачем под коралловым домом фундамент, сделанный людьми?

Зачем, действительно?

Иезус Пьетро вскочил на ноги.

— Майор Янсен!

Все оказалось так, как он и предполагал. Фундамент обследовали эхолокаторами. Да, под домом оказалось пустое пространство. Майор

Чин хотел найти вход, но это заняло бы всю ночь, а шум предупредил бы колонистов. Иезус Пьетро хотел побыстрее удовлетворить свое любопытство. Он приказал доставить взрывчатку.

Когда все успокоилось, Иезус Пьетро прошел за своими людьми в образовавшийся пролом. Они нашли повстанца, лежащего без сознания возле рубильника. Провода вели к самодельной бомбе, такой большой, что она могла бы разнести и дом, и подвал в куски. Пока отсоединяли провода, Иезус Пьетро рассматривал человека, делая мысленную заметку, что его нужно допросить, когда он очнется. Может быть он расколется. Такое бывало нередко.

Возле стены стоял кар, старая четырехместная модель. Иезус Пьетро не видел, как он может взлететь из подвала. Вероятно, дом был выращен над ним.

«Ну, конечно,— подумал Иезус Пьетро.— Они выкопали подвал и над ним вырастили дом.»

Он послал людей убрать стену, чтобы, если понадобится, забрать кар отсюда. Правда, для этого придется убрать почти весь дом.

Из подвала наверх вела лесенка. Пьетро увидел под ней бомбу и поздравил себя с тем, что не позволил майору Чину искать вход. Он нашел бы его.

Бомбу разрядили и открыли люк, к которому вела лесенка. Люк выходил в гостиную, под ковер.

После того, как все мертвые и находящиеся без сознания были погружены в фургон, Иезус Пьетро прошел между ними, сравнивая каждого из них с фотографиями. Он был доволен. За исключением одного человека, он собрал всех гостей Харри Кейна. Банк органов будет полон. Запасов хватит не только для первых поселенцев, но кое-что и перепадет верным сторонникам режима, таким как Иезус Пьетро и его люди. Даже колонистам останется. Если запасы были достаточно большими, то больница не отказывала в помощи колонистам. Пусть полагают, что первые поселенцы заботятся о них, блюдут их интересы.

И вскоре все Сыны Земли будут мертвы. Все, за исключением одного, который был слишком молод, чтобы быть опасным.

Тем не менее Иезус Пьетро внес его имя в файлы больницы, с отметкой, что этот человек должен быть допрошен, когда его поймут.

И когда наступил вечер, и он уже собирался ложиться спать, он вспомнил, кому принадлежало его лицо. Племянник Мэтью Келлера. Уже прошло с тех пор шесть лет, как он сыграл свою шутку с яблочным соком.

Он был похож на своего дядю, как две капли воды.

Дождь к вечеру утих, но Мэт не знал этого. Укрытый от дождя утесом и густыми деревьями, он спал.

Это был утес Гамма-Бета. Он укрылся здесь, замерзший, исца-

рапанный, вымокший. Он мог бы идти параллельно утесу или упасть прямо здесь. Он предпочел лечь здесь. Если бы полиция нашла его, он бы никогда не проснулся и он знал это, когда ложился спать. Но он был слишком измучен, чтобы думать об этом.

Он проснулся около десяти с сильной головной болью. Все тело его болело от бега и от сна на голой земле. Язык его распух так, что не помещался во рту. Он лежал на спине, глядя в темную листву деревьев над ним.

Так много началось и окончилось в тот вечер.

Казалось, люди все еще кружатся вокруг него. Худ, Лейни, четыре высоких мужчины, парень, который напился за стойкой бара, Полли, Харри Кейн, целый лес локтей и звуки незнакомых голосов...

Все исчезли. И мужчины. И женщины. И бармен. И Лейни! Как он мог потерять Лейни?

Все исчезли. Может, он когда-нибудь снова встретится с ними?

Но сейчас полиция ищет его, Мэта Келлера.

Он сел и все его мышцы пронзила острая боль. Он был совершенно голый. Полиция наверняка нашла его одежду в комнате Лейни. Могут ли они его опознать по одежде? Но даже если и не смогут, то они наверняка будут искать человека, который совершенно голый бродит по улице. На Земле есть вполне легальное общество нудистов, и довольно многочисленное. Но здесь такого нет. Человек должен быть одет.

Теперь ему никак не доказать, что он не повстанец. Ему нужно постараться достать одежду. И надеяться, что они его еще не ищут.

Он встал и это снова повергло его в шок.

Лейни, Лейни в темноте, Лейни, смотрящая на него, ее роскошное тело освещено золотистым светом лампы. Полли, девушка с тайной. Худ. Волна слабости нахлынула на него и он согнулся вдвое в приступе рвоты. Усилием воли он прекратил спазмы. Голова его раскалывалась, удары пульса отзывались в ней, как в барабане. Он с трудом выпрямился и пошел к опушке леса.

Он находился у подножия утеса Бета-Гамма. Над ним находилось Бета Плато, но до него можно было добраться только по мосту, который находился за много миль отсюда. Перед ним расстилался широкий луг, на котором паслось несколько овец. За лугом дома. Много домов. На расстоянии четырех миль отсюда и его дом. Но до него не добраться незамеченным.

А как насчет дома Харри? Лейни говорила, что в нем есть убежище. И те, что ушли до рейда... Может, они уже вернулись. Они могут помочь ему.

Но будут ли они помогать?

Нужно попытаться. Он должен добраться до дома Харри, скрываясь в высокой траве. Мэту Келлеру всегда везет. А до своего дома ему все равно не добраться.

И ему повезло. Невероятно, но ему удалось добраться до дома Харри незамеченным.

Это заняло у него два часа. Живот, колени, локти у него были зелеными. Все тело жгло от порезов травы.

Все пространство вокруг дома было испещрено следами автомобильных шин. Вероятно, в рейде принимала участие вся полиция. Мэт не заметил охраны, но к дому он шел осторожно: вдруг там засада. Может, там полицейские, а может охрана повстанцев — все равно они будут стрелять в него.

Впрочем, вряд ли в него будут стрелять, наверняка те, что в доме, не удержатся от вопроса: где ты потерял штаны, парень?

В доме никого не оказалось. Мертвые или спящие чистильщики дома лежали у стены, возле своего разрушенного гнезда. Эти животные не любили света и обычно делали свое дело по ночам. Ковер был разворочен и под ним виднелось темное отверстие: вход в подвал. Стены в гостиной были обезображены следами взрыва. И фундамент тоже.

В подвале людей тоже не было. Одна из стен была разворочена взрывом и за ней стоял кар. Мэт никогда не видел машину так близко. Кар совершенно не имел возможности взлететь отсюда. Интересно, зачем Харри Кейну кар, который нельзя использовать?

Может это из-за него был налет? Ведь колонисты не имели права иметь кары. Но почему кража кара была неизвестна? Ведь кар наверняка был здесь до того как вырос дом.

Мэт вспомнил рассказ о каре, который он слышал вечером. Украденный кар кружился над Плато, пока не кончилось горючее. И затем он упал в туман на глазах разъяренной, но ничего не могущей поделаться полиции. Но может быть это просто официальная версия? Может, горючее вовсе не кончилось, а кар нырнул в туман, сделал круг под Плато и затем прилетел сюда, где Харри Кейн спрятал его в подвале.

Может быть, но он этого никогда не узнает.

Душ еще работал. Мэт дрожал всем телом, становясь под струи горячей воды. И вода мгновенно вернула его к жизни. Она сильно массировала его спину и шею, смывая грязь, траву, пот и стекая по ногам. Все-таки жить можно. Жизнь, несмотря на все ужасы, хороша, если есть горячий душ.

Он задумался.

Налет был очень солидный. Полиция схватила всех, кто был на вечеринке. Судя по всему, они схватили даже тех, кто уходил раньше. Вероятно, в больнице сейчас сотни две пленников.

Некоторые были совершенно ни в чем не повинны. Мэт это знал. Обычно полиция хорошо работала. Правда, сообщалось только о результатах расследования, но невинных почти всегда выпускали. Они возвращались из больницы.

Но это расследование не будет долго тянуться. Полиция просто выпустит всех, у кого нет в ушах слуховых аппаратов, и предупредит

их, чтобы в будущем они держались подальше от вредных элементов. Те, у кого есть слуховые аппараты, будут признаны виновными.

Правда, чтобы препарировать сотню пленников, потребуется много времени. Вполне возможно, что Худ, Лейни и Полли еще живы. Нелзя же убить столько народу за такое короткое время.

Мэт вышел из душевой и стал искать одежду. Он нашел гардероб, вероятно принадлежавший Харри Кейну так как брюки были слишком коротки и широки. Однако ему ничего не оставалось делать, как надеться в них, туго стянув ремнем. По крайней мере не голый.

Значит, проблема одежды решилась. Теперь перед ним стояла другая проблема, более сложная.

Он понятия не имел, сколько времени занимает препарирование, но был уверен, что достаточно много. Он также не знал, будет ли полиция допрашивать всех пленников. Однако он знал, что каждая проведенная им в бездействии минута уменьшает вероятность того, что пленники живы.

И Мэту Келлеру придется прожить всю жизнь, зная, что он упустил шанс спасти их.

Но он напомнил себе, что этот шанс очень мал. Ему не пробраться незамеченным на Альфа Плато. Ведь нужно пройти через два охраняемых моста, где его неминуемо застрелят.

Полуденное солнце бросало свои лучи на мир, где все содержалось в безукоризненном порядке, который, правда, некоторым не нравился. Мэт нерешительно постоял у двери, затем повернулся и снова вошел в гостиную. Он должен убедиться, что это действительно невозможно. Подвал был сердцем этого кораллового дома. Сердцем, которое перестало биться. Если полиция не смогла найти какое-нибудь оружие...

В каре оружия не оказалось, однако в подвале явно хранилось оружие. Он нашел места, где лежали винтовки и находились ящики с самодельными гранатами. Полиция забрала все, что казалось оружием, но кар остался неповрежденным. Возможно, они когда-нибудь вернутся за ним, если сочтут, что он стоит усилий, которые потребуются приложить, выкатывая кар.

Мэт вошел в кабину и посмотрел на панель управления. Он впервые видел ее. Он смотрел на незнакомое устройство и ему очень не хотелось уходить отсюда. И когда он заметил кнопку «Старт», он нажал на нее. Однако, он не услышал звука работающего мотора.

Взрыв заставил его содрогнуться всем телом, как лягушка под током. Видимо, Харри установил бомбу, чтобы взорвать дом! Однако и сам Мэт был все еще жив. И в глаза ему бил дневной свет!

Дневной свет!

Четыре фута земли над ним исчезли. Стена дома накренилась. Вероятно, Харри Кейн был большим специалистом по взрывной технике, раз он так ловко расположил заряды.

Дневной свет. И мотор работает. Когда уши Мэта снова приобрели

способность воспринимать звуки после взрыва, Мэт услышал ровный гул. Если бы ему удалось взлететь...

Тогда бы он добрался до Альфа Плато не проходя по мостам. Сейчас он может долететь до Плато — если, конечно, сможет быстро освоиться с управлением.

А может ему полететь домой? Тогда никто не заметит его странной одежды. Там он переоденется, сожжет эту одежду и кто тогда сможет доказать, что он был в этом доме?

Мэт вздохнул и снова посмотрел на панель управления. Теперь он уже не мог заставить себя уйти. Может потом он рухнет вместе с каром на землю или его остановит полиция... Но сейчас он не мог уйти. Взрыв, очистивший ему путь наверх служил как бы предзнаменованием, которым он не мог пренебречь. Посмотрим. Четыре рычага установлены на нулевых отметках. 1-2, 1-3, 2-4, 3-4. Он потянул один рычаг на себя. Ничего.

Небольшой стержень с тремя надписями: Нейтраль, Земля, Воздух. Он передвинул на «Земля». Ничего. Он тронул «Воздух».

Кар дернулся и чуть не опрокинулся.

Он уже был в воздухе, даже не успев ничего сообразить. В отчаянии он задергал рычагами, стараясь выровнять машину. Земля быстро удалялась и вскоре овцы в долине стали всего лишь белыми точками, а дома маленькими прямоугольниками. Наконец, после долгих усилий Мэта кар начал опускаться.

Однако расслабиться Мэт не мог.

Цифры, оказывается, означали номера пропеллеров. 1, 2, 3, 4 — левый передний, правый передний, левый задний и правый задний. Комбинации рычагов означали, какие пропеллеры крутятся в данный момент. Но как же управлять каром, как заставить его лететь вперед?

На панели были ручки «Высота» и «Поворот», но они ничего не вносили в беспорядочное движение. Мэт увидел еще один тумблер, над которым было написано какое-то сложное слово. Мэт не рискнул тронуть его. Может опустить немного нос машины? Нажать рычаг 1-2.

Он так и сделал. Кар медленно двинулся вперед, сначала медленно, затем быстрее. Он сильнее потянул рычаг. Кар рванулся и Плато вдруг встало перед ним вертикальной стеной. Но он не разбился, он успел вывернуть машину, направил ее снова вверх... а потом снова взялся за тот же рычаг.

Теперь он сделал это осторожно. Кар полетел вперед, слегка опустив нос.

К счастью, он летел прямо на Альфа Плато. Иначе бы ему пришлось разворачиваться, а он не умел этого.

Он летел очень быстро. Под ним разворачивались картины, каких он никогда в жизни не видел. Поля и фруктовые леса плыли назад. Впереди уже виднелось Альфа Плато. Гряда утесов с протекающей у ее подножия рекой острыми зубцами врезалась в небо. И гряда,

и река кончались на краю Плато и река обрушивалась в пропасть грандиозным водопадом. Шум водопада доходил до ушей Мэта даже через пластиковый колпак машины.

Вскоре он должен перелететь над грядой и повернуться к больнице.

Мэт не знал, как она выглядит, но был уверен, что узнает громадные цилиндры космического корабля. В небе показались кары, но они летели вдалеке и не беспокоили его. Он еще не решил, насколько близко он подлетит к больнице, прежде, чем приземлится. Ведь даже первым поселенцам не разрешено было приближаться к ней. Во всяком случае он должен сесть, пока его не опознали. Впрочем, вряд ли опознают, ведь кары были только у поселенцев и каждый, кто увидит летящий кар, подумал бы, что это поселенец, а не колонист.

Это была ошибка, вполне естественная. Мэт так и не понял, где он совершил ошибку. Он летел вполне нормально, и если бы ему сказали, что ребенок из поселенцев летел бы лучше, Мэт оскорбился бы.

Но ни один ребенок не поднялся бы в воздух, не включив гироскоп.

Как обычно, но гораздо позже чем обычно, Иезусу Пьетро подали завтрак в постель. Как обычно рядом сидел майор Янсен и пил кофе. Он был готов выполнить любое поручение или ответить на все вопросы.

— Как с пленниками?

— Все в виварии. Все, кроме троих. Места не хватило.

— Банк органов заполняется?

— Да, сэр.

Иезус Пьетро проглотил ломтик грейпфрута.

— Будем надеяться, что они не знают ничего важного. А как насчет случайных гостей?

— Мы отделили их от тех, что имели в руках микрофоны и освободили. Хорошо, что мы успели до шести часов. Ровно в шесть все микрофоны испарились.

— Испарились? Черт побери! И ничего не осталось?

— Доктор Гослин взял пробы воздуха. Может, он обнаружит в нем что-нибудь?

— Это неважно. Но работа прекрасная, если вспомнить их жалкие возможности, — сказал Иезус Пьетро.

После пяти минут чавканья и хлюпанья он коротко спросил:

— А что насчет Келлера?

— Кого, сэр?

— Того, кому удалось скрыться.

После трех телефонных звонков Янсен смог доложить:

— Никаких сообщений. Домой он не пытался пойти, никаких

контактов с родственниками и знакомыми не имел. Никто из полицейских его не видел.

Снова тишина, пока Иезус Пьетро, отдуваясь, пил кофе. Затем:

— Проследи, чтобы пленников приводили в мой кабинет по одному. Я хочу знать, не видел ли кто-нибудь приземление рамбота.

— У одной из девушек нашли фотографии, сэр. Они вроде бы сделаны телеобъективом.

— О! — На мгновение у Иезуса Пьетро перехватило дыхание. Миллард Парлет! Если бы он знал это...

— Не понимаю, почему ты не сказал мне об этом раньше. Расследуй это поосторожнее. Иди. Нет, подожди! — сказал он, когда Янсен был у двери. — Еще одно. Может, есть еще подвалы, о которых мы ничего не знаем. Возьми людей с эхолокаторами и тщательно исследуй все дома на Дельта и на Бета Плато.

— Да, сэр.

И Янсен собрался уходить, но его остановил телефонный звонок. Майор снял трубку, выслушал, затем спросил:

— Почему звоните сюда. Подождите. — И он нерешительно сказал, — Приближается кар, сэр. Летит как-то неуверенно. Естественно, они хотят доложить вам лично.

— Хмм. Может это тот, что мы видели в подвале Кейна?

— Я спрошу, сэр. — И после короткого разговора: — Это он, сэр.

— Хотелось бы мне знать, как они вытащили его из подвала. Скажи им, чтобы посадили кар.

Геологи были уверены, что Маунт Лукиткэт недавнее образование. Несколько сотен тысяч лет назад часть поверхности планеты расплавилась.

Может конвекционные потоки вынесли на поверхность сверхраскаленную магму, а может небесный странник астероид врезался в планету, отдав ей накопленную энергию. Далее поверхность начала выпячиваться вверх, остывать, и в результате на планете появилось плато, расположенное на высоте сорок миль от поверхности.

Это произошло совсем недавно. Атмосферные явления еще не успели сгладить неровностей, острые пики, глубокие расщелины. Северный край новообразования был гораздо выше остальной части. Там было так холодно, что образовался нетающий ледник. Люди жить там не могли. Все реки и ручьи текли на юг и там соединялись вместе, текли в глубоких каньонах, которые сами пробили в базальтовых глыбах. Добравшись до края Плато, они обрушивались вниз в сорокамильную глубину водопадами. Эти водопады вероятно были самыми грандиозными водопадами во вселенной. Большинство рек на Маунт Лукиткэт текли на юг, но были и исключения: ведь поверхность Плато не была ровной, она была изрезана глубокими трещинами, рассечена глубокими грядами утесов. Поверхность плато на севере состояла из громадных каменных глыб, наваленных в чу-

довышном беспорядке. А между ними находились таинственные озера. На севере было трудно жить даже горным козам. Тем не менее эти области тоже должны были когда-то заселиться людьми.

Корабли с людьми приземлились на юге, на самом высоком плато. Эту территорию заняли первые поселенцы, а колонисты были вытеснены ниже. Хотя колонистов было больше, они занимали меньшую и худшую территорию. У поселенцев было оружие, кары. Так что Альфа Плато было заселено поселенцами.

Мэт видел внизу много домов. Они были самыми разнообразными по форме, по цвету, по стилю постройки, по строительному материалу. Все, что он видел внизу, было настолько непривычно для него, что казалось похожим на обломки после взрыва машины времени, ведь сам он всю жизнь прожил в домах из коралла. Внизу под ним проплывали и коралловые бунгало, но каждый из них был больше дома простого колониста. Некоторые из них были такие же большие, как школа Мэта. Когда архитектурные кораллы появились на Плато, поселенцы полностью монополизировали его, но затем, когда он вышел из моды, его отдали на откуп колонистам.

Подавляющее большинство домов были не выше двух этажей. Однако скоро настанет время, когда число поселенцев возрастет и им придется строить небоскребы. Впереди показались две высокие башни, вырастающие из странного сооружения из стекла и бетона. Несомненно больница. И прямо впереди. По мере приближения, Мэт начал понимать, что это громадное сооружение.

Постепенно Мэт начал уставать. Ему приходилось следить одновременно за панелью управления, за землей, за больницей.

Каждый из двух старых космических кораблей был выстроен так, что команда, шесть первых поселенцев, жила в комфорте, а пятьдесят колонистов летали, погруженные в сон. В каждом корабле был грузовой отсек, два реактора на водяном топливе, огромный бак с водой. И все это находилось в огромном цилиндре. Корабли были снабжены кольцевыми крыльями, которые в полете вращали корабль вокруг оси, создавая силу тяжести.

Корабли были огромны. Мэт не видел их внутри, поэтому они казались ему еще больше. И все же даже они терялись рядом с невообразимым сооружением — больницей. Большая часть ее была двухэтажной, но кое-где вздымались башни, каждая высотой с половину корабля. В одних, наверное, находились электростанции, а в других... Мэт даже не мог предположить этого. Плоский голый камень окружал больницу полумильным кольцом. Он был таким же голым, каким было Плато до того, как приземлился первый корабль с колонистами и тщательно отобранной экологической средой. И только в одном месте каменной пустыни тоненький язычок леса пересекал круг и доходил до стены больницы.

Интересно, подумал Мэт, почему полиция оставила этот клочок леса?

И вдруг волна слабости, онемения прошла по нему и его охватила паника. Излучение соника! В первый раз он оглянулся назад. Двадцать или тридцать полицейских каров летели за ним.

Его снова ударило соником. Мэт упал на рычаг 1-3. Кар нырнул влево, наклонился градусов на сорок пять и Мэт с трудом выровнял его. Он повернул резко влево, устремившись к краю Альфа Плато.

Снова удар ультразвуковых волн настиг его. Мэт даже не смог разжать зубы. Они стараются заставить его приземлиться. Да нет, скорее они хотят, чтобы он потерял управление и рухнул на землю. Лишь бы он не добрался до края. В глазах у Мэта стало двоиться, он не мог двинуться. Кар планировал под острым углом, направляясь к земле, к краю Плато.

Но вот его отпустило, он уже мог двигаться. Но едва он шевельнул руками, как соник снова нашел его, но с гораздо меньшей интенсивностью. И он понял почему. Он так резко шел на снижение, что полицейские кары не успевали за ним. Они боялись напориться на острые утесы у края. А Мэту было все равно. Это была игра отчаявшихся.

Сквозь туман в глазах он видел, как перед ним вырастают темные зубья утесов. Мэт проскочил в ярде от утеса. Опасность миновала и он посмотрел назад. Полицейские кары летели за ним. Они уже упустили Мэта, но теперь хотели убедиться, что кар упадет.

Интересно, сколько ему падать? Этого он не знал. Скорее всего, мили. Но десятки или сотни? Они будут кружить над ним, пока кар не скроется в тумане. Назад ему пути нет. Его оглушат и соберут то, что останется после крушения. Теперь у него только один путь.

И Мэт решительно направил кар вниз.

Полицейские преследовали его, пока могли выдерживать давление. Затем они начали кружить, выжидая. Прошло несколько минут с тех пор, как кар с Мэтом исчез из виду в ядовитом тумане. Все.

— Ушел к дьяволам, — сказал кто-то. Эта фраза прозвучала по интеркому и многие согласились с этим.

Полицейские кары развернулись к дому. Пилоты отлично знали, что их кары не были герметичными. Так что лучше было не рисковать. За прошлые годы некоторые отчаянные головы опускались вниз, желая установить рекорд по глубине погружения в ядовитый туман. И уровень безопасности лежал выше, чем уровень тумана. Некто, по имени Грили пошел на отчаянный шаг: он поставил кар на автоматическое управление и опустил на четыре мили. Но затем раскаленный отравленный воздух проник в кабину и он был вынужден вернуться. По счастью, все обошлось благополучно, если не считать того, что ему пришлось заменить легкие. Однако на Альфа Плато он чувствовался как герой.

Но даже Грили не опускался в сам туман. И никто не мог сделать этого. Ведь это означало смерть?

Однако, этого не случилось с Мэтом. Он почти ничего не понимал в технике. Техника для колонистов была непозволительной роскошью. Они имели дома, которые строились сами, ковры, которые вырастали сами, им не нужны были механические бритвы, посудомоечные машины, холодильники, кары... Поселенцы с большой осторожностью давали колонистам технику. Самый сложный технический аппарат, с которым Мэт имел дело до этого, был велосипед. На каре нельзя было летать без гироскопа, однако Мэт полетел.

Он нырнул в ядовитый туман, чтобы скрыться от полиции. Чем быстрее он будет погружаться, тем больше оторвется от них.

Сначала его вдавило в сиденье — как будто поверхность планеты сопротивлялась его снижению. Рев ветра проникал даже сквозь звукопоглощающие экраны. Сопротивление все ослабевало и наконец он себя почувствовал так, как будто перешел в свободное падение. Но скорость его падения все увеличивалась и теперь его уже стало выталкивать из кресла. Мэт решил, что происходит что-то непонятное, необычное, но не мог понять, что именно. Когда он уже не мог удерживать себя в кресле, он наконец нашел ремни, с помощью которых пристегнулся и вздохнул с облегчением. Они придали ему уверенности.

Стало темно. Небо почти перестало отличаться от окружающей его атмосферы и полицейские кары исчезли из виду.

Кровь бешено пульсировала у него в голове. Он побоялся потерять сознание и направил кар резко вверх. Страшное давление прижало его к креслу. Такого давления человек не испытывал с тех пор, как отказался от ракет с химическим топливом. Однако, Мэт выдержал это давление. Но он не мог выдерживать жуткой жары. И боли в ушах. И жгучего вкуса воздуха.

Снова он нажал рычаги, чтобы побыстрее остановиться.

Но как узнать, остановился ли полет? Вокруг него был туман и его темноглубой цвет не давал никаких ориентиров для определения скорости. Вверху туман был светлым, внизу — темным, почти черным. Затеряться здесь было ужасно. Но он все же знал, в какую сторону лететь, чтобы вынырнуть из тумана, знал, где верх.

Воздух обжигал ему рот и дыхательные пути.

Мэт попытался закрыть рот рубашкой и дышать через нее. Ничего хорошего. Вдруг в тумане перед ним выросла черная стена. С большим трудом Мэт уклонился от столкновения.

Он затаив дыхание смотрел, как черная стена проплывает мимо него. Однако, трудно было что-либо рассмотреть во мраке.

Но вот туман исчез. Солнечный свет ударил в глаза. Мэт решил, что этим воздухом уже можно дышать и открыл окно. В кабину ворвался ветер, горячий, душный, но дышать было можно. Ветер был так силен, что чуть не опрокинул кар.

Над собой Мэт увидел край Плато. Он резко замедлил подъем и желудок едва выдержал такой толчок. В первый раз с того момента,

как он сел в кар, Мэт почувствовал дурноту. Желудок его выворачивался наружу, голова кружилась от резкого перепада давления, все мышцы болели от воздействия ультразвуковых лучей. Мэт с трудом поднимался вверх, пока не поравнялся с краем Плато.

Вдоль края тянулась каменная стена. Мэт перевалил через стену и начал спускать кар.

До земли осталось четыре фута. Мэт открыл дверцу, но не решился выпрыгнуть. Он уже едва не терял сознание. Он нащупал рычаг и двинул его вперед. Единственное, что ему сейчас хотелось, это лечь.

Мэт буквально вывалился из кабины. Кар поднялся на четыре дюйма над землей и начал глиссировать. Мэт установил рычаг в такое положение, что кар стал земной машиной. Мэт попытался догнать его, но тщетно. Встав на четвереньки, Мэт следил за каром. Он видел, как машина наткнулась на стену, отскочила, снова наткнулась, и так постепенно добралась до края стены и нырнула через край Плато.

Мэт упал на спину и закрыл глаза. Ему стало наплевать на кар.

Тошнота, последствия ультразвукового облучения, отравленный воздух, которым он дышал, перепады давления — все это действовало на него так, что ему хотелось умереть. Затем он собрался с силами и побрел. Никто не нашел его здесь. Немного погодя Мэт устал сел на землю.

Горло у него болело. Во рту стоял отвратительный вкус.

Он все еще находился на Альфа Плато. Только поселенцы могли позволить себе построить стену вдоль края Плато. Значит теперь он обречен. Без кара ему ни за что не выбраться отсюда.

Невдалеке стоял дом. Коралловый дом. Очень большой, но все же коралловый. В нем никто не жил, по крайней мере, лет сорок, с тех пор, как такие дома вышли из моды.

Мэт решил рискнуть. Ему нужно иметь убежище. Деревьев поблизости не было, к тому же в рощах прятаться опасно. Туда часто ходят собирать плоды и фрукты. Мэт поднялся на ноги и шатаясь пошел к дому.

ДОПРОС

Больница был нервным центром мира. Это был небольшой мир, всего 20000 квадратных миль, но этот мир требовал жесткого контроля. Кроме того, он требовал электроэнергии, громадных количеств

воды, медицинского обслуживания. Больница была огромным и сложным сооружением. На западном и восточном углах стояли два космических корабля. Внутренний объем этих громадных цилиндров был изрезан лабиринтом коридоров.

Юноша, который в данный момент находился в кабинете Иезуса Пьетро, не имел понятия, где он сидит, так как его вели сюда по запутанным коридорам, и он очень быстро потерял ориентировку. Теперь, даже если бы его освободили и выпустили отсюда, он не смог бы найти выход наружу. И он хорошо понимал это.

— Ты был у рубильника бомбы,— сказал Иезус Пьетро.

Юноша кивнул. Его песочного цвета волосы были подстрижены в стиле Белтера, который в свою очередь позаимствовал эту прическу у древних индейцев. Под глазами юноши были темные-темные круги, как от недосыпания. Но он спал все время с самого момента его захвата в плен. Так что скорее всего эти круги были результатом тревоги, внутренней депрессии.

— Ты обманул всех,— сказал Иезус Пьетро.— Ты сделал так, что бомба не взорвалась.

Юноша поднял голову. Ярость была на его лице. Он не двинулся с места, так как это было бессмысленно.

— Не смущайся. Такие бомбы редко взрываются. Человек всегда цепляется за жизнь и не хочет расставаться с ней по доброй воле. Он часто меняет свое решение в самый последний момент. Это...

— Я был уверен, что погибну! — крикнул юноша.

— Естественно. Впрочем, давай не будем об этом. Меня это не интересует. Я хочу слышать о каре в вашем подвале.

— Вы думаете, что я трус?

— О, зачем так грубо.

— Я украл этот кар.

— Ты? — В голосе совершенно явно прозвучало недоверие. Да, Иезус Пьетро не поверил ему.— Тогда, может, ты мне объяснишь, как это произошло?

И юноша рассказал все. Он говорил спокойно, чтобы Иезус Пьетро видел его мужество. А почему нет? предавать уже было некого. Да и сам он будет жить ровно столько, сколько захочет Иезус Пьетро. Может на три минуты больше. Операционная банка органов была в трех минутах ходьбы отсюда. Иезус Пьетро вежливо слушал. Да, он помнил, как кар кружил бесцельно в течение пяти дней над Плато. Владелец кара, поселенец, проклинал Иезуса за то, что тот позволил этому свершиться. Он даже требовал, чтобы кто-нибудь из полицейских спустился сверху в кар и привел его обратно. Терпение Иезуса Пьетро лопнуло и он, рискуя своей жизнью, вежливо предложил ему помочь в этом опасном предприятии, помочь ему самому спуститься в кар.

— Затем мы опустили кар в выкопанный подвал и вырастили над ним коралловый дом,— заключил пленник.— Мы вынашивали

большие планы.— Его снова охватило отчаяние, но он продолжал говорить.— Мы достали оружие, бомбы, украли ультразвуковой стуцер и установили его в каре. Но никто уже не воспользуется им.

— Кар взлетел.

— Что?

— Сегодня в полдень. Келлер прошлой ночью скрылся от нас. Он вернулся в дом Кейна и взлетел на каре. Он почти долетел до больницы. Мы едва успели перехватить его. Теперь только Демоны Тумана знают, что он делает сейчас.

— Великолепно! Последний полет нашего... Мы так и не придумали названия кару. Это наш воздушный флот! Как вы называли этого парня?

— Келлер. Мэтью Лейф Келлер.

— Я его не знаю. Что он хотел сделать?

— Не валяй дурака. Ты никого не защитишь. И мы скинули его в пропасть. Рост пять футов десять дюймов, возраст двадцать один год, волосы коричневые, глаза голубые...

— Я же говорю, что не знаю такого.

— Прощай.— Иезус Пьетро нажал кнопку под столом. Дверь открылась.

— Подожди минуту. Подожди...

— Лжет,— подумал Иезус Пьетро, когда юношу увели. Может и насчет кара лжет. Человек, который действительно украл кар, сейчас ждет в вивариуме допроса. Если, конечно, кар был украден. Не исключено, что кар был передан поселенцами, одним из них, предателем.

Иезус Пьетро часто думал, почему поселенцы не снабжают его наркотиками, вынуждающими говорить только правду. Ведь их так легко было бы изготовить. Однажды, будучи в хорошем настроении, Миллард Парлетт попытался объяснить ему это.

— Нам принадлежат наши тела,— сказал он.— И тем не менее мы без сожалений расстаемся с больными органами и заменяем их. Так что тела все-таки не наши. Так неужели мы должны делиться не только нашими телами, но и должны допустить чужих в наш внутренний мир?

Странно было слышать такое от человека, у которого почти ничего не осталось от своего собственного тела. Но и другие чувствовали примерно то же самое. Так что Иезусу Пьетро оставалось полагаться только на себя и свое знание психологии.

Полли Турнквист. Возраст: двадцать лет. Вес: девяносто пять фунтов. Одета она была в измятое вечернее платье, сшитое по последней колониистской моде. Иезус Пьетро не нашел в ней ничего. Она была маленькая, смуглая и, по сравнению с большинством знакомых ему женщин, была слишком мускулиста. Это были мускулы

от тяжелой работы, а не от спорта. Руки ее загрубели от работы. Волосы ее были зачесаны назад без всяких признаков модной прически.

Если бы она росла в таких же условиях, в каких растут дети на Альфа Плато, если бы она имела всю косметику и умела ей пользоваться, она могла бы стать красивой. Но у нее не было ничего этого. Работа не красила девушек. И колонистки девушки старились гораздо быстрее, чем девушки с Альфа Плато.

Она была всего лишь девушка-колонистка. Одна из тысяч других.

Она стояла молча перед ним, пока наконец он не рывкнул:

— Ну? Ты Полли Турнквист, да?

— Конечно.

— У тебя были снимки, когда мы схватили тебя. Откуда они у тебя?

— Я предпочитаю не говорить об этом.

— Я так и думал. О чем же ты хочешь поговорить?

Полли растерялась.

— Вы серьезно?

— Конечно. Я уже допросил сегодня уже шесть человек. Банк органов полон и день кончается. Я не тороплюсь. Ты знаешь, что значат эти снимки?

Она осторожно кивнула.

— Думаю, да. Особенно теперь, после рейда.

— О, ты поняла, почему был сделан налет?

— Мне стало ясно, что вы больше не нуждаетесь в Сынах Земли. К тому же они всегда представляли опасность для вас.

— О, ты слишком переоцениваешь их.

— Но вы никогда не старались полностью уничтожить нас. Ведь мы служим поставщиками для ваших проклятых банков органов.

— Ты меня удивляешь. Разве ты не знала об этом, когда вступала в организацию?

— Прекрасно знала.

— Тогда почему вступила?

Она развела руками.

— Почему другие вступают? Я не хочу, чтобы все продолжалось по-старому. Кастро, что случится с вашим телом, когда вы умрете?

— Меня кремируют. Я старый человек.

— Вы же поселенец. Так что вас кремируют. А мы, колонисты, всегда идем в банк органов.

— Я наполовину поселенец,— сказал Кастро. Ему вдруг захотелось поговорить. Можно было не стесняться перед этой девчонкой, которая была почти мертва.— Когда мой, так сказать, псевдоотец достиг возраста семидесяти лет, он решил не продолжать жизнь на лекарствах, а просто покончил с собой.

Девушка была в ужасе.

— Я вижу, ты понимаешь. И немного погода моя мать забере-

менела. Должен признать, что вырос я как поселенец. Я любил и мою мать и моего настоящего отца, хотя не знаю, кто он был — может повстанец, а может вор.

— Я вижу, что для вас в этом нет разницы, — со злобой спросила девушка.

— Нет. Впрочем вернемся к Сынам Земли. Ты совершенно права. Мы больше не нуждаемся в них — ни как в поставщиках банка органов, ни для чего другого. Ваша группа была самой большой на Маунт Лукиткэт. Со временем мы расправимся и с остальными.

— Я не понимаю. Банк органов больше не нужен, да? Почему бы не объявить об этом? Ведь это будет праздник для всех!

— Именно поэтому мы и не сообщаем об этом. Нет, банк органов нужен. Во-первых, нам нужны кое-какие материалы, а во-вторых, он будет средством устрашения и наказания за преступления!

— Ты сукин сын, — свирепо сказала Полли. Голос ее напряженно звенел от сдерживаемой ярости. — По-твоему, умирать без всякой пользы для общества для нас страшнее, чем умирать, зная, что твое тело еще послужит людям?

— Вы не будете умирать без пользы, — терпеливо сказал Иезус Пьетро. — Впрочем, не будем об этом. Что ты знаешь о каре в подвале Кейна.

— Я не буду говорить об этом.

— Ты очень упрямое существо.

Улыбка тронула губы девушки.

— Я слышала это.

Ее реакция удивила Иезуса Пьетро. Он восхитился девушкой и его охватила горячая волна желания. Внезапно эта истерзанная девушка-колонистка стала единственной девушкой на планете. Иезус Пьетро хранил на лице ледяную маску, пока волна плотского желания не отхлынула. Это заняло несколько секунд.

— А что ты знаешь о Мэтью Келлере?

— О ком? Вы имеете в виду...

— Ты не хочешь говорить о нем. Мисс Турнквист, на этой планете нет препаратов, с помощью которых мы узнали бы правду от тебя. Хотя в библиотеке есть описание того, как сделать скололамини, но поселенцы запретили мне использовать его. Следовательно, мне приходится прибегать к другим методам. — Он увидел, как девушка напряглась. — Нет, нет. Это не пытки. Если я применю пытки, меня самого отдадут в банк органов. Я просто хочу предоставить тебе возможность приятно отдохнуть.

— Мне кажется, я понимаю вас. Кастро, ради чего вы работаете? Вы же сами наполовину колонист. Почему вы работаете на поселенцев?

— На планете должен существовать закон и порядок, мисс Турнквист. И есть только одна сила, которая может поддерживать и то и другое — это поселенцы. — Иезус Пьетро нажал кнопку.

Он не расслаблялся, пока ее не увели, и затем почувствовал себя полностью разбитым. Может, она заметила его вожделение? О, как это неприятно! Но может она решила, что он просто разозлился? Ну, конечно, так и есть.

Полли вели по коридорам, когда она вдруг вспомнила о Мэте Келлере. И ее величавая надменность, которую она демонстрировала перед конвоем, вдруг перешла в нежность. Почему Иезус Пьетро так интересуется им? Он даже не член Лиги. Может он бежал?

Странно. Ей понравился Мэт. Он заинтересовал ее. И затем внезапно... Для него это все выглядело так, как будто она бросила его. Впрочем, теперь дело не в этом. Но полиция должна была освободить его. Ведь он просто прикрытые для остальных.

Кастро. Почему он так говорил с нею? Может потому, что она обречена на смерть? Ну что же, она постарается пожить подольше. Кастро очень хочет знать, кому она сказала о Рамроботе N 143. Она не сказала никому. Но пусть Иезус Пьетро Кастро помучается.

Девушка с любопытством смотрела на закругленные стены и потолок с осыпавшейся, обесцвечившейся росписью, на спиральные лестницы, на коричневый ковер из искусственной травы. Она смотрела на пыль, которая поднималась из-под ее ног, проводила руками по коралловым стенам. Ее новый джемпер казался ярким пятном в полумраке заброшенного дома.

— Странно, — сказала она с каким-то акцентом.

Мужчина рукой, которая только что обнимала талию девушки, обвел вокруг себя.

— Они живут в таких домах, — сказал он с тем же акцентом. — Именно в таких. Их дома можно увидеть сверху, если лететь на каре к озеру.

Мэт улыбнулся, наблюдая, как они поднимаются по лестнице. Он никогда не видел двухэтажных коралловых домов. Их было очень сложно выращивать. Почему бы им не спуститься на Дельта Плато, если им хочется посмотреть, как живут колонисты?

Но зачем им это? Их жизнь гораздо интереснее.

Это очень странные люди. Их трудно понять и не из-за странного акцента, ни из-за того, что их слова не всегда совпадали по значению со словами колонистов. И лица у них были чужие с расширенными ноздрями и высокими скулами.

По сравнению с колонистами они выглядели хрупкими и слабыми, но зато грациозными и красивыми. Они двигались так, как будто им принадлежал весь мир.

Брошенный дом разочаровал его. Он уже думал, что все потеряно, как вдруг сюда пришла эта парочка. Мужчина и девушка ходили по дому, осматривая его, как в музее. Если ему повезет, то они пробудут здесь еще немного времени.

Мэт быстро выскользнул из своего убежища, схватил их корзину

с едой и на цыпочках побежал к двери. Он знал, где можно надежно спрятаться.

Он с корзиной в руке перескочил через низкую каменную стену. Там, над краем обрыва был трехфутовый гранитный выступ. Мэт устроился под ним. Голова его была на дюйм ниже края гребня, а ноги всего в футах от пропасти. Он открыл корзинку.

Здесь было очень много еды, гораздо больше, чем нужно для двоих. Мэт съел все: суп в термосе, яйца, сэндвичи, зелень, горсть маслин. Затем он скинул корзину и полиэтиленовые мешочки в бездну. Мэт задумчиво проводил их глазами.

Каждый может увидеть бесконечность, взглянув в ясное ночное небо. Но только на Лукиткэт можно увидеть бесконечность, глядя вниз.

Но, конечно, это не настоящая бесконечность. Да и в ночном небе тоже. Человек может увидеть только ближайшие галактики, однако это всего лишь ничтожная часть вселенной. Мэт видел кажущуюся бесконечность, глядя в бездну.

Он видел, как уменьшается в размерах падающая корзина. Все меньше и меньше. Исчезла.

Полиэтиленовый мешочек. Исчез.

И снова ничего, кроме белого тумана.

Когда-нибудь в будущем это явление назовут Транс Плато. Это одна из форм автогипноза, хорошо известная жителям Плато обоих классов. Этот гипноз отличается от других типов тем, что в него может попасть любой, если будет смотреть слишком долго вниз.

В течение восьми часов Мэт не имел возможности отдохнуть. И теперь он решил не упускать этой возможности.

Он вышел из прострации со странным ощущением, что прошло много времени. Он лежал на боку, свесив голову через край и глядя в невообразимый мрак бездны. Чувствовал себя он прекрасно.

Но до тех пор, как память вернулась к нему.

Он поднялся и осторожно перелез через стену. Руки и ноги его дрожали, желудок превратился в пластиковый экспонат из класса биологии. Как он не свалился туда во время забытья?

Он отошел от стены и остановился. В каком направлении больница?

Где-то слева возвышалось что-то темное. Вдоль обода слабо виднелся свет. Может там?

Вскоре под ногами вместо земли и травы он ощутил камень. Да, и эти камни триста лет не были затронуты людьми, которые на всей остальной части Плато вырастили травы, деревья, кусты. Он стоял на вершине каменного гребня и смотрел вниз, на больницу.

Она была в полумиле от него и вся полыхала огнями. Вокруг больницы не было домов, она стояла на пустом пространстве. Все дома были расположены не ближе, чем на полмили к больнице. В

потоке света Мэт увидел темный язык леса, который он видел сегодня утром.

Прямая светлая линия тянулась от больницы к скоплению домов. Дорога.

Он мог добраться до леса, передвигаясь по окраине города. Под защитой деревьев он мог бы дойти до самой стены — но это было рискованно. Почему полиция оставила этот лес, хотя все остальное пространство вокруг больницы представляло собой каменную пустыню? В этом лесу, наверное, на каждом шагу датчики обнаружения.

Он пополз по каменной пустыне.

Ему приходилось часто останавливаться для отдыха. Все-таки этот способ передвижения очень утомителен. Однако, что же он собирается делать, когда попадет внутрь? Больница была огромна, а он ничего не знал о ее внутреннем расположении. Освещенные окна беспокоили его. Интересно, там когда-нибудь спят? Сверху смотрели звезды, яркие и холодные. Каждый раз, как он останавливался передохнуть, больница становилась все ближе.

А вот и стена, окружающая больницу — гладкая, без единой трещины.

До нее было всего ярдов сто, когда он увидел провод, голый медный провод, натянутый в нескольких дюймах над землей. Мэт не коснулся его. Он осторожно перешагнул его и тут же упал на землю снова.

До него донеслись звуки тревоги. Мэт замер и затем перепрыгнул провод одним прыжком, рухнул на землю и не шевелился.

Глаза его были закрыты. Он ощутил слабое действие ультразвукового стулцера. Видимо расстояние было велико. Он рискнул оглянуться. Четыре прожектора обшаривали каменистую пустыню, стараясь нащупать его. Полицейские стояли на стене.

Мэт отвернулся, боясь, что в темноте будет заметно его светлое лицо. Послышался свист пуль с усыпляющим веществом. Это были стеклянные ампулы, содержимое которых всасывалось в кровь. Конечно, они стреляли наугад, но скоро одна из пуль найдет его.

И вот луч света наткнулся на Мэта. Затем другой, третий.

Со стены донесся голос, усиленный громкоговорителем.

— Прекратить огонь, — свист пуль прекратился. Снова слышался голос, громоподобный, повелительный. — Вставай. Иди, но если ты не пойдешь, мы можем принести тебя.

Мэту захотелось закопаться в землю, как кролику, но кролик не смог бы спастись здесь, на голом камне.

Он встал, подняв руки.

Все было тихо.

Один из лучей прожектора покинул его, затем и остальные. Они еще немного побродили по каменистой пустыне, выхватывая из тьмы причудливые каменные изваяния, а затем погасли один за другим.

Снова послышался голос громкоговорителя. Он звучал немного озадаченно.

— В чем дело? Кто поднял тревогу?

Другой голос, отчетливо слышимый в ночи, ответил:

— Не знаю, сэр. Может быть, кролик. Ну что ж, отбой.

Люди со стены исчезли. Мэт остался один с поднятыми вверх руками. Немного погодя, он опустил их и побрел прочь.

Мужчина был высокий и тощий с длинным лицом без всякого выражения и маленьким ртом. Его полицейская форма не могла быть чище или лучше выглажена, чем если бы он одел ее только что. Он сидел возле двери. Это был человек, обреченный полжизни провести в ожидании.

Каждые пятнадцать минут он должен был вставать и смотреть в гроб.

Вероятно, этот гроб был сделан для Гильгамена или Поля Баньяна. Он был дубовый, по крайней мере снаружи. Восемь ротаметров, установленные на стенке гроба, казались здесь совершенно не к месту и создавали впечатление, что плотник, делавший гроб, был несколько не в себе. Длинноголовый человек должен был вставать время от времени и следить за ротаметрами. Ведь что-нибудь могло произойти. Тогда нужно было действовать. Но никогда ничего не происходило, и человек возвращался на свое место и снова ждал.

Проблема.

В мозгу Полли Турнквист хранится информация, которая нужна. Но как ее добыть?

Разум это тело, а тело это разум.

Химические препараты могут заставить ее говорить правду, но они могут и повредить ей. Можно было бы и рискнуть, но использование препаратов запрещено.

Пытки? Можно вырвать несколько ногтей и сломать несколько костей. Но боль подействует на адреналиновые железы, а адреналин подействует на весь организм. Длительная боль может губительно отозваться на всем организме. А кроме того, пытки неэтичны сами по себе.

Дружеское убеждение? Можно предложить ей сделку. Подарить ей жизнь и безбедное существование за то, что он услышит от нее правду. Конечно, это было бы лучше всего. Но она не пойдет на это. Ты же знаешь это.

Значит, нужно дать ей полный покой.

Полли Турнквист стала единственной живой душой в пространстве, конечно, если можно было это назвать пространством. Ни тепла, ни холода, ни жажды, ни звука, ни давления, ни света, ни тьмы — ничего не было вокруг нее.

Она пыталась сосредоточиться на биении своего сердца, но даже, казалось, оно исчезло, настолько регулярными были удары сердца.

Мозг не мог регистрировать их. Аналогично обстояло дело и с тьмой: тьма была настолько равномерной перед ее тщательно забинтованными глазами, что она не могла ощущать ее. Напряжение мышц тоже не вызывало никакого противодействия, так как она была закутана во что-то чрезвычайно мягкое, и в нем тонули все микроскопические движения, которые она могла делать. Рот ее был приоткрыт. Она не могла ни открыть его дальше, ни сомкнуть зубы из-за подушки из пенокаучука во рту. Она не могла даже шевельнуть языком. У нее не было никакой возможности причинить себе боль. Абсолютный покой укутал ее своими мягкими складками и унес ее, беззвучно кричащую, в ничто.

Что случилось?

Он сидел на вершине холма и смотрел на ярко освещенные окна больницы. Кулак его мягко постукивал по колену.

Что случилось? Они же видели меня! Видели меня!

Он пошел прочь. Растерянный, беспомощный, он ожидал услышать громовой голос из громкоговорителя. И ничего не случилось, как будто они забыли о нем. Он шел прочь, ощущая спиной смерть, ожидая ощутить воздействие ультразвукового луча или укол ампулы с усыпляющим веществом, или раскаты голоса офицера.

Постепенно он начал понимать, что они не интересуются им.

И тогда он побежал.

Сейчас он сидел и легкие его уже пришли в себя после бешеной работы в течение нескольких долгих минут, но сердце его все прыгало в груди. Может оно никогда не успокоится. Он бежал, пока не рухнул в изнеможении здесь, на вершине холма. Но гнал его не страх перед банком органов. Он бежал от невозможного, оттого, что не подчинялось известным ему законам природы. Как мог он убежать от этой каменной пустыни смерти и никто не преследовал его? Это было похоже на магию и это пугало его, приводило в ужас.

Что-то нарушило законы природы и спасло ему жизнь. Он никогда не слышал ни о чем подобном, разве что о Демонах Тумана. Но Демоны Тумана это миф, сказка. Он уже вырос из того возраста, когда верят в сказки. Старухи всегда рассказывают малышам об ужасных существах. Это древняя традиция, более древняя, чем история, возможно такая же древняя, как само человечество.

Но никто не верит в Демонов Тумана.

Они видели меня и позволили уйти. Почему?

Может у них какая-то своя цель? Как можно, заметив колониста у самых стен больницы, позволить ему уйти?

Может банк органов полон? Но неужели у них нет места, чтобы держать пленника, пока не придет время?

Но может они подумали, что он поселенец? Да, наверное, так оно и есть. Кто еще может оказаться на Альфа Плато? Но тогда кто-то должен был выйти и допросить его?

Мэт в возбуждении расхаживал по холму. Голова его кружилась. Он был так близок к смерти, но был спасен. Кем? И почему? Что ему делать дальше? Вернуться и дать им еще один шанс? Пойти на мост Альфа-Бета и надеяться на то, что никто не заметит, как он пройдет? Перелететь через утесы, махая руками, как крыльями?

Самое ужасное, что он не знает, что же произошло. Магия. Худ говорил что-то о магии.

Да нет, не о магии. О чем-то другом. О какой-то психической энергии. А Мэт в это время не сводил глаз с Полли и не мог вспомнить теперь, что говорил Худ.

Жаль. Ведь это его единственный выход. Осталось только предположить, что он обладает пси-энергией, хотя понятия не имеет, что это такое и в чем это выражается. Но по крайней мере это в какой-то степени может объяснить, что же случилось.

— Я обладаю психической энергией, — громко произнес Мэт. Голос его прозвучал четко и отчетливо в ночном воздухе.

Прекрасно, ну так что же?

Если Худ что-либо говорил о природе пси-энергии, то Мэт ничего не мог вспомнить. Но идею о перелете через утесы Альфа-Бета он должен был отбросить. Летать он не мог, несмотря на пси-энергию. Нет, нужно обязательно поговорить с Худом. Но Худ в больнице. И может уже мертв.

Тогда...

Мэту было одиннадцать лет, когда дед принес домой две игрушки для детей. Это были две миниатюрные модели автомобилей и они светились в темноте. Мэт и Джен полюбили их с первого взгляда и навсегда.

Однажды они оставили игрушку в шкафу на несколько часов, надеясь, что они будут ярче светиться. Но когда Джен открыла шкаф, то увидела, что они не светятся вовсе.

Джен разрыдалась, а реакция Мэта была совсем другой. Если мрак лишил игрушки их могущества...

Тогда он положил их под лампу и оставил на час. Когда он выключил лампочку, то модели машин светились в темноте, как две маленькие голубые лампы.

Небольшое облако плыло по ночному небу, пряча звезды. В городе постепенно погасли огни, только больница оставалась ярко освещенной. Плато засыпало, погружаясь в глубокую тишину.

Ну что же... нужно попытаться пробраться в больницу. Его обнаружили тогда. Но когда он стоял в свете прожекторов, они почему-то не видели его, не могли видеть. Причина этого оставалась для него тайной, но он был уверен, что так оно и было.

Он решил рискнуть. И пошел.

Вообще-то ему нужно было бы одеться во что-нибудь яркое —

голубая рубашка с оранжевым свитером, зеленые брюки, алая шапочка с буквой «С» в желтом треугольнике... и роговые очки? Впрочем, это не важно, Мэт решил идти, как есть.

Он шел по краю пустынной равнины, пока не добрался до домов. Теперь он пошел по темной улице.

Странные дома окружали его. Хотелось бы посмотреть на них днем. Что за люди живут в них. Беспечные, веселые, вечно юные и здоровые... хорошо быть одним из них...

Однако он заметил одну особенность в этом городе. Все дома были разными: они отличались, и по форме и по цвету, и по стилю, и по строительному материалу, но в одном они были схожи. Их фасады смотрели в сторону от больницы, как будто она внушала им ужас.

Впереди показались огни и Мэт ускрил шаг. Он шел уже минут тридцать. Да, это была дорога, ярко освещенная двумя рядами фонарей.

Мэт вступил на освещенную полосу дороги и направился к больнице.

Снова он ощутил всем телом присутствие смерти. Впереди его ждала опасность. Банк органов внушал ужас всем жителям планеты: это была жуткая смерть, но Мэт боялся чего-то более страшного.

Люди, которые выходили из больницы, много рассказывали о ней. Таких людей было мало, но они были и они говорили. Так что Мэт вполне мог представить, что ждет его впереди.

Они заметят его, затем в его тело вонзятся усыпляющие пули и его тело на носилках внесут в больницу. А когда он проснется, то у него состоится первый и последний разговор с Кастро. Горящие глаза главы полиции вонзятся в Мэта: «Келлер, да? Помню, мы упустили, твоего дядю. А, Келлер. Ты шел сюда, как поселенец с приглашением. Интересно, о чем ты думал при этом, Келлер?»

Что же он ответит на это?

БОЛЬНИЦА

Во сне Иезус Пьетро выглядел лет на десять старше. То, что спасало его днем — прямая спина, тугие мышцы, каменные черты лица — все было расслаблено сном. Его пронзительные голубые глаза были закрыты. Его обычно тщательно причесанные волосы были растрепаны и из-под них виднелась лысина, которую он скрывал. Он спал один, отделенный от жены дверью, которая никогда не

запиралась. Он ворочался во сне, спал очень беспокойно, а иногда у него бывала бессонница и он лежал целыми ночами, глядя в потолок. Поэтому Надя спала в отдельной комнате. Но этой ночью он спал спокойно.

Он вполне мог бы выглядеть тридцатилетним. Несмотря на стареющую кожу, он был в хорошей физической форме. У него было хорошее дыхание, благодаря пересаженному легкому, мышцы под морщинистой кожей и жировой прослойкой были тверды, пищеварение хорошее. Зубы, правда, переставленные, были прекрасными. Дайте ему новую кожу, новые волосы на голову, новую печень, замените некоторые кишки...

Но для этого нужно специальное постановление конгресса поселенцев. Если ему предложат пересадку, он согласится, но сам за это бороться не будет. Трансплантация была полностью привелегией поселенцев и они награждали ею колонистов лишь за выдающиеся заслуги. А Иезус Пьетро... нет, он не был слишком щепетилен, но он с неохотой думал о пересадке органов. Ему не хотелось жить с органами какого-то незнакомого человека. Ему казалось, что при этом он теряет свое я. И только страх смерти заставил его несколько лет назад пересадить себе легкое.

Он спал спокойно.

И все события проходили у него перед глазами.

Снимки Полли Туркивист. Кто-то позаванной ночью выскользнул из его сети. А вчера от него сбежал Келлер. Какое-то странное ощущение, вернее, пока подозрение, что груз рамбота N 143 имеет гораздо более важное значение, чем полагают поселенцы. Черт поберит, простыни все сбились в кучу. И одеяло слишком тяжелое. К тому же он забыл почистить зубы на ночь. Келлер, падающий вниз, в бездну, в ядовитый туман. Может это он вернулся, чтобы преследовать его, мучить его кошмарами?

Шум откуда-то с улицы. Слабый шум, который разбудил его и который до сих пор еще не получил объяснения. Его похотливое желание по отношению к девушке и чувство вины, которое последовало за этой вспышкой. Он даже захотел использовать препарат, который бы заставил пленную девушку ощутить влечение к нему. Прелюбодеяние! Страшный грех!

Искушения. Беглецы. Горячие измятые простыни.

Он снова проснулся.

Он лежал на спине, сложив руки и глядя в потолок. Бесполезно бороться с бессонницей. Вчера он нарушил свое расписание: позавтракал в двенадцать тридцать. Но почему он все время думает о Келлере?

Иезус Пьетро повернулся к телефону.

Незнакомый голос ответил:

— Больница, сэр.

— Кто у телефона?

— Старший сержант Леонард В. Уатт, сэр. Ночной дежурный.

— Что случилось в больнице, сержант?

Вопрос был самым обычным. Иезус Пьетро задавал его каждое утро уже много лет.

— Позвольте мне заглянуть в журнал. Вы ушли в семь, сэр. В семь тридцать майор Янсен приказал освободить тех из задержанных, у кого не было в ухе микрофона. Майор Янсен ушел в девять. В десять тридцать сержант Гелиос доложил, что все освобожденные доставлены по домам. Ммммм...— шелест бумаги.— Все, которые подозреваются в измене, находятся под стражей. Гроб с девушкой функционирует нормально. Произошла ложная тревога в двенадцать ноль восемь, вызванная кроликом, который пересек линию. На полосе не было обнаружено ничего подозрительного.

— Почему вы думаете, что это был кролик?

— Сейчас я узнаю у дежурных на стене.

— Не нужно. Они сами не знают.— Иезус Пьетро отключился и снова лег на спину. Он стал ждать прихода сна.

Мысли его снова потекли...

... Он не был у Нади уже довольно долго. Может начать уколы тестерона? Он поморщился при этой мысли.

... кролик.

— А почему нет? Из леса.

Иезус Пьетро повернулся на бок.

... Как может кролик оказаться в лесу, где полно ловушек?

... Как может оказаться в лесу живое существо больше, чем полевая мышь?

... Что может кролик делать на Альфа Плато? Что он будет есть здесь?

Иезус Пьетро выругался и снова взялся за телефон. Сержант ответил и Пьетро заговорил:

— Прими приказ. Я хочу, чтобы завтра был обыскан весь лес. Если там найдется что-либо большее, чем крыса, немедленно доложить мне.

— Да, сэр.

— Кстати, где была тревога ночью?

— Сейчас взгляну. Да, в Шестом секторе, сэр.

— В Шестом? Но это недалеко от леса.

— Да, сэр.

Иезус Пьетро попрощался и повесил трубку. Завтра лес обышут. Полиция что-то совсем обленилась, решил Пьетро. С этим нужно что-то делать.

Стена была наклонена наружу — двенадцать футов бетона, обмотанного колючей проволокой. Ворота тоже были наклонены под тем же углом — градусов двенадцать по отношению к вертикали. Ворота были тяжелыми, металлическими. Они вдвигались в бетонную стену,

толщина которой была двенадцать футов. Ворота были закрыты. Проектора освещали верхний край стены и ворот.

Мэт стоял под стеной, глядя вверх. Да, через стену ему не перебраться. Если его увидят, то конечно, откроют ворота... но они не должны увидеть его.

И пока еще не видели. Цепь его логических рассуждений оказалась верной. Если нечто, что светится в темноте, прекращает светиться, нужно поддержать это на свету. Если автомобиль с трудом взбирается в гору, то он поедет быстро, если его пустить с горы. Если копы видели тебя, когда ты прятался, но не замечали, когда ты стоял у всех на виду, то они совсем не увидят тебя, если ты пойдешь, не скрываясь, по ярко освещенной дороге.

Но логика здесь и кончилась.

Мэт повернулся спиной к стене. Он стоял под нависающими железными воротами и смотрел вдоль дороги на город. Там уже погасли почти все огни. Плато было черно вплоть до усыпанного звездами горизонта. Справа звезды были как будто в дымке. Мэт знал, что это туман над бездной.

И затем что-то толкнуло его. Он не пытался объяснить, что именно, даже самому себе.

Он откашлялся.

— Что-то помогает мне, — сказал он громко. — Я это знаю. Мне нужна помощь, чтобы пройти в ворота. Мне нужно попасть в больницу.

Из-за стены доносились звуки: шум шагов, голоса. Это были обычные звуки. Они не имели к Мэту никакого отношения.

А здесь, снаружи, не изменилось ничего.

— Помогите мне, — молил он кого-то или что-то. Он не знал, кого и что. Он не знал ничего.

На Плато религия не существовала.

Но вдруг Мэт осознал, что есть только один путь, чтобы попасть внутрь. Он сошел с дороги и начал искать что-нибудь подходящее для его цели. Вот оно! Обломок бетонной плиты, грязный и неровный. Мэт подошел к воротам и начал барабанить в них.

— Кланг! Кланг! Кланг!

Над стеной появилась голова.

— Прекрати ты, бастард!

— Пустите меня!

Голова оставалась над стеной.

— Ты колонист?

— Верно.

— Не двигайся. Стой смирно! — Человек поговорил с кем-то. Появились обе руки над стеной. В одной был пистолет, в другой телефонная трубка.

— Хэлло, хэлло! Отвечайте, черт побери!.. Уатт? Говорит Хобарт.

Какой-то идиот колонист подошел к воротам и барабанит в них. Что он хочет? Ол райт, сейчас спрошу.

Голова посмотрела вниз.

— Ты хочешь войти?

— Да.

— Он говорит, что хочет войти. Почему он решил придти сюда? О, ясно, Уатт. Я просто немного растерялся. Ведь такое случилось впервые.

Дежурный повесил трубку. Голова его и пистолет продолжали смотреть на Мэта. Немного погодя ворота бесшумно скользнули в стены.

— Заходи, — сказал дежурный. — Держи руки на голове.

Мэт вошел. Дежурный спустился к нему по лесенке.

— Иди вперед. Там, где огни, главный вход, видишь? Иди туда.

Главный вход было трудно не заметить. К огромной бронзовой двери вела широкая лестница с мелкими ступенями. По обеим сторонам двери стояли гигантские дорические колонны. И лестница и колонны были сделаны из мрамора или из полимерного заменителя.

— Не оборачивайся, — рякнул дежурный. Голос его дрожал.

Когда они подошли к двери, дежурный достал свисток и засвистел. Дверь бесшумно открылась. Мэт вошел.

И только теперь дежурный расслабился.

— Что тебе нужно здесь? — спросил он более спокойно.

Страхи Мэта вернулись к нему. Он был Тут. Эти коридоры и есть больница. До этого момента он не думал. Если бы он мог, он бы побегал сейчас. Вокруг него были стены и на окнах металлические решетки. Кое-где были двери, но все закрытые. Незнакомый запах висел в воздухе.

— Я спросил, что тебе...

— Я хочу, чтобы меня судили.

— Не пачкай мне мозги! Какой суд? Я обнаружил тебя на Альфа Плато. Это преступление. Тебя посадят в вивариум, пока ты не понадобишься, а потом тебя заморозят и препарируют. Ты никогда больше не проснешься. — Это звучало так, как будто дежурный смаковал свои слова.

Голова Мэта дернулась. Ужас появился в его глазах. Дежурный отпрыгнул назад при резком движении Мэта. Пистолет своим маленьким дулом направился на Мэта. Он был заряжен ампулами с усыпляющим веществом. Мэт осознал, что сейчас раздастся выстрел.

Они отнесут его бессознательное тело в вивариум. И он там уже не проснется. Они препарируют его во сне. Сейчас протекают последние мгновения его жизни...

Пистолет опустился. Лицо дежурного внезапно выразило крайнюю растерянность. Он почти обезумел. Он дикими глазами осмотрелся вокруг себя, посмотрел на стены, на двери, на пистолет в своей руке, посмотрел на все, кроме Мэта. Вдруг он резко повернулся и побегал.

Мэт слышал его удаляющийся голос.

— О, Демоны Тумана. Я должен быть у ворот!

В час тридцать пришел другой офицер, чтобы сменить дежурного у гроба Полли.

Униформа у нового дежурного не была так идеально выглажена, как у первого, но сам он выглядел гораздо лучше. Мышцы его были хорошо тренированы и даже в такой поздний час он выглядел свежим и отдохнувшим. Он подождал, пока длинноголовый уйдет, а затем осмотрел трубки и ротаметры.

Он методически двигался вдоль приборов, занося показания в записную книжку. Затем он отвернул крышку и оттянул ресницы, стараясь не повредить их.

Фигура в гробу не двигалась. Она была закутана, как мумия, в мягкую легковесную ткань. Рот и нос у нее были заткнуты, однако оставались отверстия для дыхания. Уши тоже были заткнуты. Руки сложены вдоль туловища.

Офицер долго смотрел на нее. Затем он повернулся и прислушался. Кажется, все тихо. Никаких шагов не слышно в коридоре.

Офицер освободил уши от каучуковых пластин и мягко сказал:

— Не бойся. Я твой друг. Я хочу сделать так, чтобы ты поспала.

Он освободил из-под ткани руку Полли, достал пистолет и выстрелил ей в кожу. С пол-десятка красных пятнышек выступило на руке, но девушка не шевельнулась. Он даже не был уверен, слышала ли она его слова и чувствовала ли уколы игл.

Затем он закрыл ей веки и привел все в порядок.

Закрыв крышку гроба, он достал записную книжку и выставил все приборы на те же значения, что были до того, как он открыл гроб.

Теперь все приборы лгали. Они говорили о том, что Полли Тунквист бодрствует, но лежит без движения. Они говорили, что она постепенно сходит с ума. А на самом деле Полли Турнквист спала. И она будет спать все восемь часов, в течение которых будет дежурить Лорен.

Лорен вытер лицо и сел. Ему очень не хотелось подвергаться такому риску, но это было необходимо. Вероятно, девушка что-то знает, иначе она не была бы здесь. Теперь она сможет продержаться на восемь часов дольше.

Человек, которого ввезли в операционную банка органов, был без сознания. Это был тот самый юноша, которого Иезус Пьетро допрашивал днем. Пьетро с ним покончил — юноша был обречен, хотя по закону он был еще жив. Но это была лишь формальность, ничего более.

Операционная была огромна. Вдоль длинной стены стояло двадцать шкафов на колесах, в которых хранилась медицинская аппара-

тура. Шкафы можно было перевозить с места на место. Спокойные доктора работали над операционными столами, которых здесь было очень много. Здесь же находились холодные ванны, жидкость в которых поддерживалась при температуре десять градусов по Фаренгейту. Возле двери стоял двадцатигаллонный бак с жидкостью соломенного цвета.

Два служащих ввели подозреваемого в операционную и один из них тут же вогнал в его руку целую пинту жидкости из бака. Затем его повезли к одному из столов, рядом с которым стояла холодная ванна. Подошла женщина и натянула дыхательную маску на лицо человека. Служащие наклонили стол. Юноша соскользнул в ванну без всплеска.

— Это последний,— сказал один.— О, я совсем валюсь с ног.

Женщина посмотрела на него с участием, которое может быть выражал ее рот под маской, но не глаза. Глаза были совсем без выражения. По голосу служащего было ясно, что тот находился на крайней степени истощения.

— Вы оба можете идти,— сказала она.— Поспите до завтра. Ваша помощь больше не нужна.

Когда они покончат с этим, банк органов будет полон. По закону юноша был еще жив. Но температура его тела падала быстро, удары сердца замедлялись. Постепенно сердце остановилось. Температура тела продолжала падать. Через два часа она будет ниже точки замерзания, но жидкость соломенного цвета в его венах не позволит замерзнуть крови.

И по закону он будет еще считаться живым. Заключенных, которых хранили в таком состоянии, еще можно было оживить без всяких последствий для здоровья, хотя все последующие дни их жизни будут наполнены ужасом воспоминаний.

Теперь тело юноши подняли на операционный стол. Его череп был вскрыт. Разрез сделали на шее, разрезав спинной мозг, как раз у основания головного мозга. Затем мозг извлекли, чрезвычайно осторожно, чтобы не повредить мембраны. До этого момента доктора действовали с крайней почтительностью: ведь это был человеческий мозг. Но с этого момента человек был уже мертв уже по всем законам.

Затем мозг сожгли и пепел сложили в урну для захоронения. После этого сняли его кожу. Всю работу делали машины, однако машины не могли действовать без контроля человека. Доктора работали так, как будто они решали очень сложную, требующую терпения и аккуратности, головоломку. Каждая часть была помещена в особый бак с физиологическим раствором. Затем были проделаны разнообразные анализы. Все-таки операция трансплантации никогда не была простой. Тело пациента могло отторгнуть чужеродные органы. Когда все тесты на биохимические реакции были закончены, все данные по каждому органу зарегистрированы, баки были помещены в банк органов.

Мэт заблудился. Он бродил по коридорам, отыскивая на дверях надпись «Вивариум». На некоторых дверях были надписи, на некоторых нет. Больница была огромна. Могло случиться так, что он будет блуждать здесь целые недели, пока не найдет этот вивариум, о котором упомянул дежурный у ворот.

Изредка ему в коридорах встречались люди — одни в полицейской форме, другие в белых халатах и масках. Мэт прижимался к стене и стоял неподвижно. Никто не заметил его. Странная невидимость хорошо укрывала его.

Но он так и не нашел ничего.

Карта, вот что ему нужно.

Некоторые из этих дверей вели в офисы. Там наверняка можно найти карту. Возможно она вделана в стену или в стол. Все-таки Больница была так велика, а коридоры так запутаны... А вот дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещен». Может быть...

Он открыл дверь и замер на пороге, потрясенный до глубины души.

Стеклянные сосуды заполняли все пространство комнаты от пола до потолка. Они были сложены как книжные шкафы в библиотеке. В первый момент Мэт не понял, что находится в сосудах. Но по их ассиметричной форме, по темно-красному цвету нетрудно было догадаться.

Мэт вошел в комнату. Он потерял контроль над ногами и они несли его сами. Эти темно-красные предметы, эти прозрачные пленки, эти округлые очертания. Да, это все части человеческих тел. И на сосудах надписи, как эпитафии:

Тип АБ, РШ. Содержание глюкозы..., РД..., Тироид Гланд, мужской. Класс 02, пн 31, сверхактивен для тела весом менее...

Левый хumerус, тип Марроу О, РШ-, И, 0, 2, Длина... Следует учесть: перед использованием в глазницах провести испытания.

Мэт закрыл глаза и прижался горячим лбом к одному из сосудов. Поверхность стекла была холодной и это привело его в чувство. Он всегда был слишком чувствителен. Ему сейчас требовалось время, чтобы оплакать этих незнакомцев. Спасибо Демонам Тумана, что они незнакомцы.

Поджелудочная железа. Классы Ф, 4, пр 21, тенденция к диабету. Использовать только железы секреции, не трансплантировать.

Дверь открылась.

Мэт скользнул за один из сосудов и стал наблюдать из своего убежища. Женщина в халате и маске что-то вкатила. Мэт видел, что она переложила что-то с тележки в сосуды.

Кто-то только что умер.

И женщина в маске была чудовищем. Если бы у нее под маской были бы ядовитые клыки, Мэт и то не боялся бы ее больше, чем сейчас.

Через открытую дверь слышались голоса.

— Нам больше не нужны сухожилия.— Голос женщины оказался высоким, почти пронзительным. Она произносила слова с акцентом, как поселенка.

Саркастический мужской голос ответил:

— Так что нам делать, выбросить их?

— А почему нет?

Секунда тишины. Женщина с тележкой закончила свою работу и двинулась к двери. Затем:

— Мне никогда это не нравилось. Человек умирает, чтобы дать нам здоровье, живые связки и сухожилия. А ты хочешь, чтобы мы выбросили их, как ...— закрывшаяся дверь оборвала фразу.

— Как остатки с пира хищников,— закончил фразу Мэт.

Он повернулся к двери, где заметил сосуды, непохожие на остальные. Их было четыре и все они стояли возле двери. В сосудах находились какие-то механизмы, качающие воздух. В ближайшем сосуде находилось шесть маленьких сердец. Конечно, это были сердца. Они бились. Они были маленькие, не больше детского кулака. Мэт коснулся стенки сосуда. Она была теплая. В другом сосуде находились печени. Маленькие, совсем маленькие.

Одним прыжком Мэт выскочил в коридор. Он прижался к стене. Плечи его вздрагивали, он стонал, в глазах все еще стояли эти маленькие сердца, эти маленькие печени...

Кто-то вышел из-за поворота и остановился.

Мэт повернулся и увидел его: большой толстый человек в полицейской форме. Мэт с трудом произнес:

— Где вивариум? — голос его был сдавлен, но слова вполне разборчивы.

Человек посмотрел на него, затем взмахнул рукой:

— Иди направо и дойдешь до лестницы. Поднимешься на один этаж, затем направо и потом налево. Смотри надпись. Это большая дверь с лампой над ней. Ты не пропустишь ее.

— Благодарю,— Мэт повернулся, чтобы идти. Живот у него страшно болел, руки дрожали. Ему очень хотелось упасть прямо здесь, но он заставил себя идти.

Что-то кольнуло его в руку.

Мэт повернулся и поднял руку. Боль от укола уже исчезла, но рука онемела и стала всего лишь куском мяса. На кисти появились следы красных уколов.

Большой человек смотрел на Мэта с явным любопытством. В руке его был пистолет.

Галактики бешено закружились в глазах Мэта.

Капрал Халли Фокс посмотрел, как падает колонист, затем вложил пистолет в кобуру. Куда катится мир? Сначала эта смехотворная таинственность вокруг рамбота, затем две сотни пленников за один вечер, так что весь персонал больницы сбился с ног. И вот

теперь! Колонист бродит по коридорам больницы и спрашивает, где находится вивариум!

Ну что же, он его найдет. Халли Фокс поднял колониста, взвалил на плечи, кряхтя от усилий. Доложи и забудь об этом. Он поправил свою ношу и пошел к лестнице.

ВИВАРИУМ

На рассвете острые вершины утесов Маунт Лукиткэт плавали в море тумана. Те, кто вышел в это время на улицу, увидели, что небо из черного превратилось в серое. Этот туман не был ядовитым, как в бездне. Это был всего лишь толстый слой водяного пара, такого густого, что для тех, кто в это время вышел на улицу, дома их совершенно исчезли в тумане. Люди ходили и работали в маленькой вселенной в десять ярдов диаметром.

В семь часов утра отряды полицейских направились в лес. Лучи прожекторов со стен пронизывали весь лес насквозь. Полицейские, дежурившие ночью, ушли домой, а те, что сменили их, не имели понятия, кого им искать в лесу. Некоторые думали, что ищут колонистов.

В девять часов все отряды встретились посреди леса, недоуменно пожали плечами и покинули его. Ни человека, ни крупного животного они там не обнаружили. Тем не менее четыре кара поднялись в воздух и несколько раз прошли над лесом, опыляя его ядом.

Иезус Пьетро разрезал грейпфрут на две части и выдавил одну половину в стакан. Он спросил:

— Нашли кролика?

Майор Янсен задержал руку с чашкой кофе, не донеся ее до губ.

— Нет, сэр. Но они нашли колониста.

— В лесу?

— Нет, сэр. Он барабанил в ворота камнем. Дежурный впустил его в больницу, но затем все стало как-то непонятно...

— Янсен, мне уже непонятно. Зачем этот человек стучал в ворота? — Ужасная мысль пришла к нему. — Это поселенец?

— Нет, сэр. Это Мэтью Келлер. Абсолютно точно.

Грейпфрут выскользнул из рук Пьетро.

— Келлер?

— Да.

— Тогда кто же был в каре?

— Думаю, мы этого никогда не узнаем, сэр. Может вызвать добровольцев, которые решатся осмотреть тело?

Иезус Пьетро хохотал долго и громко. Янсен был чистокровный колонист, но весь его род так долго служил поселенцам, что теперь Янсен во всем походил на поселенца. Однако, он никогда не шутил со своими начальниками на людях. Наедине же он мог себе это позволить.

— Я давно думаю, как бы мне встряхнуть полицию,— сказал Иезус Пьетро.— Это был бы для них неплохой урок. Ладно. Значит пришел Келлер и стал барабанить в ворота камнем?

— Да, сэр. Дежурный позвонил Уатту и повел задержанного: Уатт подождал с полчаса и затем позвонил дежурному. Тот не мог вспомнить, что же случилось с того момента, как они вошли в больницу. Он вернулся на свой пост и ничего не мог сказать вразумительного. Конечно, он должен был обо всем доложить Уатту, но он не сделал этого и Уатт посадил его под арест.

— Уатт не должен был ждать полчаса. Где был Келлер потом?

— Капрал Фокс нашел его у двери в банк органов, выстрелил в него капсулами и притащил в вивариум.

— Значит, и дежурный, и Келлер ждут нас. Прекрасно. Мне не уснуть больше никогда, пока я не выясню все.— И Иезус Пьетро в крайней спешке закончил завтрак.

Затем ему показалось, что тайна гораздо глубже, чем он полагает. В конце концов, как Келлер добрался до Альфа Плато? Охранники не пустили бы его через мост.

На каре? Но единственный кар, замешанный в это дело...

Хобарт был перепуган. Он был перепуган точно также, как и любой другой подозреваемый на его месте. Хобарт и не скрывал своего страха.

— Я не знаю! Я привел его в больницу. Я шел позади, чтобы он не смог прыгнуть на меня...

— И он не прыгнул?

— Я ничего не помню.

— Может удар по голове вызвал у тебя амнезию. Сиди спокойно.— Иезус Пьетро обошел Хобарта и тщательно ощупал его голову. Ни шишек, ни ссадин.— У тебя голова не болит?

— Я хорошо себя чувствую.

— Хорошо. Вы вошли в больницу. Ты говорил с ним?

Хобарт кивнул седой головой.

— Я только хотел узнать, почему он стучался в ворота. Он не сказал.

— И потом?

— И внезапно... Я...— Хобарт остановился, судорожно глотая слюну.

Иезус Пьетро терял терпение.

— Ну?

Хобарт заплакал.

— Прекрати. Ты начал что-то говорить. Говори.

— Я... внезапно вспомнил, что... должен быть у ворот.

— А Келлер?

— Кто?

— Как насчет твоего пленника?

— Я не помню!

— О, пошел прочь отсюда.— Иезус Пьетро нажал кнопку.— Заберите его обратно в вивариум и дайте мне Келлера.

Вверх по ступеням, затем направо, а потом налево.

Вивариум. За огромными дверями находился зал с большим количеством кушеток. Все, кроме двух, были заняты. Здесь было девяносто восемь пленников всех возрастов, от пятнадцати лет до пятидесяти восьми — и все спали. На голове каждого было надето какое-то устройство. Все они спали спокойно, более спокойно, чем люди в обычном сне. Они дышали глубоко и ровно, их лица были спокойны, их не мучили кошмары. Да, в этом зале спали все.

Даже охранник клевал носом. Он сидел в удобном кресле. Двойной подбородок свешивался на грудь, руки были сложены на животе.

Более четырех сотен лет назад, в середине 19 века в России появился человек, умеющий усыплять людей. У него это иногда получалось. Но сейчас в двадцать четвертом веке этим искусством владели все.

Возьмите три электрода, легких электрода. Теперь закройте глаза, приложите два электрода к векам, а третий к основанию головы — к затылку. Пропустите слабый пульсирующий ток через мозг. Если через два часа выключить ток, то окажется, что этот принудительный сон был равносителен нормальному восьмичасовому сну.

А если не отключить ток? Прекрасно. Это не повредит спящему. Он будет спать. Он будет спать, независимо от того, что происходит вокруг него. Его можно будить для еды, питья, физических упражнений. Если вы не хотите, чтобы спящий жил долго, можно исключить упражнения.

Но эти пленники долго в вивариуме не оставались.

За дверью слышались тяжелые шаги. Охранник насторожился. Когда дверь открылась, он был уже весь внимание.

— Садись сюда,— сказал один из сопровождавших Хобарта. Хобарт сел. Лицо его было заплакано. Он сам надел на голову устройство, лег и заснул. Лицо его сразу стало умиротворенным.

Охранник спросил:

— Где Келлер?

Дежурный посмотрел в книгу записей.

— Девяносто восьмой.

— О'кэй.— Человек подошел к стеной панели и нажал на кноп-

ку под номером девяносто восемь. Когда Келлер зашевелился, они подошли к нему, чтобы надеть наручники. Затем они сняли с его головы аппарат.

Глаза Мэта открылись.

Охранники заученным движением ловко поставили его на ноги.

— Иди за нами, — сказал один. Растерянный Мэт почувствовал, как его тащат за руки. Вскоре они уже были в коридоре. Мэт успел бросить один взгляд назад, до того, как дверь закрылась за ним.

— Подождите, — сказал он, упираясь.

— Тебе хотят задать несколько вопросов. Смотри, если ты не захочешь идти, мы понесем тебя.

Угроза подействовала. Мэт перестал сопротивляться. Он предполагал проснуться мертвым и эти первые мгновения его пробуждения заставили его растеряться. К тому же кто-то проявляет к нему интерес.

— Кто хочет видеть меня?

— Джентльмен по имени Кастро. — Бросил один из полицейских. Диалог происходил как обычно. Любого пленника имя Кастро приводило в состояние протрации, парализовало мозг. Если этот тип имеет мозги, то он использует время, пока они идут, чтобы подготовиться к беседе. Эти охранники так долго служили здесь, что все пленники им казались на одно лицо.

Кастро. Это имя эхом отозвалось в мозгу Келлера.

Зачем ты пришел сюда, Келлер? Ты пришел в больницу, как будто тебя приглашали сюда. Ты думаешь, что обладаешь тайным могучим оружием? О чем ты думал, когда шел сюда, Келлер? О чем ты думал...

И вот уже пленник снова идет между охранниками, охваченный ужасом. Но вот он дернулся назад, как рыба на леске. Охранники мгновенно напряглись и взглянули на пленника с негодованием. Один сказал: «Идиот»! Другой вытащил пистолет.

Они стояли, глядя друг на друга в замешательстве. Пистолет опустился вниз. Мэт снова дернулся. Один из охранников в изумлении посмотрел на свою кисть, затем достал ключ и открыл наручник на своей руке.

Мэт теперь был прикован только к руке второго охранника. Он повис на наручнике всей тяжестью. Охранник зарычал и дернул свою руку. Мэт упал на него, случайно ударив его в живот. Охранник взмахнул рукой и попал прямо в челюсть Мэту. Затем он тоже вынул ключ и отомкнул наручник. Глаза охранника были очень странными.

Мэт отскочил назад с наручниками, которые болтались у него на руках. Охранники смотрели, но не на него, а в его сторону. С их глазами было что-то странное. Мэт попытался вспомнить, где же он видел такие глаза? Может у дежурного возле ворот?

Охранники повернулись и пошли прочь.

Мэт покачал головой, скорее от удивления, чем от радости, и

пошел обратно туда, откуда пришел. Вот и дверь вивариума. Мэт, выходя оттуда, бросил взгляд в вивариум и был уверен, что видел там Харри Кейна.

Дверь оказалась запертой.

Мэт поднял ладони, в нерешительности постоял, а затем трижды ударил в дверь. Она открылась сразу. Круглое невыразительное лицо охранника выглянуло и тут же на нем появилось выражение крайнего удивления. Дверь начала закрываться, но Мэт налег на нее и открыл.

Толстый охранник с луноподобным лицом решительно не знал, что ему делать. Мэт был милостив к нему. Он ударил в двойной подбородок охранника. Тот не упал и Мэт ударил снова. Наконец охранник потянулся за пистолетом, но Мэт перехватил его руку и ударил еще раз. Охранник повалился на пол.

Мэт забрал пистолет охранника и сунул его себе в карман. Рука его болела. Он потер рукой челюсть, которая тоже болела, и пробежал глазами по рядам спящих. Вот Лейни! Лейни! Лицо ее побледнело, царапина пробежала от виска к подбородку, в волосах цвета заката спрятался усыпляющий аппарат. Тяжелые груди двигались еле заметно в такт дыханию. А вот и Худ. Во сне он был похож на ребенка. И вдруг какое-то теплое чувство родилось в душе Келлера. Он так долго был наедине со смертью. Вот тот высокий человек, который уговорил его стать барменом. В тот вечер! Это был Харри Кейн, сильный и могучий даже во сне.

Полли здесь не было.

Мэт еще раз внимательно осмотрел всех, но не обнаружил ее.

Где же она? И тут же в памяти его всплыли стеклянные сосуды в банке органов. Он вспомнил сосуды с человеческой кожей, сосуды с волосами — длинными и короткими, светлыми, темными, рыжими, волосами, которые колыхало легкое движение холодной жидкости в сосудах. Он не мог вспомнить, какого цвета были волосы у Полли. Может их не было в тех сосудах. Он не мог сказать этого уверенно. Он снова осмотрелся вокруг. Панель с кнопками? Он нажал одну кнопку. Кнопка с легкостью подалась. Но больше ничего не случилось.

Тогда он начал нажимать все кнопки подряд — одну за другой, ряд за рядом. Когда он дошел до шестидесятой кнопки, он услышал движение.

Спящие посыпались.

Мэт нажал остальные кнопки. Шум пробуждения становился громче: зевки, сонные голоса, кашель, и затем восклицания, когда проснувшиеся начинали понимать, где они находятся. Послышался чей-то голос:

— Мэт? Мэт!

— Я здесь, Лейни!

Она пробивалась через ряды сонных людей, поднимавшихся со своих диванов. И вот они уже сжали друг друга в объятиях так

крепко, как будто боялись, что внезапный вихрь унесет их друг от друга. Мэт внезапно ощутил, что ноги у него дрожат от слабости.

— Значит, ты не сделала то, что хотела?

— Мэт, где мы? Я хотела броситься в пропасть...

Раздался чей-то крик.

— Мы в вивариуме.— Голос, как лезвие топора, прорезал нестройный шум голосов. Это был голос Харри Кейна, который снова принял на себя роль лидера.

— Правильно,— сказал Мэт, как можно более спокойно.

Ее глаза были всего в двух дюймах от его глаз.

— О, но ведь не ты же сделал это!

— Я. Пришел сюда сам.

— Но... как?

— Вопрос в точку. Но я и сам не знаю ответа.

Лейни засмеялась.

В другом конце комнаты раздался крик. Среди проснувшихся обнаружился человек в форме полицейского. Крик ужаса потряс воздух и затем резко оборвался, перейдя в стоны. Еще секунда и все стихло. Лейни перестала смеяться.

Харри Кейн вскочил на стул. Он сжал кулаки и прокричал:

— Эй, вы, заткнитесь! Каждый, кто знает план больницы, соберитесь здесь! — В толпе началось движение. Лейни и Мэт все еще обнимали друг друга, но уже не так обреченно. Они повернулись к Харри, признав его лидерство.— Взгляните сюда, остальные! — кричал Харри.— Вот люди, которые выведут вас отсюда. Сейчас мы пойдем! Следите за ...— и он назвал восемь имен, среди которых было и имя Худа.— Некоторые из нас будут убиты, но вы все время следуйте за одним из этих восьмерых. Если все восемь будут убиты, и я тоже...— и он сделал драматическую паузу.— ... разбегайтесь! Старайтесь посеять как можно больше паники среди них. Иногда и это может оказаться полезным.

— А кто же разбудил нас?

— Я,— сказал Мэт.

Шум мгновенно стих. Все смотрели на Мэта. Харри спросил:

— Как?

— Я сам не понимаю, как мне удалось попасть сюда. Мне бы хотелось поговорить об этом с Худом.

— О'кей, поговори с Джем, Келлер. Ведь ты Келлер? Мы тебе очень благодарны. Что означают эти кнопки? Я вижу, ты поработал с ними.

— Они отключают то, что усыпляет вас. Верните все кнопки в исходное состояние. Пусть думают, что все это произошло случайно.

— А ты, Келлер? Ты сам случайно проснулся?

— Нет.

Харри Кейн удивился, но Келлер ничего не стал объяснять и Кейн просто пожал плечами.

— Ватсон, Чек, сделайте кнопки, как нужно. Джей, поговори с Келлером. Остальные, вы готовы идти?

Послышался шум. Когда он улегся, одинокий голос спросил:

— Куда?

— Если мы вырвемся на свободу, бегите к коралловым домам у южной оконечности Альфа-Бета утесов. Есть еще вопросы?

Все промолчали, включая и Мэта. К чему спрашивать, если никто не знает ответа. Мэт с удовольствием предоставил Харри право решать. Его решение может быть и неправильным, но девяносто восемь повстанцев представляли собой могучую силу, даже когда шли не туда. А Харри Кейн был прирожденный лидер.

Лейни освободилась из объятий Мэта, но руку его не отпускала.

Вдруг Мэт вспомнил о наручниках, которые болтались на его кистях. Джей Худ подошел к нему и пожал руки, улыбаясь. Но улыбка не могла скрыть страх в его глазах. Но разве был хоть один человек в этом зале, кто бы не боялся? Если и был, то это не Мэт. Мэт вытащил из кармана брюк ультразвуковой пистолет.

— Пошли,— скомандовал Харри Кейн и широким плечом вышиб дверь. Все устремились за ним в холл.

— Я займу немного твоего времени, Уатт,— Иезус Пьетро удобно развалился в кресле. Он любил тайны и ему доставляло удовольствие разгадывать их.— Я хочу, чтобы ты подробно доложил мне о всех событиях ночи, начиная со звонка Хобарта.

— Но никаких подробностей не было,— старший сержант Уатт уже устал повторять одно и то же.— Через пять минут после вашего звонка позвонил Хобарт и сказал, что у него пленник. Я приказал привести пленника ко мне. Но Хобарт так и не появился. Наконец я позвонил на пост у ворот. Хобарт был там, но без пленника. Он не смог ничего объяснить мне и я приказал посадить его под арест.

— Его поведение весьма загадочно. Поэтому я и спрашивают тебя обо всем. Почему ты не позвонил на пост раньше?

— Сэр?

— Твое поведение также загадочно, как и поведение Хобарта, Уатт. Неужели ты думал, что Хобарту нужно полчаса, чтобы добраться до твоей канцелярии?

— О,— вздохнул Уатт.— Хобарт сказал, что этот парень сам пришел к воротам и начал барабанить в них камнем. Когда я увидел, что Хобарт задерживается, я решил, что Хобарт сам хочет допросить пленника. Ведь если бы он сразу привел его ко мне, он бы никогда не узнал причин столь странного поведения колониста.

— Весьма логично. А тебе не приходило в голову, что колонист мог напасть на Хобарта и одолеть его?

— Но у Хобарта был сонник.

— Уатт, ты когда-нибудь участвовал в налетах?

— Нет, сэр.

— Некоторые возвращаются с налета с переломанными костями, но ведь они тоже вооружены сонниками.

— Да, сэр. Но ведь это в налете, сэр.

Иезус Пьетро вздохнул.

— Благодарю, сержант. Можешь идти. Сейчас сюда приведут твоего пленника.

Уатт вышел с явным облегчением.

Да, думал Иезус Пьетро, вероятно в больнице все охранники думают одинаково — они считают, что пистолет, символ неуязвимости и могущества. А почему бы и нет? Охранники из больницы никогда не бывали в налетах, да и колонистов они видели только в бессознательном состоянии. Изредка Иезус Пьетро устраивал учебные налеты, в которых полицейские играли роль колонистов. Однако, это было не совсем то, что надо — ведь пистолеты были усыпляющими пулями. Однако, люди, вооруженные пистолетами, всегда побеждали. Весь опыт охранников говорил им, что человеку с пистолетом бояться нечего, кроме другого пистолета.

А что делать? Изредка менять местами охранников и налетчиков? Нет, привлеченные налетчики не согласятся нести скучную службу в больнице.

А стоит ли беспокоиться об этом?

Неужели на больницу когда-нибудь нападут? Нет, колонистам нет пути на Альфа Плато.

Но Келлер проник.

Иезус позвонил по телефону.

— Ясен, выясни, кто был на мосту Альфа-Бета прошлой ночью. Пришли их сюда.

— Это займет минут пятнадцать, сэр.

— Прекрасно.

Как же Келлер прошел мимо них? На Гамма Плато был один кар, но он погиб. Вместе с пилотом? Может Келлер был пилотом? Или... умеют ли колонисты включать автопилот?

Где же черт побери, этот Келлер?

Иезус Пьетро начал расхаживать по комнате. У него не было причин беспокоиться, но он беспокоился. Инстинкт? Он не верил в инстинкт. В динамике слышался голос секретаря.

— Сэр, вы вызывали двух охранников?

— Их охраны моста?

— Нет. Внутрибольничная охрана.

— Нет.

— Благодарю вас.

Что-то вызвало тревогу той ночью. Только не кролик. Вероятно Келлер сделал попытку пробраться к стене. Если охранники у стены упустили его, а потом в рапорте скрыли это, он спустит с них шкуру!

— Сэр, эти охранники уверяют, что вы их вызывали.

— Черт бы их побрал. Хорошо. Впусти.

Они вошли, два здоровых сильных человека. Они тщетно старались скрыть свое раздражение тем, что им пришлось ждать у двери.

— Когда я посылал за вами? — спросил Иезус Пьетро.

— Двадцать минут назад, — ответил один из них, рискуя назвать Иезуса Пьетро лжецом.

— Вы должны были привести пленника?

— Нет, сэр. Мы отвели Хобарта в вивариум, усыпили его и тут же обратно.

— И вы не помните...

Второй охранник вдруг побледнел.

— Д... Дейв. Мы действительно должны были кого-то привести. Келлер. Кажется, Келлер.

Иезус Пьетро добрых двадцать секунд смотрел на них. Лицо его окаменело. Затем он нажал кнопку связи.

— Майор Янсен. Тревога: побег заключенного.

— Подождем немного, — сказал Мэт.

Толпа колонистов катилась мимо них. Худ заставил себя задержаться. — Что случилось?

Мэт пошел назад в вивариум. Один человек лежал на полу с аппаратом на голове. Мэт сорвал с него обруч, два раза хлопнул по щекам спящего. Когда веки человека затрепетали, Мэт рывком поднял его на ноги и подтолкнул к выходу.

Ватсон и Чек уже закончили с кнопками и тоже побежали.

— Бежим! — закричал Худ, стоявший у двери. В голосе его был ужас. Но Мэт стоял, прикованный к месту ужасным зрелищем.

Охранник! Они разорвали его на части.

— Келлер!

Мэт долго стоял, наконец повернулся, побрел к двери. И вот уже двое мужчин и Лейни бегут по коридору, стараясь догнать толпу.

Толпа колонистов катилась вниз по лестнице, как водопад. Плотно скомпонованная людская масса, несущаяся вперед и полная решимости вырваться отсюда.

Впереди Харри Кейн. В его сердце холодная уверенность и понимание того, что он будет первой жертвой при встрече с вооруженными охранниками.

Вскоре появился и первый вооруженный охранник. Он повернулся и смотрел на ревушую толпу, накатывающую на него, как на чудо. Он так и не двинулся, пока толпа не захлестнула его, не поглотила его, не погребла его под собой. Кто-то забрал его пистолет и тут же, размахивая им, стал пробиваться во главу толпы. Толпа пронеслась вперед, оставив после себя распростертое тело охранника.

Коридор был длинным. По обеим сторонам шли двери. Каждая из них, казалось, готова была распахнуться. Колонист с пистолетом был начеку, палец его лежал на спусковом крючке. Каждый, кто

высовывал голову из дверей, падал на пол. Толпа колонистов текла вперед и после них оставались изуродованные трупы. Колонисты не знали пощады.

Толпа растянулась. Одни шли быстрее, другие понемногу отставали. Кейн был впереди с шестью людьми, когда они завернули за угол.

Два полицейских сидели безмятежно с чашками в руках. Они повернули головы, чтобы узнать причину шума. Они застыли на месте, и затем чашки, расплескивая горячую коричневую жидкость, полетели в стороны и из их пистолетов вырвались языки пламени. В ушах Харри Кейна что-то зажужжало, но падая на пол, он в последний момент заметил, что полицейские тоже падают.

Он лежал, как сломанная кукла. В глазах его был туман, в ушах непрерывный шум, голова кружилась, тело было сковано и не могло шевельнуться. Он ощущал себя замороженным цыпленком. Возле него с шумом двигались ноги. Несмотря на полное онемение всего тела он почувствовал, как кто-то нечаянно пнул его. Но вот четыре руки схватили его за руки и за ноги, и он снова потерял сознание, отдаваясь на милость своим спасителям. Харри Кейн был доволен. Он всегда считал, что люди, собравшиеся в толпу, неспособны на добрый поступок, на милосердие. Но эта толпа была лучше, чем он ожидал. Сквозь гул в его ушах пробился звук сирены.

Они догнали толпу в самом низу лестницы. Лейни впереди, Худ и Мэт позади. Мэт простонал:

— Стойте! Пистолет!

Лейни сразу поняла все и остановилась. Если они начнут пробиваться вперед через толпу, то пистолет будет бесполезен, они не смогут воспользоваться им в случае необходимости.

Значит, они должны оставаться сзади и прикрывать толпу с тыла.

Но никто не гнался за ними. Весь шум был впереди. Они проходили мимо распростертых тел полицейских... а вот две женщины в белых халатах. Мэту стало нехорошо. Свирепость повстанцев была ему не по душе. Как и улыбка Худа, улыбка хладнокровного убийцы, так не вязавшаяся с его лицом ученого.

Снова вперед. Мэт и Худ остановились, подхватили тело Харри Кейна и устремились за толпой.

— Надеюсь, что кто-то стал во главе! — крикнул Худ.

Звук сирены заполнил все пространство. Он был таким громким, что мог разбудить Демонов Тумана. Он потрясал все кости людей. Но вот сквозь вой сирены послышался металлический лязг. Железный щит упал с потолка, перегородив коридор и разделив толпу пополам. Под этим щитом погиб один из колонистов. Хвост толпы, состоящий из десятка мужчин и женщин наткнулся на щит и смешался.

Ловушка. Другой конец коридора тоже уже был блокирован. Но

по обеим сторонам коридора были двери. Один из мужчин побежал по коридору, заглядывая в двери.

— Сюда! — крикнул он, махая рукой. Все последовали за ним.

Это была комната отдыха. Четыре широких дивана, два карточных стола, огромный аппарат для приготовления кофе. И окно. Когда Мэт вошел в комнату, человек, первым вошедший в комнату уже выбил стулом стекло в окне.

Но вот беззвучный гул — и Мэт ощутил действие ультразвука. Стреляют в дверь! Мэт захлопнул дверь.

Автоматика?

— Бенни! — закричала Лейни, схватив один край дивана. Человек у окна бросил стул и побежал ей на помощь. Это был один из мужчин, сопровождавших Лейни на вечеринке у Кейна. Они вместе положили диван на подоконник и колонисты начали вылезать в окно.

Худ открыл какой-то шкаф. Это было подобно тому, если бы он открыл ящик Пандорры. С полдюжину мужчин в белых халатах набросились на Худа. Еще мгновение, и они разорвут его на куски. Мэт выстрелил из своего сонника. Все попадали на пол, включая Худа. Мэт взвалил его на плечо и последовал за остальными. Худ оказался тяжелее, чем он ожидал.

Мэт опустил тело Худа на траву и сел рядом. Невдалеке виднелась стена больницы, наклоненная наружу. По стене был натянута проволока, очень тонкие, но различимые в тумане. Мэт снова взвалил Худа и осмотрелся. Люди бежали вдоль здания больницы за высоким мужчиной, которого звали Бенни. Мэт поковылял за ними.

Они добрались до угла — у этой чертовой больницы, наверное, миллион углов — и вдруг Мэт опустил Худа на траву, достал соник...

Из разбитого окна высунулась рука с пистолетом. Мэт выстрелил и полицейский упал. Но он знал, что там есть еще полицейские, Мэт пробрался под окно, затем внезапно выпрямился и стал стрелять. В ответ ему тоже загрели выстрелы. Правая рука Мэта онемела и он выронил пистолет. Затем опустился сам под прикрытие стены. Сейчас они его прикончат. Бенни подбежал к нему. Мэт бросил Бенни пистолет полицейского, и взял свой в левую руку.

Люди в комнате не ожидали Бенни. Они пытались пристрелить Мэта и неожиданное нападение застало их врасплох. В полминуты все было кончено.

Бенни сказал:

— За углом площадка каров. Охраняется.

— Они знают, что мы здесь?

— Не думаю. Демоны Тумана подарили нам туман. Он сам улыбнулся своему каламбуру.

— Хорошо. Мы воспользуемся этими пистолетами. Возьми Джея. У меня рука не действует.

— Джей был единственным, кто умел водить кар.

— Я умею, — сказал Мэт.

— Майор Янсен. Объяви тревогу: побег заключенных.

И тут же раздался звук сирены. Иезус Пьетро даже не успел решить, правильно ли он поступает. Ему казалось, что он делает ужасную глупость. Это может ему многого стоить...

Но нет. Келлер должен попытаться освободить пленников. Келлера здесь нет, значит он на свободе. И первое, что он сделает, это освободит Сынов Земли. Если бы охранник в вивариуме остановил Келлера, то он позвонил бы сюда. Но звонка не было, значит Келлеру удалось проникнуть в вивариум.

Но может он там спит просто-напросто? Чепуха. Почему же охранники забыли о нем? Они вели себя точно так же, как и Хобарт. Чудо продолжалось. Чудо, которое Иезус Пьетро начал связывать только с Келлером. Во всем этом наверняка есть какой-то смысл.

Келлер свободен.

И теперь наверняка все коридоры больницы заполнены рассвирепевшими повстанцами.

Все это очень плохо. Они будут убивать всех на своем пути.

Стальные щиты уже опущены, коридоры перегорожены. Так что опасность скорее всего позади. Если, конечно, повстанцы не успели вырваться на свободу. Но сколько вреда они успели нанести?

— Идите за мной, — сказал Иезус Пьетро двум охранникам. Он пошел к двери. — Оружие держите наготове, — бросил он через плечо.

Охранники опомнились и поспешили за ним. Они не имели ни малейшего представления, что же происходит, но Иезус Пьетро был уверен, что они сумеют во время выстрелить, если возникнет необходимость. Они хорошие охранники.

Десять колонистов, двое находятся под воздействием удара ультразвука. Семь захваченных пистолетов.

Мэт оставался за углом, неохотно подчинившись приказу Бенни. С ним были две женщины: Лейни и женщина среднего возраста — настоящая тигрица, по имени Лидия Хэнкок. Здесь же были двое пострадавших. Джей Худ и Харри Кейн.

Мэт хотел участвовать в нападении, но он понимал справедливость решения Бенни — нельзя же рисковать человеком, единственным, кто может управлять каром. И поэтому он сейчас сидит здесь, в то время, как рискуют другие.

Стоянка каров была устроена на большой поляне. Кары находились в центре площадки и вокруг них суетились люди, обслуживающие их. В утренних лучах солнца над травой стелился и блескивал туман. Колонисты бесшумно бежали к карам.

Они были уже на половине пути, когда охранник на стене больницы направил на них соник. Повстанцы попадали на землю, как трава под косой. Механики каров тоже. Люди без сознания лежали на земле и утренний туман клубился вокруг них.

Мэт укрылся за углом, когда увидел, что дуло соника направляется в его сторону. Но даже и стена не полностью спасла его. Мэт почувствовал онемение во всем теле.

— Может нам выждать, пока они отведут дуло, а затем бежать?

— Я думаю, они нас заметили, — сказала Лейни.

— Что-то делает меня иногда невидимым, — сказал Мэт. — Если вы хотите рискнуть, и если вы будете рядом со мной, это может защитить и вас.

Худ что-то неразборчиво пробормотал. Он был неподвижен и только глаза его смотрели на Мэта.

— Худ, я не знаю, что это, но это правда. Я думаю, что это пси-могущество.

— Соник стреляет в другую сторону, — сказала Лейни.

— Моя рука не действует, Лейни, ты и миссис...

— Называй меня Лидией.

— Ты и Лидия положите Худа на мое левое плечо, сами берите Харри. Идите рядом со мной. Но идите спокойно и не пытайтесь прятаться. Но я заранее прошу у вас всех прощения, если нас убьют.

— Идем.

КРОВОТОЧАЩЕЕ СЕРДЦЕ

Когда они увидят это... Иезус Пьетро содрогнулся. Он видел, как охранники пятятся назад в ужасе, но не могут оторвать глаз от того, что видят. Когда они увидят это, они меньше будут полагаться только на свои пистолеты.

У этого охранника был пистолет. Может он не успел вовремя достать его, а второго шанса ему не представилось.

Сейчас он был похож на то, что плавало в сосудах банка органов.

Хобарт лежал мертвый у дальней стены вивариума. Вид его был не лучше. Иезуса Пьетро кольнуло ощущение вины. Он не хотел такой судьбы Хобарту.

Вивариум был пуст. Естественно.

Иезус Пьетро осмотрелся вокруг себя и увидел на блестящей стальной поверхности двери какое-то темное изображение.

Это был какой-то символ, Иезус Пьетро был уверен в этом. Но какой символ? Символ Сынов Земли представлял собой круг, в котором находились очертания американского континента. Этот же символ не был похож ни на что, но Иезусу Пьетро казалось, что он знаком ему. К тому же нарисован он был человеческой кровью.

Две широких симметричных дуги. Три маленьких замкнутых окружности внизу.

Иезус Пьетро потерял глаза. Чтобы это ни было, об этом нужно сейчас забыть. Потом он спросит об этом у пленников.

— Предположим, — сказал он вслух, — что они пошли к главному выходу. — И если охранники и удивились тому, что он говорит сам с собой, то виду они не показали. — Идем, — сказал Пьетро.

Налево, направо, вниз по лестнице... Мертвый полицейский на полу. Он сам и его полицейская форма разорваны на части. Иезус Пьетро прошел мимо него, не замедлив шага. Когда они дошли до металлического щита, перегородившего коридор, Пьетро достал ультразвуковой свисток. Щит медленно поплыл вверх. Перед ними открылась ужасающая сцена. Как будто они присутствовали при взрыве банка органов. Трупы, которые валялись там и тут, трудно было признать человеческими. Многие из них даже не были при жизни полицейскими. Медики, электрики...

О, внутрибольничная охрана получает прекрасный урок! Иезусу Пьетро стало нехорошо, но он постарался не показать этого, только опустил голову.

Вот и второй стальной щит. Он поднялся и Иезус Пьетро увидел груды тел колонистов. Они все были в таких положениях, как будто хотели вырваться из ловушки, даже будучи в бессознательном состоянии. Полицейский вызывал по радио людей с носилками.

Иезус Пьетро долго стоял над телами колонистов.

— Я еще никогда не ненавидел их так сильно, как сейчас, — сказал он.

— Клпр, грскоп...

— Что? — Келлер не мог отвлекаться. Он пытался вести кар с одной рукой, и машина с трудом подчинялась ему.

— Гр... скоп! — с трудом произнес Худ.

— Что я должен сделать с ним?

— Включи...

Мэт поставил тумблер с надписью Гироскоп в положение Вкл. Что-то зажуужало. Кар задрожал, выпрямился и полетел прямо.

Келлер повернул ручку и кар начал набирать скорость. Он летел ровно и быстро.

— Мы не можем лететь к коралловым домам сейчас, — сказал Мэт.

— Конечно, — сказал Харри Кейн. Он говорил медленно, но вполне разборчиво. — Полиция туда нагрянет сразу же. Я не могу сотни людей загнать туда, откуда мы вырвались.

— Тогда куда же?

— Полетим в большой пустой дом, который принадлежит Джеффри Парлетту и его семье.

— А где же будет сам Джеффри Парлетт?

— Сейчас он с семьей на Йоте. Плавают, ловят рыбу, играют. У меня есть контакты с Альфа Плато, Келлер.

— Парлет... он.

— Это его внук.

— Но это же опасно.

— И ты говоришь об этом, Келлер!

Это был комплимент, который подействовал на Мэта, как шесть сухих мартини. Ведь он совершил это! Он вошел в больницу, освободил пленников, оставил там свой знак и вышел оттуда свободным.

— Мы можем спрятать кар, пока не уляжется шум,— сказал он.— Затем перелетим на Гамма...

— И мы оставим наших людей в аквариуме? Я не могу пойти на это. И там еще осталась Полли Турнквист.

— Полли. Девушка, которая...

— Да.

— Я не повстанец, Харри. Моя миссия закончилась. Честно говоря, я шел только за Лейни. Теперь я могу бросить все это.

— Ты думаешь Кастро оставит тебя в покое? Он наверняка знает тебя. Он выследит тебя обязательно. А кроме того, я не могу отдать тебе кар. Он нужен нам для борьбы.

Мэт поморщился. Это же его кар, разве нет? Он ведь украл его. Впрочем, с этим потом.

— Почему ты вспомнил о Полли?

— Она видела снижение рамробота. Кастро вероятно нашел у нее снимки. Он должен теперь выяснить у нее, кто еще знает об этом.

— Что знает?

— Пока я сам не знаю. Знает только Полли. Но что-то чрезвычайно важное. Полли так думает. Ты не знаешь, где спустился робот?

— Нет.

— Они хранят это в тайне. Такого еще никогда не бывало.

Заговорила Лейни.

— Полли считала, что узнала, что-то очень важное. И хотела переговорить с нами в тот вечер. Но Кастро помешал нам. Я думаю, что причиной налета был рамробот.

— Она может быть уже в банке органов,— сказал Мэт.

— Не думаю,— заметил Харри.— Если, конечно, Кастро нашел у нее снимки. Она наверняка ему ничего не сказала и он решил применить гроб, чтобы она заговорила. Но это требует времени.

— Гроб?

— Да. Но сейчас это не важно.

Неважно или важно, но Мэту совсем не понравилось это название.

— Как ты намереваешься освободить их?

— Я пока не знаю.

Дома и зеленая трава проплывали под ними. С гироскопом кар

летел намного ровнее и устойчивее. Вокруг небо было чистым. Не было никаких следов погоны.

— Значит,— сказала Лейни,— ты пробрался в больницу, чтобы освободить меня? Как у тебя это вышло?

— Я летел на украденном каре. С маленьким путешествием в туман бездны.

Широкий рот Лейни расплылся в полуулыбке, полуусмешке.

Миссис Хэнкок заговорила с заднего сиденья.

— Хотелось бы мне знать, почему они не поразили нас лучами там, на стоянке каров.

— И ты знал, что они этого не сделают,— сказала Лейни.— Почему ты это знал, Мэт?

— Я сам ничего не понимаю.

— Но ты знал, что так будет?

— Да.

— Почему?

— Хорошо. Худ, ты слышишь?

— Да.

— Это долгая история. Я начну с того дня, когда была вечеринка.

— Начни с вечеринки.

— Все говорить?

— Все.— Лейни произнесла это с ударением.— Сейчас все может оказаться важным.

Мэт пожал плечами.

— О'кей. Может быть и так. Я встретил Худа в баре после восьми лет разлуки.

Иезус Пьетро стоял и смотрел, как мимо него проносят носилки в вивариум. В другую сторону несли носилки с мертвыми и ранеными в операционную. Некоторые вернутся к жизни, а у безнадежных заберут те части тела, которые могут оказаться полезными живым.

— Что это? — спросил Иезус Пьетро.

— Я не знаю,— ответил майор Янсен. Он отошел подальше от двери, чтобы лучше видеть.

— Что-то знакомое. Это нарисовал колонист?

— Разумеется. Ведь кроме колонистов тут живых не осталось.

Майор Янсен отошел еще дальше и рассматривал рисунок, покачиваясь с пятки на носок. Наконец, он сказал:

— Это сердце, сэр.

— Со слезами.

— Сердце со слезами. Тот, кто нарисовал это, не в своем уме. Сердце, сердце. Почему Сыны Земли решили оставить нам сердце, нарисованное кровью?

— Кровь. Кровоточащее сердце, сэр. Они хотят сказать, что они против того, чтобы мы помещали части человеческого организма в банки органов.

— Очень выразительно, — сказал Иезус Пьетро. Он посмотрел в вивариум. Тела Хобарта и охранника были убраны. Но следы ужасной резни еще остались. Он сказал:

— Этот символ совсем не вяжется с их действиями.

Тридцать тысяч глаз ждали выступления по телевизору.

Четыре камеры окружали его. Сейчас они не работали и четыре оператора возились вокруг них, обмениваясь замечаниями, которые Миллард Парлетт даже не пытался понять. Через пятнадцать минут все население планеты будет видеть его на экранах своих приемников.

Миллард Парлетт начал листать свои заметки. Пришло время перемен.

Вступление.

Ввести в курс дела, обозначить проблему, упомянуть о грузе рамбота.

Удастся ли доказать народу, что проблема чрезвычайно важна. Последняя чрезвычайная сессия, насколько мог вспомнить Миллард Парлетт, состоялась почти век назад, в 2290 году, когда была Великая Чума. Многие из нынешних слушателей еще не родились в то время.

Значит вступление должно захватить их внимание.

II. Проблема банка органов.

А. Земля считает это проблемой, мы — не считаем. Значит земля знает больше по этому вопросу.

Б. Каждый человек с помощью банка органов может намного продлить свою жизнь. Он может жить до тех пор, пока функционирует его центральная нервная система.

В. Однако банк органов не может дать больше того, что в нем имеется. Значит каждый должен заботиться о пополнении его запасов.

Г. Единственный способ пополнения банка органов — это наказание преступников. (Доказать это, показать, что все другие методы гораздо менее эффективны).

Д. Тело преступника может спасти жизнь десятков людей. Серьезных аргументов против применения смертной казни к опасным преступникам нет. Каждый, кто хочет жить долго и быть здоровым, проголосует за применение смертной казни к преступникам. И чем меньше запасы в банке органов, тем менее значительны будут преступления, за которые назначается смертная казнь.

Проблема банка органов могла начаться еще в 1900 году, когда Карл Ландштайнер разделил кровь людей на четыре группы: А, В, АЛ и О. Или в 1914 году, когда Алберт Хустин обнаружил, что содиум цитрат предохраняет кровь от свертывания. Или в 1940 году, когда Ландштайнер и Винер открыли Резус-фактор. Теперь банки органов могли легко пополняться кровью за счет осужденных преступников. Но никто этого не понял.

А работы Гамбургера в Парижском госпитале по пересадке селе-

зенки? Или в 2010 году, когда Мостель и Гранович сделали свой блестящий эксперимент?

И никто не увидел сложности проблемы вплоть до середины двадцать первого века.

Во всем мире появилась сеть банков органов, которые пополнялись за счет людей, добровольно пожертвовавших свои тела на службу медицине.

Но много ли пользы от тела человека, дожившего до старости? А людей, погибших в дорожных катастрофах не так уж много, к тому же редко удастся вовремя препарировать их. И вот в 2043 году в Арканзасе ввели смертную казнь и постановили использовать тела казненных для пополнения банков органов.

Эта идея распространилась, как лесной пожар... как моральная чума, по выражению одного критика, Миллард Парлетт внимательно изучил весь вопрос, исключил из своей речи исторические реминисценции, опасаясь, что это отвлечет внимание аудитории. Люди не любят, когда им читают скучные лекции.

Е. Значит правительство, которое контролирует деятельность банка органов, более могущественно, чем самый могущественный диктатор в истории. Диктатор имел власть только над смертью, правительство же имеет власть и над жизнью и над смертью людей.

1. Жизнь. Банки органов могут спасти жизнь любого, и правительство может давать указания, кто из граждан страны достоин спасения.

2. Смерть. Никто не будет протестовать, если правительство осудит преступника и приговорит его к смертной казни. Ведь его смерть может дать многим людям жизнь.

Однако всегда и везде есть альтруисты. Пусть. Они не смогут помешать.

III. Проблема банка органов в колониях.

А. Аллопластика: наука о внедрении чужеродных материалов в тело человека.

Б. Примеры:

Имплантирование слухового аппарата.

Имплантирование искусственного сердца.

Пластиковые вены и артерии.

В. Аллопластика применяется на Земле полтысячи лет.

Г. В колониях нет аллопластики, так как она требует очень высокого уровня технологии.

Д. В каждой колонии есть свой банк органов.

С. Следовательно, банки органов необходимы в колониях и даже аллопластика не сможет отменить их.

IV. Проблема банка органов с точки зрения политики на Маунт Лукиткэт.

А. Соглашение.

Миллард Парлетт нахмурился. Как средний поселенец отреагирует на правду о Соглашении?

Все то, что им говорят о нем в школе, в основном правда. По этому соглашению первые поселенцы получили власть над колонистами и колонисты подписали это соглашение.

Соглашение вполне справедливое, ведь первые поселенцы взяли на себя весь риск, все страдания, чтобы достичь цели. Колонисты мирно спали все эти долгие годы. Конечно же, власть принадлежала первым поселенцам по праву.

Но... все ли поселенцы знали, что колонисты подписали соглашение под дулом пистлета, что восемь из них решили погибнуть, но не подписать документ, лишаящий их свободы?

Должен ли Парлетт говорить им сейчас об этом?

Да, должен. Они должны понять основу своей власти. И он оставил эту заметку без изменения.

Б. Больница:

Контроль электроэнергии.

Контроль радио и телевидения.

Контроль юстиции: полиция, суд.

Контроль за медициной, банк органов.

В. Замена органов колонистам? Да!

Хорошие честные колонисты заслуживают право на медицинскую помощь.

Очевидно, что те, кто может надеяться на медицинскую помощь, на замену органов, будут поддерживать правительство в вопросе о банке органов.

У. Капсула рамбота.

Показать фотографии, дать небольшие объяснения.

Обязательно нужно сказать еще кое-что! Это заставит их примолкнуть.

VI. Опасность капсулы рамбота.

Миллард посмотрел на свою правую руку. Уже сейчас контраст с необработанной левой рукой был поразительным.

А. Капсула не сделает банк органов излишним. В ней содержится всего четыре варианта. Чтобы полностью исключить банк органов, нужно несколько сотен, а то и тысяч вариаций.

Б. Однако, недопустимо, чтобы колонисты узнали об этом. Они потребуют отмены смертной казни.

Миллард Парлетт посмотрел вокруг себя и вздрогнул. Невозможно хладнокровно думать о том, что привез рамбот N 143. Даже простое зрелище его потрясает.

Если его речь окажется скучной и неэффективной, он просто покажет груз рамбота.

В. Смертную казнь нельзя отменять ни в коем случае.

1. Если уменьшить жестокость наказания, неизмеримо вырастет преступность. (Привести несколько примеров из истории Земли).

2. Что может заменить смертную казнь? Тюрем на этой планете

нет. А все угрозы и предупреждения имеют смысл только в том случае, если существует опасность попасть в банк органов.

VII. Заключение.

Путем насилия или мирным путем, но власть поселенцев кончится, если колонисты узнают о рамроботе N 143.

Осталось три минуты. Больше уже нет времени для корректировки речи.

Главный вопрос — нужна ли сама речь!

Следует ли говорить тридцати тысячам колонистов о том, что прибыло на рамроботе? Смогут ли они оценить всю важность? И смогут ли сохранить все в тайне?

Члены Совета отчаянно сопротивлялись его решению произнести эту речь. И только Миллард Парлетт с его знанием всех слабостей членов совета, только его решимость, непоколебимая уверенность привели к тому, что сейчас он готовится предстать перед камерами.

И все поселенцы планеты сидят перед ТВ-приемниками и ждут чрезвычайного сообщения. В небе планеты нет ни одного кара, в снегах северных плато нет ни одного лыжника, все игорные дома и холлы Йоты закрыты.

Осталась одна минута. Уже поздно отменять сообщение.

Смогут ли тридцать тысяч поселенцев сохранить все в тайне?

Ну конечно не смогут.

— Вон тот большой дом с плоской крышей, — сказал Харри Кейн. Мэт повернул кар направо. Он продолжал:

— Я подождал, пока охранники скроются, затем вернулся в вивариум. Охранник открыл мне дверь и я пристукнул его. Затем нашел панель с кнопками и стал нажимать на них.

— Садись в сад, а не на крышу. Ты понимаешь, что случилось с их глазами?

— Нет. — Мэт ворочал ручки и рычаги, стараясь сесть в сад. Старый, огромный сад, целый лабиринт дорожек, полянок, клумб, зарослей кустарника. Дом тоже состоял как бы из углов. Плоскок-крыший дом, совсем небольшой, он, казалось, был сначала сделан как обычный дом, а потом, с течением времени, к нему пристраивались различные части. Джеффри Парлетт видимо хотел с помощью старого метода постройки получить что-то совершенно новое, необычное.

Но для Мэта такие рассуждения были чужды. Для него все дома на Альфа Плато были старинными и ни на что не похожими.

Он посадил кар вблизи обрыва. Кар коснулся земли, подпрыгнул, снова сел.

— Не забудь гироскоп, — сказал Худ.

— Тебе нужно еще потренироваться летать, — сказал Харри Кейн. — Ты закончил свой рассказ?

— Может я что-нибудь забыл?

— Ну ладно, потом поговорим подробнее. Мэт, Лейни, Лидия,

вытащите меня отсюда, и затем займитесь Джеем. Джей, ты можешь двигать руками?

— С трудом. Чертов стуннер.

Мэт и две женщины помогли выбраться Харри и Худу. Харри встал на ноги и попытался стоять и даже передвигаться. Он отвергал все попытки помочь ему.

— Мэт! — крикнула Лейни. Она стояла на самом краю пропасти.

— Отойди оттуда!

— Нет! Иди сюда!

Мэт подошел. За ним миссис Хэнкок. Все трое они стояли и смотрели вниз в бездну.

Солнце было у них за спиной. Водяной пар наполнял пропасть и клубился у самых их ног. Они смотрели, как их тени проникают в толщу тумана и каждому из них казалось, что его голова окружена радужным нимбом.

Вот к ним присоединилась и четвертая тень, двигающаяся с трудом.

— О, здесь нужна камера, — простонал Харри.

— Я еще никогда не видел такого, — отозвался Мэт.

— Я видел, только очень давно. И решил, что это видение свыше.

В тот же вечер я вступил в ряды Сынов Земли.

Приглушенный шум послышался сзади них. Мэт повернулся и увидел кар, который скользил по траве. Затем он приблизился к краю бездны, поплыл над туманом и нырнул в него.

Харри повернулся и спросил:

— Это ты сделал?

Худ стоял на коленях в траве там, где только что стоял кар.

— Да. Кар вернется в полночь, постоит пятнадцать минут, затем снова нырнет в туман. И так будет повторяться три ночи. Кто-нибудь поможет мне добраться до дома?

Мэт наполовину понес, наполовину поволок его через лужайку. Ноги Худа двигались, но не держали его. Худ тихонько спросил:

— Мэт, что ты нарисовал на двери вивариума?

— Кровоточащее сердце.

— О! Почему?

— Я не знаю. Когда я увидел, что сделали с охранником, мне показалось, что я снова очутился в банке органов. Я вспомнил своего дядю Мэта. — Он в волнении стиснул руку Худа. — Они забрали его, когда мне было восемь лет. Я так и не узнал за что. Я чуть не сошел с ума, Худ, когда увидел, что такое банк органов. Я не знаю вашего символа, поэтому нарисовал свой.

— Неплохо. Я покажу тебе наш символ потом. Там очень страшно, в банке органов?

— Ужасно. Но самое худшее — это маленькие сердца и печени. Дети! Худ, я и не знал, что они препарируют детей!

Худ вопросительно посмотрел на него. Затем Лидия Хэнкок откры-

ла для них дверь и им пришлось полностью переключить внимание на ступени крыльца.

Иезус Пьетро был в ярости.

Он долго просидел в канцелярии, полагая, что там он будет полезнее, и теперь стоял на стоянке каров, наблюдая как уносили оглушенных ударами соника повстанцев. С секретарем он мог связаться с помощью портативного передатчика.

Он никогда раньше так не ненавидел колонистов.

Для Иезуса Пьетро все люди делились на две категории — поселенцы и колонисты. Вероятно, в других мирах все по-другому, но он служил на Маунт Лукиткэт. Поселенцы здесь были хозяева — умные и добрые. Колонисты были предназначены для того, чтобы служить.

Конечно, и у тех, и у других были исключения. Среди поселенцев попадались такие, которые не были мудры, которые хотели только пользоваться своими привелегиями, но не хотели нести никакой ответственности. И среди колонистов были такие, кому не нравился установленный порядок и которые предпочитали стать преступниками, но не служить. Сталкиваясь с поселенцами, которых он не любил, Иезус Пьетро обращался с ними со всей почтительностью, как того требовал закон. А ренегатов-колонистов он выслеживал и наказывал. Этого тоже требовал закон.

Он ненавидел их также, как Мэт ненавидел червей. Ренегаты были частью его жизни, его работой. Они вели себя так потому, что были колонистами и Иезус Пьетро изучал их повадки также, как студенты изучают бактерии, микробов и тому подобное. Когда кончался рабочий день, Иезус Пьетро терял интерес к колонистам, если конечно не происходило ничего необычного.

И вот теперь все изменилось. В своем безумии колонисты ворвались в его жизнь. Он не мог бы ненавидеть их больше, если бы они ворвались в его дом, изломали мебель, убили слуг, подсыпали яду чистильщикам дома.

Зажужжал зуммер. Иезус Пьетро взял микрофон.

— Кастро.

— Янсен, сэр. Я звоню из вивариума.

— Ну?

— Пропало шесть повстанцев. Вам нужны их имена?

Иезус Пьетро осмотрелся. Они унесли всех еще десять минут назад. Остались только носилки со служащими больницы.

— Должны быть все. Ты проверил операционную? Я видел там одного мертвого под дверью.

— Я проверю, сэр.

Стоянка каров была приведена в порядок. У повстанцев не было времени все сокрушить здесь, как это они сделали в больнице. Пьетро раздумывал, возвращаться ли ему в кабинет, или попытаться прос-

ледить путь повстанцев, но его привлек разговор двоих людей у гаража. Он подошел к ним.

— Ты не имел права отсылать Бесси! — кричал один, который был в форме налетчика.

— Вы, чертовы налетчики, думаете, что все, в том числе и кары, принадлежат вам, — презрительно сказал механик.

Пьетро усмехнулся. — О чем спор? — спросил он.

— Этот идиот не может отыскать мой кар. Прошу прощения, сэр.

— А какой кар?

— Бесси. Я летаю на Бесси уже три года, а сегодняшняя утроем этот идиот послал кар на опрыскивание леса. И вот! Его нет! Они его потеряли, сэр!

Иезус Пьетро посмотрел холодными голубыми глазами на механика.

— Ты потерял кар?

— Нет, сэр. Я просто не знаю, куда его поставили.

— Где кары, которые вернулись с опрыскивания?

— Вот один из них. — И механик показал на стоянку.

— Мы разгружали его, когда эти бродяги напали на нас. Должен сказать, что мы разгружали два кара. — Механик почесал голову. Он очень неохотно встретился взглядом с Иезусом Пьетро.

— Больше я не видел второго кара.

— Пропали пленники. Ты это знаешь? — Пьетро не ждал ответа механика. — Описание Бесси и его номер передай моему секретарю. Сейчас я убежден, что кар украден.

Механик повернулся и побежал в канцелярию. Пьетро передал по телефону все распоряжения относительно пропавшего кара.

Янсен снова появился на связи. — Один повстанец мертв, сэр. Значит, исчезло пять. — Он перечислил всех.

— Ол райт. Похоже на то, что они похитили кар. Узнай, не видели ли чего-нибудь охранники.

— Они бы позвонили.

— Я не уверен. Узнай.

— Сэр! Стоянка была атакована. Охранники непременно сообщили бы о похищении кара.

— Янсен. Я думаю, что они забыли. Ты понимаешь меня? — В голосе его зазвенела сталь. Янсен вздохнул, но не стал протестовать.

Иезус Пьетро посмотрел на небо и разглядел усы. Украденный кар будет легко найти. Сейчас в небе нет никаких каров. Миллард Парлетт говорит речь. Однако, если кар был украден на виду у охранников и они ничего не заметили, значит он был украден привидениями.

Это очень хорошо согласуется со всем тем, что произошло в больнице.

ГЛАЗА ПАРЛЕТТА

Дом Джефри Парлетта внутри оказался совсем другим. Большие комнаты, обставленные с хорошим вкусом. Их было очень много. Кухня была больше, чем гостиная в доме Харри Кейна. В доме также находился и небольшой уютный зал с экраном — видимо, здесь можно было смотреть кинофильмы. Мэт, Лейни и Лидия Хэнкок обошли весь дом с пистолетами наготове. По всему было видно, что дом давно заброшен.

Лидия с трудом заставила Мэта вернуться в гостиную. Мэт был так потрясен этим домом, что хотел исследовать его досконально.

В гостиной на втором этаже с имитацией камина, где лежали поленья, но тепло давало электричество, стояли удобные кресла, где все с удовольствием развалились. Харри Кейн все еще двигался осторожно, но он уже почти оправился от воздействия ультразвука. Худ уже мог говорить, но все еще не мог двигаться.

Мэт устроился поудобнее в кресле, а затем с удовольствием вытянул ноги. Было так приятно почувствовать себя в безопасности.

— Маленькие сердца и печени,— сказал Худ.

— Да,— сказал Мэт.

— Это невозможно.

Харри Кейн вопросительно посмотрел на них.

— Я видел их,— сказал Мэт.— Там ужасно все, но это ужаснее всего.

Харри Кейн насторожился.

— В банке органов?

— Да, черт побери, в банке органов. Ты не веришь мне? Они находятся в специальных сосудах, и насосы гонят живую кровь. Даже стекло теплое.

— Сосуды не могут быть теплыми,— заметил Худ.

— И полиция не забирает детей,— добавил Харри Кейн.— Если бы они забирали, мы бы знали об этом.

Мэт просто смотрел на них.

— Сердца и печени? Но чьи? И больше ничего там нет? — спросил Худ.

— Я ничего не заметил. Нет, подожди. Там было еще два сосуда. Один был пуст, а второй... мне показалось, что там какая-то муть.

— Ты долго там был?

— Достаточно долго, чтобы меня стало тошнить. Черт побери! Мне было не до этого. Я же искал карту.

— В банке органов?

— Хватит, — сказала Лейни. — Успокойся, Мэт. Дело не в этом.

Миссис Хэнкок ушла искать кухню. Вскоре она вернулась с кувшином и пятью стаканами.

— Я нашла только это. Почему бы нам не воспользоваться едой, что осталась?

Все согласились с ней и Лидия наполнила стаканы.

Худ сказал:

— Мне больше интересна твоя предполагаемая психическая энергия. Я никогда не слышал ни о чем подобном. Это что-то совсем новое.

Мэт хмыкнул.

— Должен сказать, что все, кто верит в так называемую пси-энергию, считают, что сами обладают ею. — Худ говорил сухим тоном профессионала. — Может, мы ничего не обнаружим у тебя.

— Тогда как же мы оказались здесь?

— Может, нам никогда этого не узнать. Какие-нибудь поли-цейские штучки? А может Демоны Тумана полюбили тебя, Мэт.

— Я тоже думал об этом.

— Когда ты пытался проникнуть в больницу, — продолжал Худ, — тебя обнаружили. Должно быть, ты попал в сеть электронных глаз. Ты не пытался бежать?

— Они направили на меня четыре прожектора. Я просто встал.

— Значит, они не обратили внимания на тебя? Они дали тебе спокойно уйти?

— Да. Я шел и все время ждал приказа остановиться, но его не последовало. Затем я побежал.

— А человек, который ввел тебя в больницу? Что-нибудь случилось до того, как он обезумел и побежал назад к воротам?

— Что именно?

— Что-нибудь со светом?

— Нет.

Худ выглядел разочарованным. Лейни заговорила:

— Похоже на то, что люди забывают о тебе.

— Да. И так было всю мою жизнь. Учителя никогда не вызывали меня, если я не знал урока.

— Хотелось бы мне быть таким везучим, — сказал Худ.

Лейни задумалась над этой идеей.

— Глаза, — сказал Харри Кейн и помолчал, размышляя. Он все это время сидел в позе мыслителя: положив подбородок на кулак и упев локоть в колено.

— Ты сказал, что с глазами у охранника произошло что-то странное?

— Да, но я не знаю что. Я уже видел такой взгляд раньше, но не могу вспомнить, где именно...

— А тот, что застрелил тебя? У него тоже были странные глаза?

— Нет.

Лейни очнулась от своих дум.

— Мэт, ты думал, что Полли пойдет домой с тобой с вечеринки?

— Какого черта ты это спрашиваешь?

— Не сходи с ума, Мэт. У меня есть причина спрашивать.

— Я не могу понять...

— Ты же сам хочешь понять все..

— Хорошо. Да. Я думал, что она пойдет со мной.

— А она внезапно повернулась и ушла.

— Да.— Мэт хотел еще что-то добавить, но сдержался. Только сейчас он понял, как больно поразил его поступок девушки.— Она ушла так, как будто что-то вспомнила. Что-то более важное, чем я, хотя и не жизненно важное. Лейни, может это связано со слуховым аппаратом?

— Да нет, вряд ли. Харри, ты не вызывал ее отдельно?

— Я сказал ей, что мы будем говорить после полуночи, когда все разойдутся по домам. Все могли это слышать.

— Значит у нее не было причин бросать меня,— сказал Мэт.— Впрочем, я не вижу оснований, для того, чтобы копаться в этом.

— Странно,— сказал Худ.— Я думаю, что нам не вредно проанализировать твою жизнь.

— Ты очень обиделся? — спросила Лейни.

— Конечно. Кому понравится, когда с ним играют, а потом бросают, как ненужную игрушку.

— Ты не оскорбил ее?

— Конечно нет. Я напился уже потом.

— Ты говорил, что с тобой и раньше бывало такое.

— Да, черт побери. Каждый раз. Я не знал ни одной девушки до этой ночи.— Мэт затравленно осмотрелся. Все промолчали.— Вот почему я не понимаю, чему может помочь этот разговор. Для меня в поступке Полли не было ничего необычного.

Худ сказал:

— Но для Полли это было необычно. Полли никогда не была легкомысленной. Разве я не прав, Лейни?

— Да, она всегда серьезно относилась к сексу и никогда не стала бы кокетничать с тем, кого сама не хочет. Ты говорил о глазах охранника. А ты не заметил ничего странного в глазах Полли?

— К чему ты клонишь?

— Ты сказал, что каждый раз, когда девушка тебе нравилась и ты хотел лечь с ней в постель, она уходила от тебя. Почему? Ты не урод. И достаточно вежлив. И чистоплотен. Так было что-нибудь странное с глазами Полли?

— Черт побери, Лейни... Глаза...— Что-то изменилось в лице

Полли. Она, казалось, прислушивалась к чему-то, чего не слышал никто кроме нее. Она смотрела сквозь него и глаза ее были как у слепой...

— Она выглядела так, как будто о чем-то глубоко задумалась, а затем она повернулась и ушла.

— Это случилось внезапно. Может, она...

Мэт вскочил. Больше он не мог терпеть. Все нервы его натянулись до предела. Еще никто и никогда не вторгался так бесцеремонно в его интимную жизнь! Он не мог себе представить, что женщина, разделившая с ним постель, подарившая ему блаженство, может выслушивать все излияния его души и подвергать их бесстрастному анализу. Он ощущал себя так, как будто его препарируют для того, чтобы поместить в банк органов.

И он уже был готов сказать это в самых изощренных выражениях, когда вдруг заметил, что на него никто не смотрит.

На него никто не смотрит.

Лейни смотрела на искусственный огонь в камине, Худ смотрел на Лейни, Харри Кейн все сидел в позе мыслителя. Все они были погружены в размышления и вряд ли видели что-либо перед собой.

— Остается главное, — сонно сказал Харри Кейн. — Как мы освободим остальных, если спаслось только четверо. — Он осмотрел всех присутствующих, а затем вновь погрузился в созерцание своего пупка изнутри.

Мэт почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Харри смотрел прямо на Мэта, но не видел его. Глаза Харри стали какими-то странными.

Мэт наклонился и заглянул в глаза Харри, как будто тот был восковой куклой.

Харри подскочил, как будто его стукнули. Он смотрел на Мэта с изумлением.

— Мммм... О! Ты сделал это с нами!

В этом не было сомнения. Мэт кивнул. — Вы все внезапно забыли обо мне.

— А как наши глаза? — Худ готов был прыгнуть на Мэта, так велико было его нетерпение.

— Что-то случилось с ними. Но я не понял. Я хотел посмотреть поближе и внезапно все кончилось.

Харри Кейн употребил словечко, которое ваш редактор не рискнул оставить в этой книге.

— Внезапно? — сказал Худ. — Я не помню ничего внезапного.

— А что ты помнишь?

— Ничего. Мы говорили о глазах... или о Полли? Да, о Полли. Мэт, тебе этот разговор не нравился.

Мэт откашлялся.

— Значит, поэтому ты и сделал все это. Ты не хотел, чтобы мы видели твоё смущение.

— Возможно.

Худ довольно потер руки.

— Отлично. Значит, мы теперь знаем, что в тебе есть что-то, что не подчиняется твоему сознанию, что находится под контролем подсознания. Что еще осталось невыясненным? Глаза? — Худ смотрел на присутствующих, как преподаватель на не слишком способных и умных учеников. — Во-первых, какую роль играют глаза во всем этом? Во-вторых, почему охранник все же выстрелил в тебя? И в-третьих, почему ты используешь свою способность, чтобы прогнать от себя девушек?

— Черт побери, Худ!..

— Келлер!

Это был приказ. Харри Кейн снова был в позе мыслителя, глядя в пространство.

— Ты сказал, что Полли глубоко задумалась. Мы тоже задумались сейчас?

— Когда вы забыли обо мне? Да.

— И я тоже?

— Да. Погоди. — Мэт встал и обошел вокруг Харри, разглядывая его. Поза Мыслителя: подбородок на кулаке, локоть на колене, лицо опущено, брови сведены, глаза затуманены... Затуманены? Но нет, нет...

— Нет. Ты не такой. Что-то неправильно.

— Что?

— Глаза.

— Опять все то же, — разочарованно сказал Харри. Но ничего не понял. Что-то не так, но что именно? Он вспомнил, как они стояли с Полли, касаясь друг друга руками и коленями, всем телом... Он чувствовал, как теплая волна поднялась в нем... и вдруг...

— Слишком большие, — сказал Мэт. — Зрачки слишком большие. Когда человек забывает обо всем вокруг, у него сужаются зрачки.

— А глаза Полли? — спросил Худ. — Они тоже сузились?

— Да, превратились в точку. И глаза охранника тоже. Да, да. Именно поэтому мне их глаза показались странными. Зрачки превратились в точки.

Худ вздохнул с облегчением.

— Тогда все ясно, — сказал он и встал. — Я думаю, что нам пора подумать об обеде.

— Подожди! — тон Харри Кейна был повелительным. Худ рассмехался.

— Прекрати смеяться, — сказал Харри. — Чем бы не обладал Келлер, он нам нужен. Говори все, что ты думаешь о нем.

Мэт хотел протестовать. Он вовсе не намеревался служить Сынам Земли. Но пока он решил помолчать.

— У него очень ограниченная форма телепатии, — сказал Худ. — И именно поэтому она чрезвычайно чувствительна ко многим фак-

торам, от многого зависит.— Он улыбнулся.— Мы должны назвать этот феномен каким-то новым названием. Телепатия сюда не совсем подходит.

Три человека слушали терпеливо, но пока ничего не понимали.

— Мэт может с помощью своего разума управлять нервами и мышцами, которые сокращают зрачки других людей.— И он улыбнулся, ожидая реакции слушателей.

— Ну, так что из того? — спросил Харри.

— Ты не понимаешь? Ах, да, конечно. Ты знаешь что-нибудь об исследовании метизации?

Все трое сказали нет.

— Эти исследования были запрещены на Земле много лет назад, так как их результаты могли использоваться в преступных целях. Однако были обнаружены очень интересные вещи. Например, относительно расширения и сужения зрачка. Во-первых, по расширению или сужению зрачков можно судить об интересе человека к предмету, который ему показывают. Причем такая реакция зрачков абсолютно произвольна. Человек не знает о ней.

— Может именно поэтому,— продолжал Худ, улыбаясь,— в наиболее дорогих ресторанах обычно полутемно. Парочки, сидящие за столиками, не могут видеть глаз друг друга и не знают подлинных чувств партнера. Как вы думаете?

— Я думаю, что сейчас нам следует говорить о Келлере,— сказал Харри Кейн.

— Он же все сказал,— заметила Лейни.— Неужели ты не понимаешь, что Келлер боится, когда на него смотрят и тогда он произвольно воздействует на зрачки человека и, естественно, тот теряет интерес к Мэту.

— Точно,— Худ улыбнулся Лейни.— Но, Мэт, это не действует, если человек только слышит тебя, но не видит...

— Или если я не сконцентрируюсь на этом. Так случилось, когда охранник выстрелил в меня.

— Я все еще не понимаю, как это получается,— сказала Лейни.— Я немного занималась с тобой телепатией, Джей. Значит, Мэт воздействует на мозг!

— Мы этого не знаем. Но глазные нервы неотделимы от мозга.

Харри встал и потянулся.

— Сейчас дело не в этом. Главное, что это существует. Это, как шапка невидимка. Сейчас нужно думать, как лучше использовать этот дар.

Пропавший кар все еще не был обнаружен. Его не нашли ни в воздухе, ни на земле. Очевидно, он все же был украден.

Для Иезуса Пьетро это было весьма тревожным событием. Украденный кар — одно дело, но кар, украденный в таких условиях, когда украсть совсем невозможно, совсем другое.

Для него Келлер ассоциировался с чудесами: чудо, что Келлер остался жив после того, как кар рухнул в бездну, чудо, которое лишило Хобарта памяти... И поэтому он подал сигнал «побег заключенных». Но увы, заключенные бежали и причинили много зла.

Да, это чудо, что заключенные бежали, что пропал кар с несколькими пленниками. И это все Келлер со своими чудесами.

Позвонил майор Янсен из вивариума. Оказалось, что все усыпляющие аппараты работали. Но как же бежали девяносто восемь пленников?

Чудеса! С кем же ему приходится сражаться? С одним человеком, или со многими? Кем был Келлер, пассажиром, или водителем кара? Были ли в каре еще пассажиры? Это явление открыли Сыны Земли, или за все случившееся ответственен один Келлер?

Мысли тревожным роем кружились в мозгу Пьетро. Мэтью Келлер вернулся из бездны в образе своего племянника, чтобы отомстить своему убийце... Иезус Пьетро фыркнул.

Он удвоил охрану на мосту Альфа-Бета. Зная, что мост — единственный путь отсюда, он, тем не менее, поставил охранников возле утесов. Ни один колонист не сможет покинуть Альфа Плато без кара. Но ведь здесь замешано что-то сверхъестественное...

Колонисты не смогут вылететь отсюда и на каре. Иезус Пьетро приказал полицейским летать только карами. Значит, кар с беглецами сразу будет обнаружен: он ведь только один.

Будучи не чистокровным поселенцем, Иезус Пьетро не получил разрешения слушать речь Милларда Парлетта, но он знал, что выступление закончилось. Кары поселенцев появились в небе. Если бы у колонистов был не полицейский кар, а гражданский, у них был бы шанс выбраться отсюда. Иезус Пьетро распорядился, чтобы ему немедленно докладывали о краже любого кара. Да, но когда был украден полицейский кар, ему никто не доложил, ему пришлось выяснять это самому.

В покинутых коралловых домах не было найдено никого и ничего.

Оставшиеся пленники спокойно спали в вивариуме. Откуда они умудрились бежать, даже не выключив усыпляющих аппаратов.

Иезус Пьетро не привык иметь дело с привидениями.

Для этого требовалось что-то другое.

Он угрюмо сидел, размышляя.

Спор начался во время обеда.

Обед был подан в необычное время, в три часа. Он был хорош, очень хорош. Лидия Хэнкок, все еще походившая на желчную старую каргу, в глазах Мэта искупила все свои недостатки кулинарным искусством. Когда они покончили с жарким из баранины, Харри Кейн вернулся к делам.

— Нас осталось пятеро, — сказал он. — Что мы можем предпринять для спасения остальных?

— Мы можем взорвать насосную станцию,— предложил Худ.— Это может дать нам шанс для нападения.

Это значило, что Альфа Плато лишится единственного источника воды. Станция была расположена у подножия утесов Альфа-Бета и Сыны Земли уже давно пробрили штольни для закладки зарядов.

— Лишить воды и лишиться энергии,— сказал Мэт, вспомнив, что горючее для генераторов — водород — добывается из воды.

— О, нет. Электростанция использует всего несколько стаканов воды в год, Келлер. Ну хорошо. Другие предложения есть?

— Мэт. Он уже раз выручил нас. И может сделать это еще раз. Ведь он теперь знает...

— О, нет. На меня не рассчитывайте. Я не революционер. Я сказал вам, зачем я пошел в больницу. Но больше я не хочу идти туда.

Начались уговоры.

Мэту сказать было нечего. Он не хотел снова идти в больницу. Если бы он мог, он с удовольствием вернулся бы на Гамма Плато и жил бы своей прежней жизнью, доверив своей пси-энергии свою защиту. Если же ему придется прожить всю жизнь, прячась на Альфа Плато, пусть будет так. Конечно, жизнь его будет не сахар, но зато он будет жить, а не находиться в банке органов.

Он не испытывал ни к кому особой симпатии, даже к Лейни. Она в споре то обращалась к его патриотизму, то взывала к его любви, то прибегала к угрозам... Джей Худ был более агрессивен. Можно было подумать, что это он подарил Мэту его способность, что это он на плато является владельцем всей пси-энергии. Спор был очень горячим. Они молили его, упрасивали, угрожали — и все это без всякого успеха. Однажды они добились того, что действительно напугали его и тут же случилось то, из-за чего шел спор — Сыны Земли вдруг забыли о нем, зрачки их глаз сузились до размера булавочной головки.

Когда это произошло второй раз, Харри Кейн приказал прекратить спор, видя его полную бесплодность.

— Иди отсюда,— сказал он Мэту.— Если ты не хочешь помогать нам, то не нужно, чтобы ты слушал наши планы. Пусть у нас шансы на успех очень малы, но мы не можем доверить тебе наших планов. Вдруг ты захочешь продать нас Кастро в обмен за разрешение вернуться на Гамма Плато.

— Ты неблагодарный сукин сын,— сказал Мэт.— Я требую, чтобы ты извинился передо мной.

— Хорошо. Я извиняюсь. А теперь оставь нас.

Мэт вышел в сад.

На планету снова опустился туман, который сделал небо серо-стальным, стер все краски в саду, окружил Плато бездонным куполом. Мэт нашел каменную скамью, сел на нее и опустил голову на руки.

Он очень устал. Такая массированная словесная атака могла

выбить из колен кого угодно, могла лишить человека самоуважения, вселить в его душу сомнения. Да, силы были неравны: он один после четверых. Он не мог закончить ни одного предложения, его все время прерывали, не выслушивали его аргументов. Он все время терял нить разговора. Он забывал свои основные аргументы, так как ему не давали возможности воплотить их в слова. Единственное, что он мог сделать, это уйти.

Постепенно его смятение перешло в ярость. Неблагодарные!.. Он дважды спасал их и где их благодарность? Черт с ними! Они ему не нужны. Он никогда не нуждался в них.

Теперь он знает, кто он. Худ многое объяснил ему. Теперь он знал себя и может сознательно пользоваться своей способностью.

Он мог стать удачным вором планеты. Он мог грабить магазины при белом свете. Он мог пройти невидимым по любому охраняемому мосту и работать на Гамме, когда его ищут, например, на Эте... Эта... прекрасное место для воровства... Игрные дома, казино... Там находилась половина всех богатств планеты...

Чтобы выбраться отсюда, нужно сделать долгий путь пешком. Кар был бы очень нужен. Можно было бы забрать этот кар, у него полные права на эту машину, но для этого нужно дожидаться ночи.

Мэт презил наяву и это успокоило его.

Руки перестали дрожать и гнев испарился. Сейчас он уже мог понять те мотивы, что двигали этими четверьмя. Лейни, Худ, Харри, Лидия — все они были фанатиками, иначе зачем бы они стали рисковать жизнью ради такого безнадежного дела, как революция? Они фанатики — и поэтому у них одна этика: делать все, что поможет им достичь своей цели, и не думать о том горе и несчастьях, которое они могут причинить другим.

Он все еще не знал, куда он пойдет отсюда. Но он знал одно: не с Сынами Земли.

С севера потянуло холодом. Туман стал сгущаться.

Наверное сейчас очень хорошо у электрического камина. Но Мэт вспомнил о той враждебной атмосфере, что царила в комнате.

И он остался здесь, пряча спину от холодного ветра.

...Почему Худ считает, что он, Мэт, отталкивает женщин от себя? Может, Худ считает его сумасшедшим? Или дефективным? Нет, он тогда обязательно упомянул бы об этом споре.

Мэт ведь не оттолкнул Лейни.

И это воспоминание согрело его. Сейчас Лейни была потеряна для него. Их пути разошлись и она неминуемо кончит свои дни в банке органов. Но ведь у них была одна ночь, ночь, полная блаженства.

... Глаза Полли. Ее суженные зрачки. Суженные, как у охранника, как у Харри, Худа, Лейни. Лидии... Почему?

Мэт прикусил губу.

Значит, если он оттолкнул от себя Полли, (хотя он не мог понять, почему) значит это не ее вина, что она бросила его.

Но Лейни не бросила, Лейни осталась.

Мэт вскочил на ноги. Теперь у него есть железный довод, почему он не мог идти с ними.

Он повернулся и увидел в сером небе три кара, которые то скрывались в тумане, то снова появлялись. Они постепенно снижались.

Он все еще стоял спокойно. Он не был уверен, что кары приземлятся здесь, хотя они с каждой секундой увеличивались в размерах. Вот они уже над головой, но Мэт не двигался с места. Он знал, что бежать некуда, и только его чудесный дар может спасти его. А он должен сработать, ведь Мэт был очень напуган.

Один из каров чуть не сел ему на голову. Значит, он по-настоящему невидим.

Высокий сухоощавый человек вышел из кара, что-то переключил на панели управления. Кар взлетел и сел на крышу. Сели и другие кары. Это была полиция. Полицейский вышел из кара и пошел к высокому человеку. Они о чем-то переговаривали. Видимо, высокий благодарил полицейского, что тот сопровождал его. Полицейский вернулся в машину и оба полицейских кара взлетели в воздух и скрылись в тумане.

Высокий вздохнул и позволил себе расслабиться. Страхи Мэта испарились. Этот поселенец не был опасен. Он был слишком стар и измучен. Однако, какой идиот этот Харри! Ведь он уверял, что в этот дом никто не прилетит!

Человек пошел к дому. Хотя он был очень стар, шел он, как полицейский на параде. Мэт выругался и пошел за ним.

Старик вошел в гостиную и сразу понял, что здесь кто-то был. Сейчас он позовет помощь, если Мэт не остановит его.

Старик открыл дверь и вошел в комнату. Мэт за ним.

Он увидел, что старик напрягся, но не крикнул, не потянулся к портативному телефону. Он поворачивал голову направо и налево, рассматривая стаканы, тарелки, включенный камин. Когда Мэт увидел его лицо, то понял, что старик задумался. Не испугался, не рассердился. Задумался.

И когда старик улыбнулся, то улыбка его была медленной, напряженной, улыбка шахматного игрока, видящего партию за много ходов вперед. Старик улыбался, но мышцы лица под морщинистой кожей напряглись, кулаки сжались. Он повернул голову, прислушиваясь.

Затем он резко повернулся и очутился лицом к лицу с Мэтом.

— Чему ты улыбаешься? — спросил Мэт.

Поселенец поднял бровь. Он тихо спросил:

— Ты один из Сынов Земли?

Мэт покачал головой.

Разочарование! Почему? Мэт сжал кулак.

— Не вздумай сопротивляться,— сказал он и намотал цепь на ручника на руку. Это было мощное оружие. Старик рассматривал его. Трое таких, как он, не могли бы сопротивляться молодому сильному парню.

— Я хочу обыскать тебя,— сказал Мэт.— Подними руки.— Он обошел старика сзади и ощупал его карманы. Телефона не было.

Мэт отступил, задумался. Он никогда не обыскивал никого и старик вполне мог одурочить его.

— Что тебе нужно от Сынов Земли?

— Я скажу, когда увижу их.— Несмотря на акцент, Мэт легко понимал старика.

— Говори.

— Случилось нечто очень важное.— Старик, казалось, пришел к трудному для себя решению.— Я хочу кое-что рассказать о грузе рамробота.

— Ол райт. Иди вперед. Сюда.

Они пошли в другую комнату. Старик, за ним Мэт.

Дверь внезапно распахнулась и Лидия, увидев поселенца, выстрелила в него из соника. Мэт подхватил падающего старика.

— Дура,— сказал он.— Старик хотел говорить с вами.

— Он может поговорить, когда проснется,— сказала Лидия.

Осторожно выглянул Харри Кейн. В каждой руке его было по пистолету.

— Он один?

— Один. Его сопровождали полицейские, но они улетели. Лучше обыщи его. Может у него спрятан телефон.

— О Боги! Это же Миллард Парлетт!

— О! — Мэт слышал это имя, но никогда не видел Парлетта.— Я думаю, он хотел видеть вас. Когда он понял, что в доме кто-то есть, он не испугался. А когда я сказал ему, что не принадлежу к Сынам Земли, он сказал, что хочет поговорить о рамроботе.

Харри Кейн хмыкнул.

— Он будет спать несколько часов. Лидия, ты будешь сторожить его, а я пойду приму душ. Потом я сменю тебя.

Харри ушел наверх. Лидия и Худ приняли старика от Мэта и усадили его у стены. Старик обмяк, как кукла.

— Душ — это хорошо,— сказала Лейни.

— Я хочу поговорить с тобой. И с Худом,— сказал Мэт.

Они прошли в гостиную и Худ с Лейни сели у камина. Мэт был слишком возбужден, чтобы сидеть.

— Худ, я хочу знать, почему ты считаешь, что я использую пси-энергию, чтобы прогонять от себя женщин?

— Вспомни, это сказала Лейни, а не я. Но ее предположение

мне кажется справедливым. Ты сомневаешься в том, что Полли бросила тебя потому, что ты заставил ее забыть о тебе?

Конечно, он сомневался в этом. Но возразить не мог. Он посмотрел на Лейни.

— Для тебя это важно, Мэт?

— Да.

— Ты помнишь, как ты спрашивал меня, все ли нервничают также, как и ты, в первый раз?

— Ммм... Да, помню.

— О чем вы говорите? — с недоумением спросил Худ.

— Джей, ты помнишь, как ты в первый раз... Как ты перестал быть мальчиком?

Худ расхохотался.

— Что за вопрос, Лейни. Никто такого не забывает. Это было...

— Правильно. Ты нервничал?

Худ нахмурился.

— Да, очень. Ведь я ничего не знал. Я очень боялся, что у меня ничего не получится.

Лейни кивнула.

— Я уверена, что в первый раз все боятся и нервничают. И ты тоже, Мэт. Ты понимаешь, что ЭТО приближается, ты весь напрягаешься и тогда девушка моментально забывает о тебе.

Мэт грязно выругался. Это было именно то, чего он не хотел слышать.

— А как насчет тебя, Лейни? Почему я не испугался тебя?

— Я не знаю.

— Какая разница? — рявкнул Худ. — Что бы это ни было, ты не собираешься помогать нам.

— Я хочу знать.

Худ пожал плечами, встал и подошел к огню.

— Ты был очень расстроен, — сказала Лейни. — Может, в этом причина?

— Может быть.

Она не знала, почему это так важно для Мэта, но старалась помочь ему.

— Может, это потому, что я старше тебя. Может быть ты решил, что я сама знаю, что делать.

— Я ни о чем не думал. Я был слишком пьян. И очень расстроен.

Она встала, резко отвернувшись, но затем снова повернулась к нему.

— Мэт, я вспомнила! Тогда было темно.

Мэт закрыл глаза. Да, конечно. Он даже не понимал, что происходит, пока не закрылась дверь и не стало темно. Он тяжело вздохнул, чувствуя себя полностью опустошенным.

Худ сказал:

— Ну вот. Ты с нами закончил?

— Да.

Худ вышел, не оглянувшись. Лейни, готовая уйти, колебалась. Мэт был смертельно бледен, как будто все силы покинули его.

Она коснулась его руки.— Что случилось, Мэт?

— Это я прогнал ее. Она ушла не сама.

— Полли? — Она улыбнулась.— Почему это тебя беспокоит? Ты провел со мной ночь.

— О, Лейни, Лейни. Она может быть уже в банке органов! Она, может быть, лежит в гробу, хотя я не знаю, что это такое.

— Ты тут ни при чем. Если бы ты нашел ее в вивариуме...

— Нет, я отомщу за нее! — Мэт порывисто схватил руки Лейни и больно сжал их.

— Ты тут ни при чем,— повторила она.— Ты бы спас ее, если бы мог.

— Конечно.— Но он не слушал ее. Он отпустил ее руки.— Я пойду за ней,— сказал он медленно, как бы пробуя эти слова на вкус.— Да. Я пойду за ней.

Он повернулся и вышел.

ПУТЬ ОБРАТНО

— Вернись, идиот!

Мэт остановился у двери.

— Что? Разве вы не хотели этого?

— Вернись! Как ты собираешься проникнуть через стену? Не будешь же ты снова барабанить в ворота?

Мэт повернулся. Он был как в лихорадке, совершенно не мог соображать.

— Кастро уже подготовился к этому. Он не знает, как все произошло, но чувствует что-то неладное.

— Вернись и сядь... Ты не должен недооценивать этого человека, Мэт. Нужно все обдумать.

— Эта стена. Как мне перелезть через нее? О, черт побери, черт побери.

— Ты устал. Почему бы тебе не подождать Харри? Тогда мы обсудим все.

— О, нет. Я не приму помощи Сынов Земли. Я не хочу иметь с ними ничего общего.

— А я? Ты примешь помощь от меня?

— Конечно, Лейни.

Она не стала акцентировать внимание на нелогичности Мэта.

— Отлично. Тогда начнем. Как ты собираешься добраться до больницы?

— Да, это слишком долгий путь. Ммм. Кар Парлетта. Он на крыше.

— Но если Кастро схватит тебя, он сразу же будет здесь.

— Тогда я буду ждать полуночи, чтобы взять другой кар.

— Да, наверное, это единственный путь.— Лейни не устала, она прекрасно выпалась в вивариуме. Но она чувствовала необходимость освежиться. Горячая ванна — вот что ей нужно! Но она постаралась выкинуть это из головы.— Может напасть на какой-нибудь дом и захватить другой кар? Потом мы поставим кар Парлетта на автопилот и он вернется сюда.

— На это потребуется время.

— Все равно нам придется ждать темноты, чтобы начать.

— Зачем нам нужна темнота?

— Это может помочь.

Мэт встал и расправил мышцы, которые затекли.

— Хорошо. Мы пойдем к больнице. Как мы попадем туда, Лейни, ведь там везде электронные датчики?

— Я знаю. Это невидимые лучи. Ультрафиолетовые или инфракрасные.

— Я должен пройти через них.

— Мы.

— Ты не можешь быть невидимой, Лейни.

— Я буду, если пойду близко от тебя.

— Чепуха.

— Мне все равно придется идти с тобой. Ты же не умеешь включать автопилот.

Мэт начал ходить по комнате.— Хорошо. Оставим это. А как мы перелезем через стену?

— Есть один способ. Предоставь его мне.

— Скажи.

— Я не могу.

Внезапно в комнате стало холодно и Лейни поежилась, хотя сидела возле камина. Туман за окнами стал сгущаться.

— Нам нужны пистолеты,— сказала она.— Я знаю, что в доме поселенца всегда есть оружие. Поселенцы любят спорт и, в частности, охоту.

Они поднялись на второй этаж и там нашли комнату с оружием. Там они взяли несколько пистолетов и большой запас усыпляющих капсул.

— Джей!

Худ остановился на полпути к гостиной, повернулся и подошел к ним.

Лидия Хэнкок склонилась над Миллардом Парлетом. Она показала на его сложенные на груди руки.

— Посмотри.

Худ взглянул. Парлетт приходил в себя. Глаза его были открыты, хотя еще не могли ничего видеть. Худ присмотрелся к рукам.

Они были разными. Кожа на одной руке была сморщенная и дряблая. Однако было видно, что Парлетт менял кожу. Правда, это было давно. Новая кожа уже успела состариться. Худ знал, что за свою долгую жизнь Парлетт не раз обращался в банк органов.

Кожа на правой руке была совершенно гладкой и розовой, как у ребенка. И почти прозрачной.

— Да, этот старикашка сделал трансплантацию кожи совсем недавно, — сказал Худ.

— Нет. Посмотри сюда, — Лидия показала на кисть. Там Худ увидел полоску шириной в дюйм. Она была молочно-белого цвета и совсем не походила на кожу человека.

— И вот здесь. — Такая же полоска была вокруг первого сустава пальца Парлета.

— Верно, Лидия. Но что это? Искусственная кисть?

— Может быть с вмонтированным пистолетом. Или радио.

— Нет, не радио. Иначе бы они были бы уже тут. — Худ взял правую руку Парлетта и под кожей младенца нащупал старческие суставы. — Это настоящая рука. Но почему он не трансплантировал ее целиком?

— Он сам скажет нам все.

Худ встал. Он вымылся, хорошо поел, отдохнул. Этот дом неплохое местечко, где можно с удобством ждать, пока Парлетт заговорит.

— Как у Лэйни с Мэтом? — спросила Лидия.

— Я не знаю. И не стараюсь узнать.

— Странно. — Лидия рассмеялась своим лающим смехом. — Ты провел полжизни, стараясь отыскать на плато пси-энергию. А теперь, когда ее источник найден, ты не можешь уговорить его помогать нам.

— Тем не менее, я прав, не так ли? Пси-энергия существует. И мы сможем использовать ее в нашей борьбе.

— Сможем?

— Лейни умеет убеждать. Уж если она не сможет убедить, то никто не сможет.

— Я знаю, — сказала Лейни. — Мастерская должна быть в подвале.

И действительно. Вскоре они стояли в комнате, все стены которой были увешаны инструментами.

— Парлет-младший, вероятно, очень мастеровой человек.

— Совсем необязательно. Может, это просто хобби. Клади сюда руки. Я возьму эту пилу.

Через двадцать минут Мэт потирал руки, свободные от наручников. Они теперь стали на добрых десять фунтов легче.

Время ожидания тяжело давило на Иезуса Пьетро.

Он давно уже должен был быть дома. Из окна он видел в темном тумане темное смутное пятно леса. Иезус позвонил Наде и сказал, чтобы она не ждала его сегодня. Ночь опускалась на больницу, где Иезус Пьетро поставил дополнительную охрану.

Скоро должно было случиться то, чего он ждал. А сейчас он пытался решить, что же сказать полицейским.

Он не хотел ошарашивать их ошеломляющими вестями, что все пятеро пленников так и не найдены, но находятся где-то на Альфа Плато. Тем более, что полицейские наверняка знали это.

Иезус Пьетро включил систему внутренней связи.

— Мисс Лауессон, соедините меня с больницей.

— Сейчас. — Она крайне редко называла его сэр. В ней текло больше крови поселенцев, чем в Пьетро. И у нее были могущественные покровители. К счастью, она была довольно приятной девушкой и хорошим работником. И если она когда-нибудь нарушит дисциплину...

— Все готово.

— Говорит Кастро, — произнес Пьетро. — Вы все знаете, что прошлой ночью человек проник в больницу. Этим утром он и еще несколько человек бежали. Я получил информацию, что он проник сюда для разведки и подготовки нападения на больницу, которое произойдет сегодня.

Ночью Сыны Земли нападут на больницу. Вы все получили карты больницы, где указаны дополнительные защитные средства, установленные в разных местах. Запомните их и не попадите в ловушки. Я отдал приказ увеличить дозу в капсулах. Так что оружие может убивать. Запомните: может убивать.

Я не думаю, что повстанцы предпримут лобовую атаку, — Пьетро улыбнулся при этих словах. Действительно, какой дурак полезет в лобовую атаку. — Будьте внимательны и осторожны. Они могут попытаться проникнуть в больницу в вашей форме. Держите ваши идентификаты под рукой. У каждого неизвестного спрашивайте идентификат и сличайте фотографии.

Последнее: не перестреляйте друг друга.

Он отключился, затем попросил соединить его с энергостанцией:

— Отключите энергию от колониетских домов до утра, — сказал он.

Служащие станцией гордились своей работой. Для них было делом чести снабжать энергией людей. Поэтому сейчас они запротестовали, но Иезус Пьетро резко отверг их протесты: — Делайте, что приказано.

Снова он подумал о том, что приказал выдать ампулы со смер-

тельной дозой наркотика. Теперь полицейские будут бояться застрелить друг друга. Хуже того, они будут бояться собственного оружия. Еще никогда со времени Соглашения полиция не использовала смертельного оружия. Впрочем, эти ампулы хранились так долго, что может быть потеряли способность убивать.

Пьетро был уверен, что сегодня ночью что-то произойдет. Он чувствовал это всем существом. И это было не потому, что для повстанцев сегодняшняя ночь была последним шансом освободить пленников из вивариума. Просто Пьетро ощущал это, испытывал холодную уверенность.

— Спускайся,— сказала Лейни.

Мэт кивнул и нажал на рычаги. Они опускались на дом среднего размера, похожий на плоский стог сена. По сторонам стога были окна, а кроме того нечто, похожее на крыльцо с навесом. Сразу же возле крыльца был виден причудливой формы бассейн. В окнах светились огни и весь бассейн был залит светом. Сама вода подсвечивалась изнутри. На крыше не было места для посадки, но возле дома виднелись два кара.

— Я бы предпочел пустой дом,— заметил Мэт. Он не осуждал Лейни, так как давно уже решил довериться ей, как эксперту в таких делах.

— И что? Даже если бы ты и нашел кар, у тебя бы не было ключей от него. Я решила выбрать этот дом, так как сейчас все находится в бассейне. Видишь? Опускай кар и я посмотрю, что можно сделать.

Они долго летели вдоль края бездны, стараясь держаться в тумане, чтобы их не заметили. Наконец, отлетев несколько миль, они повернули на Плато. Под рукой Мэта на сиденье лежал пистолет. У него никогда не было такого мощного оружия и теперь он чувствовал себя в безопасности.

Лейни сидела сзади, готовая открыть огонь, если бы их атаковали с тылу. И вот они были у цели. Мэт не мог сказать, сколько же человек находится в бассейне. Но пистолеты имели телескопические прицелы. Мэт услышал позади себя звуки, похожие на лопанье воздушных шаров.

— Один,— сказала Лейни.— Два, а вот и третий... О'кей. Мэт, можешь садиться, только побыстрее.

Кар еще не коснулся земли, как она выскользнула и бросилась к дому. Мэт последовал за ней. Он увидел возле бассейна двух лежащих поселенцев. Третий лежал у самой двери в дом. Мэт почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Все они были голые. Мэт не знал, что поселенцы купаются голые. Но вот он заметил кровь, стекавшую по шее женщины. Сразу он пришел в себя. Причем здесь одежда?

С земли дом выглядел, как стог сена, но уже была видна прочная

конструкция. Внутри же дом был совсем не таким, как дом Парлетта. Стены были округлой формы, а середину комнаты занимал конический камин. Однако, на всем лежал тот же налет роскоши.

Мэт снова услышал звук лопнувшего шара и побежал.

Он открыл дверь и услышал второй хлопок. Возле полированного стола стоял человек и крутил диск телефона. Он уже начал падать, когда Мэт увидел его: загорелый поселенец среднего роста, на котором не было ничего, кроме нескольких капель воды и выражения ужаса на лице. Он смотрел на Лейни. Рука прижимала кровавое пятно на ребрах. Он падал и выражение ужаса стиралось с его лица, но Мэт запомнил его. Он уже был жертвой погони, но понимал, что быть жертвой обнаженной быть еще хуже. Одежда давала какую-то иллюзию защиты.

— Посмотри наверху, — сказала Лейни. Она перезарядила пистолет. — Нам нужно найти, где они раздевались. В одежде должны быть ключи. Торопись, нам нельзя быть здесь долго.

Через несколько минут он спустился и на пальце его болталось кольцо со связкой ключей.

— Вот, — сказал он.

— Прекрасно. Выбрось их.

— Почему?

— Я нашла вот эти. — У нее тоже были ключи. — Эти ключи от кара хозяина дома. Но я думаю, что нам следует взять кар гостя. Тогда полиция не сможет узнать, откуда мы появились.

Они прошли к кару Парлетта. Лейни покопалась на панели управления.

— Пожалуй не стоит его посылать обратно, — пробормотала она. — Харри возьмет другой кар. Я направляю кар, чтобы он летел все время на юг. О'кей, Мэт, все готово.

Они подобрали ключ к одному из каров на крыше. Мэт повел кар на северо-восток к больнице.

Туман был необычно плотным у земли и Мэт летел почти час, прежде чем он заметил у земли желтое пятно.

— Больница, — согласилась Лейни и они повернули к ней.

Смутное желтое пятно внизу — и вдруг яркий свет прожекторов. Мэт мгновенно бросил кар вниз.

Они оказались в воде. Через мгновение они вынырнули и Мэт чуть не задохнулся от холода. В панике кричали дикие утки.

Белые лучи прожекторов пронизывали воздух.

— Где мы?

— Я думаю, это Парлетт Парк.

Мэт встал на ноги, подняв пистолет над собой. Глубина оказалась небольшой: всего по пояс. Над прудом со свистом пронесся кар. Туман стал серо-желтым под лучами его прожекторов.

Внезапная мысль озарила его.

— Лейни! Пистолет у тебя?

— Да.

— Проверь его.

Он услышал выстрел.

— Отлично,— сказал он и выбросил свой пистолет.

Лучи прожекторов бороздили воду вокруг него.

Мэт поплыл туда, где слышал выстрел Лейни.

Вскоре он был уже рядом с ней. Он схватил ее за руку и прошептал:

— Держись ближе ко мне.— Они стали приближаться к берегу. Мэт чувствовал, что Лейни дрожит. Вода была холодной, но ветер был еще холоднее.

— Что с твоим пистолетом?

— Я выбросил его. Ведь чтобы стать невидимым, мне нужно испугаться. Но я не могу испугаться с пистолетом в руке.

Они вышли на берег. Пятна прожекторов шарили по траве, с трудом пробиваясь сквозь туман. В их свете виднелись черные силуэты бегущих людей. На воду позади них опустился кар, мягко, как лист дерева.

— Соедините меня с шефом,— сказал майор Чин. Он оставался на заднем сиденье своего кара. Кар покачивался на воздушной подушке над одним из прудов Парлет Парка. В таком положении на него напасть было невозможно.

— Сэр? Мы нашли украденный кар. Да, сэр. Он был украден и летел прямо к больнице. Он опустился, как только мы заметили его. Думаю, что мы находимся в двух милях к юго-востоку от вас. Те, кто был в каре, покинули его сразу после приземления. Да, сэр. Очень профессиональный пилот. Он успел поставить кар на автопилот... Номер Б-Р-Ж-И... Нет, сэр, никого, но мы окружили весь район. Они не смогут уйти. Нет, сэр, еще никого не видели. Наверное, они среди деревьев, но мы выкурим их оттуда.

Озадаченное выражение появилось на его округлом гладком лице.

— Да, сэр,— сказал он и вздохнул. Он подумал, что стоило бы отдать приказ полицейским, прочесывающим парк, но все шло по плану и вмешательства не требовалось. Когда найдут кого-нибудь, ему сообщат.

Но что означает последняя фраза шефа? «Не удивлюсь, если вы никого не найдете».

Глаза майора сузились. Кар всего лишь приманка? Но что он прикрывает? Какие действия колонистов?

В небе появился еще один кар. Значит этот пустой кар должен был отвлечь его внимание, чтобы проскочил второй?

Он взял микрофон.

— Карсон, ты здесь? Подними свой кар. На тысячу футов. Включи прожектора и следи за обстановкой в инфракрасном свете. Оставайся там, пока не придет сигнал отбоя.

— Вызываю майора Чина,— сказал Дохени, кружащий на высоте ста футов над Парлетт Парком. В его ровном голосе чувствовалось возбуждение охотника, заместившего добычу.

— Сэр. Я обнаружил на инфракрасном локаторе пятно, движущееся от пруда. Возможно, это два человека. Они движутся по направлению к основной массе полицейских. Вы их не видите? Они там, я клянусь... О'кей, о'кей. Но если их нет, значит мой локатор не в порядке. Да, сэр.

Обиженный, но исполнительный, Дохени откинулся на спинку сиденья и смотрел на красное пятно на экране инфраскопа. Пятно отделилось от массы людей вокруг кара и двинулось прочь.

Задыхаясь от долгого бега они наконец выскочили из Парлетт Парка на какую-то деревенскую дорогу. Во время бега Мэт держал Лейни за руку, чтобы она не отделилась от него. Когда они добежали до дороги, Лейни оперлась на его руку.

— О'кей... теперь можно отдохнуть.

— Далеко до больницы?

— Около двух миль...

Далеко впереди них сияли прожектора полицейских каров, преследующих пустой кар, поставленный на автопилотирование. А далеко впереди виднелось слабое сияние: огни больницы.

Дорога, по которой они шли, была выложена красным кирпичом. По сторонам росли деревья, за которыми виднелись старые дома. Ветер раскачивал деревья, сбивал туман в клубящиеся вихри, пронизывал одежду Мэта и Лейни.

— Нам нужно где-нибудь переодеться,— сказал Мэт.

— Мы еще встретим кого-нибудь. Еще рано.

— Как поселенцы купались в такую погоду?

— Вода в бассейне была горячей. Хотелось бы и мне искупаться там.

— Нам нужно было забрать тот кар.

— Твое могущество не спасло бы нас в нем. Полицейские со своих каров наверное уже обстреляли его сониками. Хорошо, что мы не в нем.

— А почему ты заставила меня раздеть полицейского? А потом сама же выбросила его форму?

— Черт побери, Мэт. Ты доверяешь мне?

— Прости. Но одежда бы пригодилась нам обоим сейчас.

— Дурак! Зато теперь они будут думать, что один человек переодет в форму полицейского. Хей! Иди вперед меня, быстро!

Впереди у одного из домов вспыхнул свет. Мэт встал перед Лейни и они пошли вперед, чтобы она могла использовать его спину, как опору для пистолета.

Этот прием сработал в Парлетт Парке. Он сработал и теперь. В освещенном круге появились два поселенца. Они шли, оборачиваясь

и махая хозяевам дома, где они были в гостях. Затем они спустились по ступеням на дорогу и пошли вперед, покачиваясь от верта. Свет из открытой двери падал на них, но затем дверь закрылась и теперь были видны только темные силуэты. Поселенцы вступили на кирпичную мостовую и тут их настигли две капсулы, пущенные из пистолета Лейни.

Мэт и Лейни раздели их и оставили возле забора, чтобы их могли обнаружить днем.

— Слава богу, — сказал Мэт, который все еще не мог согреться, несмотря на сухую одежду.

Лейни уже обдумывала план дальнейших действий.

— Мы пойдем возле домов настолько, насколько это будет возможно. Они хорошая защита от инфракрасных лучей обнаружения. Даже если нас засекут с кара, то пилоту придется опуститься, чтобы убедиться, что мы те, кого он ищет.

— Хорошо. А когда мы выйдем из-за прикрытия домов?

Лейни долго молчала. Мэт не пытался настаивать. Наконец она заговорила.

— Мэт, я должна тебе кое-что сообщить.

Он снова не стал спрашивать ее.

— Когда мы проникнем через стену, если нам удастся это, я пойду в вивариум. Ты можешь не идти туда, но я пойду.

— Но это ведь первое, чего они ждут от нас.

— Возможно.

— Тогда лучше не ходить туда. Лучше сначала освободить Полли. Нам нужно постараться как можно больше поднять шума. Может Сыны Земли... — Он взглянул на нее и замолчал.

Лейни смотрела вперед. Лицо ее походило на неподвижную маску. И голос ее тоже был жестким, невыразительным.

— Поэтому я и говорю с тобой сейчас. Я иду в вивариум. Поэтому я здесь. — Она хотела замолчать, но после колебания заговорила снова: — Я здесь потому, что там Сыны Земли, а я одна из них. Я здесь не потому, что нужна тебе, а потому, что нужна им. Мне нужен ты, чтобы я могла проникнуть в больницу. В противном случае, я бы попыталась это сделать одна.

— Ясно, — сказал Мэт. Он хотел продолжить, но не решился. Слишком сильный и слишком неожиданный удар получил он от Лейни. Но, справившись с собой, он спросил, как ни в чем не бывало. — А как насчет тайны Полли?

— Ее знает и Миллард Парлетт. Кажется, он будет говорить. Если он не захочет, Лидия сумеет заставить его.

— Значит, вам больше не нужна Полли?

— Верно. А если ты думаешь, что я здесь из-за любви к тебе, то тоже выброси это из головы. Я не грубая и не жестокая, Мэт. Просто я хочу, чтобы ты правильно понимал ситуацию и мог сделать разумный выбор. Ты лишь средство, Мэт. Мы нуждаемся в помощи

друг друга, чтобы проникнуть в больницу, но цели у нас разные. Я сразу же иду в вивариум, а ты можешь делать то, что хочешь.

Некоторое время они шли молча, рядом друг с другом, как пара поселенцев, возвращающаяся домой из гостей. Изредка им попадались навстречу люди. Все они шли, закутавшись в плащи и ежась от ветра. Никто не обращал на Мэга и Лейни внимания, все хотели попасть побыстрее домой, в тепло. Однажды десяток полупьяных мужчин и женщин вывалились на улицу, с шумом и гамом прошли по ней мимо нескольких домов, а затем стали барабанить в дверь одного из домов. Вскоре дверь открылась и пьяная компания ввалилась внутрь. Внезапно Мэт почувствовал себя страшно одиноким. Он крепче сжал руку Лейни, которая спокойно шла вперед.

Кирпичная мостовая все еще была у них под ногами, но по правую руку домов уже не было, только возвышались деревья, темные и враждебные. Они закрывали вид на больницу. Видимо, сразу же за деревьями начиналась голая каменная пустыня.

— Теперь куда?

— Пойдем по периметру. Я думаю, что нам надо пройти к опушке леса.

Она ждала его вопроса, но Мэт ничего не спросил. Тогда она сама объяснила.

— Сыны Земли давно планируют нападение на больницу. Только ни разу не представилось подходящего случая. Мы решили идти по опушке леса. Лес так напичкан разными ловушками, что охранники мало обращают внимания на него.

— А что ты знаешь о защитных системах самой больницы?

— Ты же сам был там прошлой ночью. Хорошо, что у тебя хватило ума не сунуться в лес. Вокруг стены два кольца с фоточувствительными датчиками. Стену ты видел. На ней прожектора и пистолеты. Кастро на ночь вероятно установил дополнительную охрану.

— А внутри?

— Охранники. Мэт, мы предполагаем, что они плохо обучены. Ведь они все время находятся без работы. Если бы нас было побольше...

— Но ведь мы одни?

— Да, но мы будем иметь дело с охранниками, которые уверены в том, что обороняться им не от кого.

— А ловушки? С техникой мы не сможем бороться.

— В больнице их практически нет. Возможно, что Кастро сейчас установил кое-что. Кроме того, наверняка есть ловушки в космических кораблях, этого мы не знаем, но туда мы не пойдем. Правда, есть еще эти проклятые вибрирующие двери.

Мэт кивнул, резко мотнув головой.

— Эти двери были для нас сюрпризом. Почему-то нас о них не предупредили.

— Кто?

— Не твоё дело. Подожди... Мы пойдем здесь.

— Лейни?

— А? Здесь в почве заложены провода. Так что старайся ступать только на корни деревьев.

— Что произошло в пятницу?

Она повернулась к нему, взглядела в него, стараясь понять, что он имеет в виду.

— Я случайно узнала, что ты нуждаешься во мне.

Мэт медленно кивнул.

— Ты не ошиблась.

— О'кей. Для этого я здесь. Сыны Земли в основном мужчины. Иногда они впадают в отчаяние. Все время планируют действия и действуют крайне редко, а если действуют, то всегда проигрывают. При этом они впадают в ещё большую депрессию. Но мне иногда удается заставить их чувствовать себя мужчинами.

— Мне кажется, что я тоже стал мужчиной и мне нужна ты.

— Все, что тебе сейчас нужно, брат, это хорошенько испугаться. Постарайся испугаться и все будет ол райт. Мы пройдем...

— Знаешь, о чем я думаю?

— Что еще?

— Если бы мы остались здесь на ночь, то неплохо провели бы время.

— Ты идешь? И не забывай ступать на корни.

РУКА ПАРЛЕТТА

Темнота опустилась на планету Маунт Лукиткэт.

Но поселенцы об этом не знали. Альфа Плато как всегда было залито светом. И даже те, кто жили на краю Плато и могли бы видеть вдаль дома на Бета, Гамма, Иота Плато, сегодня из-за густого тумана не могли видеть их. И откуда им было знать, что на всей планете, кроме Альфа Плато, воцарилась тьма?

Гнев и страх охватили все поселения колонистов, но что могли они поделать? Их гнев не достигал Альфа Плато.

В отключении энергии не было никакой опасности. В поселениях колонистов не было больниц, где пациент мог умереть во время операции, когда отключили свет. У колонистов не было ни машин, ни каров, которые могли бы столкнуться на темных улицах. И никто не мог умереть от голода, так как все склады были полны припасов.

Но в поселениях царили страх и гнев. Может на энергостанции что-нибудь произошло? А может, это наказание... или эксперимент полиции?

В темноте нельзя было передвигаться. Большинство людей оставались там, где их застала тьма. И они ложились спать, где могли, так как наступило время сна. Все они ждали наступления света.

Их опасаться нечего, думал Иезус Пьетро. Если сегодня ночью и возникнет угроза, то она придет не оттуда.

Пьетро был уверен, что Сыны Земли нападут на больницу, хотя их всего пятеро. Харри Кейн не оставит своих людей в больнице, где их ждет смерть. Он сделает, что сможет, несмотря на риск.

И майор Чин упустил одного. Это всего в двух милях от больницы. Беглец одет в полицейскую форму. Судя по тому, что он бежал, что он был один, и что его никто не видел, это был Мэт Келлер.

Пять досье на пятерых беглецов. Харри Кейн и Джейхок Худ — это старые друзья, наиболее опасные из всех Сынов Земли. Элен Матсон, Лидия Хэнкок и Мэт Келлер — с этими он должен был поближе познакомиться вчера днем.

Самое тощее досье было на Мэте Келлера. Две с половиной странички. Работает на шахте, семья небольшая, несколько любовных интрижек. Никаких доказательств, что он входит в организацию Сынов Земли.

Иезус Пьетро был обеспокоен. Сыны Земли, если прорвутся в больницу, сразу же бросятся в вивариум, чтобы освободить своих товарищей. Но если Келлер...

Если Альфа Плато угрожают не Сыны Земли, а нечто другое, имеющее свою, непредсказуемую цель...

Иезус Пьетро был обеспокоен. Взглянув в окно, он с удовлетворением отметил, что туман рассеивается. На столе его лежала пачка из пяти досье, шестое отдельно от всех и пистолет.

В сиянии больничных прожекторов небо казалось жемчужно-серым. Стена чудовищной массой возвышалась перед ними. На ней выделялись черные силуэты, слышались чьи-то шаги.

Они долго пробирались сюда. Им пришлось прыгать через луч света, который принимался датчиком и при пересечении которого сразу же возникла бы тревога. Мэт прыгнул первым, а за ним Лейни. Мэт в это время стоял, смотрел на стену и отчаянно ЖЕЛАЛ, чтобы ее никто не видел.

И ее никто не увидел.

— Мы можем пройти к воротам, — сказал Мэт.

— Нет, Кастро мог отключить энергию и тогда ворота не открыть. Нет, есть путь лучше.

— Покажи.

— Нам придется немного рискнуть.

— А что?

— Заряд. Правда, я не уверена, что он заложен.

— Заряд?

— Видишь ли, в полиции в основном чистокровные колонисты. Но с ними нужно быть очень осторожными. Мы потеряли много людей в попытках завязать с ними контакт. Однако, кое-что удалось.

— Кто-то для вас заложил бомбу?

— Я надеюсь. В полиции есть два Сына Земли, но оба они могут оказаться предателями.— Она сунула руку в карман.— Черт побери, эта сука даже не имеет зажигалки. А в твоём кармане есть?

— Сейчас посмотрю. Вот.

Она взяла зажигалку и сказала:

— Со стены могут увидеть огонек. Нужно прикрыть его.— И склонилась над огоньком, побежавшим по шнуру.

Мэт тоже распростерся над проводом. Желтый огонек с шипением пробежал под ним и скрылся под стеной.

Лейни схватила его руку.

— Бежим! Вдоль стены! — Он последовал за ней.— Теперь ложись!

Он упал возле Лейни на живот. Послышался оглушительный взрыв. Осколки засвистели в воздухе. Один из них оторвал клочок уха Мэта и тот схватился за рану и выругался.

Однако нельзя было терять времени. Лейни рывком подняла его и бросилась к месту взрыва. В стене зияло отверстие. Мэт поднял голову, ожидая увидеть сотни глаз, устремленных на него. И вдруг все вокруг ярко осветилось.

— Сюда! — Лейни упала на колени и поползла. Мэт услышал свист пуль возле себя. Он тоже упал на колени и последовал за Лейни.

Сначала отверстие было достаточно большим, чтобы пробираться на четвереньках, но затем оно сузилось, и им пришлось ползти на животе. Острые камни царапали бока. Здесь тоже был яркий свет, такой яркий, что у Мэта слезились глаза.

— Я боюсь,— пробормотал он.

— Заткнись,— рявкнула Лейни и обернулась к нему.

Они были уже на другой стороне стены. В ярком свете Мэт увидел, как изменились ее глаза. Затем она повернулась и побежала прочь. В одно мгновение она была далеко от него и Мэт не мог догнать ее.

Со всех сторон слышался топот бегущих ног. Их окружали. К его удивлению, никто не остановил бегущую Лейни. Однако за ней погнались.

И никто не пытался остановить Мэта. Он был невидим. Но он потерял Лейни. Без него она была беспомощна. Правда, пистолет... И он не знал, как добраться до Полли. Он стоял на месте, как растерянный мальчишка.

Нахмурившись, Харри Кейн рассматривал руки Парлетта, которые были непохожи одна на другую. Он видел раньше трансплантированную кожу, но такую работу он видел впервые.

— Это ведь не искусственная рука? — спросила Лидия.

— Нет. Но это и необыкновенная трансплантация.

— Он уже должен прийти в себя.

— Я уже очнулся, — сказал Парлетт.

— Ты можешь говорить?

— Да. — Голос Парлетта напоминал скрип двери. Однако в нем слышался ясно акцент поселенца. Он говорил медленно, тщательно выбирая слова. — Могу я попросить воды?

— Лидия, дай ему воды.

— Пожалуйста. — Лидия поднесла к губам старика стакан и тот пил маленькими глотками.

Харри рассматривал Парлетта. Они посадили его, прислонив к стене. Он еще не мог двигаться, но лицо уже ожило и теперь на нем появилось выражение.

— Спасибо, — сказал он уже окрепшим голосом. — Ты не должна была стрелять в меня.

— Ты хотел нам что-то сообщить, Парлетт?

— Ты — Харри Кейн. Да, у меня есть что сказать тебе. Я хочу предложить тебе сделку.

— Я готов договориться. Что за сделка?

— Ты поймешь, когда я все скажу. Может, мне начать с груза раббота? Это будет самое лучшее.

— Лидия, позови Джея. — Лидия быстро вышла.

— Я хочу, чтобы он слышал все. Я не силен в технике.

— Джейхок Худ? Он тоже здесь?

— Кажется, ты многое о нас знаешь.

— Конечно. Я изучал вашу организацию задолго до того, как вы появились на свет. Джей — умный человек. Подождем его.

— Значит, ты изучал нас? Зачем?

— Я попытаюсь объяснить тебе, Кейн. Это потребует времени. Ты считаешь, что ситуация на Лукиткэт очень хрупкая, ненадежная?

— Если бы ты пытался ее изменить также долго, как и я, ты бы не считал ее хрупкой.

— Я серьезно, Кейн. Наше общество полностью зависит от технологии. Измени технологию и ты изменишь общество. Больше всего при этом изменяется этика человека.

— Странно. Этика есть этика.

Губы старика презрительно скривились.

— Дай мне договорить, Кейн.

Харри замолчал.

— Вспомни о хлопке, — сказал Парлетт. — Он мог расти только на юге Соединенных Штатов, но не на севере. И вот на юге оста-

валось рабство еще долго после того, как оно было отменено на севере. Расовая проблема еще целые столетия существовала в США. Теперь вспомни о рыцарских доспехах. Вся этика рыцарей основывалась на том, что их доспехи служат надежной защитой от любого врага, который не имеет таких же доспехов, как у него. Но вот изобрели арбалеты, затем порох — и рыцарство умерло. Возникла совершенно новая этика.

— Сначала война была в руках дипломатов, — продолжал Парлетт. Он остановился и перевел дух. — Да, так было. Но потом появился отравляющий газ, водородная бомба, и каждое смертельное приобретение делало войну все менее и менее пригодной для того, чтобы с ее помощью один человек добивался какой-то цели. Вернее, не человек, а нация. И национализм постепенно исчез.

А когда человек вышел в космос, появилась совершенно новая этика. Ведь теперь любая оплошность человека в космосе, автоматически означает то, что он подписал себе смертный приговор. — Старик снова замолчал, задыхаясь.

— Я не историк, — сказал Харри. — Но, по-моему, мораль есть мораль. То, что неэтично здесь, неэтично и в любом другом месте.

— Кейн, ты прав. Этично наказывать человека за воровство?

— Конечно.

— А ты знаешь, что в двадцать первом веке психологи занимались излечением преступников?

— Но это же глупо. Зачем заниматься этим, если их можно использовать для пополнения банка органов... О, тогда же не было банка органов.

Старик улыбнулся, показав великолепные белые зубы. Сверкающие зубы и острые серые глаза — под морщинистой маской лица показался настоящий Парлетт.

Настоящий, подумал Харри. Только зубы не его. Черт с ним.

— Продолжай, — сказал он.

— И вот однажды я понял, что ситуация на Лукиткэт не устойчивая. Ведь она может внезапно измениться в любой момент, так как с Земли нам поступают все новые и новые открытия. И я решил быть готов в этому.

На лестнице послышались торопливые шаги. Вошли Лидия и Худ. Харри представил Худу Парлетту. Худ пожал Парлетту руку, хотя внутренне он содрогнулся, так как в руки старика жизнь еще не вернулась.

— Посмотри на мою руку, — сказал Парлетт.

— Мы уже осматривали ее.

— И ваше мнение?

— Мы хотим спросить тебя о ней.

— Вероятно, на Земле произошла биологическая революция. Там достигли грандиозных успехов в биологии. Работы принесли нам четыре подарка с полными инструкциями, как пользоваться ими.

Один — вирус фунгус симбиот. Я погрузил в него свой мизинец. И кожа на моей руке стала меняться.

— Меняться? Прошу прощения.— Худ перевел дух. Старик говорил так медленно, что его было трудно не перебить.

— Да, меняться. Сначала растворился эпидермис, и обнажились живые клетки. Затем из них возникла новая кожа. Вы, наверное, знаете, что вирусы не воспроизводятся. Они просто заставляют существо, в котором они находятся, производить другие вирусы, и только сообщают новым вирусам свои свойства.

— Великолечно! Значит этот вирус создает новую кожу! Но что произойдет, если вирус дойдет до глаз?

— Не знаю. В инструкциях ничего не сказано об этом. Я решил поэкспериментировать на себе. Вирус даже уничтожает шрамы на коже.

— Это большое достижение,— сказал Харри.

— Но ты не понимаешь, как это важно. Я показал тебе только первый дар. Остальные еще более изумительны. Один из них меняет печень человека.

Глаза Харри расширились от изумления. Лидия протяжно свистнула.

— Да, да. Печень. Правда, у нас будут сложности с вращиванием этой искусственной печени в организм.

— Значит, Келлер не солгал. Маленькие печени и сердца! — воскликнул Харри.— Парлетт, а третий дар заменяет человеческое сердце?

— Да. Почти целиком. Но тоже будут сложности...

— Черт возьми! — и Харри пустился в пляску. Он подхватил Лидию и стал кружить ее. Худ смотрел на них, глупо ухмыляясь. Кейн отпустил Лидию и бросился к Парлетту.

— А четвертый?

— Ротифайер.

— ... ротифайер?

— Да. Он существует, как симбиот в крови. Он производит то, чего не может создать человеческий организм. Кейн, меня всегда поражало то обстоятельство, что эволюция не смогла создать ничего совершенного. Например, она не дала человеку долгих лет жизни. Потребовались громадные усилия медиков, чтобы скомпенсировать...

— Что делает это ротифайер?

— Он борется с болезнями. Вымывает жировые отложения в венах и артериях. Растворяет тромбы. Правда, он не может проникать в маленькие капилляры и погибает при контакте с воздухом. Кроме того, он укрепляет слабые стенки артерий, что весьма необходимо для людей преклонного возраста.

Харри Кейн стоял, покачиваясь с пятки на носок.

— Значит, с банками органов покончено. Они больше не нужны. Неудивительно, что ты хотел сохранить все в тайне.

— Не будь идиотом.

— Что? — Парлетт открыл рот, но Харри опередил его.

— Я говорю тебе, что банки органов больше не нужны. Слушай, Парлетт! Кожа человека меняется сама собой. И сердце... и печень. А ротирайер обеспечивает защиту от многих других болезней! Что еще бы ты хотел?

— Еще многое. Селезенку, желудок, легкие.

— Он прав, — сказал Худ. — То, что прибыло на рамработе, далеко недостаточно. Как ты заменишь сломанную ногу или руку, ослепший глаз? — Он стал рассказывать по комнате. — Чтобы банки органов стали ненужными, необходимо получить еще несколько сотен различных вирусов и симбиотов.

— Хорошо. Заткнись, — сказал Харри Кейн.

Худ замолчал.

— Парлетт, ты, конечно, прав. Но подумай: предположим, что колонисты на Маунт Лукиткэт узнают о прибытии рамработы и о его грузе. Не анализ Худа, и не твои рассуждения, а только сам факт. Что тогда?

Парлетт улыбнулся. Он не должен был улыбаться, но его зубы сверкнули в широкой улыбке, которая не была вымученной, насильственной.

— Они будут считать, что банки органов больше не нужны. И они будут уверены, что полиция вот-вот будет распушена.

— Да, а когда окажется, что полицию не распускают, колонисты восстанут! Все колонисты на планете! Сможет ли больница устоять против них?

— Ты слишком прямолинеен, Кейн. Я склонен думать, что больница устоит против любого нападения, хотя мне бы не хотелось проверять это. Однако, я точно знаю, что в этой кровавой бойне погибнет половина населения планеты.

— Значит ты уже думал об этом?

Лицо Парлетта искривила гримаса. Он замахал руками, как будто его вновь поразил удар соника.

— Ты считаешь меня идиотом, Харри Кейн? Я никогда тебя не считал дураком. Когда я впервые услышал о грузе рамработы? Это произошло шесть месяцев назад, когда пришло лазерное сообщение. Я тогда сразу понял, что близится конец правлению поселенцев на Плато.

Лейни побежала налево, обогнула округлую башню «Планка» и исчезла из виду. Мэт сначала кинулся за ней, но затем взял себя в руки и остановился. Наверное, она знает другой вход и наверняка она добегит до него раньше, чем он догонит ее. А если он последует за ней в больницу, то заблудится в лабиринте коридоров.

Но ее нужно отыскать. Ведь она постаралась ничего ему не сказать и сейчас он также мало знал, как раньше. Может она боялась сказать

ему что-либо важное? Она не говорила о бомбе, пока они не приблизились к ней; не говорила о способе проникновения в больницу...

Постепенно она сказала бы ему, как найти Полли, но сейчас он этого не знал.

Или...

Он побежал к главному входу, обогнав толстого полицейского, бежавшего туда же. Ведь он сможет встретить Лейни в вивариуме, она же собиралась туда. Однако Мэт знал единственную дорогу в вивариум.

Огромная бронзовая дверь открылась, когда он подбежал к лестнице. Мэт замер внизу. Электронный глаз? Затем три полицейских появились в дверях и Мэт проскочил между ними. Никакой электронный глаз не смог бы зафиксировать, что в больницу проник посторонний.

Двери захлопнулись, едва не прищемив его. Мэт выругался и едва отскочил в сторону, пропуская полицейского с ультразвуковым свистком. Мэт уже видел такой свисток. Он ему пригодится, когда нужно будет выбираться из больницы, но сейчас не до него.

Ноги его отчаянно болели. Мэт шел, держась за стену и старался не стонать.

... Направо, вверх по лестнице, снова направо и затем налево...

ВИВАРИУМ. Он увидел дверь и тут же остановился, прислонившись к стене. Он ужасно устал. Он будет ждать Лейни здесь. Ноги его совсем онемели, в голове стоял звон и ему не хотелось ничего, только дышать. Во рту стоял отвратительный вкус ядовитого тумана бездны. Видимо, он слишком долго бежал, слишком сильно боялся и в его крови образовалось чересчур много адреналина. Он опирался на стену и стена казалась ему мягкой.

Было очень хорошо отдыхать, дышать, согреваться. Покопавшись в кармане, Мэт нашел пригоршню каштанов. Неочищенных поджаренных каштанов.

Капрал Халли Фокс вышел из-за угла и остановился. Он увидел возле стены поселенца. Кусочек уха его был оторван, струйка крови стекала за воротник. Он чистил и ел каштаны, бросая скорлупу на пол.

Это было странно, но не очень.

Халли Фокс родился в семье, три поколения которой служили в полиции. Естественно, что и он стал полицейским. Его реакция была недостаточно быстрой, чтобы стать налетчиком, и он был скорее исполнителем, чем лидером. Поэтому он занимал твердое положение в полиции, выполняя обязанности, не требующие инициативы и ответственности.

А прошлой ночью он задержал колониста, проникшего в больницу.

Утром произошел побег из вивариума, впервые со времени его основания. Капрал Фокс впервые в жизни увидел кровь. Человече-

скую кровь. Не залитую в сосуды банка органов, а текущую по платам пола вивариума — следствие человеческой жестокости.

Вечером шеф предупредил о возможном нападении на больницу. Он даже сказал, чтобы полицейские не перестреляли друг друга! И все приняли его слова всерьез.

Несколько минут назад на улице раздался страшный взрыв и все полицейские бросили посты, чтобы посмотреть, что же произошло.

Капрал Фокс не бросил свой пост. Все, что происходило сейчас, было ему не по душе. Единственное, что еще оставалось для него незабываемым и постоянным — это его инструкции. И поэтому, когда он увидел поселенца возле стены, который ел каштаны, он отсалютовал ему и сказал:

— Сэр.

Мэт взглянул и увидел полицейского, стоящего перед ним навывтяжку и придерживающего рукой пистолет.

Мэт моментально исчез, а капрал Фокс продолжал свой обход коридора, в котором находилась дверь вивариума. В конце коридора он остановился, повернулся и упал.

Мэт с трудом поднялся на ноги. Сердце его едва не остановилось при появлении охранника.

Вбежала Лейни. Она увидела Мэта, подняла пистолет.

— Стой! Это я!

— О, Мэт. Я думала, что потеряла тебя.

Он пошел к ней.

— Я видел, как за тобой погнался полицейский. Ты убила его?

— Да, — она посмотрела на капрала Фокса. — Они все плохо обучены, так что это было просто.

— Где ты научилась так стрелять?

— Не твое дело. Идем. — Она двинулась к вивариуму.

— Постой. Где мне найти Полли?

— Я действительно не знаю. — Она тронула ручку двери. Мэт схватил ее за кисть. — Идем, Мэт, — сказала она.

— Подожди, дверь — это ловушка.

— Да?

— Я видел, как охранник осторожно проходил мимо.

Лейни нахмурилась. Затем сняла пояс с Мэта, привязала его к ручке двери и отошла, насколько позволял пояс.

Мэт отступил.

— Прежде, чем ты сделаешь это, скажи, пожалуйста, как мне найти Полли.

— Я не знаю, Мэт. — Лейни даже не пыталась скрыть от Мэта то, что он ее совсем не интересует.

— О'кей. Где канцелярия Кастро?

— Ты сошел с ума.

— Я фанатик. Как и ты.

Это вызвало усмешку.

— Ты сумасшедший, ну да ладно. Иди по тому пути, по которому пришла я. Ты дойдешь до второй лестницы и поднявшись, иди по коридору, смотри таблички. Канцелярия находится возле корпуса «Планка». Но если ты мне поможешь сейчас, я потом помогу тебе.

— Тогда тяни.

Лейни потянула.

Ручка повернулась и раздался щелчок. Тут же с потолка раздались выстрелы. Пули прочесали то место, где стоял бы человек, открывший дверь. А затем завывла сирена.

Лейни подскочила от неожиданности и ударилась о стену. Дверь открылась на несколько дюймов.

— Вперед! — крикнула Лейни и бросилась в вивариум. Мэт за ней.

В вое сирены не было слышно звуков выстрелов, но Мэт увидел в вивариуме четырех человек, которые стреляли, как в тире. Они продолжали стрелять даже тогда, когда Лейни упала.

— Конец власти поселенцев? Да? — Голос Харри Кейна звучал с недоверием. Он не ожидал такой быстрой капитуляции.

— Сколько всего Сынов Земли?

— Этого я не скажу.

— Я скажу, — ответил Парлетт. — Менее четырех сотен. В течение трех сотен лет ты и тебе подобные стремились поднять восстание. И вы не достигли никакого прогресса.

— Пожалуй, да.

— Вы набираете своих сторонников из колонистов. Но вся ваша беда в том, что большинство колонистов не хотят, чтобы поселенцы теряли власть. Они счастливы тем, что они есть. Ваше движение крайне непопулярно среди них. Я уже пытался объяснить тебе причину и позволь мне попытаться еще раз. — С очевидным усилием он сложил руки на коленях. Изредка мышцы его на плечах подрагивали.

— Это не потому, что они не уверены в том, что смогли бы управлять планетой. Нет, так и не думает никто. Но они боятся полиции, они не хотят рисковать собой, так как все оружие в руках полиции. И энергия тоже.

Но дело даже и не в этом. Все дело в том, что они не считают правление поселенцев неправильным и несправедливым.

Все определяется банками органов. С одной стороны — это средство жестокого наказания. Но с другой стороны, банк органов — это обещание здоровья. Человек, даже колонист, который может заплатить за лечение, сможет вернуть себе здоровье. Без банка нет лечения. И тогда человека ждет смерть.

Ты знаешь, что произойдет, если колонисты победят поселенцев? Они будут требовать упразднения банка органов и они будут убиты своими же товарищами. Другие будут требовать, чтобы банки остались, но для их пополнения будут использовать поселенцев.

Голова его уже твердо держалась на шее и он сомтрел на них. Хорошие внимательные слушатели. Кажется, он их зацепил.

— А сейчас,— продолжал он,— вы не сможете начать восстание, так как не сможете убедить всех в справедливости вашего дела. Когда же станет известно о грузе рамробота, вы с легкостью сможете это сделать. После этого вы немного подождете разоружения полиции, но когда этого не случится, вы выступите.

Харри Кейн сказал:

— Именно так я и думаю. Но ты высказал мою мысль. Почему же ты назвал меня дураком?

— Ты сделал глупое предположение. Ты решил, что я пытаюсь сохранить в тайне груз рамробота. Совсем наоборот! Только сегодня я...

— Наконец я все понял,— сказаал Худ.— Ты решил перейти на сторону будущих победителей. Да, Парлетт?

— Ты идиот. Настоящий идиот.

Джей Худ вспыхнул. Он резко выпрямился, кулаки его сжались. Старик двинулся и это движение причинило ему боль. Он сказал:

— Неужели ты думаешь, что я способен на такую низость?

— Успокойся, Джей. Парлетт, если ты хочешь что-то сказать, говори. Если мы что-то неправильно поняли, объясни.

Парлетт заговорил медленно и монотонно.

— Я хочу предотвратить кровопролитие. Вам это ясно? Я пытаюсь предотвратить гражданскую войну, которая унесет половину жизней.

— Тебе этого не предотвратить,— сказал Кейн.— Война идет.

— Кейн, я предлагаю тебе вместе разработать новую конституцию для Маунт Лукиткэт. Соглашение уже исчерпало себя.

— Да.

— Сегодня я произнес речь на чрезвычайной сессии. Ты знаешь, что это означает?

— Да. Ты говорил перед всеми поселенцами на планете.

— Я сказал им о грузе рамробота N 143, показал его. Я сообщил им о проблеме банка органов, об этике и ее зависимости от технологии. Я сказал, что если тайна груза рамробота станет известна колонистам, то сразу же произойдет восстание. Я сделал все, что мог, Кейн, чтобы поселенцы наложили в штаны.

Я знал с самого начала, что тайну рамробота нам не сохранить. А теперь, когда она известна тридцати тысячам поселенцев, это уже не тайна. Я сделал все, Кейн, чтобы предупредить их. Испугать их. Когда они поймут, что это уже не тайна, они испугаются настолько, что согласятся на переговоры.

Я давно это планировал, Кейн. Тогда я даже не знал, что придет земля. Это могла быть технология регенерации тела, простая аллопластика или даже новая религия. Все, что угодно. Но пришло это, и теперь мы должны думать, как предотвратить бойню.— У Парлетт исчезла одышка, голос стал сильным и звучным, как будто он не

испытывал ультразвукового удара незадолго до этого. Он говорил выразительно, тщательно интонируя, хотя немного хрипло.— Мы должны попытаться. Может быть, мы выработаем условия, которые удовлетворят и поселенцев и колонистов.

Он замолчал и три головы кивнули, почти с уважением.

ИНТЕРВЬЮ С ШЕФОМ ПОЛИЦИИ

Он увидел четырех человек и увидел, как Лейни упала. Он хотел бежать, но тут услышал грохочущий звон, как будто он очутился внутри колокола. И Мэт отскочил к стене, понимая, что огромная комната наполнена ультразвуковыми излучениями.

— Закрой эту чертову дверь,— рявкнул кто-то. Один из охранников прыгнул к двери и закрыл ее. Мэт почувствовал онемение в ногах, как будто они стали ватными. Он не сводил глаз с четырех врагов.

Один наклонился над Лейни.

— Одна,— сказал он.— Сумасшедшая. Интересно, где она взяла одежду?

— Может быть убила поселенца?

Другой охранник расхохотался.

— Заткнись, Рик. Давай, бери ее за руки. Усадим в кресло.

— Охотничий пистолет. Ты хотел бы, чтобы тебя убили из такого?

Снова смех.

— Баллон с газом не работает.— Один из охранников пнул баллон с газом и немедленно раздалось шипение.— Быстро противогазы!

Они быстро достали из сумок маски и натянули на себя.

— Отлично. Это следовало сделать сразу. Если мы наполним комнату газом, то любой, вошедший сюда, немедленно уснет.

Мэт не упустил ни слова. Он задержал воздух в груди сразу, как только началось шипенье газа. Теперь он подошел к одному из охранников и сорвал с него маску. Тот ахнул от удивления, взглянув на Мэта, а затем упал.

Маска туго прилегла к лицу и дышать через нее было можно, хотя и не очень приятно.

— Рик! О, идиот. Где, черт побери, его противогаз?

— Готов поклясться, что он забыл его.

— Дайте майора Янсена, пожалуйста.— Один из охранников взял микрофон.— Сэр? В вивариум пыталась проникнуть девушка. Да,

девушка в одежде поселенца. Да, только одна... Сейчас она спит в одном из кресел, сэр...

У Мэта все еще кружилась голова, хотя дверь блокировала излучение соника. Может, в него попала одна из капсул?

Он наклонился к Лейни. Она, конечно, спала. В нее вонзилось много ампул, легкие наполнились усыпляющим газом, и ритмичный усыпляющий ток течет в ее мозгу...

Мэт нащупал три проводка, которые подводили ток к аппарату на ее голову, и оборвал их. Теперь, когда кончится действие ампул и газа, она проснется.

— Еще одно, сэр. В комнате полно газа. Я думаю, нам здесь делать нечего. Я посмотрю.— Он отключил микрофон.— Уотт, посмотри в коридоре, нет ли там убитых.

— Но соники еще работают.

— Они должны быть отключены. Попытайся.

Из кармана охранника, лежащего без сознания, торчала авторучка. Мэт схватил ее и быстро нарисовал на его лбу сердце, с которого капала кровь, стекая по носу.

Тот, кого звали Уотт, открыл дверь. Он не ощутил удара соников. Тогда он открыл ее шире.

— Ой! — Он выскочил в коридор и побежал к лежащему Фоксу. Мэт сразу же за ним.

— Это охранник! — крикнул полицейский.

— Проверь идентификатор.

Уотт обшарил карманы Фокса. Он взглянул на Мэта, проскользнувшего рядом, и продолжал свое дело.

— Это Элен Матсон,— сказал Иезус Пьетро.— Она была одна?

— Если бы с ней кто-нибудь был, он тоже спал бы здесь. Я уверен, что она была одна.

В этих словах был смысл, подумал Пьетро, но вряд ли они могут служить гарантией.

— Благодарю, Янсен. Что делают поисковые отряды?

— Они ничего не нашли, сэр. Они все еще обшаривают Альфа Плато. Я поеду взгляну, чем они занимаются в данный момент.

— Хорошо. Только позвони.— Он повесил трубку и откинулся на спинку кресла. Лоб его был нахмурен.

Они где-то на Альфа Плато. И почему-то не нападают на больницу.

Элен Матсон. Захвачена в плен. Отлично. Она, должно быть, устроила этот взрыв, чтобы проникнуть незаметно в больницу. Была ли она одета в форму полицейского? Может быть. Она прошла большой путь и вполне могла где-нибудь завладеть одеждой поселенца.

Может быть. Может быть.

Он взял шестое досье. То самое, что лежало на столе отдельно от остальных.

Жизнь Полли Турнквист.

Родилась двадцать два года назад в семье никак не связанной с Сынами Земли. Отец ее получил левый глаз из банка органов. Хороший, лояльный колонист. Дисциплинированный.

Выросла на Дельта Плато, в четвертом секторе. Получила образование в колонистском университете. Там она встретила с Джем Худом. Ее первой любовью. Почему? Что она нашла в нем? Маленький, хлипкий и вовсе некрасивый. Но некоторые девушки предпочитают в мужчине ум.

После обучения пошла работать на ретрансляционный пункт на Дельте. Вскоре любовь к Худу угасла и постепенно перешла в дружеские отношения. Тем не менее, она вступила в организацию Сынов Земли. Молодость? Отец ее направил бы девушку на путь истинный, если бы узнал об этом...

Все это так, но сейчас она в гробу. Уже тридцать часов. Если сейчас к ней придет голос — единственное, что она может воспринять в своем замкнутом микрокосмосе, она поверит этому голосу. Особенно, если этот голос умело тронет струны ее души, связанные с прошлым.

Но пока она должна подождать. Сыны Земли пришли первыми. Одной уже нет, осталось четверо... Иезус Пьетро взял чашку кофе, который уже остыл.

Тысячи вопросов теснились в его мозгу. Он сделал гримасу, нажал кнопку и сказал:

— Мисс Лауэссон, закажите мне еще кофе.

И добавил, не успев запретить себе говорить:

— Принесите мне дело Мэтью Келлера. Не то, что у меня на столе, а то, что находится в шкафу, где хранятся дела умерших.

Она вошла минутой позже, стройная, холодная, недоступная блондинка с подносом, на котором стоял кофейник и лежала папка. Иезус сразу открыл папку. Она нахмурилась, спросила что-то. Но он не слышал ее, не отвечал на вопросы, и она после минутного колебания вышла.

Мэтью Келлер. Родился... Получил образование... Вступил в организацию в сентябре 2384 года в среднем возрасте. Почему так поздно? И вообще, почему вступил? Стал профессиональным убийцей и вором, выполняющим задания организации. Он убивал полицейских, которые беззаботно заходили в районы колонистов. Вор? Черт побери! Значит Келлер-старший украл этот кар? Тот самый, на котором Келлер-младший нырнул в бездну? Схвачен в секторе 28, Бета, в апреле 2397. года. Обвинен в измене, препарирован в банке органов. О, Иезус Пьетро, ты лжец! Половина персонала больницы знает, что на самом деле он прыгнул в бездну всего за полсекунды до того... Он упал в сорокаметровую бездну, он прыгнул к Демонам Тумана, в их адский огонь...

Итак? Иезус Пьетро выплеснул холодный кофе и налил себе свежего.

Вдруг он краем глаза заметил какое-то движение. Шум. Кто-то в комнате. Чашка дрогнула в руке, и он обжег себе губу. Он быстро поставил ее на стол и осмотрелся.

Затем вернулся к доске.

Мэтью Келлер. Какого черта он заставил принести это дело? Келлер-старший давно умер. Он прыгнул в бездну...

— Кастро.

Иезус Пьетро посмотрел вверх. Затем вниз. Галлюцинация? Это плохо, но не катастрофа. Банк органов полон. И материала для него в вивариуме полно.

— Кастро!

Иезус Пьетро вздрогнул. Такое с ним уже бывало. Сначала шум. Потом кто-то называет его по имени... Но кто же может без предупреждения очутиться в его кабинете? Его глаза обратились к краю стола...

Одежда поселенца.

Разорванная и грязная. Не по росту. Руки на столе с грязными ногтями... Колонист в одежде поселенца. В кабинете Иезуса Пьетро. Без предупреждения. Он прошел мимо мисс Лауэссен и та не доложила о нем...

— Ты?

— Да. Где она?

— Ты — Мэтью Келлер?

— Да.

— Как ты проник сюда? — Ему как-то удалось сохранить повелительный тон и это подбодрило его.

— Не твое дело. Где она?

— Кто?

— Не изображай идиота. Где Полли?

— Я не могу сказать тебе этого. Да и ничего другого, — сказал Иезус Пьетро. Он не сводил глаз с золотой пряжки пояса.

Своим периферийным зрением он увидел две большие грязные руки, которые тянулись к его правой руке. Человек внезапно схватил руку Пьетро и когда тот попытался вырвать ее, ему это не удалось. Затем посетитель взял средний палец и начал отгибать его назад.

Боль была ужасной. Рот Пьетро широко открылся, в глазах появилась мольба.

Пьетро протянул руку к делу Полли Турнквист, но затем отдернул ее, как от пылающего очага.

Средний палец был уже отогнут под прямым углом. — Черт, он же его ломает!

— Ну, Кастро?

Кастро снова вспомнил, даже не посмотрев вверх. Кто-то или

что-то находится в его кабинете. И этот кто-то или что-то обладает способностью заставлять людей забывать о нем. Он подумал и сказал:

- Ты?
- Да, я. Где Полли?
- Ты — Мэтью Келлер. Значит, ты пришел ко мне.
- Не валяй дурака. Где Полли?
- Ты был в каре, который летел к больнице? Ты упал в...
- Да.
- Тогда...
- Заткнись, Кастро. Скажи, где сейчас Полли? Она жива?
- От меня ты ничего не узнаешь. Как ты выбрался из бездны?
- Я взлетел.
- Но это невозможно.
- Кастро, я переломаю все твои пальцы. Где Полли? Она мертва?
- Как я могу говорить, если ты мучаешь меня?

Минута колебания. Затем снова Иезус Пьетро заныл от дикой боли и попытался вцепиться ногтями в эти глаза...

... Он просматривал свои записи, когда страшная боль пронзила его руку. Пальцы его правой руки оказались вывернутыми назад. Стиснув зубы, чтобы сдержать крик, Иезус Пьетро включил систему связи.

- Вызовите мне доктора.
- Что случилось?
- Вызовите... — снова глаза его уловили чье-то движение. Кто-то был в кабинете вместе с ним!

В его памяти шевельнулось что-то и это что-то запретило ему поднимать голову.

- Ты — Мэтью Келлер?

Тишина.

- Ответь мне, черт возьми! Как ты выбрался оттуда?

Снова две руки сомкнулись на правой руке Иезуса Пьетро. Шеф полиции едва сдержал крик боли. Он схватил пистолет и его глаза лихорадочно обшаривали кабинет в поисках своего мучителя.

Он все осматривался, когда вошел доктор.

— Ничего страшного, — сказал доктор. — Пальцы просто вывернуты. Их можно вправить. — Он обезболит руку Пьетро, вправил пальцы. — Как это у вас получилось?

- Я не знаю.
- Не знаете? Вы вывернули себе два пальца и не знаете...
- Я же сказал, что не могу вспомнить, как это получилось. Но мне кажется, что к этому имеет отношение привидение Мэтью Келлера.

Доктор бросил на него странный взгляд и вышел.

Иезус Пьетро с любопытством посмотрел на свою правую руку. Он совершенно не мог ничего вспомнить!

Поэтому он продолжал думать о Мэтью Келлере.

Но почему он думает о Полли Турнквист?

Уже можно было бы заняться ею. Но она еще может подождать. Конечно, может.

Он попробовал кофе. Очень холодный. Он выплеснул его и налил свежего из кофейника.

Рука его полностью онемела.

Почему он все еще думает о Полли Турнквист?

— Тыфу! — он с трудом встал, придерживая руку. — Мисс Лауэссен! — сказал он в микрофон, — пришлите мне двух охранников. Я пойду на «Планк».

— Одну минуту.

Пьетро протянул руку к стуннеру и вдруг взгляд его упал на папку с делом Мэгью Келлера-старшего. На желтой обложке четко выделялся грубый рисунок.

Две дуги. И три окружности внизу.

Кровоточащее сердце. Раньше его не было.

Пьетро открыл папку. Он уже почти физически ощущал свой страх, который, казалось, пропитал все вокруг. Даже его одежду.

Как будто этот страх владел им уже несколько часов.

Фас и профиль. Голубые глаза, желтые волосы, кожа, покрытая морщинками...

Что-то шевельнулось в памяти Иезуса Пьетро. На мгновение лицо на фотографии в папке стало моложе. На лице появилось смешанное выражение страха и злости. Воротник окрашен кровью, которая капала с оторванной мочки уха.

— Охранники здесь, сэр.

— Благодарю. — Он бросил последний взгляд на фотографию давно умершего человека и закрыл папку. Перед тем, как уйти, он сунул в карман пистолет.

— Хотелось бы мне сейчас предупредить Лейни, — сказал Харри Кейн. — Ведь теперь многое изменилось.

— Ты даже еще не знаешь, что ей сказать. Вот, возьми лучше это. — Она держала в руках поднос со стаканами горячего сидра.

Сейчас они были в кухне. Худ остался в гостиной с Парлеттом, которого они с трудом перетащили в кресло.

Ветер завывал за окнами. Четыре заговорщика сидели возле огня со стаканами горячего сидра в руках.

— Ты раздумывал об этом больше, чем мы, — сказал Харри. — Мы и не думали о том, что с поселенцами может быть достигнут компромисс. Что же ты хочешь предложить нам?

— Для начала амнистию всем Сынам Земли: вам и тем, кто сейчас находится в вивариуме. Вы нужны нам. Ведь вы единственная сила, которая сможет поддерживать закон и порядок в местах проживания колонистов.

— Так.

— Теперь поговорим о медицинской помощи, — сказал Парлетт. — Это трансплантация органов, пользование симбиота с рамробота и мелкая медицинская помощь. Сейчас в ваших селениях открыты филиалы больницы, где можно получить необходимое лечение. Мы расширим их сеть и возможности. Кроме того, я думаю, что можно открыть свободный доступ к вирусам и симбиотам. Сначала это будет только в больнице, а потом мы построим станции повсюду.

— Отлично. Как насчет банка органов?

Миллард Парлетт обхватил себя руками и стал смотреть в огонь.

— Об этом я еще ничего не могу сказать, так как не знаю, что нам пришлют с земли. А каково твое мнение?

— Полное упразднение, — твердо сказала миссис Хэнкок.

— Выбросить тонны трансплантата? Выплеснуть в грязь?

— Да.

— Вы сможете упразднить и преступления? Ведь банк органов — это единственное средство для наказания воров и убийц. На Маунт Лукиткэт нет тюрем.

— Тогда постройте тюрьмы. Вы достаточно долго убивали нас!

Парлетт покачал головой.

Вмешался Харри Кейн.

— Это не поможет. Лидия, я понимаю твои чувства, но мы не сможем сделать этого. Если мы устраним банк органов, то восстановим всех против себя. Мы даже не сможем устранить карательную роль банка органов, так как в этом случае преступники не будут бояться ничего и совершенно обнаглели. Если мы откажемся от банка органов, на планете вспыхнет война.

Лидия с мольбой повернулась к Худу.

— Я считаю, — сказал Худ, — что вы все кое-что упускаете из виду.

— Что? — спросил Харри.

— Я еще сам не уверен. Я подожду и посмотрю. Говорите пока.

— Я не понимаю, — сказала Лидия. — Я не понимаю никого из вас. За что мы боролись? За что умирали? Чтобы уничтожить банк органов?

— Миссис Хэнкок, — мягко сказал Парлетт. — Вы кое-что упускаете из виду. Дело вовсе не в том, согласятся ли с этим колонисты или поселенцы. Они, конечно, не согласятся. Но я сам не позволю вам это сделать.

— Да-а, — Лидия презрительно подняла бровь. — Ведь тогда вы умрете, не так ли?

— Да, я умру. А вы нуждаетесь во мне.

— Почему? Зачем вы нужны нам? Разве что сначала нужно ваше влияние и ваши советы.

— Моя армия. У меня более сотни верных людей. Они готовились к этому дню очень долго. Все они подчиняются моим приказам беспрекословно. И все они хорошо вооружены.

Лидия хрипло вздохнула.

— Мы сделаем все, что можно, миссис Хэнкок. Банк органов мы не устраним, но мы устраним несправедливости.

— В первую очередь мы должны разработать закон, в соответствии с которым каждый колонист имеет равные права с поселенцами на медицинскую помощь больницы и банка органов,— сказал Харри Кейн.

— Нельзя слишком давить, Харри. Помни, что мы должны удовлетворить обе группы людей.

— Тьфу! — сказал миссис Хэнкок и было невозможно сказать, что она собирается делать, заплакать или броситься в драку.

Все они сидели вокруг стола, держа в руках забытые стаканы. Худ сидел чуть поодаль, забытый всеми и чего-то выжидающий.

— Самое главное,— сказал Парлетт, что мы можем сделать всех равными перед законом.. Мы можем сделать это, но при этом не производить перераспределения богатств. Вы согласны с этим?

— Не совсем.

— А что вас беспокоит?

— Нам нужны свои электростанции.

— Прекрасно. Сначала вся планета будет пользоваться существующими станциями, но со временем мы построим энергостанции и на Гамме и на Дельте.

— Хорошо. Мы еще хотим гарантированный доступ в банк органов.

— Это проблема. Банк есть банк, и вы не можете взять оттуда больше, чем положили. Мы будем иметь все меньше осужденных преступников, которые будут делать вклады в банк, и все больше больных людей, которые нуждаются в помощи банка.

Худ откинулся на спинку кресла и положил ноги на стол. Глаза его были полузакрыты, как будто он погрузился в сладкие грезы.

— Значит нужно организовать лотерею. И обязательно интенсивные исследования в области аллопластики, которые должны финансироваться поселенцами.

— Почему поселенцами?

— Потому что все деньги у них.

— Хорошо, мы договоримся об этом. Что-нибудь еще?

— Есть много несправедливых законов. Мы не хотим никаких ограничений ни в строительстве домов, в которых мы живем, ни в одежде, которую носим. Хотим свободно передвигаться по планете. Иметь право покупать любую технику за ту цену, какую платят и поселенцы. Мы хотим ограничить права полиции.

— Почему? Это же полиция. Она будет защищать ваши законы.

— Парлетт, если бы когда-нибудь в твой дом врывалась полиция, если бы в тебя стреляли усыпляющими пулями, душили газом...

— Я никогда не был повстанцем.

— Ты говоришь, черт знает что.

Парлетт улыбнулся. И голова его стала похожей на череп.

— Меня никогда не хватала полиция.

— Все дело в том, что полиция может делать все, что угодно. И в любое время. Причем она не оправдывается и не извиняется, даже если во время налета не найдено свидетельства преступления.

— Мне не хотелось бы ограничивать полицию. Это приведет к хаосу. — Парлетт сделал глоток вина. — Как же это сделать поумнее? Может ввести ордера на обыск, которые не позволяют полиции войти в дом, если нет четких доказательств причастности хозяина дома к преступлению.

— Это выглядит неплохо.

— Я могу поподробнее изучить этот вопрос.

— Еще одно. Сейчас дело обстоит так, что полиция имеет исключительное право хватать людей и осуждать их. Даже на смерть. Мы хотим каким-то образом участвовать в судебных разбирательствах.

— Я думал над этим, Кейн. Я предлагаю создать закон, по которому человека можно считать виновным, только если в суде его признает виновным большинство. Судить будут пять поселенцев и пять колонистов. Все суды будут публичными и будут передаваться по телевидению.

— Прекрасно.

И тут вступил в разговор долго молчавший Худ.

— Вы понимаете, что любое ваше предложение ослабляет положение и могущество больницы?

Парлетт нахмурился.

— Возможно. Ну и что.

— Вы говорите так, как будто на планете существует только две группы. Но их три! Вы, мы и больница! Причем, больница — самая могущественная группа. Парлетт, ты изучал нашу организацию черт знает сколько времени. А сколько времени ты изучал Иезуса Пьетро Кастро?

— Я давно знаю его, — задумчиво сказал Парлетт. — Я знаю, что он умен. Но вряд ли я знаю в точности, каковы его мысли.

— Харри знает. Харри, скажи, что сделает Кастро, если мы захотим уменьшить права полиции?

— Я не понимаю тебя, — ответил Парлетт. — Кастро хороший преданный человек. Он всегда делает только то, что в интересах поселенцев. Возможно, я недостаточно хорошо его знаю, но я твердо знаю, что он слуга поселенцев. Все, что хорошо для поселенцев, хорошо для него. Он примет все, что примут поселенцы.

— Черт побери, Худ прав, — сказал Харри Кейн. — Я знаю Кастро лучше своего отца. Я просто еще не думал о нем.

— Иезус Пьетро Кастро — это хороший, преданный...

— Слуга поселенцев. Верно. Подожди минуту, Парлетт, дай мне договорить.

— Во-первых, каких поселенцев? Каким поселенцам он предан?

Парлетт фыркнул. Он взял свой стакан и увидел, что он уже пуст.

— Он не предан всем поселенцам подряд. Более того, я скажу, что большинство поселенцев он не уважает. Он уважает тебя и некоторых других. По сути он уважает идеального поселенца, такого, кто отвечает его идеалу: умного, корректного, знающего как обращаться с подчиненными и колонистами, чтобы их интересы и интересы поселенцев максимально совпадали.

Теперь посмотрим, что же предлагаем мы. Ордера для полиции. Мы лишаем полицию права по своему усмотрению хватать колонистов и отправлять их в банк органов. Мы указываем полиции, кого они могут хватать, а кого не могут. Что-нибудь еще, Джей?

Энергия. Мы хотим лишить больницу монополии на энергию. О, после этого у полиции будет совсем мало работы и Кастро придется многих уволить.

— Верно. Неужели вы думаете, что все поселенцы планеты согласятся с этим?

— Нет, конечно, не все. Но мы можем получить согласие большинства.

— К дьяволу твое большинство. Кому из поселенцев будет предан Кастро?

Парлетт потер затылок.

— Я понимаю вас. Судя по тому, что вы говорили о Кастро, он будет поддерживать консервативную фракцию.

— Именно так. Он будет поддерживать тех, кто ни в коем случае не пойдет на компромисс. И вся полиция пойдет за ним. Он их шеф.

— И у них все оружие,— добавил Худ

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ

Кровоточащее сердце. Мэтью Келлер. Полли Турнквист.

Почему Полли Турнквист?

Она совершенно ни причем сейчас. Ведь с самой субботы она находится в гробу. Почему же эта девчонка-колонистка так притягивает его? Почему ради нее он покинул свой кабинет в такой час? Все это было очень и очень странно...

Он не мог ничего вспомнить.

Охранник, шедший впереди, внезапно остановился, нажал кнопку

в стене и отступил в сторону. Иезус Пьетро вернулся в реальность. Они подошли уже к лифту.

Двери скользнули в стену и Иезус Пьетро в сопровождении двух охранников вошел в кабину лифта.

Где Полли? — что-то шептало в его мозгу. — Где она? Скажи мне, где Полли?

Кровоточащее сердце. Мэт Келлер. Полли Турнквист.

Или же он окончательно потерял голову — и это из-за девчонки-колонистки! — или же между ними существует какая-то связь, которой он не мог уловить.

Может, девушка сможет сказать ему?

Мэт прошел за ними до конца коридора. Когда они остановились, Мэт тоже остановился. Кастро идет к Полли или нет?

Двери скользнули в стену и три проводника Мэта вошли. Мэт пошел за ними, но остановился в дверях. Кабинка была слишком мала. Его сразу обнаружат.

Двери закрылись у него перед носом. Мэт услышал звук удаляющегося лифта.

Куда они поехали, черт бы их побрал?

Он стоял один в коридоре больницы. Шеф и два охранника уехали от него, а они были единственными его проводниками. Мэт нажал большую черную кнопку в стене.

Двери остались закрытыми.

Он нажал снова и ничего не произошло.

Все ли он делает правильно? Может у охранника был ключ или свисток?

Мэт посмотрел обратно, раздумывая, сможет ли он найти дорогу в кабинет Кастро. Может и нет. Он снова нажал кнопку.

Сначала еле слышный шум, который становился все громче.

Но вот открылись двери и перед ним очутилась маленькая пустая кабинка.

Мэт вошел в нее, готовый ко всему.

Больше никаких дверей. Куда же они подевались? В кабинке не было ничего. Ничего, кроме кнопок с цифрами 1, 2. «Двери открыты» и «Срочная остановка.»

Он нажал их по порядку. Кнопка с цифрой 1 не привела ни к чему. Он нажал 2 и двери закрылись. Кабинка стала двигаться. Он почувствовал это по вибрации, по сильному давлению. Он даже упал на четвереньки, сильно ударившись при этом.

Давление исчезло, но механический гул и вибрация не прекращались. Все это было незнакомо Мэту и он ждал, стоя на четвереньках.

Вдруг у него возникло странное ощущение в желудке. Мэт с трудом сдержал себя от тошноты. Движение прекратилось и двери открылись. Он медленно вышел.

Он оказался на высоком узком мостике. На одном конце мостика находилась кабинка, из которой он вышел. Длинный люк, по которому она двигалась, уходил прямо вниз, в крышу больницы. На другом конце мостика находилась такая же кабинка. Мэт еще никогда не был так высоко над землей без кара.

Весь госпиталь был под ним, залитый морем огней. Он видел все сквозь стеклянную крышу: лабиринт коридоров, комнат, холлов. За больницей виднелись наклонные стены, а еще дальше каменная пустыня и лес. А вон и дорога. Перед ним же возвышалось устремленное вверх могучее тело «Планка».

«Планк». Мэт посмотрел вниз вдоль гладкой черной металлической трубы. Большая часть корабля была цилиндрической. И только нос его был заострен под углом в тридцать градусов. Внизу тело корабля было погружено в здание больницы.

Что-то зажужжало позади него.

Кабинка скользнула вниз. Мэт посмотрел ей вслед, затем пошел по мостiku, держась за перила. Раз кабинка поехала вниз, значит скоро кто-то придет сюда.

На другой стороне мостика он нашел черную кнопку и нажал ее. Затем посмотрел вниз.

Он увидел, как к нему поднимается вторая кабинка. У него закружилась голова от высоты.

По слухам «Планк» считался очень опасным местом и, видимо, не без причины. Корабль, который переносил людей в межзвездном пространстве, корабль, которому уже больше трехсот лет... Благоговейный трепет вызывал он у людей. В нем было что-то внушающее страх. Двигатели «Планка» даже сейчас могли поднять корабль в космос. Его энергетические установки снабжали энергией всю планету.. И они были настолько мощны, что могли бы сдуть Альфа Плато в Бездну.

И всем этим могуществом управлял он, шеф полиции.

Кабинка прибыла наверх, и Мэт вошел в нее.

Спуск был долгим. Ведь «Планк» был очень высоким. Наверное, метров двести. Дюзы двигателей находились в десяти футах над землей.

В этой кабине было окно и Мэт мог смотреть во время спуска. Если бы он боялся замкнутого пространства, он сошел бы с ума во время движения.

Кабинка остановилась, и Мэт вошел в тамбур. И тут он столкнулся лицом к лицу с полицейским.

У Мэта не было времени приводить в действие свою систему защиты и он бросился обратно в кабину. Он слышал звуки выстрелов, звон ампул, ударяющихся в стены. Еще секунда и все будет кончено.

И тогда Мэт крикнул первое, что ему пришло в голову:

— Остановись! Это я!

Охранник был уже рядом. Но он не стрелял... Не стрелял... Более

того, он повернулся и ушел, бормоча извинения. Мэт подумал: интересно, за кого он принял меня. Впрочем, это уже не имело значения. Полицейский забыл о нем.

Мэт решил идти за ним, вместо того, чтобы самому искать дорогу. Он рассудил, что если другие полицейские увидят двух человек, один из которых знаком им, они не будут стрелять.

Коридор был узким и все время поворачивал налево. Потолок и пол были окрашены в зеленый цвет, левая стена была белой и на ней сияли непривычно яркие светильники. Стена справа была покрыта слоем черной резины. Очевидно во время полета она должна была служить полом. о хуже всего было то, что все двери коридора были в полу и на потолке. Большинство дверей в полу были закрыты и через них перекинута мостки. Двери на потолке почти все были открыты и в них можно было проникнуть с помощью лестниц. Все лестницы выглядели очень старыми и были привинчены к стенам.

Этот коридор производил жутковатое впечатление. Мэту было не по себе.

Он слышал шум и голоса из комнат, расположенных наверху. Но эти звуки ничего не говорили ему. Он не мог увидеть, что происходит наверху, да и не пытался. Он старался уловить только голос Кастро.

Если ему удастся завлечь шефа в машинное отделение, то он сможет угрожать ему, что включит двигатели. Если ему не удалось сломить Кастро воздействием физической боли, может на него подействует угроза взорвать Альфа Плато?

Единственное, что хотел Мэт — это освободить одного пленника.

... Голос Кастро. Не с потолка, а из-за закрытой двери в полу. Мэт наклонился, дернул ручку двери. Закрыто.

Постучать? Но все полицейские сегодня ночью в состоянии тревоги. Они сразу будут стрелять. Мэт не успеет отреагировать и упадет без сознания еще до того, как полицейские потеряют интерес к нему.

Ключ нигде не достать. Да и как узнать, какой ключ? Не может же он оставаться здесь, когда Кастро там.

Если бы Лейни была с ним...

Голос... Полли вся превратилась во внимание, хотя не знала, дернулась ли она, шевельнулась ли.

Голос... Через какие-то безвременные интервалы она вдруг возвращалась к жизни, не испытывая при этом никаких внешних раздражений. В ее мозгу возникали разные картины, она вспоминала игры, которыми забавлялась в детстве, и некоторое время она спала. Какой-то неизвестный друг вонзил в нее усыпляющие ампулы. Она живо помнила уколы ампул. Но в конце концов она послушалась, снова очутилась в небытие. Теперь уже она не могла сосредоточиться на играх и она начала сомневаться, что она помнит то, что произошло в действительности. Лица друзей стали расплываться перед ее мысленным взором. Тогда она зацепилась за изображение лица Худа —

острого, угловатого лица ученого. Такое лицо нелегко забыть. Джей. Целых два года они были немножко ближе друг к другу, чем просто друзья. И сейчас она отчаянно полюбила его снова. Ведь это было единственное лицо, которое ясно и четко всплывало в ее памяти. Нет, не единственное. Еще лицо врага, ненавистное лицо, украшенное снежно-белыми усами, лицо врага. Но она старалась видеть только лицо Джея, приблизить его, придать ему выражение, смысл. Но оно расплывалось, и когда она старалась вернуть его, оно расплывалось еще больше...

Голос. Она снова обратилась во внимание.

— Полли. Ты должна довериться мне.

Она хотела ответить, выразить свою благодарность, попросить, чтобы голос говорил, чтобы он вытащил ее из небытия в реальность... Но она не могла говорить.

— Я бы хотел освободить тебя, вернуть в мир звуков, прикосновений, запахов,— сказал голос. Мягкий и почтительный.— Но я пока не могу сделать этого. Есть люди, которые хотят, чтобы ты была здесь.

Голос уже был ей знаком, спокойный, уверенный. Она узнала его. Голос Кастро. Она хотела вскрикнуть.

— Харри Кейн и Джейхок Худ. Это они не хотят, чтобы я освободил тебя... потому, что ты не выполнила задание. Тебе было поручено узнать все о грузе рамбота 143. И ты не выполнила задания.

— Лжец! Лжец! Я выполнила! — Она хотела выкрикнуть всю правду. Всю правду. И, в то же время, она понимала, что этого и добивается Кастро. Но она так долго молчала.

— Ты хочешь мне что-то сказать? Возможно, мне удастся уговорить Худа и Кейна освободить твой рот. Ты этого хочешь?

— Очень хочу,— подумала Полли.— Тогда я скажу тебе все, что о тебе думаю.— Что-то внутри ее еще сохранило здравый смысл. Сколько же времени она здесь? Не годы. И даже не дни. Ей хотелось пить. Впрочем, может они вводили ей воду. Однако, сколько бы времени она не провела здесь, ей удалось поспать. Кастро об этом ничего не знает. Он появился на несколько часов раньше.

Где же голос?

Все было тихо. Она ощущала слабое биение пульса в сонной артерии, но голоса не было.

Где же Кастро? Решил оставить ее гнить здесь?

Говори!

Говори со мной!

«Планк» был огромен, но жилое пространство занимало всего треть его объема. Много места занимали грузовые отсеки, двигатели, баки для горючего, энергоустановки. Поэтому на жилое пространство почти не оставалось места; однако в нем нашлась комната, вернее

целые апартаменты для Иезуса Пьетро Кастро. Сейчас он находился в комнате, которая когда-то была гостиной: с диванами, картонным и кофейным столиками, с видеоустановкой, соединенной с корабельной библиотекой. Это была большая комната, слишком большая для космического корабля, где всегда не хватало места.

В комнате стоял огромный тяжелый ящик, опутанный трубками. Два охранника сидели рядом с ящиком, возле которого стоял Кастро, прижимая переговорную трубку к губам. Труба была соединена с ящиком.

— Дадим ей на размышление минут десять, — сказал он, засекая время.

Раздался зуммер его переносного телефона.

— Я в вивариуме, — сказал майор Янсен. — Девушка-колонистка, в этом нет сомнения. Она в одежде поселенки. Вероятно, где-то украла. Пока мы не знаем, где именно. Нам пришлось ввести в нее антидот, так как она получила сверхдозу усыпляющего.

— Она пришла одна?

— Я не могу сказать с уверенностью, сэр. Есть две вещи. Во-первых, от ее аппарата отсоединены провода. Она не могла сделать это сама. Может из-за этого и проснулся один из пленников в тот раз?

— И затем освободил остальных? Я не верю в это. Вы бы заметили отсоединенные провода.

— Согласен. Значит, здесь был кто-то, кто отсоединил провода от аппарата девушки.

— Может быть. А второе?

— У одного из охранников не оказалось противогаза. Мы не смогли его найти. Сумка его пуста, а жена его сказала, что охранник, уходя, взял его с собой. Теперь он проснулся, но сам ничего не понимает. Кроме того, на его лбу есть рисунок, подобный тому, что мы уже видели на дверях.

— О!

— А это значит, что в самой полиции может быть есть предатель, сэр.

— Почему ты так думаешь, майор?

— Кровоточащее сердце не используется в качестве символа ни в одной из организаций. Только охранник мог нарисовать этот знак. Ведь сюда больше никто не входил.

Иезус Пьетро едва сдерживал свое нетерпение.

— Может быть ты прав, майор. Завтра мы обсудим, как нам выяснить все это.

Майор Янсен поговорил еще немного, высказывая различные предположения. Пьетро слушал, вставляя соответствующие ремарки, и постарался быстрее закончить разговор.

Предатель в полиции? Пьетро очень не хотелось думать так. Конечно, такая вероятность есть, и ею нельзя пренебрегать, но даже

одно предположение об этом могло причинить невосполнимый моральный урон полиции.

Во всяком случае, Иезус Пьетро этим не заинтересовался. Ни один предатель полицейский не смог бы невидимкой проникнуть в кабинет самого Иезуса Пьетро. Кровоточащее сердце означало что-то совсем другое.

Иезус Пьетро соединился с соседней комнатой.

— Пусть кто-нибудь принесет мне кофе.

Еще три минуты и можно будет возобновить беседу с девушкой.

Иезус Пьетро расхаживал по комнате. Он ходил, прижав больную руку к телу. Боль еще не отпускала его и ощущение было не из приятных.

Да, кровоточащее сердце означает что-то совсем другое. Устрашающий символ на двери вивариума. Пальцы, которые он сломал, даже не заметив, когда. Рисунок чернилами, появившийся на доске, как подпись. Да, как подпись.

Интуиция говорила Пьетро, что этой ночью что-то произойдет. И произошло. Но что? Интуиция привела его сюда. Вообще-то не было никаких логических причин приходить к Полли Турнkvист. Действительно ли она что-то знает? А может, у его подсознания были иные причины приводить его сюда?

Иезус Пьетро расхаживал вдоль закругленных стен комнаты.

Кто-то постучал в дверь в потолке. Охранники приготовили пистолеты. Скрипящий звук и дверь открылась. Человек стал медленно спускаться по лестнице. Он держал в руке поднос и не стал закрывать за собой дверь. На космическом корабле было не очень удобно передвигаться. Везде лестницы. Человеку с подносом нужно было проделать довольно длинный путь по лестнице.

Мэт заглянул в открытую дверь. Он увидел человека с подносом, спускающегося вниз. А в комнате было еще три человека и среди них Кастро. Когда голова Мэта появилась в дверях, все посмотрели на него. Но это длилось только мгновение. Затем все глаза опустились.

Мэт начал спускаться, глядя через плечо на них, и стараясь одновременно видеть все восемь глаз.

— Черт побери, Худ, помоги мне подняться.

— Парлетт, не можешь же ты...

— Помоги мне подойти к телефону.

— Мы совершаем самоубийство, — сказал Харри Кейн. — Что сделают твои родственники, когда узнают, что мы держим тебя в плену?

— Я здесь по собственной воле. Вы знаете сами.

— Но они этого не знают.

— Моя семья подчиняется мне. — Парлетт уперся руками в ручки кресла и сделав чудовищное усилие, встал. Однако, передвигаться он не мог.

— Они не знают, что происходит, — сказал Кейн. — Все, что им известно, это только то, что ты в доме, который захватили три бежавших из вивариума колониста.

— Кейн, они ничего не поймут, даже если я буду говорить с ними целых два часа. Но моя семья беспрекословно подчиняется мне.

Харри Кейн открыл рот, закрыл его снова и стал дрожать. Он даже положил руки на стол, чтобы дрожь не была заметна.

— Звони, — сказал он.

— Нет, — сказал Джей Худ.

— Помоги ему, Джей.

— Нет! Если он позвонит и сообщит о нас, с нами все кончено.

— О, идиот! — Лидия Хэнкок встала и перекинула руку Парлетта себе на шею. — Подумай, Джей. Парлетт — это наилучший шанс для нас. Мы должны довериться ему. — И она повела Парлетта к телефону.

Уже пора начинать беседу. Иезус Пьетро подождал, пока человек поставит поднос на ящик и начнет подниматься по лестнице.

И вдруг Иезус Пьетро почувствовал, что пульс его стал бешено биться. Холодный пот потек по спине. Рука его пульсировала как сердце. Глаза обшаривали комнату, ища того, кого здесь не было.

Без каких-либо видимых причин эта комната вдруг превратилась для него в западню.

Послышался глухой звук и сердце у Иезуса подскочило. Ничего, ничего его глаза не могли увидеть. Но он, человек без нервов, слоноподобный Иезус Пьетро боялся. Боялся неизвестно чего. Комната стала западней.

— Сейчас вернусь, — сказал Пьетро. Он подошел к лестнице и стал взбираться.

— Сэр! А что с пленником? — спросил охранник.

— Я сейчас вернусь, — сказал шеф, не оборачиваясь.

Он добрался до двери, протиснулся в нее и закрыл дверь.

И тут он опомнился.

У него не было никакой цели. Просто что-то внутри его требовало — уйди отсюда! — и он повиновался этому требованию, не задавая себе никаких вопросов.

Чего он испугался? Может он боялся узнать что-то неприятное от Полли Турнквист? А может он был в чем-то виновен? Да нет, у него уже не было желания к этой девушке. А если бы и было, он сумел бы справиться с ним.

Ни один полицейский не видел таким своего шефа: плечи опущены, на лице печать усталости, он стоял в нерешительности, не зная, куда же ему идти.

Во всяком случае, нужно вернуться. Полли Турнквист ждет его звуков голоса. Может она знает что-нибудь обо всем этом.

Он собрался с силами и повернулся к двери. Глаза его авто-

матически пробежали по ярким панелям, которыми были обиты стены. На космических кораблях люди старались делать все ярким и освещением, и стенные панели.

И тут глаза Кастро заметили нечто, отчего у него перехватило дыхание. Грубо нацарапанный на панели рисунок...

Мэт еще не успел спуститься с лестницы, когда человек в халате стал подниматься вверх.

Мэт в довольно крепких выражениях обратился к Демонам Тумана, но разумеется, ответа не получил. Затем, так как человек уже чуть не столкнулся с ним, Мэт с глухим стуком спрыгнул через край лестницы вниз. Этот стук услышали все и стали осматриваться с удивлением. Мэт осторожно забился в угол и стал выжидать.

Он такое предполагал с самого начала. Нельзя рассчитывать только на свое могущество.

Охранник снова взглянул вверх. Человек в халате уже скрылся в двери и закрыл ее за собой. Только Кастро продолжал вести себя крайне странно. Он все обшаривал комнату глазами, как бы стараясь увидеть кого-то. Мэт понемногу успокоился.

Человек с кофе появился вовремя. Мэт уже хотел уходить, чтобы попытаться найти дорогу к двигателям, откуда он мог бы шантажировать Кастро и диктовать ему свои условия. Однако перед уходом он решил пометить дверь, чтобы знать, что она ведет к Кастро. И тут из-за угла появился человек с подносом.

Кастро вел себя все еще очень странно. Во время разговора с ним в кабинете Мэт не переставал бояться его. Теперь же перед ним был испуганный нервничающий человек с персвязанной рукой.

— Опасная мысль, — подумал Мэт. — Нужно бояться!

Внезапно Кастро пошел к лестнице.

Мэт прикусил губу. Охота стала превращаться в фарс. Куда теперь направляется Шеф? И как он, Мэт, может фиксировать шесть пар глаз одновременно: две пары внизу и одну наверху?

Но все же он тоже пошел к лестнице.

— Сэр! А что с пленником?

— Я сейчас вернусь.

Мэт снова забился в свой угол. Пленник?

Гроб. Слово, почти забытое на планете, так как и поселенцы и колонисты кремировали своих умерших. Но в этом ящике свободно мог поместиться человек.

Нужно заглянуть в ящик.

Но сначала охранники...

— Шеф, звонит майор.

— Спасибо, мисс Лауэссен.

— Янсен, это ты?

— Да, сэр.

— Я нашел еще одно кровоточащее сердце.

— На «Планке»?

— Да. Возле комнаты с гробом. Вот что нужно сделать. Закрой все люки Планка, наполни корабль газом и пошли туда отряд полицейских. В любого, кого вы не узнаете сразу, стреляйте без предупреждения. Ясно?

— Да, сэр. Думаете, что предатель некто, кого мы знаем?

— Оставь свои мысли при себе. У меня есть основания, что предатель не полисмен, хотя возможно одет в полицейскую форму. Сколько времени тебе потребуется?

— Минут двадцать. Я могу вместо лифтов воспользоваться карами, хотя это займет столько же времени.

— Хорошо. Воспользуйся карами. В первую очередь закрой лифты. Я хочу, чтобы все произошло неожиданно.

— Да, сэр.

— Действуй.

С охранниками все оказалось просто. Мэт зашел сзади, вытащил из кобуры охранника пистолет и выстрелил в обоих.

Он оставил пистолет себе. Оружие придавало уверенность. Ему уже надоело бояться. В конце концов, страх мог свести с ума. Но если он перестанет бояться, его могут убить в любой момент. Однако сейчас, на несколько минут, он может отдохнуть от страха, перестать прислушиваться к шагам, перестать смотреть во всех направлениях одновременно. Пистолет был гораздо привычнее и удобнее, чем гипнотическая пси-энергия. Он тяжело и надежно лежал в руке, холодил ее.

Гроб оказался больше, чем ему показалось издали. Он нашел винты, которые легко подались и через секунду лежали возле гроба. Крышка оказалась тяжелой. Пенопластик покрывал внутренность гроба. Он служил надежным изолятором.

То, что лежало в гробу, было тщательно укутано в мягкую невесомую ткань. По очертаниям можно было предположить, что там человек, только голова была странной формы. Мэт почувствовал, что волосы зашевелились у него на голове. Тот, кто лежал в гробу, не шевелился. Если это Полли, то она, без сомнения, мертва.

Он начал разворачивать тело, начав с головы.

Вскоре Мэт обнаружил уши. Уши человека. Они оказались теплыми наощупь и в нем шевельнулась надежда. Еще несколько витков ткани и на Мэта взглянули карие глаза. И они моргали!

Все ясно. Полли жива.

Жива и завернута, как кокон. Когда освободились ее руки, она сама стала помогать ему освобождать себя, снимать с себя электроды и провода. Однако помощи от нее было немного. Пальцы ее не работали. Все мышцы онемели, и когда она попыталась выбраться из гроба, Мэту пришлось подхватить ее падающее тело.

— Благодарю, — сказала она, еле шевеля губами. — Спасибо, что

ты вытащил меня отсюда.

— Я для этого и пришел сюда.

— Я помню тебя.— Она встала, держась руками за край ящика. Улыбка у нее не получилась.— Ты — Мэт? Да?

— Мэт Келлер. Ты можешь стоять сама?

— Где мы? — Она не хотела отпускать его руку.

— В больнице. Но у нас есть возможность выйти отсюда, если ты будешь во всем слушаться меня.

— Как ты попал сюда?

— Джей Худ сказал мне, что я могу становиться невидимым. Пока я напуган, люди не могут видеть меня. На это мы и должны рассчитывать. Ну как, ты готова?

— Пока еще нет.— Она попыталась улыбнуться, но лучше бы она этого не делала. Это была не улыбка, а гримаса.

— Иди сюда, сядь.— Она держалась за его руку, боясь упасть. Он подвел ее к стулу. «Полли еще в шоке», — подумал он.— Лучше ложись. На пол, осторожнее. Теперь положи ноги на стул. Что они с тобой сделали?

— Это длинная история.— Ее брови сдвинулись и на лбу образовались две морщины.— Хотя я могу быстро рассказать. Они ничего не делали со мной. Ничего.... Она лежала на спине, положив ноги на стул и глаза ее смотрели куда-то сквозь потолок, в Ничто.

Мэту захотелось отвернуться. На Полли было неприятно смотреть. Из ее лица исчезла вся красота, а вместо нее на лицо легла печать бесконечного ужаса.

Наконец она спросила:

— Зачем ты здесь, Мэт?

— Я пришел за тобой.

— Ты не Сын Земли?

— Нет.

— Может тебя тоже взяли во время налета на дом Харри?

— Нет.

Глаза ее с подозрением смотрели на Мэта. Она убрала ноги со стула и с трудом села на полу. Полли была одета в платье странной формы из мягкой ткани. Пальцы ее нашли уголок платья и нервно мяти, комкали его.

— Я не могу довериться тебе. Я даже не уверена, что не сплю сейчас. Может быть, я все еще в ящике.

— Успокойся,— сказал он и погладил ее по плечу.— Все кончено.

Она схватила его за руку так неожиданно, что он чуть не отдернул ее, все ее движения были очень порывисты.

— Ты не можешь себе представить, что это было. Они меня изолировали от всего. Я была как будто в могиле! — Она сжимала его руку, трогала пальцы, ногти, как будто она впервые касалась руки человека.— Я пыталась вспомнить что-нибудь, но все ускользало от меня. Это было...— Она осеклась и губы ее двигались беззвучно.

Вдруг, она прыгнула на него и опрокинула на спину. Она навалилась на него всем телом и прижималась к нему, судорожно сжимая руки. Она держалась за него так, как будто она тонула, а он был доской.

— Эй,— сказал Мэт.— Я из-за тебя выронил пистолет.

Она не слышала. Мэт посмотрел на дверь. Оттуда не доносилось ни звука.

— Все хорошо,— сказал он.— Ты свободна.

Девушка зарылась лицом в его плечо и отчаянно стискивала его руками.

— Ты свободна.— Он массировал мышцы шеи и плеч, пытаясь сделать то, что Лейни сделала ему прошлым вечером.

Мэт понимал, почему Полли так ведет себя: она хочет убедиться в реальности происходящего. Время, проведенное в гробу, сильно подействовало на нее, может быть, даже чуть повредило разум. Должно быть, она потеряла всякую связь с реальностью. И вот она шупала руками его спину, лопатки, позвонки, терлась о него всем телом, чтобы почувствовать Мэта каждым квадратным дюймом своего тела...

И она в него тоже вдыхала жизнь. Двери, коридоры, стены, пистолеты, полиция — все уходило куда-то далеко и оставалась с ним только она, только Полли.

— Помоги мне,— сказала она приглушенным голосом.

И Мэт, вернувшись из Нирванны в реальность, спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Я сама не знаю, но мне нужна помощь,— медленно улыбнулась она. Улыбка уже перестала быть гримасой.— Впрочем, уже нет, уже я стала сама собой.

Мэт посмотрел на дверь, протянул руку за соником. Нирванна кончилась, наступила жестокая реальность.

— Ты действительно пришел освободить меня?

— Да.— Он решил не упоминать о Лейни. Пока ничему.

— Благодарю.

— Сейчас нам нужно выбираться отсюда.

— Ты не хочешь ни о чем спросить меня?

Неужели она проверяет его? Не доверяет ему даже сейчас? А почему она должна доверять?

— Нет,— сказал он.— Ни о чем. Но я кое-что сам хочу тебе сказать...

Она застыла.

— Мэт. Где мы?

— В больнице. Но мы можем выбраться.

Она откатилась в сторону и поднялась на ноги одним легким движением.

Мы на космическом корабле? На каком?

— На «Планке». Разве это имеет значение?

Она выхватила соник из кобуры второго охранника.

— Мы можем включить двигатели и скинуть больницу и всех поселенцев в пропасть. Идем, Мэт, торопись! В коридоре есть охранники? Сколько?

— Оставь это... Ты сошла с ума.

— Мы уничтожим больницу и большую часть Альфа Плато.— Она скинула с себя платье и швырнула его на пол.— Я раздену кого-нибудь из полицейских. Прекрасно, Мэт. Мы победим! Одним ударом!

— Почему победим? Мы погибнем!

Она встала перед ним, уперев руки в бедра и с неудовольствием посмотрела на него. Сейчас на нее были одеты брюки полицейского, которые мешком висели на ней. Мэт еще никогда не видел такую смешную девчонку.

— Я забыла. Ты же не Сын Земли. Хорошо, Мэт, беги. Может, тебе удастся выбраться из зоны взрыва, хотя я сомневаюсь в этом.

— Я пришел сюда не для того, чтобы ты совершила самоубийство. Ты пойдешь со мной.

Полли натянула куртку полицейского, закатала брюки, чтобы они не волочились по земле.— Ты выполнил свой долг. Я благодарна тебе, Мэт, но мы идем в разных направлениях. У нас разные цели.— Она крепко поцеловала его, прижавшись всем телом, затем резко оттолкнула и прошептала:

— Я не могу упустить этот шанс.— Затем она бросилась к лестнице.

Мэт преградил ей путь:

— Ты не сможешь пойти без меня. Ты идешь со мной, и мы уходим из больницы.

Полли ударила его.

Она ударила его вытянутыми пальцами как раз под ложечку. Мэт согнулся вдвое от страшной боли. Он не мог дышать и только хватал воздух открытым ртом, как рыба. Он почувствовал пальцы на своем горле и понял, что Полли натянула на него противогаз.

Краем глаза он видел, как она взбежала по лестнице, услышал, как дверь открылась, а затем закрылась. Медленный огонь распространился в его легких.

Он никогда не учился драться. И только его неожиданная способность сделала это необходимым. Однажды он ударил охранника прямо в подбородок. Кто бы мог предположить, что эта хрупкая девушка может ударить так сильно?

Постепенно, дюйм за дюймом, он распрямлялся. Вскоре он уже смог начать дышать мелкими болезненными вздохами. И когда боль немного утихла, и он мог уже двигаться, он пошел к лестнице.

ВСЕ СЛУЧИЛОСЬ ОДНОВРЕМЕННО

Полли шла быстрым шагом. На голове был противогаз, перед собой она держала соник, готовый выстрелить в любую минуту, как только перед ней окажется враг. Сзади нападения не могло быть. Она шла слишком быстро.

Как член организации, она знала корабль, как свой собственный дом. Она шла к пульту управления двигателями. Проходя мимо дверей, она читала таблички. Гидропоника... Библиотека...

Пульт управления. Дверь закрыта. На потолке. И нет лестницы.

Полли пригнулась и прыгнула, ухватившись за ручку двери. Дверь была не заперта, так как пультом управления давно уже никто не пользовался. Но, к несчастью, она открывалась внутрь, наверх. Полли, глубоко разочарованная, спрыгнула вниз, мягко приземлившись на носки.

Может, пройти к энергоустановкам? Но там техники, обслуживающие их. Там ее задержат.

Охранник с каким-то свертком.

Она снова прыгнула, ухватила за ручку, повернула ее и подложила сверток так, чтобы ручка не поворачивалась обратно. Затем она сорвалась и прыгнула снова, сильно ударив ладонью дверь. Дверь приоткрылась и закрылась снова.

Откуда-то издали донесся голос:

— Что там происходит?

Грудь Полли ходила ходуном, легкие с трудом набирали воздух. Она прыгнула в последний раз, ухватила за ручку, подтянулась... Тяжелые шаги... Она извивалась, как змея... Прежде чем ее увидели, она закрыла за собой дверь.

Здесь тоже была лестница, ведущая туда, где когда-то был потолок. По этой лестнице команда «Планка» спускалась вниз после посадки. Теперь по ней поднималась Полли.

Она уселась во второе кресло слева и нашла панель управления, которая оказалась зашунтированной железной полосой, приваренной между двумя платами. Таким образом управление отключалось от этой панели и таким образом все органы управления переключались в комнату, где находились энергетические установки. Во время полета все управление производилось отсюда, но теперь в этом не было необходимости, так как энергетические установки только производили электричество. Поэтому панель управления отключили.

Полли быстро побежала к лестнице. Там она видела склад инструментов. Если там есть сварочный агрегат...

Он был там.

И если в комнате нет воспламеняющегося газа...

Ничего не взорвалось, когда она включила трансформатор. Сначала она решила заварить дверь.

Сразу же ее услышали. Под дверью послышались возбужденные голоса, затем она ощутила легкое онемение. Стреляли из соника. Хотя дверь ослабляла изучение, ей долго не выдержать. Однако она закончила работу и только потом поднялась по лестнице.

Здесь она начала резать металлический шунт. Работа подвигалась медленно. Полиция несомненно схватила бы ее, если бы она не позаботилась о двери. Теперь они могли бесноваться там сколько угодно. У нее уйма времени в этом мире. В их мире.

Мэт вышел в коридор и пошел по нему, оставив дверь открытой. Он шел согнувшись, прижав руки к груди. Соник он оставил в комнате.

— Я вовсе не тот человек, который может повелевать, — сказал он вслух, наслаждаясь звуком собственного голоса. — А может я просто попытался командовать женщиной, которой нельзя командовать.

Грузная фигура двигалась навстречу ему по коридору. Иезус Пьетро Кастро в противогазе и с тяжелым пистолетом в руке вовремя поднял голову, чтобы уклониться от столкновения. Он резко остановился и рот его открылся от удивления: снова перед ним голубые глаза, каштановые волосы, горькое и злое лицо колониста, ухо с оторванной мочкой, кровь, запекшаяся на шее.

— Ты согласен со мной? — спросил Мэт.

Кастро поднял пистолет. Счастье ускользнуло от Мэта.

И тут гнев и ярость прорвались в Мэте.

— Ну вот! — закричал он. — Смотри на меня! Будь ты проклят! Смотри! Я Мэтью Келлер!

Шеф смотрел. Он не стрелял. Он смотрел.

— Я дважды проник в твою военную больницу. Один, с голыми руками. Я прошел сквозь стены, сквозь ядовитую бездну, сквозь усыпляющий газ, через град пуль, чтобы освободить эту стерву. И когда я освободил ее, она ударила меня в живот, заставив согнуться, как цветок. Так что теперь можешь смотреть на меня!

Кастро стоял и смотрел.

Мэт понял, что сейчас ему придет конец.

Кастро вертел головой из стороны в сторону, но не мог отвести взгляда от глаз Мэта. И медленно, медленно, короткими шажками он приближался к Мэту.

Мэт все понял.

— Не отводи взгляда, — торопливо приказал он. — Смотри на ме-

ня. — Шеф уже был совсем рядом. Мэт протянул руку и отвел от себя дуло пистолета, не отрывая глаз от глаз Кастро.

Они смотрели в глаза друг друга. Глаза Кастро над маской противогаза были очень странными: огромные черные зрачки, казалось, заполнили все. Челюсть его отвисла под снежно-белыми усами. Он как будто таял на глазах. Пот медленными струями стекал под воротник. Как у человека, полностью захваченного страхом, трепетом, поклонением. ... Он смотрел.

Если сузить зрачки людей, то становишься невидимым. А если расширить, то что? Поклонение?

Черт побери, он полностью покорил шефа. Мэт сжал кулак, размахнулся... и не смог ударить. Это было все равно, что ударить ребенка, калеку. Кастро и был калекой: одна рука у него была забинтована.

Из коридора, оттуда, куда ушла Полли, донесся шум.

Шеф сделал еще шаг вперед.

Слишком много врагов впереди и позади. Мэт выхватил пистолет из руки Кастро, повернулся и побежал.

Когда он вскакивал в комнату, где был гроб, он заметил, что шеф еще смотрит вслед ему, находясь под загадочным заклинанием. Затем Мэт захлопнул за собой дверь.

Полли отбросила в сторону железную полосу и вспыхнули индикаторы панели управления. Она быстро пробежала по ним глазами, затем еще раз, более медленно. Судя по показаниям приборов, двигатели были холодны, как пещеры Плутона.

Полли присвистнула. Приборы не могли обманывать. К тому же они контролировали друг друга. Значит, кто-то решил отключить области колонистов от энергосистемы.

Отсюда ей не запустить двигатели. И ей все равно не добраться до энергоустановки. Ведь она сама себя заперла здесь намертво.

Если бы это был «Артур Кларк»! Кастро не осмелился бы отключить энергию от поселенцев. Установки «Кларка» сейчас на полном ходу.

Ну что же, подумала она, направляясь к лестнице. Нужно найти способ проникнуть на «Кларк».

Иезус Пьетро почувствовал чью-то руку на своем плече. Он повернулся и увидел майора Янсена.

— В чем дело?

— Мы заполнили «Кларк» газом, сэр. Каждый, кто не предупрежден, потеряет сознание. Правда, мне хотелось бы, чтобы на корабле было разбросано поменьше противогазов. Эти полицейские очень небрежны. Во всяком случае, у нас есть шанс схватить кого-нибудь.

— Хорошо, — сказал Кастро. Он не мог сосредоточиться. Он хотел

остаться один, подумать... нет, он не хотел оставаться один... — Хорошо, — повторил он. — Проверь комнату с гробом. Может там кто-нибудь есть.

— Там нет его. А если и есть, значит предатель не один. Кто-то пробрался к пульту управления двигателями и заварил дверь за собой. Хорошо, что двигатели отключены.

— Выкури его оттуда. Но сначала проверь комнату с гробом.

Майор Янсен весь в сомнениях пошел туда. Кастро смотрел ему вслед и думал, что же он там обнаружит. Действительно ли тень Келлера шмыгнула в дверь или же просто расстаяла в пространстве. Кастро не мог сказать этого с уверенностью.

Но в существовании этого привидения он был уверен.

Он никогда в жизни не сможет забыть эти глаза. Эти связывающие, ослепляющие, парализующие глаза. Они будут преследовать его всю жизнь — сколько бы она не продолжалась. Совершенно ясно, что привидение не желает отпускать его.

Зазвонил телефон. Иезус Пьетро взял микрофон.

— Шеф здесь.

— Сэр, мы получили странное сообщение, — слышался голос мисс Лауэссен. — Большое количество каров направляется к больнице. Говорят, что Совет обвиняет вас в измене.

— Меня? В измене?

— Да, сэр. — Мисс Лауэссен была явно взволнована. Она даже назвала его сэром.

— Какие основания?

— Я постараюсь выяснить, сэр.

— Выясните. И прикажите карам сесть за границей защитного периметра. Если они не подчинятся, пошлите навстречу патрульные кары. Вероятно, это Сыны Земли. — Он отключился и тут же подумал: но откуда они взялись? И где достали кары?

И он подумал. Келлер?

Снова зуммер.

Снова голос Лауэссен.

— Сэр, кары ведет сам Миллард Парлетт. Он обвиняет вас в злоупотреблениях и измене. Он предлагает вам добровольно отдаться на суд народа.

— Он сошел с ума. — Иезус Пьетро думал, что же все это значит? Может поэтому и Келлер сам явился ему наконец? Без таинственных символов, без невидимого лomanья пальцев... Глаза Келлера...

— Постарайтесь посадить старика, не причинив ему вреда. Остальные кары тоже. Дайте им одну минуту, а затем сбивайте сониками.

— Я хочу напомнить вам, сэр, что Миллард Парлетт — ваш начальник. Вы хотите не подчиниться ему?

Иезус Пьетро вспомнил, что Лауэссен почти чистокровная поселенка. Может в ее венах есть и кровь Парлетта? Вполне возможно.

Старик в свое время был большим шалуном. И Кастро сказал то единственное, что мог сказать в данной ситуации.

— Нет.

Телефон отключился, отрезав его от коммутатора больницы и от внешнего мира.

Он бежал, но бежал неохотно. Почему-то удар Полли заставил его желать смерти. Его тянуло в коридор, чтобы его там схватили.

Нет, не сейчас. Он схватил соник и направился к лестнице. На этот раз он знал что будет делать, когда выйдет в коридор.

Но зачем все это? Эта мысль остановила его. Если Полли собирается взорвать все...

Нет, она не решится. Сейчас надо думать о бегстве. Он взглянул на дверь и вздрогнул.

Бежать невозможно. Едва он высунет голову, ему конец. Ему нужно видеть врага, чтобы использовать свой дар. Но нельзя смотреть сразу во все стороны.

Но эта комната не выдержит долгой осады. Нужно выбираться отсюда.

В коридоре уже, видимо, пущен газ. Не зря же у Кастро противогаз. Зря Мэт выкинул свой противогаз. Он обыскал сумки охранников, но ни у того, ни у другого противогазов не оказалось.

Мэт снова посмотрел на дверь. Можно было бы рискнуть, но если в коридоре газ, то только эта дверь сможет защитить его.

Попробовать другую дверь? Они, скорее всего, ведут в спальни. Правда, к этим дверям нет лестницы.

Но вот маленькая дверца, которую он может достать. Там, вероятно, гардероб.

Но достать эту дверь было тоже непросто. Ему пришлось далеко свеситься с лестницы, дотянуться до ручки и открыть дверь. После этого ему пришлось прыгать. Выбраться из этой дыры будет так же сложно, как и забраться сюда.

Космические костюмы. Два штуки. Когда-то они висели на крюках, теперь же лежали на полу, как люди. Толстая резиновая ткань с тяжелым металлическим шейным кольцом с пряжками. Здесь же шлем. На стене держатели для ракетного двигателя и под подбородком панель управления. Работает ли еще система воздухообеспечения? Смешно, конечно. Ведь прошло три сотни лет. Но может в баллоне остался воздух. Мэт повернул кран и услышал шипение.

Значит, воздух есть. Костюм защитит от газа. А стекло шлема не помешает его чудесному дару.

Мэт схватил пистолет, когда открылась дверь в коридор. Вот по лестнице стал кто-то спускаться. Мэт навел соник надвигающиеся ноги. Выстрел. Человек хрюкнул от удивления и полетел вниз.

Раздался повелительный голос:

— Эй ты, выходи!

Мэт ухмыльнулся. Он спокойно положил пистолет и стал натягивать костюм. Внезапно закружилась голова. Да, он был прав насчет газа.

Мэт повернул кран баллона и сунул голову в шейное отверстие. Затем сделал несколько глубоких вдохов и затянул пряжки.

— У тебя нет шансов! Выходи, или мы вытащим тебя!

Вытаскивай. Мэт натянул шлем и попробовал дышать. Головокружение прошло, но двигался он еще осторожно.

Тем более, что костюм был ему мал.

Дверь внезапно открылась и Мэт увидел чье-то лицо. Человек чуть не рухнул вниз, но его успели вытащить за ноги.

Воздух густо пахнул металлом. Мэт поморщил нос. Любой был бы удовлетворен одним бегством из больницы. Но он, Мэт, со своим чудесным даром...

Послышался грохот, похожий на отдаленный продолжительный взрыв.

— Что они задумали? — подумал Мэт. Он поднял пистолет.

Корабль качнулся. Мэт ударился о стену, как кукла в коробке. С трудом он уперся ногами и плечами в стены. Я думал, что эта сукина дочь блефует!» Он с трудом успел схватить пистолет, который чуть не свалился вниз.

Корабль подпрыгнул, и Мэт больно ударился щекой. Грохот становился громче и громче.

— Мы уже близко, — сказал Парлетт.

Худ, сидящий на месте водителя, ответил. — Мы должны быть еще ближе, чтобы отдавать приказания.

— Чепуха. Ты боишься, что тебя назовут трусом. Лети назад, я говорю тебе. Пусть дерутся мои люди. Они сами знают, что делать. Они хорошо обучены и дисциплинированы.

Худ пожал плечами и уменьшил скорость. Теперь они были последними в армаде из сорока каров, летящих сквозь звездную ночь. В каждом каре сидели родственники Парлетта: водитель и человек с соником.

Парлетт согнулся над микрофоном.

— Я вызываю Дейрдру Лауэссен. Слушай, Дейдра, дело чрезвычайной важности...

И все слушали, что говорит Парлетт. И Худ, и Харри Кейн, и Лидия Хэнкок.

Речь заняла несколько минут и наконец Парлетт отключил микрофон и улыбнулся, показав белые зубы.

— Ну вот. Она передаст мои обвинения по всем станциям. Теперь в самой полиции начнется война.

— Ты нашел не очень подходящее время для такого обвинения, — сказал Харри Кейн.

— Ничего. Я смогу доказать все, когда война кончится. Смогу

обвинить Кастро в злоупотреблении властью и в измене. И мы...— Он помолчал для усиления эффекта.— И мы захватим больницу, мне поверят. Потому что только у меня будет средство говорить со всей планетой. Мы должны захватить больницу еще до того, как мы организуем новое правительство.

— Смотри вперед.

— Полицейские кары. Их немного.

— В тесном строю. В этом нет ничего хорошего. Мы не готовились к боям.

— Почему?

— Мы не предполагали, что нам придется штурмовать больницу...

— Что это?

Парлетт наклонился вперед, опершись руками на панель управления. Он не отвечал.

Харри потряс его за плечо.

— Что это? Похоже, что в одном конце больницы пожар.— Парлетт застыл в шоке.

И вдруг конец здания больницы отделился от основного строения и развалился. Оранжевое пламя охватило все.

— Это,— сказал Миллард Парлетт,— это «Планк» включил свои двигатели.

Полли сидела перед пультом управления и старалась передвигать рычажки плавно, но они все равно двигались скачками. За столько лет ржавчина сделала свое дело.

Наконец, дюзы прогрелись и Полли попробовала как работают водяные клапаны.

Она пустила воду в горячие двигатели и послышался рев. Полли торжествовала. Корабль содрогнулся всем телом и покачнулся. Откуда-то снизу, из-за заваренной двери послышались крики.

Полли размышляла. Основной двигатель «Планка» ей не запустить. Но она может взлететь на дополнительных двигателях и затем опуститься на «Артур Кларк», двигатели на полном ходу. Тогда раздастся взрыв, который снесет Альфа Плато в бездну.

— Ну что же,— прошептала она.

«Планк» легонько поднялся с камня, на котором стоял, и повис, покачиваясь на высоте нескольких футов.

Полли двинула рычаг подачи горючего, но без результата. Было ясно, что корабль не сможет преодолеть силу тяжести.

Полли протянула руку и взялась за другой рычаг. «Планк» стал медленно раскачиваться, разрушая здание больницы.

Пламя бушевало в больнице. Это был водяной пар — разогретый до такой температуры, что он разлагался на водород и кислород, которые тут же взрывались. Огненный ураган прокатывался по зданию больницы. Он убивал людей быстрее, чем они успевали понять, в чем дело, так как адская температура ослепляла их.

Для людей в больнице и вне больницы все то, что произошло, было крайне неожиданным. Здравомыслящие люди запирались в своих домах и прятались в подвалы, чтобы переждать то, что случилось.

— Лейни. Это наверное Лейни,— сказал Джей Худ.— Она смогла пробраться туда.

— Элен Матсон?

— Да. Ты можешь себе представить, что она на «Планке»?

— У нее великолепное чувство времени. Ты знаешь, что случится, если она включит двигатель?

— О, боже? Что нам делать?

— Продолжать лететь,— ответил Парлетт.— Теперь нам терять нечего. Мы должны прорваться через все это и нам остается только надеяться, что мисс Матсон узнает вовремя о победе колонистов.

— Снова полицейские кары,— сказал Харри Кейн.— Справа и слева.

Полли снова тронула рычаг. Корабль качнулся в другую сторону и начал подниматься.

Полли не рискнула наклонять корабль еще больше. Ведь корабль мог упасть, а это не входило в ее планы.

Дверь за ней постепенно раскалялась и уже стала красной. Полли обернулась и оскалила зубы. Затем она снова повернулась к панели. Все рычаги и ручки стояли в нужных положениях. «Планк» медленно двигался все время влево и, описав дугу, должен был наскочить на «Артура Кларка». И тогда он будет бить «Кларка» раз за разом, пока он не взорвется.

Однако, она уже не видела, что красное пятно на двери стало белым и затем прогорело насквозь.

Корабль подскочил на три фута, и Мэт сильно ударился головой о стену. Когда он взглянул вверх, то увидел, что старая металлическая переборка не выдержала и лопнула. Теперь Мэт смотрел прямо в кабинет Кастро!

Он не мог думать, не мог двигаться. Все вокруг него обратилось в кошмар, все стало иррационально. «Магия! — подумал он.— Снова магия!»

Больница ходила ходуном, как в страшном сне. Уши у Мэта заложило и вокруг него воцарилась мертвая сверхъестественная тишина. Корабль удалялся...

В шлеме вдруг кончился воздух. Мэт стал задыхаться. Он непослушными пальцами отстегнул ремни, сбросил шлем и набрал полную грудь воздуха. И тут он вспомнил о газе.

Однако газа не было. Воздух был чистым, но горячим, врывающимся сквозь многочисленные трещины. Мэт судорожно глотал воздух, перед глазами его крутились разноцветные круги.

Корабль поднимался вверх и спускался вниз, как на волнах. Мэт постарался не обращать внимания на это, но одно он не мог проигнорировать: корабль поднимался вверх и невозможно было сказать, какой высоты он достиг. Только огни больницы внизу превратились в сверкающую точку на фоне всеобщей тьмы. Он поднимался вверх, а комната, где находился Мэт, была негерметична. Мэт был без шлема.

Болтанка прекратилась. Мэт попытался снова перебраться на лестницу, хотя это было и трудно, так как тесный костюм мешал его движениям. Однако Мэту удалось спуститься вниз. Двигатель на спине затруднял передвижение Мэта. Но только спустившись вниз Мэт подумал о двигателе.

Если работают двигатели «Планка», то почему бы не работать двигателям на космическом костюме?

Он посмотрел на панель управления, смонтированную на шлеме, и тронул две кнопки. Что-то взорвалось у него за спиной.

Интересно, на какой высоте он сейчас находится?

На панели управления он обнаружил всего один рычаг. Видимо, он управляет своими двигателями.

Интересно, на какой высоте находится корабль?

Мэт сделал глубокий вдох и вылетел в дыру в стене. Вокруг него сомкнулась тьма и Мэт инстинктивно схватился за рычаг. Но тот уже был передвинут на максимальное расстояние. Мэт вдруг понял, что двигатель в ранце был предназначен для использования в открытом космосе, а в гравитационном поле планеты он не может удержать вес человека.

Осторожно, чтобы не помешать людям со сварочными аппаратами, майор Янсен заглянул в отверстие в двери, которая вела в комнату с пультом управления.

Чтобы прорезать дверь они подтащили под дверь платформу, с которой могли работать два человека. Майор просунулся в отверстие, заглянул в комнату и увидел черные волосы над креслом и смуглую тонкую руку на панели управления.

Иезус Пьетро, стоящий внизу, крикнул:

— Вы долго будете копать?

— Сейчас, — сказал человек со сварочным аппаратом. — Одну секунду, если только она не заварилась петли.

— Ты знаешь, что сейчас происходит? — спросил шеф. — Я знаю.

Майор Янсен посмотрел на него удивленно. Шеф говорил что-то странное. И выглядит он как старый больной человек. Казалось, что он не может взять себя в руки. «Он уже готов к отставке, — подумал с участием майор Янсен, — если вы переживете это...»

— Я знаю, — повторил Иезус Пьетро и кивнул сам себе.

Майор Янсен отвернулся. Сейчас не время заниматься сантиментами.

- Она заварила петли двери, — сказал один из полицейских.
- Сколько времени потребуется, чтобы их разрезать?
- Минуты три, если резать с двух сторон.

Корабль продолжал подниматься, двигаясь на подушке огня.

В лесу возле больницы вспыхнул пожар. Вскоре он весь был охвачен пламенем, на которое не обращали внимания кары, которые кружились в небе.

«Планк» уже вылетел за пределы охраняемой площади вокруг больницы и летел над жилым районом. В домах, конечно, никто не спал, так как в этом грохоте невозможно было уснуть. Некоторые оставались в домах, другие выбегали на улицу, но в жилых домах остались только те, кто успел укрыться в подвалах. Горящие дома обозначали путь «Планка» в небе.

— Все готово, сэр, — вряд ли эти слова были необходимы. Полицейские уже откинули горячую дверь в сторону. Майор Янсен вошел в комнату и стал спускаться по лестнице, ощущая смерть своей спиной.

Вскоре он уже стоял у панели управления и искал глазами рычаг или ручку, с помощью которой можно было изменить курс полета. И тут взгляд его упал на лобовое стекло. То, что он увидел, заставило застыть его в ужасе. Охваченная огнем земля, взрывающиеся дома, приближающийся край утесов — а за ним бездна...

— Конец близок, — сказал Иезус Пьетро из-за его спины. В голосе его уже не было ни удивления, ни страха.

Майор Янсен вскрикнул и спрятал лицо в ладони.

Иезус Пьетро протиснулся мимо него и сел в кресло. Его решение основывалось на одной логике. Если майор не нашел нужной ручки управления, значит он не туда смотрел. К тому же девушка-колонистка сидела в этом кресле, возле этой панели. Пьетро взялся за одну из ручек и повернул ее.

Корабль замедлил полет.

Хотя и более медленно, но он двигался к краю пропасти, перевалив через него.

Пьетро откинулся в кресло и смотрел. У него было ощущение человека, спускающегося в лифте. Он видел, как мелькают черные тени утесов, все быстрее и быстрее.

И вот уже звезды исчезли с черного неба. Корабль начал нагреваться. Снаружи было темно и жарко. Старые стены корабля дрожали от напряжения. Они начали трескаться по мере того, как росло давление.

Иезус Пьетро смотрел и ждал.

Ждал Мэтью Келлера.

РАВНОВЕСИЕ СИЛ

В полусне он отчаянно боролся, стараясь проснуться, чтобы избежать ужасов сна. Боже, какие кошмары!

Затем он ощутил на себе чьи-то пальцы.

Боль! Он попытался шевельнуться, чтобы уйти от нее, но это ему вряд ли удалось. Холодная рука коснулась его лба, и голос...— Лейни? — сказал:

— Лежи спокойно, Мэт.

Он вспомнил это, когда очнулся в следующий раз. На этот раз он просыпался медленно, сновидения и призраки неохотно покидали его. И снова он подумал: какие кошмары! Но образы вокруг него становились все более четкими, слишком четкими для сновидений, и...

Его правая рука и вся правая часть тела были онемевшими, как кусок мороженой свинины. Та же часть тела, что сохранила способность чувствовать, ужасно болела. Снова он попытался уйти от боли, и снова ему не удалось это. Он открыл глаза и увидел вокруг себя людей.

Харри Кейн, миссис Хэнкок, Лейни и несколько других, кого он не знал, стояли вокруг его странной постели. Одна была большая женщина с красными руками, в белом халате, чем-то похожая на поселенку. Мэту она сразу не понравилась. Он видел такие халаты в банке органов.

— Он проснулся, — сказала женщина. — Не пытайся двигаться, Келлер. Эти люди хотят поговорить с тобой. Если ты устанешь, сразу же скажи мне и я выведу их отсюда.

— Кто ты?

Харри Кейн вышел вперед.

— Она твой доктор, Келлер. Как ты себя чувствуешь?

Как он себя чувствует? И Мэт тут же вспомнил момент, когда он понял, что двигатель в ранце не может поднять его. Но он не мог вспомнить своего падения с высоты одну милю.

— Я должен умереть?

— Нет, ты будешь жить, — сказала женщина-доктор. — Ты даже не будешь калекой. Тебя спас костюм. Правда, ты сломал ногу и несколько ребер, но тебя вылечат, если ты будешь слушать и выполнять все указания.

— Хорошо, — сказал Мэт. Он лежал на спине, одна нога в воздухе, что-то твердое стягивает грудную клетку, мешая дыханию.

— Мне трансплантировали ногу?

— Не думай ни о чем, Мэт. Просто лежи и отдыхай.

— Что с Полли?

— Мы не смогли найти ее.

— Она была на «Планке». Должно быть, она пробралась к панели управления.

— О! — воскликнула Лейни. Она хотела что-то сказать, но передумала.

Харри сказал:

— «Планк» упал в бездну.

— Я понял.

— Ты освободил ее?

— Да, я освободил, — сказал Мэт. Лица людей вокруг него поплыли в тумане. — Она фанатик. Вы все фанатики. Она отказалась слушать меня.

Комната заколебалась, поплыла вокруг него и он услышал, как женщина-врач повелительно сказала:

— Уходите все. Быстро.

Она проводила всех до двери, но Харри Кейн взял ее за локоть и пригласил выйти с ними в коридор.

Там он спросил:

— Когда он будет чувствовать себя лучше?

— Уходите, мистер Кейн.

— Когда?

— Не бойтесь. Он не будет инвалидом. Через неделю мы пересадим его в тележку, а через месяц посмотрим.

— Когда он сможет вернуться к работе?

— Через два месяца, если все будет хорошо. Почему вы спрашиваете, мистер Кейн?

— Тайна.

Женщина нахмурилась.

— Каковы бы ни были ваши планы относительно него, помните, что он мой пациент. Пока я не разрешу, он не выйдет отсюда.

— Ол райт. Не говорите ему о трансплантации. Ему это не понравится.

— Это будет записано в его карточку и я ничего не могу поделать. Но я не скажу ему.

Когда она вернулась в комнату, Лейни спросила:

— Почему ты так интересуешься этим?

— У меня есть план, связанный с Мэтом. Я расскажу позже.

— Ты хочешь его использовать для чего-то?

— Да, хочу. Но не знаю, как получится.

Миллард Парлетт был утомлен до крайней степени. Он въехал в кабинет Иезуса Кастро в воскресенье вечером, когда еще не была восстановлена стена, и с тех пор даже жил здесь. Сюда ему приносили

еду, спал он в кресле Пьетро, хотя спать ему приходилось совсем мало.

«Планк» причинил громадные разрушения больнице, но восстановительные работы велись довольно успешно. Парлетт сам нанял строительную фирму и платил ей собственными деньгами. Потом он позаботился, чтобы ему возместили расходы.

Самая основная проблема, которая беспокоит его, это была проблема полиции. Большинство полицейских просилось в отставку.

События прошлой недели сильно действовали на полицейских. То, что шеф полиции был обвинен в измене, потрясло их. К тому же Лейни Матсон и Мэтью Келлер, проникшие в больницу, сделали свое дело. Резня в коридорах больницы, которую устроили бежавшие из вивариума пленники, а также уничтожение «Планка» сильно действовали не только на персонал больницы, но и на все население Альфа Плато.

Теперь полицейские были в растерянности. Все рейды были отменены. По коридорам больницы свободно ходили бывшие мятежники и никто их не задерживал. Они грубо и презрительно обращались с полицией. Ходили слухи, что Миллард Парлетт готовит новые законы, существенно ограничивающие права полицейских. Если эти слухи справедливы, то положение будет еще хуже.

Парлетт делал, что мог. Он беседовал с каждым, уговаривал остаться, но ряды полицейских таяли.

В то же время Парлетт много времени уделял переговорам между четырьмя основными блоками на планете.

Совет Поселенцев в прошлом подчинялся Парлетту. Если умело действовать, можно и сейчас сохранить в нем свое влияние.

Обычно поселенцы подчинялись решениям Совета, но обстановка была для них очень необычной, они могли удариться в панику и тогда Совет будет для них ничто.

Сыны Земли могут последовать за Харри Кейном. Но сам Кейн не подчинялся Парлетту и, более того, он не доверял Парлетту.

Основная масса колонистов осталась бы пассивной в политическом отношении, если бы Сыны Земли оставили их в покое. Но Кейн, спекулируя знанием о грузе рамробота, мог в любой момент спровоцировать их на восстание. Будет ли Харри Кейн дожидаться нового закона?

Четыре блока и плюс полиция. Тут было над чем поломать голову. Работы было столько, что Парлетту было некогда вздохнуть и, занятый тысячью больших и малых проблем, он даже не заметил бы, если бы на больницу обрушилась армия колонистов.

Было удивительно, что он нашел время для того, чтобы поразмыслить о Мэтью Келлере.

Мэт лежал на спине. Грудь его была закована в гипс, а нога болталась в воздухе. Ему давали таблетки, уменьшающие, притупляющие боль.

Женщина в белом халате время от времени осматривала его. Мэт подозревал, что она видит в нем всего лишь материал для банка органов. Он слышал, что кто-то назвал ее доктор Беннет. Ему раньше и в голову не приходило спросить ее имя, а ей не приходило в голову назвать свое имя ему.

Ранними утрами, когда действие усыпляющих таблеток кончалось, а также во время дневного сна, его мучили кошмары. Снова и снова он своим локтем зверски разбивал кому-то нос и он переживал смешанное чувство стыда и торжества. Снова он спрашивал дорогу в вивариум, шел по коридору, поднимал руку и видел на ней яркую кровь. Снова он стоял в банке органов, стоял неподвижно, не имея сил бежать... и он просыпался, обливаясь холодным потом.

Он с нежностью думал о своих родных. Он часто видел раньше свою сестру и ее мужа: они жили недалеко от него. Но мать и отца он не видел годами. Хорошо бы сейчас увидеть их!

Даже воспоминания о червях наполняли его нежностью. Ведь он мог понимать их лучше, чем понимал Полли, Лейни, Худа...

Сначала его любопытство было таким же нечувствительным, как и его сломанная нога, но со временем оно вернулось к нему.

Почему его лечат в больнице? Если его схватили, то почему он еще не в банке органов? Почему Лейни и Харри посещают его?

Он обезумел от нетерпения. Доктор Беннет долго не приходила. К удивлению Мэта, говорила она довольно охотно.

— Я сама ничего не понимаю, — сказала она. — Почему-то все повстанцы освобождены и у нас нет материала для банка органов. Шефом теперь стал старый Парлетт и почти все его родственники работают здесь. Чистокровные поселенцы работают в больнице!

— Это для тебя странно?

— Очень. Старый Парлетт всегда знал, что делает. Знает ли он сейчас?

Знает ли? Мэт задумался над вопросом.

— Почему ты спрашиваешь меня?

— Он приказал, чтобы тебя лечили очень внимательно и заботливо. Значит, у него есть причина для этого, Келлер.

— Думаю, что да.

Когда она высказала все, что хотела, она сказала:

— Если у тебя есть вопросы, то задавай их своим друзьям. Они будут в воскресенье. Это тоже странно: колонисты свободно ходят по больнице, и у нас есть приказ не трогать их и пропускать везде. Я слышала, что некоторые из них предводители повстанцев.

— Я один из них.

— Я так и думала.

— Когда я буду здоров, меня выпустят отсюда?

— Думаю, что да. Но все решит Парлетт.

В этот вечер у его постели установили усыпляющий аппарат.

— Почему его не поставили раньше? — спросил он. — Ведь усыпляющие таблетки вредны для организма.

— Ты мог неправильно это воспринять, — ответил ему санитар. В аппарате побежал переменный ток, накинущий сон на мозг Мэта.

Для Парлетта Мэт был частью его работы. Он прочел досье Мэта, лежащее на столе Иезуса Пьетро. Папка была обуглена, как и все другие папки, но все же кабинет Пьетро пострадал меньше, чем остальные части больницы, так что содержимое папки осталось нетронутым.

Парлетт изучил все эти досье. И теперь он знал, что наибольшая угроза его новому закону исходит от Сынов Земли. Именно они могли бы заставить колонистов принять этот закон, и именно они совершенно не подчинялись его влиянию. Парлетт не мог управлять ими, контролировать их действия.

Досье Келлера было самым тощим. В нем не было даже донесения о его принадлежности к организации. Но он же наверняка был Сыном Земли. Ведь именно он освободил пленников из вивариума. Он же проник в больницу во второй раз. И пожалуй на нем лежит основная ответственность за катастрофу «Планка». Вероятно, с ним связана тайна кровотока сердца, этого загадочного символа. Нет, этот Мэтью Келлер один из наиболее активных повстанцев.

И это сверх интерес к нему Харри Кейна!

Сначала Парлетт решил, что Келлер должен умереть от своих ран. Он причинил столько вреда и разрушений. Из-за него погибла библиотека «Планка». Но более важно в данный момент завоевать доверие Харри Кейна.

Доктор Беннет передала ему записку, в которой сообщила, что у Келлера будут посетители. Установка подслушивающего аппарата была лишь необходимой предосторожностью. Парлетт отдал распоряжение и постарался забыть об этом до воскресенья, когда должна была состояться встреча.

Когда Худ закончил, Мэт улыбнулся и сказал.

— Я же говорил тебе о маленьких сердцах и печенках.

Все четверо стояли вокруг него, как врачебный консилиум вокруг больного.

Когда они вошли в палату, Мэт подумал, почему они так угрюмо-серьезны, почему двигаются так осторожно и внимательно.

Худ говорил полчаса, причем его изредка прерывал Харри Кейн, вставляя замечания. Лейни и Лидия все время молчали. Все это было очень странно.

— Расскажи ему все, Джей, — сказал кто-то. — Только поосторожнее, чтобы не взволновать его... — Но все, что ему рассказал Худ, было хорошо, почему это должно взволновать его?

— Почему вы так угрюмы? — спросил Келлер. — Все к лучшему. Мы будем жить долго и без болезней. Полицейских налетов не будет. Никого не препарируют в банке органов без суда. Мы можем даже, если захотим, иметь деревянные дома. Наконец наступил мир.

Заговорил Харри Кейн.

— А что может помешать Парлетту не выполнить все свои обещания?

Мэт все еще не понимал, при чем здесь он.

— Ты думаешь, он это может?

— Подумай, Келлер. Парлетт выполняет сейчас работу Кастро. Теперь он шеф. Он глава полиции.

— Вы этого и хотели. Разве не так?

— Да, — сказал Кейн. — Я хотел этого потому, что Парлетт единственный человек, который мог бы создать новый закон — если бы захотел этого. Но посмотрим, какие силы сейчас стоят за ним.

Он стал главой полиции. Он обучил весь свой клан обращаться с оружием и теперь в его руках сосредоточена почти вся военная мощь планеты. Он может обвести Совет вокруг пальца. Сейчас Парлетт полностью готов к тому, чтобы стать императором!

— Но вы же можете остановить его. Можете поднять восстание колонистов в любой момент.

Кейн махнул рукой.

— Мы не можем. Конечно, этим можно грозить, но мы не хотим кровавой междоусобной войны. Парлетт тоже не хочет этого — по крайней мере, говорит, что не хочет. Нет, нам нужно что-то другое, чтобы держать его в руках.

Четыре угрюмых лица ждали ответа. Что, черт побери, здесь происходит?

— Отлично, — сказал Мэт. — Вы обдумали проблему, теперь подумайте над ответом.

— Нам нужен убийца-невидимка.

Мэт приподнялся с постели и выглянул из-за белого столба ноги. Нет, Кейн не шутит. Это усилие полностью лишило сил Мэта и он упал на подушки.

Лейни положила на него руку.

— Это единственное решение, Мэт. И оно самое лучшее. Какой бы властью не обладал Миллард Парлетт, против тебя он бессилен.

— Или ты или гражданская война, — вступил в разговор Кейн.

Мэт с трудом обрел речь.

— Я не сомневаюсь, что вы серьезны. Но я сомневаюсь, в своем ли вы уме. Почему вы считаете меня убийцей? Я никогда никого не убивал. И даже не имел желания.

— Ты это хорошо делал на той неделе.

— Что? Я стрелял усыпляющими ампулами. Я только один раз ударил человека в лицо! Почему вы считаете, что я могу быть убийцей?

— Ты понимаешь,— сказал Худ,— что мы не собираемся использовать тебя как убийцу. Ты будешь всего лишь угрозой, Мэт, и ничем больше. Ты просто будешь гирькой на весах, чтобы уравновесить силы Сынов Земли и Милларда Парлетта.

— Я шахтер.— Мэт взмахнул левой рукой. Той, что была здорова и движения которой не причиняли боли. Шахтер. Я тренировал червей, чтобы они добывали металл. Мой хозяин продавал металл и платил мне жалованье... погоди. Вы говорили Парлетту о своей идее?

— Нет, конечно, нет. Он никогда не узнает об этом, если ты согласишься. Но если ты не согласишься, то мы будем ждать, пока ты не выйдешь из больницы.

— О, боже, надеюсь, что так и будет. Если Парлетт сочтет меня опасным для себя... нет, я хочу быть на Дельте раньше, чем вы скажете ему.

— Значит, ты согласен?

— Нет, Кейн. Я не согласен. Неужели вы не понимаете, что у меня семья? Парлетт может взять заложников.

— Родители и сестра,— дал справку Худ.— Родители на Йоте.

— Не беспокойся,— сказала Лейни.— Мы защитим их, Мэт. Они будут в полной безопасности.

Кейн кивнул.

— Если кто-нибудь тронет волос на твоей голове, или будет угрожать членам твоей семьи, я объявлю тотальную войну. Я скажу Парлетту об этом и он поверит мне. У меня есть средство заставить его поверить.

Мэт с тоской подумал о докторе Беннет. Впрочем, это не поможет. Даже если она их сейчас выгонит, они придут позже.

Он, Мэт Келлер, прикован к постели и не может двигаться более чем на три дюйма. Принудительная аудиенция.

— Вы действительно думали об этом? Почему же вы сказали мне об этом только сейчас?

Ответил Джей Худ.

— Я хотел присутствовать при разговоре. Сегодня у меня как раз выходной день.

— Ты опять преподаешь в школе, Джей?

— Смешно преподавать историю в школе, когда происходит такое.— В его сухом, лишенном интонаций голосе слышалось раздражение. Странно, что Мэт никогда не замечал в Худе такого повышенного самомнения.

— Вы втравливаете меня во что-то не очень красивое,— сказал Мэт.

— Прости, Мэт. Но мы нуждаемся в тебе.

— Хорошо. Лейни, а как ты относишься ко всему этому?

Лейни опустила глаза, затем снова подняла их и встретила с ним взглядом.

— Мэт, решение в твоих руках. Но если ты не пойдешь с нами,

нам будет тяжело. Слушай, Мэт, мы не собираемся использовать тебя, как орудие убийства: может быть Парлетт честен. И он действительно хочет превратить планету в рай для всех. Но если... — она наклонилась вперед, вглядываясь в глаза Мэта. — ... но если Парлетт вынашивает честолюбивые замыслы, только ты сможешь остановить его. Никто больше не сможет сделать этого.

Сейчас мы должны сами доверить ему власть, потому что только это может предотвратить гражданскую войну. Но если его нужно будет остановить, нам потребуешься ты. И если ты не согласишься, ты будешь презренным трусом.

Мэт постарался оттолкнуть его руку. — Вы фанатики! Все трое...

Лейни отпустила его руку. Она села ровно и зрачки ее превратились в точки.

Мэт расслабился. Остальные тоже смотрели в ничто.

«Везение» Мэта Келлера предоставило ему возможность передохнуть.

«Везение» Мэта Келлера. Какая-то насмешка судьбы. Если бы он не использовал свое везение для освобождения Полли, она была бы сейчас жива.

Если бы он не побегал к Худу за объяснениями относительно своего везения, сейчас он мирно возился бы со своими червями.

Правда, благодаря только ей он остался девственником до двадцати одного года. Но эта способность убила Полли, а Лейни видит в нем не мужчину, а оружие для выполнения каких-то замыслов.

Нет, человек должен всегда скрывать то, что выделяет его из остальных.

Но теперь поздно. Они будут забывать его раз за разом. Он может сделать это. Но они будут каждый раз приходить снова. Мэт Келлер, орудие... убийца...

— Эй вы, — сказал он, — миссис Хэнкок...

Все зашевелились, снова вернувшись в мир, где существовал Мэт Келлер.

— Миссис Хэнкок, вы что-то хотите сказать мне?

— Да нет, — неопределенно протянула миссис Хэнкок.

— Вы не сказали ни слова, пока говорили остальные. Зачем вы пришли?

Она пожала плечами.

— Только посмотреть, что будет. Ты когда-нибудь терял, кого любил?

— Конечно.

— В банке органов?

— Своего дядю. Мэта Келлера.

— Я хотела бы разгромить банк органов в первую очередь. Но никто меня не поддержал. Ведь ни у кого муж не погиб в банке органов.

— Так зачем вы пришли?

Она сова пожала плечами.

— Я не знаю, действительно ли ты имеешь такое значение для нас, как говорил Харри. Лично я в это не очень верю. Ты действительно освободил нас из больницы. Иначе Парлетт бы никогда не нашел нас. Мы тебе благодарны за это. Но неужели нужно зарезать человека, чтобы доказать ему свою благодарность? К сожалению, мы не можем уничтожить банк органов, но мы можем изменить закон так, чтобы туда попадало как можно меньше людей, причем, попадали такие, кто заслуживает этого.

Рот миссис Хэнкок захлопнулся, как капкан.

— Я согласен,— сказаал Мэт.— Но не потому, что вы убедили меня. У меня есть свои причины.

— Продолжай,— сказал Харри Кейн. Он один не показал, что удивлен этими словами Мэта.

— Я не могу вернуться к червям. Это факт. Но я не наемный убийца и это тоже факт. Я никогда не убивал. Так что если я убью человека, то должен предварительно знать, за что.

Я хочу с этого момента стать одним из лидеров организации. Я хочу участвовать в совещаниях, принимать решения, хочу иметь всю информацию. Что ты скажешь, Харри?

— Говори дальше.

Во рту у Мэта пересохло. Харри Кейну не нравится все это. Кейн стал его врагом.

— Сыны Земли не могут совершать убийства без моего согласия и я не дам его, если не буду видеть, что убийство необходимо. Чтобы принимать такие решения, нужно знать все. И еще одно. Если я замечу, что кто-либо из вас обманывает меня, я убью его, так как сокрытие информации может привести к убийству невиновного.

— Почему ты думаешь, что можешь справиться с бременем власти?— бесстрастно спросил Худ.

— Я попытаюсь,— сказал Келлер.— Это мое могущество, которое вы хотите использовать.

— Хорошо,— Харри встал.— Один из нас завтра принесет копии нового закона Парлетта. Если мы решим по-другому, мы дадим тебе знать.

Миллард Парлетт вздохнул и выключил приемник.

Невидимый убийца? Странные слова со стороны такого рационального человека, как Кейн. Интересно, что он имел в виду?

Кейн со временем, конечно, ему расскажет.

Но пока это не имеет значения. Имеет значение то, что он может доверять Харри Кейну. Теперь Кейн связан с Парлеттом. И эту связь нужно использовать, пока Кейн не развязал гражданскую войну.

Теперь Миллард Парлетт мог сосредоточиться на человеке, который ожидал в приемной. Полиция прислала к нему своего пред-

ставителя, чтобы высказать претензии. И представитель наверное уже горит от гнева, что так долго дожидается приема.

Парлетт сказал в микрофон.

— Пришлите его ко мне, мисс Лауэссен.

— Хорошо.

— Погодите. Как его имя?

— Халли Фокс. Капрал.

— Благодарю. И пошлите запрос на Дельта, Гамма и Йота относительно Мэтью Келлера.

— Уже сделано.

Парлетт улыбнулся. Ну что же он теперь займется полицией и Советом, а Харри Кейн позаботится об остальном. Это невидимый убийца снял с него половину ноши.

— Это будет странное равновесие сил,— сказал Харри Кейн.— У Парлетта все оружие, у него энергетические и медицинские службы планеты. А что у нас? Только Мэт Келлер.

— Нам повезло, что он с нами,— сказала Лейни.

Рыжеволосая девушка в переливающейся всеми цветами одежде быстро прошла по коридору. Видимо пришла навестить родственников. Они замолчали и подождали, пока она пройдет. Кейн ухмыльнулся тому, как она постаралась пройти мимо них побыстрее. Для поселенцев был невыносим вид колонистов, свободно разгуливающих по коридорам больницы.

Джей Худ сказал:

— Да. Он с нами. А может мы с ним.— Он сильно ударил ладонью по стене.— Что скажут будущие историки? Этого даже невозможно представить.

Мэт лежал на спине и рассматривал потолок.

Он сделал правильное решение. Он был уверен в этом. Если человек имеет могущество, то кто-то должен пользоваться им.

Его мозговая мутация не давала ему возможности стать отцом. Единственное, что ему оставалось, полностью подавить в себе эту способность. Невидимка не может быть полноправным членом общества.

Кто-то вошел в палату. Мэт взглянул и увидел сверкание одежды.

— Прошу прощения,— сказала девушка и повернулась, чтобы уйти. Она была высокая, стройная, молодая, с рыжими кудрями, обрамляющими голову. Он никогда не видел такой одежды на Дельта Плато: легкой, свободной, и, в то же время, обрисовывающей фигуру. Приятное лицо с раздутыми ноздрями, выступающими скулами — лицо чистокровной поселенки.

— Подожди минутку,— попросил Мэт.

Она остановилась, удивленная не тем, что он сказал, а его колонистским акцентом. Затем она выпрямилась, вздернула подбородок, губы надменно сжались. Мэт вспыхнул.

И прежде чем ее холодные глаза оставили его, он мысленно приказал:

— Смотри на меня.

Глаза ее не могли уйти в сторону. Подбородок опустился, лицо стало нежным, мягким и каким-то мечтательным.

— Смотри на меня,— думал он.— Я тебе нравлюсь, да? Конечно. Смотри.

Она сделала шаг к нему.

Мэт потерял контроль. Она сделала еще шаг, но потом опомнилась. Ужас охватил ее. Она повернулась и выбежала из комнаты. Вслед ей неся хохот Мэа.

Мутация?

Может быть и нет.

Корабль Странников Вселенной был похож на слочную игрушку: шар из лент, которые, извиваясь, не соприкасались друг с другом. Этот шар был размером с Нью-Йорк и население в нем было такое же: существа, походившие на черных котов с девятью хвостами.

На расстоянии многих миль перед кораблем полыхало голубое пламя двигателя, пронизывая внутренность корабля своим светом. На резких границах между светом и тенью лежали эти существа. Головы их были на свету, а хвосты в тени. Таким образом они поглощали энергию света. Это была настоящая идиллия.

Ведь во время полета, вернее перемещения между звездами, делать было нечего.

Но вот их путь пересек источник голубого света, излучающий частицы высокой энергии и электро-магнитные поля.

В одно мгновение источник исчез и его не могли заметить даже чувствительные глаза Странников. Но заметили приборы. И Странники получили исчерпывающую информацию: положение, скорость, масса, конструкция... Он был металлический, механический, двигатели на межзвездном водороде... Не примитивное устройство, но...

Странники были везде во Вселенной. Они пользовались всем: фотонными парусами, безреакционными безынерционными двигателями. Но они всегда перемещались через Эйнштейново пространство. Гиперпространство они считали вульгарным. Странники никогда не пользовались гиперпространством.

Другие существа отличались от них. Они предпочитали не терять времени во время полета: они наслаждались путешествием, они наблюдали, изучали, вели обычную жизнь. Многие тысячи лет назад Странники продали тайну гиперпространства жителям одной из планет.

И корабль Странников легко повернул по направлению к

Прокиону и колонии людей на «Мы сделали это», следуя за рамроботом N 144. Можно было не торопиться. Ведь у них уйма времени...

Во вспышках водородного двигателя индустриальная революция надвигалась на «Мы сделали это».

ПОДВОДНАЯ ВОЙНА

В полумиле под поверхностью неглубокого венерианского моря стоит на дне черный купол из империума, он накрывает Монтану. Под ним идет карнавал: монтанцы празднуют четырехсотую годовщину высадки землян на Венеру. Под куполом ярко, разноцветно и весело. Мужчины и женщины в масках, целофлексе и шелке бродят по широким улицам, смеются, пьют венерианское вино. Дно моря и гидронные бассейны перед праздником чистили от деликатесов, чтобы украсить столы благороднорожденных.

Сквозь карнавал скользят мрачные тени мужчин, по ним сразу видно, что они служат в Свободных Отрядах. Нарядная одежда не может скрыть это: кровь и годы войны наложили на этих людей неизгладимую печать. Под масками домино у них жесткие и суровые лица. Загар тоже отличает солдат от жителей подводных куполов: ультрафиолетовые лучи легко проникают под облачный покров Венеры. Они — неприятное добавление к карнавалу; их уважают, но не любят. Они — Свободные Солдаты...

Все это происходит девять веков назад, под поверхностью Моря Мелей, чуть севернее экватора. Вся облачная планета усеяна подводными куполами, и жизнь ее не изменится еще много столетий. Оглядываясь назад — как мы сейчас — с высот цивилизованного тридцать четвертого века, легко заметить, что жители куполов были грубыми и фанатичными дикарями.

Уже давно исчезли Свободные Отряды, острова и континенты планеты покорены, войн нет. Но тогда, во время перемен и яростного соперничества шли почти непрерывные войны. Купола боролись друг с другом, и каждый прилагал максимум усилий, чтобы выбить у другого ядовитые зубы, лишив его запасов кориума — главного источника силы в те дни. Студентам, занимающимся этим периодом, очень нравится изучать легенды, отыскивая в них общественные и геополитические тенденции. Хорошо известно, что лишь один фактор уберет Купола от взаимного уничтожения. Это было джентльменское соглашение, определяющее, что война — дело солдат. Оно позволило подводным городам развивать науку и культуру. Подобный компромисс — вероятно, неизбежный — привел к появлению Свободных Отрядов — странствующих групп высококвалифицированных наемников, к которым обращались, когда какой-то Купол атаковали или он сам хотел напасть на другой.

Ап Таурн в своем знаменитом «Кольце Венеры» излагает эту сагу символическими легендами. Многие источники увековечили чистую правду, которая, к несчастью, слишком часто бывает жестокой. Одна-

ко, мы как правило, не вспоминаем, что обязаны современным высоким уровнем культуры именно Свободным Солдатам. Именно благодаря им война не вытеснила мирную общественную и научную работу, она была узкоспециализирована, а развитие техники привело к тому, что человеческая сила уже не имела особого значения. Отряды Свободных Солдат насчитывали по несколько тысяч человек или чуть больше.

Отрезанные от нормальной жизни в Куполах, солдаты вели странную одинокую жизнь. Их заранее обрекали на гибель, но они были необходимы, как допотопные животные, из которых в конце концов возник homo sapiens. Без этих солдат Купола втянулись бы в тотальную войну и конец был бы для всех один.

Свободные Солдаты — жестокие, рыцарственные и неукротимые, служащие богу войны так рьяно, что в конце концов его же и уничтожили — продирались сквозь страницы истории, а за ними в туманном воздухе Венеры плыло знамя Марса. Обреченные на гибель, как тиранозавры, они также яростно сражались, и в конце концов канули в вечность.

Стоит, однако, взглянуть на место, которое они занимали в Морскую Эру. Благодаря им цивилизация достигла и значительно превазошла уровень, до которого некогда развилась на Земле.

Свободные Солдаты занимают важное место и в межпланетной литературе. Впрочем, они сейчас уже перешли в легенды, поскольку были воинами, а войны исчезли сразу после Объединения. Однако, по духу они ближе нам, чем люди Куполов.

Эта история, опирающаяся и на легенды, и на факты, рассказывает о типичном солдате того времени. Впрочем, возможно, что его просто выдумали...

1

Брайн Скотт выпил обжигающий уискей и обвел взглядом прокуренную таверну. Это был сильный, плечистый мужчина с каштановыми волосами, чуть припорошенными сединой, и подбородком, чуть попорченным старым шрамом. Ему было за тридцать, выглядел он ветераном — собственно, ветераном он и был. Ему хватало здравого смысла, чтобы носить скромную одежду из целофлекса, а не крикливые шелка и радужные ткани, от которых рябит в глазах.

Снаружи, за прозрачными стенами, веселая толпа фланировала по движущимся Дорогам, но в таверне царила тишина, и слышен был только голос арфиста, он пел старую балладу. Наконец песня кончилась. Раздались жидкие хлопки, а потом из динамиков под потолком появилась оглушительная мелодия. Настроение тотчас переменялось. Мужчины и

женщины в ложах и возле бара засмеялись, оживленно заговорили. Пары начали танцевать.

Стройная загорелая девушка с черными блестящими кудрями, рассыпанными по плечам, сидевшая рядом с Брайаном, вопросительно взглянула на него.

— Пойдем, Брайан?

Скотт вымученно улыбнулся.

— Пожалуй, Джина.

Он встал и она грациозно скользнула в его объятия. Брайан танцевал не очень хорошо, но недостаток умения возмещал тем, что подлаживался под девушку. Джина подняла к нему лицо с высокими скулами и ярко-пурпурными губами.

— Забудь о Бинне. Он просто старается тебя завести.

Скотт глянул в сторону дальней ложи, там две девушки сидели в обществе мужчины, лейтенанта Фредерика Бинне из Отряда Дуне. Это был высокий костлявый человек со злым лицом, его правильные черты то и дело кривила саркастическая усмешка, а темные глаза колко поблескивали из-под кустистых бровей. Он как раз показывал пальцем на танцующую пару.

— Знаю, — сказал Скотт, — и это неплохо ему удастся. Ну и черт с ним! Я теперь капитан, а он так и остался лейтенантом. Ему не повезло. В следующий раз он будет выполнять приказ, не станет ломать строй, пытаясь атаковать нахрапом.

— Так как же было на самом деле? — спросила Джина — Об этом так много толкуют...

— Как всегда. Бинне давно ненавидит меня... впрочем, взаимно. Мы с самого начала на дух не переносим друг друга. Каждый раз, когда меня повышали, он локти кусал с досады. Если честно, он служит дольше меня и заслуживает продвижения в первую очередь, но корчит из себя умника, причем в самые неподходящие моменты.

— И много пьет, — добавила Джина.

— Это пусть. Мы уже три месяца в Куполе Монтана, и ребят замучило безделье. И такое вот отношение тоже, — Скотт кивнул в сторону двери, где сержант препирался с хозяином, — Нижним чинам, видите ли, вход запрещен. Черт бы их всех побрал!

Из-за шума они не могли слышать спора, но смысл его не вызывал сомнений. Наконец солдат плюнул на пол, выругался и ушел. Какой-то толстяк в пурпурных шелках одобрительно заметил: «Хоть здесь отдохнуть от солдафонов!»

Лейтенант Бинне встал и подошел к ложе толстяка. Руки его едва заметно дрожали.

«Плевать на этого штатского, — подумал Скотт — Пойдет только на пользу, если Бинне расквасит ему морду».

Похоже, дело шло к тому — толстяк сидел с девушкой и вовсе не собирался отступать. Бинне явно говорил ему что-то оскорбитель-

ное.

Вспомогательный динамик выбросил из себя несколько быстрых слов, потерявшихся в общем гомоне. Однако тренированное ухо Скотта ухватило смысл. Он кивнул Джинне, многозначительно причмокнул и сказал:

— Вот так-то.

Девушка тоже услышала и отпустила его. Капитан направился к ложе толстяка как раз в тот момент, когда началась драка. Штатский, красный как индюк, ударил внезапно, случайно попав по скуле Бинне. Лейтенант, неприятно улыбаясь, отступил на шаг и сжал кулаки. Скотт схватил его за плечо.

— Спокойно, лейтенант.

Бинне в ярости повернулся к нему.

— Не лезь не в свое дело. Дай мне...

Толстяк заметил, что его противник отвлекся, почувствовал прилив отваги и набросился на лейтенанта. Скотт заслонил Бинне и наотмашь ударил штатского по лицу, одновременно сильно толкнув. Толстяк повалился на свой столик, а когда поднялся, увидел в руке Скотта оружие.

— Займитесь лучше вязанием, — сухо посоветовал ему капитан.

Толстяк облилиз разбитые губы, помешкал, но все-таки сел, бормоча что-то о чертовых сукиных детях — Свободных Солдатах.

Бинне старался высвободиться и был уже готов ударить капитана. Скотт спрятал оружие в кобуру.

— Приказ, — сказал он, кивнув на динамик. — Слышал?

«..мобилизация. Людям Дуне собраться в штабе. Капитану Скотту явиться в Администрацию. Срочная мобилизация...»

— Ясно — процедил Бинне, все еще взбешенный — О'кей, я понял. Но на эту гниду мне хватит пары минут.

— Ты забыл, что такое срочная мобилизация? — повысил голос Скотт — Может, придется сразу выступать. Это приказ, лейтенант.

Бинне с видимым разочарованием козырнул и ушел, а Скотт направился к своей ложе. Джина взяла перчатки и сумочку, быстро подкрасила губы.

— Я буду дома, Брайан, — сказала она совершенно спокойно, — Удачи.

Он быстро поцеловал ее, чувствуя нарастающее возбуждение в предчувствии близкого боя. Джина пожимала его. Улыбнувшись, она легонько погладила его по голове, встала, и они бок о бок вышли в веселый хаос Дорог.

Душистый ветерок коснулся лица Скотта, и он скривился. Во время карнавалов Купола становились для Свободных Солдат еще менее приятны, чем обычно. Они еще мучительнее ощущали пропасть, что отделяла их от жителей подводных городов. Скотт проложил себе дорогу сквозь толпу, таща Джину к скоростному центральному полотну. Они нашли себе сидячие места.

На развилке в форме клеверного листа Скотт покинул девушку и направился в сторону Администрации — группы высоких зданий в центре города, где располагались основные технические и политические департаменты. Только лаборатории находились в пригородах, ближе к основанию Купола. Примерно в миле от города стояло несколько маленьких исследовательских куполов, но там проводили только самые опасные эксперименты. Взглянув вверх, Скотт вспомнил катастрофу, превратившую науку в подобие масонской логи. Над центральной площадью висел свободный от пут гравитации глобус Земли, полуприкрытый черным пластиковым саваном. В каждом Куполе была такая же вечная памятка об утраченной родной планете.

Взгляд Скотта последовал еще дальше, к куполу, словно мог пройти сквозь империум, полмили воды и облачный покров к висящей в пространстве белой звезде, светимостью в четыре раза меньше Солнца. Это все, что осталось от Земли после того, как два столетия назад ученые расщепили атомы. Катастрофы ширилась, как пожар, перепахивая континенты, сравнивая горы с равнинами. В библиотеках хранились видеозаписи этого апокалипсиса. Возникла религиозная секта — Люди Нового Суда — призывавшая к полному уничтожению науки. И по сей день кое-где существовали последователи этого учения. Однако, когда техники, объединившись, раз и навсегда запретили эксперименты с атомной энергией и постановили, что ее применение должно караться смертью, секта почти полностью утратила свое влияние. Техники никого не принимали в свое сообщество без обязательной «Клятвы Миневры».

«... работать на благо людей... предпринимая все возможные предосторожности... получать у властей разрешение на проведение рискованных экспериментов, представляющих опасность для человечества... никогда не забывать оказанного мне доверия и всегда помнить о смерти родной планеты, вызванной неправильным использованием знания...»

Земля. На взгляд Скотта это был странный мир. Например, там был солнечный свет, не профильтрованный сквозь облачный покров. На Земле оставалось совсем немного неизученных районов, а здесь, на Венере, где еще не освоили континенты, было одно сплошное пограничье. В Куполах властвовала высокоспециализированная общественная культура, а на поверхности царил первобытный лес, там только Свободные Солдаты держали свои Крепости и флот. Флот служил для сражений, а в Крепостях жила техники, поставлявшие новейшие средства для ведения войны. В Куполах терпели визиты Свободных Отрядов, но не давали им места для штаб-квартир — настолько сильна была неприязнь, настолько глубока была в сознании штатских пропасть между войной и мирным

развитием цивилизации.

Движущаяся дорога под ногами Скотта превратилась в лестницу и подняла его к зданию Администрации. Скотт перешел на другую Дорогу — та доставила его к лифту — и спустя несколько минут уже стоял перед портьерой с портретом Дэна Кросби, президента Купола Монтана.

— Входите, капитан, — донесся голос Кросби, и Скотт, пройдя за портьеру, оказался в небольшой комнате. Стены здесь были покрыты фресками, а большое окно открывало вид на город. Кросби сидел за столом. «Он похож на старого потасканного клерка из романа Диккенса», — подумалось Скотту. На деле же, Кросби был одним из крупнейших социополитиков Венеры.

Цинк Рис, командир Свободного Отряда Дуне, сидел в кресле, являя собой полную противоположность Кросби. Казалось, вся влага из тела Риса испарилась под лучами ультрафиолета много лет назад, оставив мумию из коричневой кожи и мышц. В этом человеке не было ни следа мягкости, его улыбка больше походила на гримасу, а мускулы под смуглой кожей — на тросы.

Скотт козырнул, и Рис жестом разрешил ему сесть. Тлеющий в глазах цинка жар говорил о многом — орел упивался запахом крови. Кросби почувствовал это, и на его бледном лице появилась саркастическая улыбка.

— Каждый должен выполнять свою работу, — с иронией сказал он. — Думаю, после такого долгого отпуска я стал бы никуда не годен. Но на этот раз, Рис, вас ждет серьезная битва.

Мускулы Скотта автоматически напряглись. Рис взглянул на него.

— Атакует купол Вирджиния. Они наняли Морских Дьяволов, отряд Флинна.

Воцарилась тишина. Обоим Свободным Солдатам не терпелось обсудить предстоящую операцию, но они не хотели начинать этот разговор в присутствии штатского, даже если он сам президент Купола Монтана. Кросби встал.

Значит, с деньгами вопрос решен!

— Да, — подтвердил Рис. — Думаю, битва произойдет через несколько дней. Вероятно, вблизи Венерианской Впадины.

— Хорошо. Надеюсь, вы позволите выйти мне на несколько минут! Я буду... — Не закончив фразы, он откинул портьеру и вышел.

Рис угостил Скотта сигаретой.

— Капитан, что вы что-нибудь знаете о Морских Дьяволах?

— Знаю, что одни мы не справимся.

— Верно. У нас не хватает людей, вооружения. А Морские Дьяволы недавно объединились с Легионом О'Брайена, когда сам О'Брайен погиб в полярной авантюре. Это сильный отряд, очень сильный. К тому же у них есть неприятная особенность — они предпочитают атаковать подводными лодками. Думаю, придется использовать план «Аш-семь».

Скотт зажмурился, мысленно перелистывая картотеку. Каждый отряд Свободный Солдат имел постоянно обновляемые планы боевых действий применительно к другим отрядам. Их уточняли, когда происходили перегруппировки, когда военные единицы объединялись и расклад сил менялся в пользу той или иной стороны. Планы были настолько детальны, что их можно было реализовать в любой момент. План «Аш-семь», насколько помнил Скотт, предполагал использование услуг Банды — небольшого, но отлично организованного отряда Свободных Солдат под командой цинка Тома Мендеса.

— Хорошо — сказал Скотт — Мы можем их нанять.

— Пожалуй. Цена еще не определена. Я связывался с ними по видеофону на тайном канале, но они уходят от прямого ответа. Мендес будет тянуть до последней минуты, чтобы продиктовать свои условия.

— Чего они хотят?

— Пятьдесят тысяч наличными и пятьдесят процентов добычи.

— По-моему, хватит и тридцати.

Рис кивнул и добавил:

— Я предложил ему тридцать пять. Я думаю послать тебя в их Крепость с неограниченными полномочиями. Конечно, можно обратиться и к другому отряду, но у Мендеса отличные суда с подводными детекторами, они лучше всего подходят против Морских Дьявол. Может, мы еще договоримся по видеофону, но если нет, тебе придется поехать к Мендесу и попытаться сбить цену раза в два.

Скотт потер старый шрам на подбородке.

— А тем временем лейтенант Бинне будет отвечать за мобилизацию. Когда...

— Я связался с нашей Крепостью. Воздушные транспортные уже в пути.

— Это будет неплохая битва, — ответил Скотт, и взгляды мужчин встретились.

Рис тихо засмеялся.

— И неплохая добыча. У Купола Вирджиния много корнума... не знаю сколько именно, но много.

— Чем на сей раз вызвано нападение?

— Думаю, все как всегда, — равнодушно ответил Рис. — Имперские замашки. Кто-то из Купола Верджиния разработал новый план овладения остальными крепостями. Все как всегда.

Когда портьера отошла в сторону, они встали, приветствуя президента Кросби, какого-то мужчину и девушку. Мужчина выглядел молодо, жгучие лучи еще не превратили его лицо в окаменевшую маску. Девушка была так прелестна, что даже напоминала пластиковую куклу. Волосы ее были ярко-зелеными. Красота ее была необычна — девушка очаровывала с первого взгляда.

— Моя племянница Илен Кэн, — сказал Кросби, — и племянник Норман Кэн.

Потом он представил офицеров, и все заняли свои места.

— Может, выпьем чего-нибудь? — предложила Илен — Здесь у вас все официально до тошноты. Кроме того, война еще не началась. Кросби покачал головой.

— Никто тебя сюда силком не тащил. Не пытайся превратить совещание в вечеринку, у нас мало времени.

— Ладно, — буркнула Илен — Я могу подождать. — Она с открытым интересом разглядывала Скотта.

— Я хотел бы вступить в Свободный Отряд Дуне — вставил Норман Кэн. — Заявление уже подал, но сейчас, когда вот-вот начнется война, мне бы очень не хотелось ждать, пока его рассмотрят. Поэтому...

Кросби взглянул на Риса.

— Я поддерживаю его просьбу, хотя решение, конечно, за вами. Мой племянник не такой как все: он романтик и никогда не любил жизнь в Купле. Год назад он уехал и вступил в отряд Старлинга.

— В эту банду? — Рис поднял брови. — Это не лучшая рекомендация, Кэн — ведь они даже не имеют статуса Свободного Отряда. Скорее, это банда террористов, совершенно лишенных понятия о чести. Говорят даже, что они используют атомное оружие.

Кросби удивленно посмотрел на него.

— Я ничего такого не слышал.

— Это всего лишь слухи. Если же они когда-нибудь подтвердятся, Свободные Отряды — все до единого — объединятся и разнесут Старлинга в пыль.

Норман Кэн смутился.

— Я вел себя глупо. Но мне хотелось участвовать в сражениях, а группа Старлинга без разговоров приняла меня.

Цинк откашлялся.

— Это в их стиле. Лихие романтики, не понимающие, что такое настоящая война. У них всего лишь полтора десятка техников. И никакой дисциплины... как у патриотов. Современную войну, Кэн, не могут выиграть романтические дикари, гонящиеся за безнадежными иллюзиями. Современный солдат — это тактик, который умеет думать и объединять все свои силы в одно целое, и к тому же дисциплинированный. Если ты вступишь в наш Отряд, придется забыть все, чему ты научился у Старлинга.

— Так вы меня берете?

— Боюсь, это не совсем разумно. Сначала ты должен пройти обучение.

— Но у меня есть опыт...

— Вы окажете мне личное одолжение, цинк Рис, — сказал Кросби, — если согласитесь принять его. Раз уж мой племянник хочет стать солдатом, я охотнее всего отдал бы его в Отряд Дуне.

Рис пожал плечами.

— Что ж, хорошо. Капитан Скотт распорядится насчет тебя, Кэн. И помни: главное у нас — дисциплина.

Парень с трудом сдержал радостную улыбку.

— Спасибо!

— Капитан, — добавил Рис.

Скотт встал, кивнул Кэну, и они вместе вышли. В приемной стоял видеотелефон, и Скотт вызвал временный штаб Дуне в куполе Монтана. Оператор, принявший вызов, вопросительно смотрел на него с экрана.

— Говорит капитан Скотт. У нас пополнение.

— Да, капитан. Готов фиксировать.

Скотт подтолкнул Кэна вперед и приказал:

— Сделай снимок этого человека, он отправляется прямо в штаб.

Имя — Норман, фамилия — Кэн. Внеси его в список без обучения, это личный приказ цинка Риса.

— Принято, капитан.

Скотт выключил аппарат. Кэн никак не мог справиться с улыбкой.

— Готово, — буркнул капитан с ноткой симпатии в голосе. — Все улажено. Какая у тебя специальность?

— Водолеты, капитан.

— Хорошо. И еще одно: не забывай, что сказал цинк Рис. Дисциплина чертовски важна, а ты, возможно, еще не до конца понял это. Сейчас идет не война плаща и кинжала, не кавалерийская атака. Увлечательные приключения ушли в прошлое вместе с крестоносцами. Выполняй приказы, и у тебя не будет неприятностей. Удачи тебе.

— Спасибо, капитан. — Кэн козырнул и ушел, широко шагая и раскачиваясь на ходу. Скотт усмехнулся. От этого парень быстро отучится.

Женский голос, раздавшийся совсем рядом, заставил его резко повернуться. Рядом стояла Илен Кэн, стройная и прелестная в своем наряде из целлофлекска.

— Оказывается, вы достаточно человечны, капитан, — заметила она. — Я слышала, что вы говорили Норману.

Скотт пожал плечами.

— Я сказал это для его пользы и для блага Отряда. Даже один безрассудный солдат может причинить массу неприятностей, мисс Кэн.

— Я завидую Норману — ответила она — Вы ведете восхитительную жизнь, и мне бы тоже хотелось так пожить... немного. Я — один из тех отходов цивилизации, которые совсем уж ни на что не годны. По этой причине один свой талант я довела до совершенства.

— Какой?

— Думаю, это можно назвать гедонизмом. Я наслаждаюсь

жизнью, скучать почти не приходится, но именно сейчас я скучаю. Мне нужно поговорить с вами, капитан.

— Слушаю, — сказал Скотт.

Илен Кэн скривилась.

— Я не то имею в виду. Я хотела бы поглубже проникнуть в вашу душу, но безболезненно. Скажем, ужин и танцы... это реально?

— Сейчас нет времени, — ответил Скотт. — В любой момент мы можем получить приказ...

Он сам не знал, хочет ли пойти с этой девушкой, хотя она его заинтересовала. Илен представляла собой самую интересную часть неизвестного ему мира, а все прочее его совершенно не трогало. Геополитики или наука, не связанная с армией, ничего не говорили Скотту, были слишком чужды для него. Однако все люди соприкасаются в одной точке — удовольствии. Скотт еще не мог понять развлечения подводного общества, но их работа и обычаи были для него совершенно чужды.

Портьера откинулась, вошел цинк Рис, прищурился.

— Мне нужно кое-что вам передать, капитан, — объявил он.

Скотт понял значение этих слов: прошли предварительные переговоры с цинком Мендесом. Он кивнул головой.

— Слушаюсь. Мне явиться в штаб?

Суровое лицо Риса как-будто расслабилось, когда он взглянул на Илен, а потом на Скотта.

— До рассвета можешь быть свободен. До тех пор ты мне не нужен, но в шесть утра явись в штаб. Само собой, у тебя есть личные дела.

— Понял, цинк, — Скотт проводил Риса взглядом. Конечно, они měli в виду Илен, но она этого не знала.

— Ну как? — спросила она. — Я отвергнута? Могли бы хоть угостить меня коктейлем.

Времени впереди было много.

— С удовольствием, — ответил Скотт.

Илен протянула ему руку, и они спустились в лифте на нижний уровень.

Когда они встали на одну из дорог, Илен повернула голову и перехватила взгляд Скотта.

— Я кое-что забыла, капитан. Ведь вы могли условиться с кем-нибудь заранее, а я даже...

— Я даже ничего не планировал, — ответил он. — Ничего существенного.

И это была правда. Поняв ее, он почувствовал благодарность к Джине. Связь с ней была довольно своеобразной и самой разумной при его профессии. Это называли свободным супружеством. Джина была ему не женой и не любовницей, а чем-то средним. Свободные Солдаты не имели привычки к семейной жизни. В Куполах они были гостями, а в своих крепостях — солдатами. Взять женщину

в крепость — все равно, что оставить корабль на линии огня. Вот почему женщины Свободных Солдат жили в куполах, перебираясь из одного в другой следом за своими мужчинами, а поскольку над солдатами всегда висела тень смерти, связь эта была достаточно свободной. Джина и Скотт жили в свободном супружестве пять лет, никогда не ставя друг другу никаких условий. Никто не ждал верности от Свободного Солдата. Они подчинялись железной дисциплине, а когда расслаблялись в периоды мира, маятник отклонялся в обратную сторону.

2

Для Скотта Илен была ключом, который мог бы открыть ему двери Купола — двери, ведущие в мир, к которому он не принадлежал и которого не мог до конца понять.

Скотт обнаружил такие изыски, о которых даже не подозревал. Илен, страстная гедонистка, посвящала именно жизнь таким тонкостям, они составляли смысл всех ее действий. Например, вот такая мелочь: чтобы придать особый вкус крепкому коктейлю «Лунный Цветок», нужно процеживать его через насыщенный лимонным соком кусочек сахара, зажатый между зубами. Скотт всю жизнь предпочитал уисквеплюс, и как каждому солдату, ему не нравилось то, что он называл гидропонными напитками. Однако коктейли Илен, действовали не менее успешно, чем терпкий, жгучий, янтарный уисквеплюс. В эту ночь она научила его таким тонкостям, как паузы между глотками, чтобы вдохнуть газа счастья, как объединение чувственного возбуждения с психическим при помощи аттракционов луна-парка. Все это могла знать только девушка вроде Илен. Но она не была типичной обитательницей купола. По ее словам, она была отростком, случайным и бесполезным цветком на виноградной лозе, тянувшейся вверх многими побегами — учеными, техниками и социополитиками. Илен, как и Скотт, была по-своему обречена на гибель. Подводные жители служили Миневре, Скотт — Марсу, а Илен — Афродите, не только как богине любви, но и как покровительнице искусства и наслаждения. Между Скоттом и Илен была такая же разница, как между Вагнером и Штраусом. В обоих сквозила приглушенная горько-сладкая печаль, на которую сами они редко обращали внимание. Их объединяло чувство какой-то безнадежности.

Во время карнавала ни Илен, ни Скотт не надевали масок. Лица их были как бы масками сами по себе. Оба развили в себе сдержанность, хотя каждый своим способом. Сжатые губы Скотта сохраняли свой сильное выражение, даже когда он улыбался. А Илен улыбалась так часто, что это не имело никакого значения.

Далеко за полночь они сидели на Олимпе, и стены вокруг них

словно бы исчезли. Быстро гонимые волны серых, слегка подсвеченных туч хаотично проплывали мимо, приглушенные воем искусственного ветра. Они были одни, словно древние боги.

«Земля же была безвидна и пуста, и дух божий носился над водой...» Вне этого помещения не было ни людей, ни мира; здесь автоматически менялись ценности, а психические тормоза меняли смысл и цель.

Скотт лег поудобнее на полупрозрачном кресле, похожем на облако. Илен поднесла к его ноздрям баллончик с газом счастья, но капитан покачал головой.

— Не сейчас, Илен...

Она выпустила баллончик и он покатился по полу.

— Я тоже не хочу. Излишек вызывает пресыщение, Брайан. Всегда должно оставаться что-то непознанное, такое, что можно попробовать в следующий раз. У тебя это есть, у меня — нет.

— Каким это чудом?

— Удовольствия... тут есть некие пределы человеческой выносливости. Со временем я выработала в себе психическую и физическую устойчивость ко всему. Если же говорить о тебе, то твое приключение всегда последнее — ты не знаешь, когда придет смерть, не можешь ее предвидеть. Планировать наперед скучно, ценны только неожиданности.

Скотт покачал головой.

— Смерть тоже неинтересна — она разом зачеркивает все и вся. Или же... — он заколебался, подыскивая слова — В этой жизни ты можешь планировать, можешь вырабатывать ценности, поскольку они опираются на некие основы. Скажем, на арифметику. А смерть — это переход к иным ценностям, совершенно неведомым. Законы арифметики неприменимы к геометрии.

— Думаешь, у смерти есть свои правила?

— Возможно, это полное отсутствие правил, Илен. Человек живет, зная, что жизнь подчинена смерти... на этом стоит цивилизация. Потому-то цивилизация опирается на целую расу, а не на единицу. Общественный инстинкт.

Она серьезно смотрела на него.

— Вот уже не думала, что свободный Солдат окажется философом. Скотт закрыл глаза и расслабился.

— В Куполах ничего не знают о Свободных Солдатах. И не хотят знать. А мы — люди. Вполне интеллигентные люди. Наши техники также искусны, как ученые Куполов.

— Но работают на войну.

— Война неизбежна, — заметил Скотт. — По крайней мере, сейчас.

— Ты мог бы рассказать, как вляпался во все это?

Он рассмеялся

— О, тут нет никаких страшных тайн. Я вовсе не беглый убийца.

Родился в куполе Австралия. Отец был техником, зато дед — солдатом. Думаю, это у меня в крови. Я перепробовал много занятий и профессий, и все без толку. Мне хотелось чего-то такого... черт возьми, сам не знаю, чего. Такого, что захватывает тебя всего, без остатка, как сражение. Это почти религия. Скажем, сектанты — Люди Нового Суда — явные фанатики, но для них религия — единственная ценность.

— Это бородатые, грязные и не совсем нормальные люди.

— Потому что их религия основана на ложных предположках. Есть и другие религии, стоящие на иных принципах, но для меня любая религия была бы слишком пресной.

Илен внимательно смотрела на его суровое лицо.

— Ты предпочел бы орден меченосцев? Или, скажем, Мальтийских Рыцарей, сражающихся с сарацинами?

— Пожалуй. У меня не было никакой системы ценностей. Кроме того, я солдат.

— А какое значение имеют для тебя Свободные Отряды?

Скотт открыл глаза, улыбнулся девушке и вдруг сделался похожим на мальчишку.

В сущности, небольшое. Они действуют на чувства. Если подумать, поймешь, что это просто липа, такой же вздор как Люди Нового Суда. Войны — пережиток прошлого. У нас нет никакой настоящей цели. Думаю, большинство из нас понимают, что у Свободных Отрядов нет будущего. Через пару сотен лет...

— И все же ты останешься с ними. Почему? Ведь не из-за денег же?

— Нет... Это как наркотик. Вспомни древних викингов с их безумной храбростью. Мы им сродни. Для людей из Крепостей их Отряд — это отец, мать, ребенок и Господь всемогущий. Он сражался с другими Свободными Отрядами, но ненависти к ним не испытывает: ведь все они служат одному божку на глиняных ногах. Каждая победа, равно как и поражение, приближает общий конец. Мы сражаемся, чтобы защитить культуру, которая в результате откажется от нас. Куполам — когда они наконец объединятся — не нужны будут вооруженные силы. И я вижу в этом некую закономерность. Будь войны неотъемлемой частью цивилизации, каждый Купол держал бы свою армию. Но они изолируются от нас; мы для них — неизбежное зло. Если бы можно было покончить с войной прямо сейчас! — Скотт непроизвольно стиснул кулаки. — Так много мужчин нашли бы свое счастье в Куполах. Но пока будут существовать Свободные Отряды, будут и добровольцы.

Илен пила коктейль, глядя на серый хаос туч, волнами проплывающих мимо. В приглушенном мерцающем свете лицо Скотта походило на черную глыбу со светлыми пятнышками, мерцающими в его глазах. Она осторожно коснулась его руки.

— Ты солдат, Брайан, и не сможешь измениться.

Скотт горько улыбнулся.

— Конечно, нет, мисс Илен Кэн! Или ты думаешь, что война — это только нажимать на курок? Я армейский стратег, и это потребовало от меня десяти лет зубрежки, причем куда более напряженной, чем в Техническом Институте Купола. Я должен знать о войне все, начиная с траектории снаряда и кончая психологией толпы. Это самая крупная ветвь науки, известная в Системе. И самая бесполезная, поскольку война умрет, самое большое, через пару веков. Илен, ты никогда не видела Крепости Свободных Солдат. Там процветает наука, настоящая наука, хотя она и направлена исключительно на военные цели. У нас есть собственные психологи и инженеры, они рассчитывают все — от артиллерии до коэффициента трения на водолетах. У нас есть литейные заводы и мельницы. Каждая Крепость — это город, созданный для войны, подобно тому, как купола созданы для технического прогресса.

— Это так сложно?

— Исключительно сложно и совершенно безнадежно. Многие из нас понимают это. Да, мы сражаемся потому, что уже не можем без этого. Мы обожаем наши Отряды и живем только во время войны, а это ушербная жизнь. В Куполах жизнь значительно полнее. У вас есть работа и развлечения, созданные специально для вас. А нам они не подходят.

— Для меня тоже, — заметила Илен. — Всегда ведь бывают неприспособленные. У тебя же есть *raison d'être* — ты солдат. А я не могу вести жизнь, состоящую из одних удовольствий, но другого выхода у меня нет.

Пальцы Скотта сжали ее ладонь. — Ты, по крайней мере, продукт цивилизации, а я стою вне ее.

— С тобою, Брайан, все могло бы стать лучше. На минуту. Сомневаюсь, что дальше.

— Да, могло бы.

— Это теперь ты думаешь так. Наверное, ужасно чувствовать себя тенью.

— Конечно.

— Я хочу быть с тобой, Брайан, — сказала Илен, повернув к нему лицо. — Хочу, чтобы ты остался здесь. Мне нужна твоя сила, а я могу научить тебя, как лучше прожить такую жизнь, как в нее войти. Показать, что такое настоящий гедонизм. Ты мог бы составить мне компанию.

Скотт молчал и Илен некоторое время вглядывалась в него.

— Неужели война так много значит для тебя? — спросила она наконец.

— Нет, — ответил он. — Вовсе нет. Это как воздушный шарик: ты знаешь, что внутри он пуст. «Часть отряда!» — Он рассмеялся. — Вообще-то, я не испытываю колебаний, я сам по себе. Общество не

может базироваться на обреченных фантазиях. Я думаю, что главное — это мужчины и женщины, и просто ничего больше.

— Мужчины и женщины или человечество?

— Нет, не человечество, — неожиданно резко сказал он. — Пусть человечество катится к дьяволу — оно не сделало для меня ничего хорошего. Я могу приспособиться к новому образу жизни, не обязательно к гедонизму. Я — специалист во многих областях и смогу найти работу в куполе Монтана.

— Как хочешь. Я никогда не пробовала. Наверное, я фаталистка. А... что будет с нами, Брайан?

В призрачном свете ее глаза сверкали словно изумруды.

— Я вернусь, — ответил Скотт. — И останусь здесь навсегда.

— Вернешься? — переспросила Илен. — А почему бы тебе не остаться прямо сейчас?

— Наверное, потому что я полный идиот. Я нужен цинку Рису.

— Рису или Отряду.

Скотт хитро улыбнулся.

— Нет, не Отряду. Просто у меня есть дело, которое нужно сделать. Я много лет был рабом, делал вид, что для меня важен явный вздор, знал, что поклоняюсь соломенному снопу... Нет, я хочу жить как ты, такой жизнью, о которой прежде ничего не знал. Я вернусь, Илен. Это серьезнее, чем любовь. По отдельности мы лишь половинки, а вместе можем составить целое.

Она молча смотрела на Скотта. Он наклонился и поцеловал ее.

На рассвете он вернулся домой. Джина упаковала его вещи и теперь спала, разметав темные волосы по подушке. Скотт не стал будить ее. Он тихо побрился, принял душ и оделся. Город был похож на чашу, до краев заполненную неподвижностью и ожиданием.

Когда он вышел из ванной, застегивая форменку, стол был уже раздвинут, и перед ним стояли два стула. Вошла Джина в широком халате, поставила чашки и налила кофе.

— Доброе утро, солдат, — сказала она. — Найдешь время на завтрак?

— Угу. — Скотт, слегка поколебавшись, поцеловал ее.

До этой минуты разрыв с Джиной казался ему простым делом. Она не будет протестовать. В конце концов, это главное в свободном супружестве. И все же...

Она села в кресло и распечатала пачку сигарет.

— Устал?

— Нет. Я накачался витаминами и чувствую себя вполне хорошо. — В большинстве баров имелись освежающие кабинеты, где можно было снять эффект слишком большого количества возбуждающих веществ, и Скотт чувствовал себя по-настоящему хорошо. Он задумался, как сказать Джине об Илен, но она избавила его от этих забот.

— Если это девушка, Брайан, то не беспокойся. Нет смысла принимать решение, пока не кончилась война. Она долго продлится?

— Нет. Думаю, неделю или около того. Ты же знаешь — одно сражение может все решить. Эта девушка...

— Надеюсь, не из Купола?

— Из Купола.

Джина удивленно вытаращилась на него.

— Ты спятил...

— Я как раз хотел объяснить, — неторопливо ответил Скотт, — дело не только в ней. Мне осточертел Отряд Дуне, и я хочу покончить с этим.

— Таким вот образом?!

— Да, таким вот образом.

Джина покачала головой.

— Женщины Куполов слабы.

— Так и должно быть, ведь их мужчины не солдаты.

— Делай, как знаешь. Я буду ждать твоего возвращения. Понимаешь, Брайан, мы были вместе пять лет и хорошо приспособились друг к другу. И дело не в философии или психологии. Тут все гораздо сложнее. Мы — это мы. Как мужчина и женщина, мы можем неплохо жить и дальше. А есть ведь еще и любовь. Эти чувства важнее того, что маячит где-то в перспективе. Тебя могут волновать будущие радости, но ты не можешь их переживать.

Скотт пожал плечами.

— Скажем так: я начал забывать о планах на будущее и сосредоточился на Брайане Скотте.

— Еще кофе?... Я пять лет езжу за тобой от Купола к Куполу, и каждый раз, когда ты идешь на войну, жду и гадаю, вернешься ли ты. Я просто частица твоей жизни. Иногда мне казалось, что самая важная. Солдата в тебе семьдесят пять процентов, я — остальные двадцать пять. Я считала, что тебе нужны эти двадцать пять процентов, по-настоящему нужны. Ты можешь найти себе другую женщину, но и она потребует для себя эти двадцать пять процентов.

Скотт ничего не ответил. Джина выдохнула дым.

— О'кей, Брайан. Я подожду.

— Дело здесь не в той девушке. Случайно она подходит к модели, которая мне нужна. А ты...

— Я никогда не могла приспособиться к такой модели, — мягко ответила Джина. — Свободным Солдатам нужны женщины, готовые стать их женами. Если угодно, незаконными женами. Главное здесь — не требовать слишком много. Правда, есть и другие причины. Нет, Брайан, даже ради тебя я не смогу превратиться в жительницу Купола. Это была бы уже не я. Я перестала бы себя уважать, если бы вела фальшивую, в моем представлении, жизнь. Да и ты перестал бы любить меня. Уж лучше оставаться собой, женой солдата. Пока ты будешь служить в Отряде Дуне, я буду тебе нужна. Но если ты

изменишься...

Скотт нахмурился и закурил.

— Трудно сказать наперед.

— Может, я тебя не понимаю, но зато не задаю вопросов и не пытаюсь на тебя влиять. Пока ты нуждаешься во мне — я с тобой. Большого я предложить не могу, но для Свободного Солдата и этого хватит. А для жителя Купола этого либо слишком мало, либо слишком много.

— Мне будет тебя не хватать, — сказал он.

— Это мне тебя будет не хватать. — Хотя под столом она крепко сжимала пальцы, лицо ее не изменило выражения. — Уже поздно. Давай-ка я проверю твой хронометр, — Джина перегнулась через стол, подняла руку Скотта и сравнила время на его часах с часами на стене. — О'кей. В дорогу, солдат.

Скотт встал, поправив ремень. Потом наклонился, собираясь поцеловать Джину. Она сначала отвернулась, но потом все же потянулась к нему.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Скотт одернул форменку и быстро вышел. Девушка сидела неподвижно, в пальцах ее дымилась забытая сигарета. Брайан бросил ее ради другой женщины и иной жизни, но это сейчас казалось неважным. Как всегда, так и теперь, важным было то, что жизнь его снова в опасности.

«Избавь его ото всех бед...»

И для нее наступила тишина и ожидание. По крайней мере, это осталось прежним. Она взглянула на часы.

Минуты уже начали растягиваться

3

Когда Скотт явился в штаб, лейтенант Биннет следил за посадкой на корабль последних людей Отряда Дуне. Он бодро козырнул капитану — похоже, ночная работа ничуть его не утомила.

— Все в порядке, капитан.

— Хорошо, — Скотт кивнул. — Цинк Рис здесь?

— Только что приехал — Бинне указал на портьера, а когда Скотт двинулся к ней, пошел следом.

— Что такое, лейтенант?

Бинне понизил голос:

— Бронсон подхватил лихорадку — Он забыл добавить «капитан». — Он должен был командовать левым флангом флота. Я хотел бы получить это место.

— Посмотрю, что можно сделать.

Бинне поджал губы, но ничего не сказал. Он вернулся к своим людям, а Скотт вошел в кабинет цинка. Рис говорил по видеофону.

— Добрый день, капитан, — сказал он шурясь. — Я разговаривал с Мендесом.

— Ну, и?..

— Он по-прежнему настаивает на пятидесяти процентах выкупа. Придется тебе встретиться с ним. Постарайся сбить цену. И свяжись со мной из крепости Мендеса.

— Ясно, цинк.

— И еще одно: Бронсон в лазарете.

— Я слышал. По-моему, лейтенант Бинне вполне может принять командование левым флангом...

Рис отмахнулся.

— Подождем. Мы не должны поощрять индивидуализм. В прошлую войну лейтенант попытался воевать сам по себе, а мы не можем рисковать. Думай об Отряде Дуне, а не о лейтенанте.

— Он отличный парень и хороший стратег.

— Но не очень силен во взаимодействии. Может, в следующий раз. Пусть левый фланг примет лейтенант Гир, а Бинне ты держи при себе. Ему нужно учиться дисциплине. И возьми водолет до Мендеса.

— Почему не планер?

— Один из наших техников только что закончил настройку экранирующих лучей для связи, и я хочу поскорее установить приборы на всех наших планерах. Бери водолет, до Крепости Мендеса не так уж далеко. Это тот длинный полуостров на юге Ада.

Этот континент даже на картах носил название Ад. Жара была лишь одной из причин. Даже хорошо снаряженные группы, исследующие джунгли, быстро возвращались или погибали. На суше Венеры флора и фауна объединились, не позволяя землянам заселить континент. Многие растения выделяли отравляющие газы. Держались только сильно защищенные прибрежные Крепости — именно потому, что были Крепостями.

Цинк Рис нахмурился, глядя на Скотта.

— Если поладим с Бандой Мендеса, применим план «Аш-семь», в противном случае придется воспользоваться услугами какого-нибудь другого отряда. Но лучше бы договориться с Мендесом. У Морских Дьяволов слишком много подводных кораблей, а у нас мало детекторов. Постарайся их уломать.

— Ясно, цинк.

Рис махнул рукой, отпуская капитана, и тот отправился в соседнее помещение, где наткнулся на Бинне. Тот вопросительно посмотрел на него.

— Мне очень жаль, — сказал Скотт, — но на этот раз командовать левым флангом будет Гир.

Лицо Бинне налилось кровью.

— Жаль, что не врезал тебе в морду перед мобилизацией, — сказал он. — Топишь соперников, да?

Ноздри Скотта раздулись.

— Если бы это зависело только от меня, ты получил бы левый фланг.

— Ну, ясно. Все нормально, капитан. Где моя койка? Где мой водолет?

— Ты будешь вместе со мной на правом фланге, на командирском корабле «Мушкет».

— С тобой? Может, лучше сказать — под тобой? — быстро бросил Бинне. Глаза его горели — Да-а-а...

Лицо Скотта тоже побагровело.

— Это приказ, лейтенант! — рявкнул он — Пришлите ко мне пилота водолета. Я иду на поверхность.

Бинне молча повернулся к видеофонам. Скотт вышел из штаба, едва сдерживая ярость. Бинне — кретин, плевал он на Отряд Дуне...

Тут он смущенно улыбнулся про себя: ведь его самого мало волновал Отряд. Для индивидуалистов здесь не место. У них с Бинне была одна сходная черта — ни тот, ни другой не пылал преданностью к Отряду.

На лифте он поднялся к вершине купола. Внизу съежился до размеров кукольного домика город Монтана. Где-то там, внизу, осталась Илен. Он вернется к ней. Может, эта война не затянется — редко случалось, чтобы войны длились больше недели, разве что отряд пробовал новую технику.

Воздушный шлюз он прошел в чем-то вроде пузыря — крепком, блестящем шаре с канатом-кабелем наверху. В шаре не было никого, кроме Скотта. С легким скрипом пузырь двигался вверх. Вода снаружи была сначала черной, потом зеленой, а у самой поверхности — светло-серой. Мелькали морские животные, но Скотт их почти не замечал.

Наконец пузырь всплыл на поверхность. Поскольку атмосферное давление в Куполах поддерживалось на уровне атмосферного, надобности в декомпрессии не было. Скотт сразу открыл люк и вышел на одну из плавучих платформ, рассеянных по воде над Куполом Монтана. Несколько туристов забрались в камеру, которую он только что покинул, шар вновь погрузился и вскоре исчез из виду.

Вдали Отряд Свободных Солдат перегружался с большой платформы на воздушный транспортник. Скотт внимательно посмотрел вверх, оценивая погоду. Шторма быть не должно, хотя облачный покров как обычно кипел вихрями. Скотту вдруг вспомнилось, что битва, вероятно, произойдет над Венерианской Впадиной. Это может помешать планерам: над морем Мелей часто бывают тепловые смерчи.

Приземистый, быстрый и удивительно маневренный водолет выскочил из-за мола. Пилот откинул бластер и козырнул. Это был Норман Кэн, в опрятной, подогнанной форме. Видно было, что он готов радоваться по любому поводу.

Скотт ловко перескочил на кораблик и сел рядом с пилотом. Кэн

закрыл бластер и выжидательно посмотрел на офицера.

— Какие приказы, капитан?

— Знаешь, где Крепость Банды Мендеса? Двигай туда. И побыстрее.

Кэн стартовал с платформы, и за кормой поднялся шлейф воды, похожий на букву V. Эти кораблики с небольшой осадкой, маневренные и чрезвычайно быстроходные, были незаменимы в морских сражениях. Двигались они очень быстро и попасть в них было весьма сложно. Никакой брони не было: она снижала бы скорость, а вооружение составляли легкие пушки со снарядами большой разрывной силы. Экипаж состоял из двух человек. Водолеты хорошо дополняли тяжелую артиллерию боевых транспортов и эсминцев.

Скотт угостил Кэна сигаретой. Парень замаялся.

— Мы не под обстрелом, — засмеялся капитан. — Это во время боя дисциплина обязательна, а сейчас ты вполне можешь покурить со мной. Бери — Он прикурил для Кэна.

— Спасибо, капитан. Кажется, я слишком... усерден.

— Что же, у войны свои законы. Их немного, но нарушать их нельзя.

Оба мужчины помолчали, глядя на серую пустую поверхность океана. Над самой водой пролетел транспортный самолет.

— Илен Кэн твоя родная сестра? — спросил через несколько минут Скотт.

Кэн кивнул.

— Да, капитан.

— Я так и думал. Будь она мужчиной, она, пожалуй, вступила бы в Свободный Отряд.

Парень пожал плечами.

— Ну, не знаю. У нее нет... как бы это сказать... Она бы решила, что это требует слишком больших усилий. Кроме того, она не выносит дисциплины.

— А ты?

— Для меня важна борьба, капитан. — Подумав, он добавил: — Точнее победа.

— Можно проиграть, даже, если ты победил, — хмуро ответил Скотт.

— И все же я предпочитаю быть Свободным Солдатом. Конечно, нельзя сказать, что у меня большой опыт...

— Военную практику ты проходил в банде Старлинга, так что, возможно, кое-чего там набрался. Война — это не пиратская романтика. Если бы солдаты Дуне воевали таким образом, их бы через неделю перебили...

Кэн заколебался.

— Но... может, это до некоторой степени нужно? Я имею в виду веру в удачу...

— Слепая удача хороша в картах, — прервал его Скотт. — Но на войне для хорошего солдата нет везенья, а есть дисциплина и приказ. Помнится еще кадетом я вырвался на своем крейсере из строя, чтобы атаковать тараном, и за это меня совершенно справедливо разжаловали. Неприятельский корабль, который я таранил, был для противника так же важен, как крейсер для нас. Оставаясь в строю, я мог бы потопить три или четыре корабля, вместо того, чтобы повредить один и самому выйти из боя. Превыше всего мы ценим искусство взаимодействия, Кэн. Сейчас оно гораздо важнее, чем было когда-то на Земле, поскольку армия в высокой степени интегрирована. Наземные войска, военный флот, воздух и прибрежные операции — все это сейчас одно целое. Пожалуй, единственное существенное изменение произошло в воздухе.

— Вы о планерах? Я знаю, что самолеты не могут использоваться в сражениях.

— Только не в атмосфере Венеры, — согласился Скотт. — Когда самолеты попадают в слой облаков, им приходится бороться с перекрестными воздушными течениями и воздушными ямами, так что для боя времени не остается. А планеры хороши не столько для бомбардировки, сколько для разведки. Они влетают в тучу, прячутся там и передают изображение с инфракрасных телекамер на командирские корабли. Они — глаза флота. Могут сказать нам... Впереди кипятик, Кэн! Сворачивай!

Пилот уже заметил зловещий водоворот перед носом и почти инстинктивно повернул. Кораблик закачался на волне, оба они едва не вылетели со своих мест.

— Морское чудовище? — Скотт сам задал вопрос и сам же на него ответил: — Нет, конечно. Это от вулкана. Расширяется молниеносно.

— Я могу обогнуть его, капитан, — предложил Кэн.

Скотт покачал головой.

— Это слишком опасно. Поворачивай.

Парень послушно вывел водолет из опасной зоны. Скотт был прав, говоря о масштабе катаклизма: кипящий водоворот распространялся так быстро, что маленький корабль с трудом уходил от него. Наконец волна пенящейся воды настигла их и подкинула водолет, как щепку, едва не вырвав штурвал из рук Кэна. Скотт помог ему, но даже вдвоем они едва удерживали руль. Перед прозрачной кабиной вздымалась плотная вуаль пара, а вода под слоем пены превратилась в коричневую взвесь.

Кэн резко дернул рычаг, форсируя мощность, и водолет рванулся вперед, танцуя на поверхности кипящих волн, словно рикошетирующая пуля. Один раз они врезались в волну носом — стон сминаемого металла прокатился по кораблю. Кэн, стиснув зубы, тут же включил запасной двигатель и выключил разбитый... А потом корабль вдруг оказался на спокойной воде, чуть отойдя к Куполу

Монтана.

Скотт улыбнулся.

— Хорошая работа. Хорошо, что мы не попробовали его обогнать. Ничего бы не вышло.

— Да, капитан, — глубоко вздохнул Кэн. Глаза его возбужденно сверкали.

— А теперь возьми левее. На вот... — Он сунул в рот парню зажженную сигарету — Ты будешь хорошим солдатом Отряда Дуне, Кэн: реагируешь точно и быстро.

— Спасибо, капитан.

Какое-то время Скотт молча курил. Он смотрел на север, но из-за плохой видимости не мог различить вулканические конусы, образующие горный хребет Южного Ада. Венера была сравнительно молодой планетой, здесь то и дело неожиданно возникали новые кратеры. Поэтому Крепости никогда не строили на островах — они имели неприятную особенность внезапно исчезать.

Водолет тяжело потряхивало на скорости, несмотря на систему рессор и амортизаторов. После поездки на такой вот «бригантине», как в шутку называли их солдаты, человеку требовался основательный массаж. Скотт потянулся на мягком кресле, которое он, правда, ощущал каменно-твердым, мурлыча под нос бодрую мелодию.

Водолет мчался, окруженный серым морем и тучами, и наконец впереди вырос широкий вал побережья, он просто вынырнул внезапно из-за закрытого дымкой горизонта. Они прибыли почти вовремя, подводный вулкан лишь ненадолго задержал их.

Крепость Банды Мендеса была крепким сооружением из металла и камня. Узкая полоса земли со стороны леса была очищена и испятнана воронками в тех местах, где орудия отражали яростный напор рептилий — плодовитых гигантов Венеры, по-своему разумных, но совершенно чуждых людям: непреодолимая пропасть отделяла их мышление от человеческого. Поначалу люди пытались установить с ними контакт, но потом решили оставить рептилий в покое, поскольку никакой склонности к переговорам они не проявляли. Невозможно было договориться с этими фанатичными и жестокими дикарями. Они прятались в джунглях, появляясь лишь затем, чтобы яростно ударить по Крепости — впрочем, без результата, поскольку клыкам и когтям противостояли разрывные пули и мощные снаряды.

Пока водолет мчался к молу, Скотт смотрел прямо перед собой. Излишний интерес при посещении чужого Отряда считался среди Свободных Солдат признаком дурного тона. На пристани топтались несколько солдат, они явно ждали его. Когда Скотт выскочил из кокпита, они козырнули ему.

Он сообщил свое имя и звание, и вперед вышел какой-то капрал.

— Цинк Мендес ждет вас, капитан. Около часа назад пришло

сообщение от цинка Риса. Прошу вас сюда...

— Хорошо, капрал. Мой пилот...

— Мы позаботимся о нем, капитан. Обеспечим массаж и выпивку после плавания на этой бригантине.

Скотт кивнул и пошел за капралом к бастиону, торчащему из нависающей стены Крепости. Ворота со стороны моря были открыты. Они быстро миновали двор, прошли через люк, поднялись в лифте и оказались перед портьерой, на которой было изображено лицо цинка Мендеса — круглая голова, чем-то похожая на вепря, но голая, как снаряд.

Войдя, он увидел во главе стола самого Мендеса, рядом сидели еще несколько офицеров. Лицо живого Мендеса было более привлекательно, чем портрет на портьере, и напоминало скорее медведя, чем вепря — бойца, а не обжору. Его маленькие черные глаза буквально буравили Скотта.

Мендес встал и все офицеры последовали его примеру.

— Садитесь, капитан. В конце стола есть место. Правда, оно не соответствует вашему рангу, но я предпочитаю смотреть в глаза человеку, с которым договариваюсь. Впрочем, вы только что прибыли... Если хотите сначала принять массаж, я могу подождать.

Скотт занял предложенное место.

— Спасибо, цинк Мендес, не нужно. Предпочитаю не терять времени.

— Тогда обойдемся без церемоний. Надеюсь, выпить вы не откажетесь. — Он кивнул ординарцу у дверей, и вскоре перед Скоттом оказался полный стакан.

Он быстро оглядел все лица. «Хорошие солдаты, — подумал он, — твердые, отлично обученные и опытные. Обстрелянные. Банда Мендеса — группа небольшая, но сильная».

Цинк Мендес глотнул из своего стакана.

— Итак, к делу. Отряд Дуне приглашает нас помочь в борьбе против Морских Дьяволов. Услуги Дьяволов купил Купол Вирджиния, чтобы атаковать Купол Монтана. — Говоря, он загибал толстые пальцы. — Вы предлагаете нам пятьдесят тысяч наличными и тридцать пять процентов выкупа в случае победы. Так?

— Совершенно верно.

— Мы хотим пятьдесят процентов.

— Это слишком много. У Дуне больше людей и оборудования.

— По сравнению с нами, но не с Морскими Дьяволами. К тому же этот процент еще вилами на воде писан. В случае поражения мы получим только наличные.

Скотт кивнул.

— Это верно, но единственной реальной угрозой со стороны Морских Дьяволов являются их подводные корабли. У Дуне много снаряжения для борьбы на воде и в воздухе. Мы можем справиться

с Морскими Дьяволами и без вас.

— Не думаю, — Мендес покачал головой. — У них завелись какие-то новые торпеды.

— Вы преуменьшаете наши возможности, цинк Мендес, — прямо сказал Скотт. — Мы не так уж слабы. Если вы откажетесь, мы поищем другой Отряд.

— С подводными детекторами?

— В подводных сражениях неплох Отряд Ярдли.

— Верно, капитан — вставил майор, сидевший рядом с Мендесом — У них есть подводные корабли, правда, не особо надежные, но есть.

Цинк Мендес потер лысую голову медленными движениями.

— Что ж, капитан, как хотите — сказал он — Но отряд Ярдли не сравнится нами в этой работе.

— Ну ладно, — сказал Скотт. — Полномочия у меня есть, и я могу решать сам. Мы не знаем, сколько кориума в заглавнике Купола Вирджиния. Как вам такое предложение: ваш Отряд получит пятьдесят процентов добычи, если выкуп окажется меньше двухсот пятидесяти тысяч, и тридцать пять с того, что превысит эту сумму.

— Сорок пять.

— Сорок с превышения и сорок пять с меньшей суммы.

— Что скажете, господа? — спросил цинк Мендес, глядя вдоль стола.

В ответ раздалось многочисленное «да» и редкие «нет». Мендес пожал плечами.

— Значит, решающее слово за мной. Итак, мы получаем сорок пять процентов выкупа от суммы до двухсот пятидесяти тысяч и сорок с суммы свыше ее. По рукам. Выпьем!

Ординарцы подали напитки. Мендес встал, офицеры последовали его примеру.

— Может, скажете тост, капитан?

— С удовольствием. Предлагаю тост Нельсона: «За противника, желающего драться, и за место на море».

Они выпили — так делали все Свободные Солдаты накануне битвы. Когда все сели, снова заговорил цинк Мендес:

— Майор Тэтсон, свяжитесь с цинком Рисом и обговорите детали. Мы должны знать его платы.

— Слушаюсь!

Мендес взглянул на Скотта.

— Что еще мы можем для вас сделать?

— Больше ничего. Я возвращаюсь в свою Крепость. Детали можно обсудить по тайному каналу видеофона.

— Если вы возвращаетесь водолетом, — с иронией заметил Мендес, — от души советую принять массаж. Теперь, когда мы договорились, время у вас есть.

Скотт заколебался.

— Хорошо. У меня и вправду начинается... ох... побаливать, — Он встал. — Да, чуть не забыл. До нас дошли слухи, что банда Старлинга использует атомное оружие.

Мендес поморщился.

— Я ничего такого не слышал. А вы, господа?

Офицеры отрицательно покачали головами, и лишь один офицер сказал:

— Я слышал какие-то сплетни, но только сплетни.

— После этой войны проведем следствие. Если это окажется правдой, мы, разумеется, примкнем к вам, чтобы уничтожить Отряд Старлинга. В этом деле нам не понадобится военный трибунал?

— Спасибо. Я свяжусь с другими отрядами, узнаю, слышали они что-нибудь или нет. А теперь, если позволите...

Скотт козырнул и вышел, вполне довольный переговорами. Сделка была выгодной: Отряд Дуне остро нуждался в помощи Банды против Морских Дьяволов. Цинк Рис будет доволен.

Ординарец проводил его в баню, на массаж. Потом он вышел на берег и забрался в водолет. Взгляд назад убедил его, что военная машина Банды уже заработала. Он мог заметить немного, но деловая суета, только на первый взгляд кажущаяся хаотичной, уже началась: захлопали двери складов, административных помещений, лабораторий. Корабли пока стояли на якорях у берега, но скоро должны были выйти навстречу Отряду Дуне.

— Нам починили вспомогательный движок, капитан, — сказал Кэн, поднимая голову от приборной панели водолета.

— Очень любезно со стороны союзников, — Скотт поднял руку и помахал людям на берегу, корабль тем временем выбирался на открытую воду — Теперь — в Крепость Дуне. Знаешь, где это?

— Конечно, капитан. А... можно вас спросить? Банда Мендеса будет сражаться вместе с нами?

— Да. Это превосходные солдаты. Ты увидишь настоящее сражение, Кэн. Когда услышишь звуки боя, это будет означать начало одной из крупнейших битв в истории Венеры. А теперь прибавь газу, нам нужно спешить.

Водолет стрелой полетел на юго-запад, оставляя за кормой два косых водопада.

«Это моя последняя битва, — подумал Скотт, — и я рад, что она будет такой жестокой».

4

Примерно в восьми милях от Крепости Дуне двигатель все же отказал.

Это была уже не авария, а катастрофа. Перегруженный и перегре-

вший двигатель, работавший на максимальных оборотах, взорвался. После аварии у подводного вулкана в мегалле образовались трещины, но механики Банды, проводившие блиц-ремонт, не смогли их обнаружить. К счастью, в момент взрыва водолет приподнялся на волне. Двигатель подскочил вверх, потом рухнул вниз, разнося нос кораблика в щепки. Если бы нос был погружен, взрыв прикончил бы и Скотта, и пилота.

Они были в полумиле от берега. Взрыв оглушил Скотта. Водолет перевернулся вверх дном, блистер с громким треском ударился о воду, но пластик выдержал. Оба мужчины скорчились на том, что когда-то служило потолком, постепенно соскальзывая вперед, по мере того, как нос водолета погружался в воду.

Кэн сумел нажать одну из аварийных кнопок. Механизм, разумеется, разбился, но два сегмента все же отошли в стороны, впустив горькую морскую воду. Некоторое время их швыряло потоком воды из стороны в сторону, но вскоре она вытеснила весь воздух. Скотт заметил, что Кэн протиснулся в щель, и последовал за ним.

Темное тело водолета погружалось все глубже, пока совсем не исчезло из вида. Скотт вынырнул на поверхность, перевел дыхание и поморгал, чтобы отряхнуть с ресниц капли воды. Потом осмотрелся. Где же Кэн?

Парень выплыл без шлема, мокрые волосы прилипли ко лбу. Скотт встретился с ним взглядом и нажал плунжер спасательного пневможилета, который на море всегда носили под форменкой. Когда химикалии смешались, легкий газ наполнил жилет, одновременно поднимая голову Скотта выше воды. Сзади надулся воротник-подушка, позволявший потерпевшим крушение отдыхать на воде, не опасаясь утонуть во время сна. Впрочем, сейчас он спать не собирался.

Отметив, что Кэн тоже нажал плунжер своего жилета, капитан повертел головой, высматривая какие-либо признаки жизни. Ничего.

Серо-зеленое море было пусто до самого горизонта. В полумиле от них виднелась стена спутанной зелени — джунгли. Чуть повыше тусклое красное зарево освещало облака.

Скотт вытащил мачете с лезвием в форме листа, жестом приказав Кэну сделать то же. Парень вовсе не выглядел испуганным. «Конечно — кисло подумал Скотт, — для него это лишь увлекательное приключение. Что ж, посмотрим».

Зажав мачете в зубах, капитан поплыл к берегу. Кэн держался рядом. Проплыв немного, Скотт жестом приказал своему спутнику не двигаться, а сам погрузил лицо в воду, стараясь разглядеть большую расплывчатую тень, которая быстро свернула в сторону и исчезла. Это был морской змей, к счастью, неголодный. Океаны Венеры были опасны и кишели кровожадными тварями, а индивидуальные защитные средства против них плохо помогали. Оказавшись в воде, следовало поскорее из нее убираться.

Скотт нашупал небольшую стеклянную трубочку, закрепленную на поясе, и почувствовал, как его ладонь обтекают пузырьки. На душе полегчало. При заполнении жилета из этого контейнера автоматически начинал выделяться вонючий газ, насыщая воду вокруг. Предполагалось, что грозные морские чудовища будут держаться подальше от трубки Меллисона, однако он мало стоил против таких трупоедов, как морские змеи. Скотт усмехнулся. Устройство это называлось трубка Меллисона, но солдаты прозвали его «вонючкой», что было гораздо точнее.

На Венере не удавалось предсказать приливы и отливы. Закутанная в тучи планета не имела спутника, зато находилась ближе к Солнцу, чем Земля. Как правило, приливы были слабыми, и только во время подводных извержений волны заливали побережье. Настоятельно поглядывая по сторонам, Скотт плыл к пляжу, высматривая в полосе мрачной зелени следы жизни.

Ничего.

Наконец он выбрался на берег, встряхнулся по-собачьи и тут же поменял рожок в своем автомате, вставил магазин с разными пулями. Оружие, разумеется, было водонепроницаемым — на Венере иначе просто нельзя. Когда Кэн сел рядом, откашлялся и выпустил газ из жилета, Скотт поднялся, глядя на зеленую стену в тридцати футах от воды. Джунгли остановились там, потому что на черном песке ничто не могло вырасти.

Единственным звуком был шум набегающих и откатывающихся волн. Большинство деревьев напоминали лианы, живущие за счет других деревьев. Едва какое-то дерево начинало проявлять признаки слабости, его тут же атаковали паразитирующие побеги, устремляясь вверх, чтобы ухватить профильтрованный солнечный свет. Листья появлялись только в тридцати футах над землей, образуя сплошную крышу и отрезая доступ солнечным лучам. Бельесые жгути змеями переползали от одного дерева к другому. Фауна Венеры делилась на два сорта: гиганты, проциравшиеся сквозь лес, давя его, и карлики, небольшие создания, ползающие по земле, в основном, насекомые и рептилии, которые выживали лишь потому, что были ядовитыми. Но ни тех, ни других нельзя было назвать приятным обществом.

Встречались еще летающие твари, но они жили в верхних уровнях леса. Кроме того, существовали загадочные монстры, живущие глубоко в иле и в стоячей воде озерков под покровом леса, но о них знали совсем мало.

— Да, — сказал Скотт. — Все это с нетерпением ждет нас.

Кэн понял, о чем он, и кивнул.

— Наверное, я должен был проверить двигатели.

— Ты бы ни черта не нашел. Это скрытые трещины. Чтобы их увидеть, нужна темная ночь и люминофор. Теперь держит под рукой газовую маску. Если окажемся рядом с ядовитыми цветами и ветер

будет в нашу сторону, искать ее будет некогда. — Скотт открыл герметичную сумку, вынул лакмусовую полоску и прилепил ее на запястье. — Если начнет синеть, это будет означать газ, даже если мы его не почувствуем.

— Понял, капитан. Что теперь?

— Ну, водолета у нас больше нет, так что вызвать помощь мы не можем. — Скотт потрогал острие мачете и сунул его в ножны на поясе. — Пойдем до Крепости пешком. Миль восемь. Два часа, если будем держаться берега и не вляпаемся в неприятности. А если перед нами Сигнальная Скала, ее придется обходить по суше. — Он вытащил складную подзорную трубу и посмотрел вдоль берега на юго-запад — Ага. Она самая. Обходим.

Скотт знал, что сверху джунгли выглядят на удивление красиво. Они всегда напоминали ему старинный плед, который он однажды купил Джине — фантастическая радуга цветов на фоне бледной зелени. Даже между растениями существовала жесткая конкуренция: они соперничали великолепием цветов и запахов, наперебой завлекая крылатых переносчиков пыли.

«Пограничные области будут всегда, — подумал Скотт, — но здесь, на Венере, до них еще долго не дойдут руки. Подводным жителям хватает Куполов, которые сами себя обеспечивают, а Свободные Солдаты не стремятся к завоеванию континентов. Они воины, а не крестьяне. Голод давно не грозит человечеству. Может, он снова появится, но лишь когда кончится господство Куполов».

В джунглях Венеры скрывались тайны, которых ему никогда не дано узнать. Люди могут завоевывать земли с воздуха, но удержать их таким способом невозможно. Это будет долгий процесс, джунгли и животные будут оттесняться шаг за шагом. Однако, все это в будущем. Скотта тогда уже не будет. Дикий мир покорится, но это будет еще не скоро...

А сейчас лес был дик и очень грозен. Скотт стащил куртку и отжал из нее воду. Во влажном климате Венеры не было надежды, что одежда высохнет сама, несмотря на сильный ветер. Брюки липли к телу, в складках гнездилися влажный холод.

— Готов, Кэн?

— Да, капитан.

— Тогда пошли.

Они двинулись вдоль берега легким ровным шагом. Торопливость и осторожность на Венере необходимы в разумных пропорциях. Время от времени Скотт осматривал море в надежде, что их заметят с какого-нибудь корабля, но ничего не было: корабли стояли в порту и готовились к битве, а планеры посадили, чтобы смонтировать на них новые приборы.

Вдали показалась Сигнальная Скала — вздымающаяся в небо стена и изъеденными ветрами непреступными склонами. Здесь кончалась черная полоса песка. Скала вертикально уходила в глубокую воду с

многочисленными водоворотами. Обогнуть ее по воде было невозможно, и оставалось только сворачивать вглубь суши. Это была опасная, но единственная дорога. Скотт тянул с поворотом, пока смолисто-черный с пятнами серебра край Сигнальной скалы не вырос прямо перед ними. Насмешливо взглянув на Кэна, капитан резко повернул направо.

— Полмили через джунгли равняются сотне миль бега по пляжу, — заметил он.

— Так плохо, капитан? Я никогда не заходил туда глубоко.

— Никого туда палками не загонишь, если не вынуждает обстановка. Смотри внимательно и держи оружие наготове. Не переходи воду вброд, даже если видишь дно. Там есть такие маленькие, почти прозрачные твари — рыбы-вампиры. Если они присосутся к тебе, через несколько секунд потребуются переливание крови. Хотел бы я, чтобы вулканы были активны — тогда эти бестии, в основном, лежат на дне.

Скотт остановился под деревом, подыскивая длинную прямую палку. Потребовалось некоторое время, но в конце концов ему повезло, и он вырубил пятифунтовый посох. Затем он вошел в густой мрак.

— Кто-нибудь может двинуться по нашим следам, — предостерег он парня. — Не забывай оглядываться.

Песок сменился беловатой липкой грязью, и уже через несколько шагов она облепила обоих мужчин до самых ягодиц. Казалось, земля покрыта патиной распада. Трава так походила цветом на грязь, что была почти невидима, хотя из-за нее почва становилась еще более скользкой. Скотт медленно двигался вперед, держась поближе к скале, поскольку там заросли были не такие плотные. И все же ему то и дело приходилось браться за мачете.

Вдруг он остановился, подняв оружие вверх. Хлюпающие шаги Кэна стихли. Скотт молча указал на что-то. В скале перед ними виднелся зев пещеры.

Капитан наклонился, подобрал маленький камень и бросил в пещеру. Положив руку на оружие, он ждал, что оттуда кто-нибудь выскочит и бросится на них. В полной тишине послышался новый звук: барабанная дробь лесных эльфов — неровные гулкие удары. Это вода капала с листа на лист в напоенной влагой крыше джунглей над ними. Кап, кап, кап-кап, кап, кап-кап...

— О'кей, — тихо сказал Скотт. — Смотри внимательно. — Он пошел вперед с оружием наготове, и вскоре они оказались перед пещерой. — Поверни туда голову, Кэн, и не спускай глаз с пещеры, пока я не скажу. — Он сжал плечо парня и поставил его как надо, пряча оружие в кобуру. Посох, который Скотт держал под мышкой, скользнул в руку, и капитан принялся ощупывать скользкий верхний слой грязи под ногами. Часто попадались ямы и зыбучие пески, а также ловушки болотных волков, которые, разумеется, волками не были, и относились к какому-то неизвестному виду. На Венере фауна

имела больше подвидов и менее заметные различия между ними, чем на Земле.

— Теперь порядок.

— Что это было?

— Никогда не знаешь, какая пакость может вылезти из такой вот дыры, — объяснил Скотт. — Они выскакивают молниеносно, и большинство из них ядовито. Никогда не рискуй в таких местах... Стоп! Мне не нравится тропа перед нами.

Поляны в этом лесу были очень редки, и все же они вышли именно на поляну шириной футов в двадцать. Скотт осторожно вытянул посох вперед и попробовал почву. Слабая волна прошла по белой грязи, но еще раньше капитан вытащил пистолет и принялся всаживать одну пулю за другой в то место, где заметил движение.

— Стреляй, Кэн! — крикнул он. — Быстрее! Стреляй в эту тварь!

Кэн повиновался, хотя и не знал, во что стреляет. Вдруг окрашенная кровью грязь взметнулась, как гейзер. Скотт, продолжая стрелять, схватил парня за руку и оттащил назад.

Когда замерло эхо, далекие барабаны эльфов еще раз прозвучали в зеленом мраке.

— Мы его прикончили, — сказал Скотт.

— Прикончили... — машинально повторил Кэн. — Кого?

— Похоже, болотного волка. Единственный способ убить эту заразу — стрелять, пока она не выбралась из грязи. Они все очень проворны и дорого продают свою жизнь.

Он осторожно пошел вперед. Ничего уже не было видно. Грязь проваливалась, образуя углубление, и лунки от пуль уже затянулись. Повсюду виднелись брызги крови.

— Ни минуты покоя, — усмехнулся Скотт.

Его ироническая улыбка разрядила напряжение. Кэн откашлялся и, подражая капитану, поменял наполовину разряженный магазин на полный.

Узкий гребень Сигнальной Скалы уходил вглубь суши примерно на четверть мили, прежде чем становился доступен для восхождения. С горем пополам они добрались до этой точки и, помогая друг другу, поднялись наверх, все еще оставаясь под листовенным потолком. Черная поверхность скалы обжигала и колола ладони, припекала даже сквозь подошвы ботинок.

— Половина, капитан?

— Да, но не очень-то радуйся. Пока не дойдем до пляжа, лучше не будет. Скорее всего, добравшись до Крепости, нам придется сделать пару противомаларийных уколов — так, на всякий случай... Ого! Маску, Кэн, быстро! — Скотт поднял руку. Лакмусовая полоска на запястье посинела.

Отработанными движениями они натянули противогазы. Скотт

почувствовал на открытой коже руки легкое покалывание. Пока это было не страшно, но вскоре придется считаться с болью. Кивнув Кэну, он лег на камень, проверил палкой грязь внизу, и легко соскочил. Оказавшись в липкой белой массе, он поспешно обмазал себя ею с ног до головы. Кэн сделал то же самое. Грязь не могла свести на нет воздействие газа, выделяемого цветами, но могла хотя бы частично ослабить его действие на кожу.

Гротескная фигура Скотта двинулась в сторону побережья. Грязь забрызгала стекла маски, и он вытер их пучком белой травы. Он все время проверял дорогу палкой, но грязь все же обманула его. Палка вдруг провалилась, а когда Скотт инстинктивно откинулся всем телом назад, земля ушла у него из-под ног. Ему еще хватило времени с глупым облегчением подумать, что это лишь зыбучий песок, а не яма болотного волка, а потом липкая предательская слизь засосала его до колен. Он упал навзничь, протягивая конец посоха Кэну.

Парень обеими руками схватился за него и плашмя бросился на землю, зацепившись ногами за торчащий корень. Скотт, изогнув шею под неестественным и болезненным углом и пытаясь что-то разглядеть через заляпанные грязью очки, судорожно вцепился в свой конец палки. Оставалось надеяться, что она не выскользнет из рук.

Грязь затыгивала его все глубже, но тут усилия Кэна начали давать результаты. Парень старался тащить палку к себе, передвигая по ней ладони, но Скотт покачал головой: он был значительно сильнее Кэна, а тому потребуется вся его сила, чтобы просто удержать посох.

В тени позади Кэна что-то шевельнулось. Держась левой рукой за палку, правой Скотт выхватил оружие. Механизм был герметично закрыт, поэтому грязь его не забила, а ствол открывался только в одном направлении. Капитан выстрелил, услышал приглушенный шум и стал ждать, пока он не стихнет. Парень удивленно оглянулся и больше не шевелился.

А потом все было уже довольно легко — Скотт просто подтягивался по палке, распределяя свой вес по зыбучему песку. Вытащить ноги из смертельной хватки оказалось тяжело, и после этого пришлось минут пять отдыхать.

И все же он выбрался... это главное.

Кэн вопросительно кивнул на кусты, где лежало застреленное создание, но Скотт лишь покачал головой. Не стоило терять время, определяя вид твари. Он поправил маску и зашагал к пляжу, обходя зыбучий песок. Кэн молча последовал за ним.

Им повезло — без дальнейших осложнений они оказались на берегу, где рухнули на черный песок, чтобы отдышаться. Капитан посмотрел на индикатор, заметил, что газ улетучился, снял маску и глубоко вздохнул.

— Спасибо, Кэн, — сказал он. — Можешь теперь поплавать, если

хочешь смыть с себя грязь. Только держись ближе к берегу. Нет, не раздевайся, времени мало.

Грязь была тягучей, как резина, песок царапал, как пемза, но после двух минут купания Скотт почувствовал себя гораздо чище. Освежившись, они пошли дальше.

Часом позже их заметили с воздушного транспортника и по видеофону сообщили в Крепость, а оттуда выслали водолет. Больше всего Скотт обрадовался солидной порции уисквеплюса, которую предложил ему пилот.

Ну и собачья же жизнь!

Он протянул бутылку Кэну.

Вскоре перед ними показался бастион, защищающий вход в порт Дуне. Порт, большой, как залив, с трудом вмещал флот. Скотт одобрительно отметил характерную деловую суету. Водолет обогнул волнолом, и остановился у берега. Умолк тихий звук двигателя, раздвинулся блистер.

Скотт выскочил, подозвал ординарца.

— Слушаю, капитан! — вытянулся тот.

— Проследите, чтобы этот солдат получил все необходимое. Мы были в джунглях.

Солдат многозначительно сложил губы, словно собирался свистнуть, козырнул и помог Кэну выбраться из водолета. Спеша вдоль берега, Скотт услышал взрыв дружеской ругани солдат, окруживших Кэна.

Он улыбнулся — парень будет хорошим Свободным Солдатом. Можно держать пари, что он не даст слабину на линии огня. Это испытание было очень трудным: дисциплина, доходящая до предела прочности. Лопни что-нибудь и... Никуда не денешься, человеческий фактор всегда будет величиной неизвестной, что бы там ни говорили психологи.

Он направился прямо в свою комнату и включил видеофон, чтобы доложить цинку Рису. Изуродованное худое лицо цинка появилось на экране.

— Капитан Скотт прибыл.

Рис внимательно посмотрел на него.

— Что случилось?

— Авария водолета. Пришлось добираться пешком.

Цинк тихо помянул Господа.

— Рад, что ты уцелел. Ранен?

— Нет. Пилот тоже цел. Готов приступить к своим обязанностям, но сперва умоюсь.

— Лучше пройти биорегенерацию — думаю, это тебе не помешает. Все работает как часы. Ты отлично провернул сделку с Мендесом, лучше, чем я ожидал. Мы договорились с ним о месте соединения наших сил. Поговорим об этом позже. Умойся, а потом проводи

генеральную инспекцию.

— Слушаюсь, цинк.

Рис отключился, и Скотт повернулся к своему ординарцу.

— Привет, Бриггс. Помоги мне выбраться из этих лохмотьев. Боюсь, придется их с меня срезать.

— Я рад, что вы вернулись, капитан. Нет, срезать не придется...

— Пальцы Бриггса ловко пробежались по молниям и застегкам. — Были в джунглях?

Скотт криво усмехнулся.

— А что, я выгляжу так, как если бы летел водолетом?

— Не всю дорогу, капитан, не всю дорогу...

Бриггс напоминал старого бульдога. Это был один из людей, подтверждающих правоту старой песни: «Старые солдаты не умирают, а просто уходят в тень». Бриггс мог бы выйти в отставку десять лет назад, но не захотел. В Свободных Отрядах всегда найдется место старому солдату, пусть даже не имеющему гражданской профессии. Некоторые становились техниками, другие — строевыми инструкторами, остальные — ординарцами. Крепость была им домом: перебравшись в какой-нибудь Купол, они умерли бы от скуки.

Бриггс никогда не получал повышения, не знал стратегии, баллистики, ничего другого, кроме обычного боя. Но он был в Отряде Дуне сорок лет, из них двадцать пять на действительной службе. Он уже разменял седьмой десяток, крепкое тело спорбилось, как у старого медведя, а лицо, и без того не шибко красивое, покрывали шрамы.

— Нормально... А теперь приготовь душ, ладно?

Бриггс вышел, а Скотт стянул грязную одежду и последовал за ним. Он наслаждался колющими струями — сначала горячая вода с мылом, потом спиртовая смесь и, наконец — чистая вода, горячая и холодная. Это было последнее, что он сделал сам, все остальное взял на себя Бриггс. Когда капитан вытянулся на лежанке, ординарец смазал лекарством его покрасневшие глаза и принялся массировать тело — ловко и сильно, чередуя ручной массаж с регенерирующими биологическим облучением. Под конец он сделал Скотту укол, чтобы снять усталость. Когда Бриггс кончил, Скотт был готов приступить к своим обязанностям: разум его прояснился, тело отдохнуло.

Бриггс принес свежий мундир.

— Я вычищу старый, капитан. Нет смысла выбрасывать его.

— Ничего не выйдет, — заметил Скотт, натягивая майку. — После того, как я вывалился в грязи... Ладно, делай, как знаешь. Но, боюсь, он мне уже не понадобится.

Пальцы ординарца, застегивающие куртку Скотта, на мгновение застыли, потом забегали по ткани.

— Я не ослышался, капитан?

— Нет. Я подаю в отставку.

— Переходите в другой Отряд, капитан?

— Ну-ну, не забывайся, — усмехнулся Скотт. — Нет, дело в другом. А если бы и так, что ты сделаешь? Отдашь меня под трибунал в своем лице и на рассвете расстреляешь?

— Нет, капитан. Прошу прощения, но я решил, что вы спятили.

— Один Бог знает, почему я тебя терплю, — заметил Скотт. — Ты дьявольски упрям. В твоей тупой башке нет места новым мыслям. Ты — квинтэссенция догматизма.

Бриггс кивнул.

— Похоже на то, капитан. Когда человек живет по определенным правилам так долго, как я, и правила эти раз за разом подтверждаются, он поневоле становится догматиком.

— Ты служишь сорок лет, а я... двенадцать.

— Вы быстро идете в гору, капитан. Вы еще будете у нас цинком.

— Это ты так думаешь.

— Вы следующий на очереди после цинка Риса.

— Я покидаю отряд Дуне, — объяснил Скотт. — Но пока держи это при себе.

Ординарец кашлянул.

— Не понимаю, капитан. Если вы не переходите в другой Отряд, куда же вас несет?

— Ты когда-нибудь слышал о Куполах?

Бриггс позволил себе фыркнуть.

— Конечно. Они хороши, чтобы гульнуть, но...

— Я хочу поселиться в одном из них. В Куполе Монтана.

— Купола построили машины. А Крепость Дуне я строил своими руками. Здесь кровь смешана с пластиком. Нам пришлось сдерживать напор джунглей, пока техники ставили стены. Восемь месяцев, капитан, и не было ни одного дня без нападения. А нападения означали потерю людей, ведь у нас были только земляные защитные валы. Корабли вели заградительный огонь, но ведь и сквозь него можно пройти. Это была настоящая битва, капитан.

Скотт вытянул ноги, чтобы Бриггс мог начистить его башмаки.

— Да, чертовски хорошая битва. Я знаю. — Он взглянул сверху на лысину ординарца: на коричневой коже кустами росли седые волосы.

— Вы знаете, но вас здесь не было, капитан. А я был. Сначала мы динамитом расчистили полукруг за охранными валами и начали копать. За нами шли техники, они ставили пластиковые стены так быстро, как только могли. Оружие привозили на баржах, на берегу стояли машины с амунитией. Над нашими головами то и дело свистели снаряды, но это был приятный звук: мы знали — все о'кей, пока продолжается заградительный огонь. Но он не мог продолжаться день и ночь, и джунгли частенько прорывались. Здесь пахло кровью, и это привлекало врага.

— Но вы его отбивали.

— Ясно, отбивали. Цинком был тогда Эдисон Дуне. Он сколотил отряд за несколько лет до этого, но Крепости у нас тогда не было. Дуне и сам сражался вместе с нами. Однажды он спас мне жизнь. Так или иначе, мы построили эту Крепость, точнее, не мы, а техники. Никогда я не забуду, как из орудия на стене дали первый выстрел. Я тогда чуть слезу не пустил. После этого было еще много работы, но когда выстрелило орудие, мы поняли, что добились кое-чего.

Скотт кивнул.

— Думаю, в тебе живет чувство собственника на эту Крепость.

Бриггс удивленно уставился на него.

— На эту Крепость? Не в этом дело, капитан. Есть много Крепостей, но речь идет о чем-то большем. Не знаю точно, о чем. Сам вид нашего флота... набор рекрутов... старые добрые тосты в кантине... сознание, что... — Он замолчал, запутавшись в словах.

Скотт улыбнулся.

— Я вижу, ты и сам толком не знаешь, Бриггс.

— Чего не знаю, капитан?

— Почему остался здесь. И почему не можешь поверить, что я уйду.

Бриггс почти незаметно пожал плечами.

— Ну, причина в самом отряде Дуне, — сказал он. — Вот и все, капитан. И в крепости Дуне.

— Но какое, черт возьми, это будет иметь значение, когда Крепости исполнится несколько сотен лет?

— Надо думать, никакого, капитан. Но не нам судить об этом. Мы — люди Дуне, и это все.

Скотт не ответил. Он легко мог указать ошибки в рассуждениях Бриггса, но какой в этом смысл? Он встал, и ординарец снял невидимую пылинку с его куртки.

— Все в порядке, капитан.

— Хорошо, Бриггс. Меня ждет еще одна битва. Привезти тебе какой-нибудь сувенир?

Ординарец козырнул, скаля зубы в улыбке, и Скотт вышел. Чувствовал он себя прекрасно, высмеивая в глубине души фальшивые ценности, к которым пока должен был относиться серьезно. Разумеется, во время строительства Крепости погибло много людей, но могло ли одно это стать источником традиции? Какая польза от Крепости? Через пару веков она утратит свое значение, станет бесполезным реликтом. Цивилизация движется вперед и даже сейчас с трудом переносит армию. Так какая же польза от солдат? Для привязанности требуются серьезные основания. Свободные Отряды сражались яростно, стойко, с безумным мужеством... сражались ради собственной гибели. Извечные причины войн исчезли.

Так как же все-таки со смыслом? По всей Венере гасли огни

Крепостей. И они уже не зажгутся вновь... в ближайшие тысячу поколений!

5

Форт полностью самообеспечивался, скорее, в военном смысле, нежели в социальном. Не было нужды развивать сельское хозяйство, поскольку осад никогда не было. Продукты доставляли из Куполов по морю или по воздуху.

Однако военная продукция оставалась необходимой, поэтому в жизни форта важную роль играли техники — от физиков-экспериментаторов до сварщиков. Всегда была потребность в ремонте, поскольку в битвах бывали потери, да и оружие непрерывно совершенствовалось. Стратегия и моральная подготовка были не менее важны. Немногочисленный флот мог побить значительно более сильный при помощи прикладной психологии.

В доках Скотта встретил лейтенанта Бинне, тот наблюдал за спуском на воду новой подводной лодки. Злость у него еще явно не прошла — козыряя, он сохранял на лице мрачное выражение.

— Приветствую, лейтенант, — сказал Скотт. — Я провожу инспекцию. Вы свободны?

Бинне кивнул.

— Работы у меня немного.

— Что делать... рутина. Мы закончили эту подводную лодку, как раз вовремя, верно?

— Да. — Бинне не скрывал радости при виде тщательно отделанного корабля, скользящего вниз по слипам.

Скотт тоже почувствовал, что сердце его забило быстрее, когда лодка с плеском вошла в воду и через мгновение закачалась на волнах. Он взглянул туда, где на якоре стояли двенадцать серо-зеленых чудовищ из плакированного металла — линкоры. Каждый из них нес снаряжение для планеров, а сами планеры были сейчас тщательно укрыты. Между броненосцами стояли эсминцы, похожие на волков с ввалившимися боками. Кроме того, тут же были пришвартованы два легких авианосца, груженные планерами и водолетами, торпедоносцы и один приземистый монитор, непотопляемый и с мощным вооружением, но медлительный. Уничтожить его могла только серия прямых попаданий. Как и все мониторы, «Армагеддон» походил на горбатую жабу и был покрыт, за исключением орудийных портов, броней в форме перевернутой супницы, прочно закрепленной изнутри. «Армагеддон» делился на секции водонепроницаемыми отсеками и имел многочисленные вспомогательные двигатели; даже если монитор погибал, от него всегда что-то оставалось, в отличие от легендарного «Пауэра».

Функционально он напоминал динозавра. Такому чудовищу можно было отстрелить голову, но оно продолжало сражаться когтями и хвостом. Тяжелые орудия затрудняли передвижение этого монстра, и главной проблемой было ввести его в сражение. Он был невероятно медлителен.

Скотт нахмурился.

— Кажется, мы будем сражаться над Венерианской Впадиной?

— Угу, — буркнул Бинне. — Так мы договорились. Морские Дьяволы уже движутся в сторону Купола Монтана, а мы остановим их над Впадиной.

— Когда «час Икс»?

— Сегодня в полночь.

Скотт прикрыл глаза, пытаясь представить курс на карте. Выходило не очень-то хорошо. Когда битва завязывалась близ архипелага, была возможность укрыть монитор за островками, но сейчас это исключалось. И очень плохо, потому что Морские Дьяволы — отряд сильный, к тому же, они еще более усилились, объединившись с Легионом О'Брайена. Даже учитывая помощь Банды Мендеса, нельзя было предсказать исход битвы. «Армагеддон» мог бы оказаться решающим фактором.

— Я вот подумал... — сказал Скотт. — Нет, пожалуй, это невозможно.

— Что именно?

— Замаскировать «Армагеддон». Если Морские Дьяволы заметят, что подходит монитор, они уведут сражение в сторону. Хорошо бы ввести его в бой так, чтобы противник ничего не понял.

— Он и сейчас замаскирован.

— Но только цветом, а это легко разгадать. У меня мелькнула мысль превратить его в остров или дохлого кита.

— Для кита он слишком велик, а плавающие острова всегда вызывают подозрение.

— Да, конечно. Но если бы ввести «Армагеддон» в битву, не привлекая внимания противника... Гм-м... У мониторов есть гадкая привычка переворачиваться вверх дном, не так ли?

— Есть такое дело. Центр тяжести у них расположен слишком высоко. Но они не могут сражаться вверх дном. Это не самая удачная мысль, капитан. — На мгновение глаза Бинне вспыхнули.

Скотт кашлянул и отвернулся.

— Ну, ладно. Пошли дальше.

Флот оказался в образцовом порядке, и Скотт отправился в мастерские. Там работали над несколькими новыми корпусами, но шансов закончить работу до «часа Икс» не было. Вместе с Бинне они прошли в лабораторные помещения. Ничего нового, никаких сбоя или неожиданностей. Военная машина работала гладко.

У Скотта вдруг возникла новая идея. Он велел Бинне идти дальше

одному, а сам направился к цинку Рису. Цинк сидел в своем кабинете. Когда вошел Скотт, он как раз выключал видеофон.

— Это был Мендес, — объяснил Рис. — Они встретятся с нашим флотом в ста милях от берега и, разумеется, перейдут под наше командование. Мендес хороший командир, но до конца я ему не верю.

— Думаете, он ведет двойную игру?

Цинк Рис небрежно махнул рукой.

— «Брут — человек уважаемый во всех отношениях»... Нет, он будет придерживаться договора. Но я не стал бы играть с Мендесом в открытую: как Свободный Солдат он заслуживает доверия, а как человек... Ну да ладно. Как у нас дела?

— Отлично. У меня есть план насчет «Армагеддона».

— Завидую, — честно признался Рис. — Мы никак не сможем ввести эту лохань в бой. Как только Морские Дьяволы его заметят, они уведут битву в другое место.

— Я думал о маскировке.

— Монитор есть монитор, его ни с чем не спутаешь. Ты не сможешь придать ему другой облик.

— За одним исключением: он может выглядеть перевернувшимся монитором.

Рис удивленно возрился на Скотта.

— Интересно... Валяй дальше.

— Смотрите. — Капитан нарисовал на листке бумаги силуэт монитора. Сверху «Армагеддон» похож на купол, а снизу — несколько иной, главным образом, из-за киля. Почему бы нам не смонтировать на мониторе фальшивый киль?

— Это можно.

— Всем известна слабость мониторов — при залпе всем бортом они порой переворачиваются вверх дном. Если Морские Дьяволы заметят перевернутый «Армагеддон», дрейфующий в их сторону, они наверняка решат, что корабль не способен сражаться.

— Это безумие, — ответил Рис. — Сумасшедшая идея, но может сработать. — Он отдал по видеофону короткие приказы. — Все ясно! Хорошо... Отправляйте «Армагеддон» в путь, как только погрузят снаряжение. Маскировку провести в море — нельзя терять время. Если делать это в доке, монитор никогда не догонит флот.

Цинк отключил связь. Его изрезанное шрамами лицо скривилось в улыбке.

— Надеюсь, это сработает, — Он щелкнул пальцами. — Чуть не забыл... Племянник президента был с тобой, когда случилась авария, верно? Я все думаю, стоило ли освобождать его от обучения... Как он вел себя в джунглях?

— Неплохо, — ответил Скотт. — Я не спускал с него глаз. Из него выйдет хороший солдат.

Рис пристально посмотрел на капитана.

— А как с дисциплиной? Кажется, это его слабое место.

— Пока не жалуюсь.

— Ну что ж, ладно. Банда Старлинга не могла быть хорошей школой, особенно для неоперившегося молокососа. Кстати, о Старлинге. Цинк Мендес знает, что он использует атомное оружие?

— Нет. Если Старлинг и вправду это делает, то держит все в строгой тайне.

— После битвы разберемся. Нельзя допустить... нам не нужна еще одна атомная война. Хватит того, что мы потеряли Землю, а человечество понесло огромный урон. Если такая война повторится, людей и вовсе не останется.

— Не думаю, чтобы дело обстояло так серьезно. На Земле люди утратили контроль над крупными атомными базами, а у Старлинга может быть только ручное оружие.

— Это верно. С его помощью не взорвешь мир. Но наш закон совершенно ясен: «Никакой атомной энергетики на Венере».

Скотт кивнул.

— Хорошо, это все. — Рис жестом отпустил капитана. — Доброй погоды.

Пожелание это в вечно облачном мире звучало иронически.

После обеда в кают-компании Скотт вернулся в свою комнату покурить и немного отдохнуть. Отказавшись от массажа, предложенного Бриггсом, он послал ординарца в буфет за свежим табаком.

— И смотри, чтобы дали «Двадцать Звезд», — наказал он. — Меня тошнит от этой зеленой гидропонной капусты.

— Я свое дело знаю, капитан. — Бриггс вышел, слегка обиженный, а Скотт со вздохом уселся в кресло.

«Час Икс» — в полночь. Последний «час Икс» в его жизни. За весь день он ни разу не вспомнил о том, что все это для него в последний раз.

Он мысленно вернулся в Купол Монтана, вновь переживая минуты, проведенные в другом мире, на окутанном тучами Олимпе, вместе с Илен. Странно, но он не мог вспомнить лицо девушки. Возможно, она была лишь символом, и внешность ее не имела значения. И все же она была чудесна.

Но иначе, чем Джина. Скотт взглянул на трехмерный цветной снимок Джинны у себя на столе. Кнопка на рамке включила движение и звук. Наклонившись вперед, он коснулся маленькой выпуклости. Фигура Джинны в глубине фотографии с улыбкой шевельнулась, губы приоткрылись.

Голос ее, хоть и тихий, звучал совершенно естественно:

— Привет, Брайан. Хотела бы я сейчас быть с тобой. Вот тебе мой подарок, дорогой. — Она послала ему воздушный поцелуй и вновь замерла.

Скотт еще раз вздохнул. С Джинной было хорошо. Но... Черт

побери, она не хотела меняться! Да и почти наверняка не смогла бы. Илен, скорее всего, была не менее догматичной, но она символизировала жизнь в Куполе, а в этом-то Скотт и нуждался больше всего.

Жизнь Илен была искусственной, но она честно признавалась в этом и отлично сознавала, что все ее идеалы фальшивы. По крайней мере, она не делала вид — как делали это Свободные Солдаты — что есть идеалы, за которые стоит умирать. Скотт вспомнил Бриггса. Для старого ординарца много значило то, что во время строительства Крепости Дуне погибло много людей. Но он никогда не спрашивал себя, зачем. Зачем они умирали? В чем была основная цель строительства Крепости Дуне? Война. А войны вскоре прекратятся.

Каждый должен верить в какие-то идеалы, прежде чем отдаст за них жизнь. Человек должен почувствовать, что помогает этим идеалам выстоять... поливая их собственной кровью, чтобы наконец расцвел цветок мечты. Багровый цветок Марса цвел долго. Как там в старой песне?

«Верно лишь одно, все прочее — мираж,
И этому цветку не миновать увясть».

Это была правда, но Свободные Отряды делали вид, что багровый цветок по-прежнему свеж. Они не хотели признать, что даже его корни засохли и с трудом впитывают кровь, льющуюся ради их неутолимой жажды.

Расцветут новые цветы, откроются новые почки, но в Куполах, а не в Крепостях. Сейчас зима, и цветы прошлого лета уже исчезли, но почки нового уже пробуждаются к жизни. И жизнь эта будет питаться перегноем войны.

В прибрежных Крепостях, охраняющих Купола, по-прежнему держались за отжившие традиции. Скотт поморщился. Смело, но бессмысленно и безумно. Он прежде всего человек, а не солдат, а человек по своей природе — гедонист, независимо от того, связан он с цивилизацией или нет.

Скотт был далек от людей Куполов. Он не чувствовал ничего общего с подводной культурой, и это не могло перемениться. Но он мог бы забиться в гедонистическом раю Куполов, в бесполезной пене, венчающей любое общество. С Илен он мог бы, по крайней мере, искать счастья, избегая горькой самоиронии, с которой жил так долго.

Илен честно признавала, что обречена, поскольку, к своему несчастью, была еще и умна.

«Вот потому, — подумал Скотт, — мы могли бы составить идеальную пару».

Капитан поднял голову — в комнату вошел лейтенант Бинне. Под загаром его лицо налилось кровью, из-под тяжелых век поблескивали полные злости глаза. Захлопнув дверь, он остановился, пошатываясь,

посмотрел на Скотта и процедил что-то неслестное.

Капитан встал, холодный комок ярости застыл у него в желудке.

— Ты пьян, Бинне, — очень тихо сказал он. — Убирайся.

— Конечно, пьян, мой маленький оловянный солдатик. А ты любишь приказывать, да ведь? И пакость за спиной. Сегодня ты отнял у меня командование левым флангом. Меня блевать тянет, когда я смотрю на тебя, капитан Брайан Скотт.

— Не строй из себя большого идиота, чем ты есть. В личном смысле ты нравишься мне не больше, чем я тебе, но с Отрядом это не имеет ничего общего. Я предлагал цинку поставить тебя командиром.

— Врешь, — покачиваясь, заявил Бинне. — Как я тебя ненавижу!

Скотт побледнел, шрам у него на щеке налился кровью. Бинне подошел ближе. Он был пьян, но руками владел вполне. Вдруг он размахнулся и дал капитану в зубы.

Скотт вел себя спокойнее. Он уклонился от следующего удара, а потом жестко и точно двинул лейтенанту в челюсть. Бинне отлетел назад, ударился о стену и мешком сполз на пол.

Растирая руку, Скотт с холодным интересом смотрел на него, словно что-то прикидывая. Потом он присел и осмотрел лейтенанта. Нокаут, ничего больше.

Вошел Бриггс, он не выказал ни малейшего удивления при виде неподвижного тела Бинне. Идеальный ординарец подошел к столу и принялся наполнять табаком жестяную коробку.

Скотт еле сдержал смех.

— Бриггс!

— Слушаю, капитан?

— Лейтенант Бинне поскользнулся и ударился обо что-то челюстью. Кроме того, он слегка под мухой. Займись им, хорошо?

— С удовольствием, капитан — Бриггс взвалил тело Бинне на мускулистое плечо.

— «Час Икс» — в полночь. К этому времени лейтенант должен быть на борту «Мушкета». Трезвый. Это возможно?

— Конечно, капитан, — ответил Бриггс и вышел.

Скотт сел в кресло и набил трубку. Вернее было бы запереть Бинне в его дурную башку.

Через некоторое время он выбил из трубки пепел и отправился в порт, чтобы провести последнюю инспекцию.

В полночь флот поднял якоря, и на рассвете корабли Отряда Дуны уже подходили к Венерианской Впадине.

Корабли Банды Мендеса были с ними: семь броненосцев, крейсера поддержки, эсминцы и один транспортник. Монитора у Банды не было: два месяца назад он перевернулся вверх дном и до сих стоял в доке.

Объединенный флот выстроился полукругом. Правый фланг — им

командовал Скотт — состоял из «Мушкета», его командирского корабля — а также «Аркебузы», «Стрелы», «Мизеркордии» и всех линкоров Дуне. Их сопровождали два корабля Банды — «Навахо» и «Звуки», последний под командованием цинка Мендеса. У Скотта был один крейсер, второй находился на левом фланге. Между ними держались более легкие корабли.

Слева и сзади шли броненосцы: «Арбалет», «Пика», «Автомат», «Палица» и еще три корабля Банды Мендеса. Цинк Рис держал флаг на «Пике», руководя всей операцией. Замаскированный «Армагеддон» тяжело сопел далеко позади, почти невидимый в тумане.

Скотт сидел в командной рубке, его окружали экраны видеофонов и панели управления. Шестеро операторов непрерывно вели запись данных, готовые мгновенно включиться в дело, едва в наушниках прозвучал приказ. Для этого на груди у Скотта висел небольшой микрофон.

Взгляд капитана скользнул по экранам.

— Были рапорты с планеров?

— Нет, капитан.

— Соедините меня с командиром воздушной разведки.

Один из экранов замигал и ожил, на нем появилось лицо младшего офицера.

— Докладывай.

— Пока ничего, капитан. Минутку. — Послышался далекий гром — Детекторы наткнулись на тайный канал связи прямо над нами.

— Планер противника в облаках?

— Вероятно. Сейчас он снова исчез.

— Постарайтесь его локализовать.

Впрочем, это было не так уж важно. Самолеты можно было обнаружить без труда, но с планерами — дело другое. Единственный способ засечь их — настроить камеры детектора точно на волну видеофона планера; задача потруднее, чем найти иголку в стоге сена. К счастью, они не могли нести бомб.

— Поступил рапорт от одного из наших планеров, капитан.

На экране появилось другое лицо.

— Говорит пилот. Я обнаружил неприятеля.

— Хорошо. Переключи камеру на инфракрасный диапазон. Какой сектор?

— Джи-Би восемьдесят семь, северо-запад, двадцать один.

Скотт склонился над своим микрофоном.

— Соедините меня с цинком Рисом и лейтенантом Гиром. И с цинком Мендесом.

Еще три экрана осветились, показав лица офицеров.

— Давайте пилота.

— Где-то над Венерианской Впадиной пилот вел свой планер сквозь облака. Автоматическая телекамера, настроенная на инфракрасный диапазон, показала расстилающийся внизу океан. На экране

были четко видны корабли в боевом порядке.

Скотт мысленно называл их один за другим: «Орион», «Вега», «Сириус»... ого, «Поларис»! Теперь легкие корабли. Как их много!... Он продолжал считать.

— У них огромное численное превосходство, — заметил цинк Рис.
— Цинк Мендес, ваши подводные детекторы уже работают?

— Работают. Пока ничего.

— Полагаю, сражение начнется через полчаса. Мы их обнаружили, и они нас, конечно, тоже.

— Принято.

Экраны потемнели. Скотт снова сел. Оставалось только ждать и быть готовым к любым неожиданностям. «Орион» и «Вега» были крупнейшими боевыми кораблями Морских Дьяволов, они превосходили любой корабль Отряда Дуне или Банды Мендеса. На борту «Ориона», несомненно, находится цинк Флинн. У Морских Дьяволов тоже имелся монитор, но на экране его не было. Вероятно, это чудовище не успеет подойти, чтобы принять участие в битве.

Но даже без монитора Морские Дьяволы имели на воде подавляющее преимущество. Да и подводный флот не стоило списывать со счетов. Подводные детекторы цинка Мендеса могли уравнивать шансы, вот только не оказалось бы, что этого мало.

Скотт снова подумал, что «Армагеддон» может стать главным козырем, последним аргументом. Но пока замаскированный монитор плелся далеко позади последнего из кораблей Дуне.

На экране появился лейтенант Бинне; теперь он превратился в дисциплинированного, вымуштрованного робота. Личных обид как не бывало — так действовала на человека боевая обстановка.

Впрочем, Скотт не ждал ничего иного, и его голос, когда он ответил на вызов Бинне, звучал совершенно бесстрастно.

— Водолеты готовы к старту, капитан.

— Отправляй их через пятнадцать минут. Передай приказ на левый фланг всем кораблям, имеющим водолеты.

— Принято, капитан.

Мгновение царил тишина, потом вдруг загрохотало. Скотт настороженно окинул взглядом экраны.

Появилось новое лицо.

— Морские Дьяволы раскрылись. Сейчас они изучают район. Вероятно, над нами висят планеры, но мы пока не можем их обнаружить.

— Отправь людей под защиту брони и начинай пристреливаться. Приготовиться к отражению огня. И свяжись с нашими пилотами, что барражируют над Морскими Дьяволами.

Начинался непрерывный грохот, который будет теперь продолжаться до взрыва последнего снаряда. Пришел вызов от цинка Риса, и Скотт включил экран.

— Слушаю, цинк.

— Тревожь противника. Пока мы не можем сделать ничего особенного. Измени строй по плану «Эр-восемь».

Включился цинк Мендес:

— Обнаружены три вражеские подводные лодки. У наших детекторов максимальный угол наклона.

— Измени зону поражения так, чтобы не задеть наши подводные лодки.

— Сделано. Неприятель использует магнитные глубинные мины, ставит заслоны по мере приближения.

— Я поговорю с командирами подводных лодок.

Рис отключился.

Скотт прислушался к канонаде. До его ушей еще не доходил характерный звук ударов тепловых лучей — клап, клап — впрочем, противники еще недостаточно сблизилась, чтобы применить это неточное, но сильное оружие.

— Есть потери, капитан. Прямое попадание в «Штык».

— Масштаб разрушений?

— Он сохранил ход. Точный рапорт позже.

Через минуту на экране появился пилот планера.

— Попадание в «Поларис», капитан.

— Включи пеленгатор.

Показался боевой корабль Морских Дьяволов с развороченной надстройкой, но явно еще способный сражаться. Скотт покачал головой. Обе стороны уже включились в сражение, и хотя туман еще скрывал флоты друг от друга, они неуклонно сближались.

Канонада усилилась. Из-за сильных венецианских ветров целиться было трудно, но накрытия все же были. Скотт мрачно кивнул, когда «Мушкет» вздрогнул от удара.

Теперь они получают свое. Здесь, в рубке корабля, он был так близок к битве, как ни один солдат сражающегося флота. Его глазами были экраны.

Их можно было переключать на инфракрасный диапазон, поэтому Скотт, запертый в самой середине корабля мог видеть больше, чем наблюдатель с палубы. Что-то выскочило из мрака, и Скотт затаил дыхание, но тут же узнал силуэт «Мизерикордии», корабля Отряда Дуне. Она сбилась с курса. Капитан через малый микрофон устроил командиру скоротечный разнос.

Теперь двинулись водолеты — быстрые шершни, целившие во фланг врага. Скотт вспомнил, что на одном из них находится Норман Кэн. Он снова подумал об Илен Кэн, но тут же отогнал воспоминание

— сейчас для этого не было времени.

Сражение исключало посторонние мысли.

Цинка Мендес сообщил:

— Еще одиннадцать подводных лодок. Одна прорвалась. Кажется, крутится рядом с «Мушкетом». Сбрось глубинные бомбы.

Скотт кивнул и отдал приказ. В этот момент корабль содрогнулся, и через секунду пришло донесение: течь топлива с правого борта.

Да, несколько точно нацеленных торпед могут причинить большие неприятности.

«Мушкет» плыл под непрерывным обстрелом тяжелых орудий, тепловые лучи прошивали судно насквозь. Большим кораблям не легко избежать этих жгучих лучей, которые могут расплавить броневые плиты, но водолеты, танцевавшие вокруг, как разъяренные псы, посылали в излучатели град снарядов. Такая атака требовала точного взаимодействия. Лучи были невидимы, и засечь их можно только тогда, когда сам становишься целью. Расчеты камер работали непрерывно: они прослеживали залпы с неприятельских кораблей, засекали излучатели и передавали информацию экипажам водолетов.

— «Ригель» Морских Дьяволов вышел из боя.

На экране крупный эсминец повернулся вокруг собственной оси, явно собираясь идти на таран. Скотт молниеносно отдал приказ, и «Мушкет» безжалостно ударил, расстреливая обреченный «Ригель».

Корабль проплыл так близко, что команда «Мушкета» видела, как его кладет с борта на борт. Скотт проследил его курс и бросился вызывать Мендеса.

— О-Эм, О-Эм, срочно! Дайте «Зуни»!

— Говорите, капитан.

— Измените курс, «Зуни»! Эсминец прицельно плывет прямо на вас! — выкрикнул Скотт.

— Принято... — Экран потемнел.

Скотт включил пеленгатор и даже застонал от того, что увидел. «Зуни» плыл быстро, но «Ригель» был слишком близко, чертовски близко.

И таранил.

— Черт бы тебя побрал... — пробормотал Скотт. Они вывели «Зуни» из сражения. Он доложил обо всем цинку Рису.

— Принято, капитан. Сохраняй строй «Эр-восемь».

На экране появился Мендес.

— Капитан Скотт, мы потеряли ход. Я выхожу на палубу. Мне нужно руководить подводными лодками. Для меня найдется место в вашей рубке?

— Конечно, цинк. Переходите через порт сектора семь.

Окутанные туманом флоты двигались параллельными курсами, линейные корабли сохраняли боевой порядок, изрыгая потоки лучей и град снарядов. Легкие корабли то и дело покидали строй, а водолеты роились как комары, скопом набрасываясь на каждый корабль крупнее себя.

Планеры при таком сближении были бесполезны.

Грохот продолжался, все новые и новые удары раскачивали «Мушкет».

— Подбит «Орион» Морских Дьяволов. Подбит «Сириус».

— Подбит «Апач», корабль Банды.

— Уничтожены еще четыре подводные лодки противника.

— Подводная лодка Дуне «Икс-шестнадцать» не отвечает.

— «Поларис» Морских Дьяволов потерял ход.

— Вышли из боя вспомогательные водолеты, номера девять и двадцать.

Тяжело дыша, вошел цинк Мендес. Скотт молча указал ему на соседнее кресло.

— Подбита «Пика». Минутку... Цинк Рис ранен, капитан.

Скотт замер.

— Подробности!..

— Сейчас... Он убит, капитан.

— Ну что ж. — сказал Скотт после паузы, — я принимаю командование. Передай это на корабли.

Он перехватил взгляд, который бросил на него цинк Мендес. Когда погибал цинк Отряда, имелись два варианта: выборы нового цинка или объединение с другим Отрядом. В данном случае от Скотта требовалось, чтобы он временно принял командование флотом. Позднее в Крепости Дуне пройдет общий сбор Отряда, где и будет принято окончательное решение.

Но сейчас Скотт подумал об этом только мельком. Рис Мертв! Твердый, неподвластный эмоциям Рис убит. Капитан вспомнил, что где-то в Куполе у него была свободная жена. Отряд будет выплачивать ей ренту. Скотт никогда не видел эту женщину... Странно: теперь он подумал, какая она, а раньше такой вопрос просто не приходил в голову.

Экраны мерцали. Теперь его обязанности удвоились, нет, утроились. Руководя битвой, Скотт забыл обо всем прочем.

Это походило на первую степень амнезии, когда трудно определить, сколько времен прошло. Битва могла длиться час, а могла и все шесть. Или меньше часа.

— Эсминец потерял ход, крейсер тоже.

— Три вражеские подводные лодки выведены из строя.

И так далее, без конца... Сидя рядом с ним, цинк Мендес руководил подводным сражением. «Где, черт побери «Армагеддон» — думал Скотт, — бой сто раз закончится, прежде чем появится эта черепаха-переросток».

Внезапно экран замерцал, и появилось худощавое лицо со сломанным носом — цинк Флинн, командир Морских Дьяволов.

— Вызываю командование Отряда Дуне.

— Принято. На связи капитан Скотт, командующий.

Почему Флинн вышел на связь? Флоты никогда не контактировали во время сражения, разве что обсуждался вопрос о

капитуляции.

— Вы пользуетесь атомным оружием. Требую объяснений, — коротко произнес Флинн.

Мендес вздрогнул. Скотт почувствовал, как холодная рука стискивает его желудок.

— Разумеется, это произошло без моего ведома и согласия, цинк Флинн. Мне очень жаль. Прошу вас, сообщите подробности.

— Один из ваших водолетов выстрелил из атомного пистолета в «Орион».

— Потери?

— Повреждено семиствольное орудие.

— Одно из наших орудий того же класса немедленно прекратит огонь. Что еще, цинк?

— Воспользуйтесь вашим детектором в секторе Мобиль-восемнадцать, южнее «Ориона» Ваши извинения приняты. Мы исключим инцидент из наших записей.

Флинн прервал связь, а Скотт поймал детектором водолет Дуне и увеличил изображение.

Маленькое суденышко удирало от огня неприятеля, мчась обратно к своему флоту, прямо на «Мушкет». Сквозь прозрачный коллак Скотт видел, что бомбардир, у которого отстрелили полчерепа, безвольно обвис в кресле. Пилотом был Норман Кэн, он все еще сжимал в руке атомный пистолет. Кровь ручьями стекала по его напряженному лицу.

Итак, банда Старлинга использовала атомное оружие. Кэн, покидая ее, оставил себе атомный пистолет и сейчас, в возбуждении боя, использовал его против неприятеля.

— Расчет орудия правого борта. Водолет «Зет-девятнадцать-четыре». Уничтожить его, — холодно приказал Скотт.

Почти сразу же рядом с суденышком разорвался снаряд. На экране Кэн взглянул вверх, удивленный, что в него стреляют свои. Затем на лице юноши отразилось понимание. Он резко повернул и поплыл зигзагом, отчаянно пытаясь уклониться от града снарядов. Скотт следил за все этим, стиснув зубы. Через мгновение водолет исчез в столбе разрыва, разлетевшись на куски.

Правосудие свершилось.

После сражения Отряды объединятся, чтобы уничтожить банду Старлинга.

Но пока бой продолжался, и Скотт вернулся к своим экранам, вычеркнув инцидент из памяти.

Постепенно чаша весов начала клониться в сторону Морских Дьяволов. Обе стороны теряли корабли, они выходили из боя, реже — тонули, и Скотт все чаще думал об «Армагеддоне», который мог бы разорешить исход сражения. Но тот по-прежнему плелся далеко позади.

Скотт не услышал взрыва, уничтожившего командную рубку — он сразу потерял сознание.

Вероятно, беспамятство длилось недолго. Открыв глаза, он увидел разгромленную рубку и в первый момент решил, что уцелел он один. Но это не могло быть прямым попаданием, тогда погиб бы и он.

Он лежал на спине, придавленный тяжелой балкой, но кости были целы. Ему просто повезло — основной удар приняли на себя операторы. Скотт сразу понял, что они мертвы.

Он попытался выбраться из-под балки, но это оказалось ему не по силам. В громе битвы голос его совершенно терялся.

У двери что-то шевельнулось. Цинк Мендес с трудом поднялся и гляделся по сторонам. Кровь ручьем стекала по его лицу.

Он остановился, покачиваясь взад-вперед, и тупо взглянул на капитана.

Потом положил руку на рукоять своего пистолета.

Скотт легко прочитал его мысли. Если бы сейчас погиб капитан Отряда Буне, был бы шанс, что Банда Мендеса соединится с Отрядом Дуне и он примет командование. Этого требовало военно-политическое равновесие.

Если же Скотт выживет, он, вероятно, будет выбран цинком.

Таким образом, убийство принесло бы Мендесу немалую выгоду.

Какая-то тень проскользнула в дверь. Стоявший спиной к вошедшему, Мендес не видел, что лейтенант Бинне остановился на пороге, молча глядя на эту сцену. Скотт знал, что Бинне не хуже его самого оценивает ситуацию, а лейтенант понимал, что через мгновение Мендес вытащит оружие и выстрелит.

Скотт ждал. Пальцы цинка сомкнулись на рукояти пистолета. Криво усмехнувшись, Бинне сказал:

— Я думал, этот снаряд прикончил вас, капитан. Но солдата Дуне не так-то просто убить.

Мендес снял руку с пистолета и встал прямо. Потом повернулся к Бинне.

— Рад видеть вас, лейтенант. Может, вместе нам удастся поднять эту балку.

— Попробуем.

Вдвоем они сняли балку с груди Скотта. Взгляд капитана на мгновение встретился с глазами Бинне. В них по-прежнему не было никаких дружеских чувств.

Честно говоря, Бинне вовсе не спас Скотту жизнь. Это был, скорее, вопрос лояльности к Отряду Дуне. Бинне был прежде всего солдатом.

Скотт ошупал себя — все цело.

— Долго я был без сознания, лейтенант?

— Десять минут. «Армагеддон» подходит.

— Отлично. Морские Дьяволы меняют курс?

Бинне покачал головой.

— Пока они ничего не подозревают.

Скотт откашлялся и направился к двери, остальные двинулись следом.

— Нам нужен другой флагман, — заметил Мендес.

— Хорошо. Пусть будет «Аркебуза». Лейтенант, принимайте командование здесь. Цинк Мендес...

Водолет перевез их на «Аркебузу», все еще пригодную к бою. Скотт заметил, что «Армагеддон» еле-еле ползет через волны. Согласно плану сражения, корабли Дуне подвели Морских Дьяволов к этому явно беспомощному гиганту. Техники поработали на славу: фальшивый киль выглядел весьма убедительно.

На борту «Аркебузы» Скотт принял командование, оставив Мендесу вспомогательный пулыт для его глубинных бомб. Цинк склонился над плечом капитана.

— Подождем, пока заговорит монитор, капитан.

— Да... но пока наши дела идут неважно.

Никто из них ни слова не сказал об инциденте, его тактично забыли — единственное, что можно было сделать.

По-прежнему гремели орудия. Морские Дьяволы поливали огнем строй Дуне, они явно побеждали. Скотт, морщась от боли, смотрел на экраны. Если тянуть и дальше, может оказаться слишком поздно.

Он взглянул на изображение «Амаргеддона». Корабль находился в превосходной позиции между двумя крупнейшими кораблями Морских Дьяволов.

— Снять маскировку, — скомандовал он. — Всем стволам — огонь!

На мониторе открылись орудийные порты, выдвинулись огромные орудия. Они выстрелили почти одновременно, и их грохот заглушил залпы легких орудий.

— Всем судам Дуне — в атаку, — приказал Скотт. — План «Эр-семь».

Наконец-то!

Корабли Дуне начали общее наступление. Грохоча и шипя, их орудия пытались заглушить залпы монитора. Это им не удавалось, но отчаянный натиск решил дело.

Ввести монитор в сражение было почти невозможно, но уж если это удалось, остановить чудовище могло только ядерное оружие.

И все же Морские Дьяволы еще дрались, пытались перегруппироваться. Но все было бесполезно: крупные линейные корабли уже не могли уйти из-под обстрела всесокрушающих орудий «Армагеддона». А это значило...

На экране появилось лицо цинка Флинна.

— Мы сдаемся, капитан. Прекратите огонь.

Скотт отдал приказ, и рев орудий сменился невероятной, звенящей тишиной.

— Это было великое сражение, цинк.

— Согласен. Ваша уловка с монитором просто великолепна.

Итак, все кончилось. Скотт чувствовал, будто в нем что-то оборвалось: его покинуло возбуждение, благодаря которому он держался до сих пор.

Остальное было чистой формальностью.

Символические глубинные бомбы будут сброшены на Купол Вирджиния. Они не причинят Куполу никакого вреда, но таковы уж правила игры. Купол, поддерживающий проигравшую сторону, заплатит выкуп — все как обычно. Это будет определенное количество кориума или его денежный эквивалент — по договоренности. Казна Дуне изрядно пополнится. Часть денег пойдет на ремонт судов и строительство новых, и жизнь Крепости пойдет своим чередом.

Стоя один на палубе «Аркебузы», плывущей к Куполу Вирджиния, Скотт смотрел, как мрак превращает облака из жемчужных в серые, а потом и вовсе съедает их. Он был один на один с ночью.

Из иллюминаторов за спиной капитана лился теплый желтый свет, но Скотт не поворачивался. Он думал, что это похоже на окутанный облаками Олимп в Крепости Монтана, где он клялся Илен... во многом.

Но была и разница. На Олимпе человек уподоблялся богу, возносился над миром. Здесь же, в этой непроницаемой темноте, чувства обособленности не возникало. Вокруг ничего не было видно — у Венеры нет спутника, тучи закрывали звезды, а море не флуоресцировало.

«Под этими водами стоят Купола. — думал Скотт, — и будущее принадлежит им. Битвы, вроде сегодняшней, нужны, чтобы Купола жили».

Люди приносили себя в жертву и всегда будут это делать ради общества, ради армии или ради собственных иллюзий.

Человек не может жить без идеала. «Не будь Бога, люди создали бы его».

Даже Бинне доказал свою преданность фетишам, а ведь Скотт знал, что он его по-прежнему ненавидит.

Идеалы Свободных Отрядов были насквозь фальшивыми, и все же оттого, что люди в них верили, цивилизация может возродиться — из Куполов. Цивилизации, которая забудет своих обреченных защитников — солдат морей Венеры, Свободные Отряды, выкрикивающие свои безумные и безнадежные боевые кличи, зовущие к ночи без рассвета.

Илен...

Джина.

Это был непростой выбор. Впрочем, выбора и не существовало. Скотт прекрасно знал, что никогда не поверит всем сердцем в Свободные Отряды. Всегда где-то в нем самом будет горько усмехаться Дьявол.

Плеск волн сделался громче.

Все это ни гроша не стоило, да и его рассуждения были сентиментальны, безумны, глупы и слащавы.

Но теперь Скотт знал, что не вернется к Илеи.

Конечно, он был глупцом.

Но еще — солдатом.

ПЛАНЕТА • ТЮРЬМА

1

Флагманское судно солнечной империи все еще находилось в круглой галактике М-67, отдаленной от Земли более чем на тридцать миллионов световых лет. Возвращение к родному Млечному Пути было все еще технически невозможно и все попытки Перри Родана просить помощи у чужого разума из этой галактики потерпели провал. Первая встреча с разумом круглой галактики М-67, казалось, доказывала, что господствующая здесь форма жизни похожа не на земную, а на халютерную.

Схожесть их с халютерами не могла быть случайностью. Халютеры уже пятьдесят две тысячи лет находились в Млечном Пути, и вдруг они в уменьшенной и измененной форме находятся также и в круглой галактике М-67.

«Крест-4» вращался по высокой орбите вокруг третьей планеты системы Трук. События на этой планете, в ходе которых так называемые скоарс были освобождены, закончились. Перри Родана и его команду никто не преследовал, и освобожденный Скоарта находился на борту «Креста-4» вместе со всей охраной из трехсот восьмидесяти скоарс. Они были временно в безопасности.

Пери Родан разыскал Атлана в его каюте, чтобы лично проинформировать о результатах действий на третьей планете системы Трук. Оба мужчины сидели друг против друга, и Атлан ни разу не прервал Перри Родана. Когда Родан закончил, он также не задал ему ни одного вопроса. Он долго сидел молча, потом сказал:

— Мне это не нравится.

— Что тебе не нравится?

— Я согласен, что события немного запутаны и ставят нас перед нерешенными проблемами. Что нам делать со Скоарта и с его свитой? Могут ли они нам помочь найти дорогу в наш Млечный Путь?

Атлан медленно качнул головой.

— Это совсем не то, что меня беспокоит. Меня беспокоит другое. Это наружность скоарс. Они представляют собой уменьшенную копию халютеров. Халютеры — наши друзья. Разве это возможно, чтобы эволюция в разных галактиках, отдаленных друг от друга на миллионы световых лет, может создавать одинаковые формы. Эта схожесть не может быть случайной. Скоарта не хочет, а может быть и не может дать нам об этом никакой информации. Поэтому мы должны спросить

об этом у наших халютеров. Я послал об этом Ихю Толоту гипер-радиограмму, но до сих пор не получил никакого ответа от него. Ты знаешь, что Ихю Толот и Фанкан Тайк предприняли дальнюю разведку. У них свой собственный космический корабль, и мы не можем препятствовать их намерениям. Мы, конечно, должны наладить с ними связь и проинформировать их о том, что произошло. Я считаю, что это не только любопытно, но, как я уже сказал, это жизненно важно.

— Я полностью согласен с тобой, — ответил Атлан. — Я позабочусь о том, чтобы халютерам была послана еще одна радиограмма. Когда они ее получат, они сообщат нам о себе. Между прочим, нам ничего и не остается больше, как оставаться в этой системе. Если мы ее покинем, то Ихю Толот и Фанкан Тайк не смогут нас потом найти. У нас нет никакой возможности оставить тут информацию о нашем дальнейшем пути.

Атлан встал и начал ходить по кабине взад и вперед. Его лицо было необычайно серьезным. Внезапно он остановился и посмотрел на Родана.

— Перри, считаешь ли ты возможным, что между халютерами и скоарс могут быть родственные связи?

Взгляд Атлана встретился со взглядом Родана. Лицо того абсолютно ничего не выражало. Он только пожал плечами.

— Я не знаю, Атлан. Это выглядит так, словно между ними имеются какие-то родственные связи. Но я не могу представить себе, как они возникли. Мы удалены от нашего Млечного Пути на пятьдесят два миллиона световых лет. Ни один корабль с известными нам двигателями не может в настоящее время преодолеть это расстояние. Фантастический технический процесс затянул нас сюда и нам нет пути назад. По крайней мере, в настоящее время. Несмотря на это, должны быть какие-то системы, которые могут преодолеть это расстояние. Может быть, предки халютеров имели такие приводы. Это объяснило бы сходство этих рас. Я хотел бы знать, придерживается ли этого мнения Ихю Толот.

Атлан снова сел. Он подпер голову руками.

— Это одна из причин, почему я хотел говорить с ним. Обязательно попробуй установить с ним связь. До сих пор, — он сделал движение рукой, — у нас нет другого выхода, как ждать, но надеюсь нам не придется слишком долго ждать.

— Я тоже надеюсь, — сказал Родан и поднялся. — Ты найдешь меня в командном пункте. Если меня там не будет, я буду в радиорубке.

Он вышел из каюты и закрыл за собой дверь.

Атлан остался один. Минут пятнадцать он сидел и смотрел на закрытую дверь.

Чуть больше чем в 150 000 световых годах от Земли в родной галактике вокруг красного солнца вращается планета Халют. Эта

планета была родиной халютеров. Сила тяжести на ней была в 3,5 раза больше земной, и она имела кислородную атмосферу. Уже не было никого, кто бы знал, что с этой планеты 50 000 лет назад началось завоевание Млечного Пути. Раса халютеров, ранее насчитывавшая многие миллиарды, сегодня составляла 10 000 экземпляров. Они были однополы, и это позволяло им контролировать функции их тела. А также позволяло поддерживать уровень населения на одном уровне. Умирает один халютер — рождался другой, но лишь после первого.

Халютеры были великанами. Они были 3,5 метра роста и имели две ноги и четыре руки. Их кожа была густо-черной, подобно шкуре. Их странный метаболизм позволял им использовать в качестве источника энергии любую материю. Это делало их практически независимыми от окружающего мира. Кроме того, халютер был способен в течение пяти часов находиться в вакууме без скафандра. Практически они были неуязвимы, и они понимали это. Они могли превращать структуру своего тела в твердейшую кристаллическую форму.

Одним из удивительных свойств халютера была их странная тяга к приключениям. Время от времени они исчезали со своей планеты и возвращались туда лишь через десять или двадцать лет.

Ихо Толот и Фанкан Тайк как раз и были такими халютерами, которые покинули свою планету в поисках приключений. В прошедшие годы они показали себя верными друзьями Перри Родана и смогли оказать землянам кое-какую помощь. Вместе с флагманским кораблем они были заключены в круглую галактику М-67. Они все время оставались на борту «Креста», пока по собственному желанию не пошли в дальнюю разведку.

Их корабль представлял из себя черный шар диаметром сто тридцать метров. На этом шаре были приборы, двигатели и оружие, конструкция которых была неизвестна даже Перри Родану. Он никогда не спрашивал халютеров об этом, но он был убежден, что в случае нужды они открыли бы ему все свои тайны.

Оба халютера вот уже две недели как пропали без вести.

Много раз с ними пробовали установить гиперрадиосвязь, но все попытки были тщетны. Родан был твердо убежден, что его друзьям ничего не грозит, но он не понимал, почему они так долго не выходят на связь.

Полковник Акран, комендант «Креста», поднялся навстречу, когда Родан вошел в центральный пост.

— Я думаю, что знаю, зачем вы ко мне пришли, — начал он, указав на свободное кресло. — Сядем.

Родан сел, и полковник опустился рядом с ним.

— Мне кажется, радисты что-то перехватили. Речь идет о необычайно слабом гиперсигнале. Я считаю, что он может быть только от халютеров.

— Почему же я не был информирован об этом? — осведомился

Родан.

— Я хотел твердо убедиться, что сигнал от халютеров. Я посоветовал бы вам лично обратиться к офицерам радиоцентра. Там вы узнаете все подробности. Для меня у вас нет дальнейших указаний?

— Мы остаемся на прежней орбите. Это пока все. Спасибо, полковник.

Перри Родан поднялся и направился в радиоцентр.

Молодой лейтенант повернулся и приветствовал Родана. В течение нескольких минут Родан узнал о всех результатах. При слабых гиперсигналах речь шла о личном коде Ихс Толота. Лейтенант сразу же начал расшифровывать сигнал. Он ждал результата.

— Я не могу оценить расстояние, сэр,— продолжал он.— Однако, местонахождение халютеров можно установить. Результатов радиопеленгации у нас, правда, нет еще. Я жду их с минуты на минуту. Вы обождете здесь, сэр?

— Сколько придется ждать?

В этот момент вошел радист, он держал в руке радиограмму.

— Расшифрованный текст, сэр,— сказал он и передал лейтенанту формуляр.

Только сейчас он заметил Родана. Он встал по стойке «смирно» и отдал честь. Родан улыбнулся и махнул рукой.

Лейтенант передал Родану телеграмму. Родан прочитал:

— «Пожалуйста пришлите корвет. Находимся в затруднительном положении. Непременно пошлите мутантов Гукки, Горачина и Рас Чубая. Соблюдайте максимальную осторожность. Наши координаты...»— Далее шли координаты.

Родан прочитал текст, затем вернул радиограмму лейтенанту.

— Как было послано это сообщение?

— При посылке сообщения был использован шифр Ихс Толота,— сказал лейтенант.— Текст был передан азбукой Морзе. Это показывает, что у халютеров не хватает энергии, чтобы послать обычный гиперсигнал. Они должны находиться в поистине неприятном положении.

— Это видно из текста сообщения. Если халютер находится в затруднительном положении, для обычного человека это является катастрофой. Мы должны помочь обоим халютерам. Будьте готовы к приему сообщений от халютеров, а также держать связь с корветом, который стартует через час. Вы уже установили координаты местонахождения халютеров?

— Еще нет, сэр. Для этого лучше было бы использовать навигационный компьютер.

Родан снова взял у лейтенанта радиограмму.

— Благодарю вас, лейтенант.

Он вернулся в командный центр и попросил полковника Акрана прокомментировать сообщение.

Майору Бобу Кизому было тридцать два года. У него были русые,

коротко подстриженные волосы. Лицо его было широкое, фигура коренастая. Он был командиром пятого флота корветов, который состоял из десяти кораблей.

Он прошагал в ангар, чтобы убедиться в готовности своих людей. Лейтенант Ерм, капитан одного из корветов, остановил его.

— Мы стали немного ленивы, лейтенант, — немного насмешливо сказал майор. — Вам не нужно ничего бояться. Хотя мы и находимся в чужой галактике, но ничего от этого не имеем. Мы все время сидим в ангаре и ждем.

— Так точно, сэр, — ответил лейтенант Ерм и встал навтыжку. Затем он расслабился и опустил руку.

— Вероятно, это была шутка, майор. Я не нахожу это скучным. Наши люди тоже. Мы знаем, что до Земли тридцать миллионов световых лет и это не даст нам скучать.

Кизом тоже улыбнулся.

— Я думаю, что это не так. Впрочем, вы напоминаете мне их лягушку, которая напрасно ждет муху. У меня такое же ощущение. Ведь должно же что-нибудь, наконец, случиться!

В ангаре находилось десять корветов пятого флота. Пять из них были постоянно наготове и с командой на борту. Другие пять были в запасе. Но в случае тревоги потребовалось бы всего пять минут для того, чтобы они могли стартовать.

После обхода майор вернулся к корвету КС-41. Перед широко открытыми воздушными шлюзами стоял шеф-пилот лейтенант Крамер, который одновременно был и навигатором. Он дружил с Кизом и поэтому после приветствия оставил руки в карманах.

— Ничего нового, Боб? Все по-старому. Эта ангарная служба встала мне поперек горла.

— Думаешь, мне она не встала? — буркнул майор. — Все время занимаешься обучением и муштрой. При всем том, там, наверху, что-то случилось. У них на борту старый шейх с тремястами слугами, но увидеть их нам все равно не удастся. Для этого «Крест» слишком велик.

— Я не видел шар уже две недели, — сказал лейтенант Крамер. — Такой корабль в своем роде целый мир.

— А я уж и совсем не знаю, как он выглядит, — сказал Боб Кизом. — Но это может скоро измениться.

Он еще не подозревал, как был близок к истине.

— Пойдем на борт, — пригласил лейтенант Крамер. Он подмигнул. — У меня еще где-то спрятана бутылочка хорошего виски.

Майор Боб Кизом был не прочь исследовать содержимое спрятанной бутылочки. Алкоголь на борту «Креста» не был запрещен, только сильно ограничен. Некоторые умудрялись месячным рационом поднять свое настроение.

Так было всегда, когда Кизом испытывал свою судьбу.

Едва они оба вошли в маленький командный отсек, как загудел интерком. Вызов был из центрального командного центра «Креста».

На небольшом экране появилось лицо Перри Родана.

Лейтенант Крамер быстро убрал в шкаф полупустую бутылку. Он сделал виноватое лицо и отошел в сторону, чтобы не попасть в поле зрения интеркома. Кизом, напротив, включил двухстороннюю связь и приветствовал Перри Родана по уставу.

— Майор Боб Кизом, комендант пятой флотилии у визора. Никаких особых происшествий, сэр.

Перри Родан кивнул и указал на кресло пилота.

— Садитесь, майор. Как я вижу, вы горите желанием испытать приключения. Этот случай вам предоставится. Сейчас я коротко обрисую вам положение и попрошу вас высказать свое мнение. Оба халютера, Ихс Толот и Фанкан Тайк на своем же корабле предприняли дальнюю разведку и до сих пор не вернулись. Полчаса назад мы получили от них сообщение. Согласно сообщению, они удалились от нас на тридцать два световых года. Там есть звезда, красный карлик, вокруг которого вращается маленькая планета. У нас есть сведения, что халютеры находятся на этой планете. Так как гиперпередача была передана азбукой Морзе, можно заключить, что у них для нормального сообщения не было энергии. Тут можно строить самые различные предположения, которые обсуждать сейчас просто бессмысленно. Ваше задание, майор Кизом, найти настоящие причины этого. Вы должны лететь на помощь халютерам. Координаты их местонахождения я вам назову. По настоятельной просьбе Ихс Толота вас будут сопровождать три мутанта, а именно: телекинетик-взрыватель Гочарин, телепат Рас Чубей и мыше-бобер Гукки. Кроме того, дополнительно вы получите пятьдесят специалистов. Они находятся под командованием своих собственных офицеров, но, само собой, обязанности руководителя экспедиции возлагаются на вас. Ваше задание — связаться с халютерами и оказать им помощь, если это будет необходимо. Не идите на ненужный риск, и возвращайтесь обратно на «Крест», если не столкнетесь с превосходящими силами противника. Не участвуйте ни в каких боевых действиях, если это будет возможно. Когда вы будете готовы к старту?

— Тотчас же, сэр!

Перри Родан улыбнулся.

— Я думаю, вы никогда не изменитесь, майор. Вы всегда были сорви-голова. Но не думайте, что задание будет очень легким. Если уж халютеры находятся в затруднительном положении, то с вами это может произойти намного быстрее. И постоянно держите гиперрадиосвязь с «Крестом». Известите меня, если вам понадобится помощь. Пятьдесят специалистов прибудут к вам в течение получаса. Вы стартуете ровно через час. Желаю вам счастливого пути, майор!

— Благодарю вас, сэр! Спасибо за доверие.

— Ум виден в мудрой осторожности, а не в излишней, необдуманной смелости, — сказал Родан.

После этого экран погас.

Кизом отключил интерком и повернулся к лейтенанту Крамеру. Он протянул руку.

— Ну-ка, дайте мне бутылку, малыш.— Он приставил ее ко рту и сделал большой глоток. Затем отдал ее лейтенанту.— Наконец-то. Только мы говорили о скуке — и вот уже нам дано задание!

В большом зале «Креста» было оживление. На мате в углу большого спортивного зала тренировались мутанты. Джон Маршалл, одетый лишь в спортивные трусы, отдавал команды:

— Встать — лечь, встать — лечь, встать — лечь, встать...

Гукки лег плашмя на живот и так и остался лежать. Казалось, что он больше не слышит команды.

— Что случилось, малыш? Устал?

Гукки поднял голову и оперся на руки. Он неприязненно посмотрел на Джона Маршалла.

— Я не знаю, зачем это, зачем все эти ненужные усилия, если сила нужна только для еды пудинга. Вместо того, чтобы беречь наши силы, мы бесцельно расточаем их здесь. Вы можете заниматься дальше, а с меня достаточно.

— Мы должны быть в форме, Гукки. Спорт — это здоровье!

— А лень — усиливает мышцы,— провозгласил Гукки торжественно.— А я только за сильные мышцы!

Мужчины рассмеялись.

Джон Маршалл вздохнул.

— Я не могу тебя принудить делать с нами эти упражнения. Спорт — это добровольное дело. Но и ты не мешай нам. Исчезни. Ты задерживаешь нас.

Гукки встал и разыграл из себя обиженного.

— Так я мешаю? Всегда, когда говорят правду — мешают. Это мне известно. Если я буду нужен, я буду у себя в каюте.— И он пошел, переваливаясь с боку на бок.— А вы скоро будете во мне нуждаться! — добавил он яростно.

Джон Маршалл ухмыльнулся и стал командовать дальше.

— Встать — лечь, встать — лечь, встать...

Из громкоговорителя донесся голос Перри Родана:

— Внимание, внимание! Джон Маршалл, явитесь, пожалуйста, с Рас Чубаем, Горачиным и Гукки в мою каюту. Я жду вас через десять минут. Это приказ!

Мутанты поднялись.

Гукки вразвалочку подошел к группе. Он ухмылялся.

— Ну, что я говорил? Вы должны были бы отдохнуть вместо того, чтобы делать эти глупые упражнения. Я чувствую себя отлично. Чего мы еще должны дожидаться?..

Все еще ухмыляясь, он пошел впереди всех к выходу.

Почти в то же время капитан Эдер, офицер специальной команды, выполнил поручение Перри Родана отобрать сорок девять добровольцев для выполнения особо важного задания. Эдер сделал это со свойственной ему тщательностью и назначил лейтенанта Зибенгелла своим заместителем. Через полчаса он со своей группой вошел в ангар и представился майору Кизому.

В это же время прибыли трое мутантов. Майор Боб Кизом доложил Перри Родану, что корвет КС-41 готов к старту.

Через минуту открылся стартовый шлюз и КС-41 вылетел в пространство.

Одно из самых невероятных приключений, таким образом, началось.

2

Даже здесь, в ста шестидесяти световых годах от центра круглой галактики М-67 звезды располагались очень плотно. Среднее расстояние между ними составляло 2-2,5 года. Так как майор Кизом знал точные координаты своей цели, было возможно покрыть это расстояние за один прыжок. Лейтенант Крамер, его пилот, отговорил его от этого. Он предупредил делать прыжки дальностью до пяти световых месяцев и смотря по обстоятельствам делать короткие паузы для того, чтобы отдохнуть в эйнштейновском пространстве.

Три мутанта задержались в отведенной для них каюте. Двухголовый мутант Иван Иванович Горачин разговаривал с телепатом Рас Чубаем. Гукки проводил время лежа на кровати и исследуя мысли экипажа. Это было одно из его любимых занятий и он мог таким образом узнать очень многое. Иногда и такое, что его совершенно не касалось.

Он открыл глаза и сказал:

— Извините, что я прервал ваш интересный разговор. Но тут, однако, кое-кто назвал меня ужасом солдата. Как вы это находите?

— Я нахожу это справедливым, — сказал Иван Иванович, левая и младшая голова Горачина. — По-моему мнению, ты не только ужас солдата, но и страх всей Вселенной.

Гукки поднялся и его клык блеснул от возмущения.

— Страх Вселенной? Ты выразился очень плохо. Меня называют героем Вселенной.

Прежде чем это могло привести к бесполезному спору, вмешался Рас Чубай. В конце концов, он отлично знал Горачина и, особенно Гукки.

— Намного интересней было бы узнать, почему этот член экипажа думает, что ты страх для солдата, мой дорогой Гукки. Это должно быть и для тебя очень поучительно.

— Несомненно, — подтвердил мыше-бобер. Он ухмыльнулся. Со своими толстыми щеками он видел как хомяк. — Он вспомнил некоторые военные эпизоды, в которых я действовал не по приказу выс-

шего командования. Результат был, само собой, тот же, как выполни я задание в полном соответствии с приказом. Но у меня нет злобы землянина. Я считаю, что мои противники — люди. Я хочу подчеркнуть, что выражение «человек» употребляется мною символически.

— В конце концов, я думаю, что я сам человечнее, чем люди — и несмотря на это я не человек. Слава господу!

— Ах, и поэтому он назвал тебя страхом солдат? Почему?

— В этом случае имелся в виду солдат Атлан. Но может быть он думал о Перри Родане. Если производятся какие-то военные операции, оба они командиры и оба отдают приказы. Поэтому они солдаты. И для обоих я подобен страху, если дело идет об уничтожении противника. — Гукки расхохотался. — И я, конечно, выполняю задание — правда, на свой манер. Хотите знать, — добавил он задумчиво, — в чем здесь разница? Считают результат, а не метод его достижения.

Рас Чубай немного отклонился назад и посмотрел на Гукки.

— То, что я скажу, прозвучит парадоксально. Ты мыслишь совершенно неправильно, и несмотря на это ты все-таки прав. Понимаешь ты это?

Гукки усердно закивал.

— Конечно, я понимаю. — Он пытливо посмотрел на телепата. — Как ты, однако, это понимаешь?

Иван и Иванович смеялись так, что их общее тело тряслось от удовольствия. Рас Чубай только усмехнулся.

Гукки, кипя от ярости, опять улегся и закрыл глаза.

— С вами вообще нельзя разговаривать, — констатировал он озлобленно. — Я лучше буду размышлять. А читать ваши мысли вообще совершенно бессмысленно. Их можно читать с такой же пользой, как мысли брюссельской капусты.

В то время, как три мутанта вели такого содержания разговор, капитан Эдер собрал своих людей в кают-компанию. Он объяснил им смысл и цель экспедиции и закончил словами:

— Все вы знаете, что оба халютера являются друзьями и помощниками Перри Родана. Они нам помогали во многих затруднительных случаях. Сейчас халютеры, как будто попали в затруднительное положение. Само собой разумеется, мы им поможем, чем сможем. Так как Перри Родан посчитал нужным дать нам трех одаренных мутантов, вы можете представить каким важным делом он считает эту экспедицию. Я думаю, нет больше необходимости говорить об этом. Я знаю, что могу положиться на вас.

Люди одобрительно зашумели. По их мнению, эта вступительная речь была излишней. Один из сержантов бросил взгляд на стойку в кают-компанию, за которой на табуретке сидел один из барменов и клевал носом.

— Мы бы хотели выпить по стакану фруктового сока, — сказал он с сарказмом.

Лейтенант Зибенгель бросил вопросительный взгляд на капитана Эдера. Капитан кивнул.

Лейтенант Зибенгель подошел к стойке и с силой ударил по ней кулаком. Бармен почти упал со своего табурета, но в последний момент удержался. Он с трудом поднялся.

— Что желаете? — заикаясь, спросил он.

— Фруктового сока! — сказал лейтенант Зибенгель энергично. — Если можно — подогретый!

Бармен посмотрел на часы, подумал секунду, затем кивнул.

— Алкоголь разрешается на корвете за два часа до операции.

Лейтенант Зибенгель благосклонно кивнул.

— Хорошо, что эти два часа только начались, не так ли?

Бармен снова кивнул.

— Да, они только что начались, — подтвердил он.

В командном отсеке лейтенант Крамер начинал третий пространственный прыжок.

Лейтенант Крамер растянул третий пространственный прыжок на один световой год. Через десять часов полета КС-41 достиг заданной точки и вышел в нормальное пространство. Бортовые навигационные приборы начали работать, и через десять минут компьютер выдал результаты. Майор Кизом ввел перфоленты и вставил их в дешифратор. Через минуту он получил расшифрованные данные.

— Солнце — белый карлик с необычайно сильным гравитационным полем. Вокруг него вращается лишь одна небольшая планета тысяча восемьсот километров в диаметре. Я бы сказал, что это пойманный планетонд. Без всяких признаков атмосферы. На поверхности нет ничего, кроме мертвых скал. Для такой маленькой планетки сила ее притяжения слишком велика. Или масса планеты чудовищно большая, или ее поле притяжения искусственно. Температура на поверхности близка к абсолютному нулю, так как несмотря на свое расположение близко к звезде, она получает от нее слишком мало тепла. Вообще, это очень неприятный мир, от которого можно ожидать любой пакости. И если чувство меня не обманывает, халютеры на этой планете. Лейтенант, позаботьтесь, чтобы наша радиостанция была все время на приеме.

Лейтенант Крамер только кивнул. Он был занят выводением корвета на орбиту. В целях предосторожности он выбрал орбиту на высоте тридцати пяти тысяч километров от поверхности планеты.

С помощью наблюдательных приборов майор Кизом пытался найти черный корабль халютеров. Но это было не так просто, как он себе представлял. Поверхность, лишенная растительности, бесконтурные тени вершин гор запутывали панораму, добавок к этому наблюдательные приборы начали фальшивить. Стрелки танцевали на шкалах и не давали никаких вразумительных показаний. Под поверхностью этой планеты должны были находиться гигантские залежи тяжелых

металлов.

Но лишь на пятом витке лейтенант Крамер указал на экран и сказал:

— Это он! Это должен быть корабль халютеров.

С большой высоты ландшафт изменялся медленно. У майора Кизома было достаточно времени, чтобы внимательно рассмотреть это место. Когда лейтенант Крамер включил дополнительное увеличение, то и майор увидел это. На поверхности планеты, вблизи группы холмов, стоял круглый черный корабль халютеров. Он лишь чуть выделялся на фоне чуть более светлой почвы. Прежде всего это была тень корабля, которая бросилась в глаза лейтенанту Крамеру. Овальная и вытянутая, она указывала, как стрелка, на запад. Прямо против этого места должно было восходить солнце.

И здесь тоже приборы регистрировали мощные металлические массы. Все еще не удавалось получить точные данные. С помощью специальных приборов были зарегистрированы несколько волн энергии, источник которых оставался неизвестным.

Майор Кизом приказал заложить данные о местоположении корабля халютеров в компьютер, а лейтенанту Крамеру продолжать вращение вокруг планеты, понемногу опускаясь все ниже. Одновременно через интерком он вызвал трех мутантов и руководителя специальной группы в командный отсек.

Когда капитан Эдер, Рас Чубай, Горачин и Гукки вошли в командный отсек, Кизом проинформировал их о положении дел. Гукки сказал:

— Само собой, мы должны спуститься ниже, майор. Если мы уже отыскивали корабль халютеров, то должны принимать их радиосигналы. Если мы их не принимаем, значит халютеры их не посылают или не могут послать. Если они не могут их послать, значит они находятся в затруднительном положении и мы должны им помочь.

— Я бы не стал спешить с выводами, — ответил майор Кизом. — Нужно определить местоположение источника энергии. Ведь, может быть, что радиосигналы не проходят или сильно искажаются. Может быть даже, что Ихс Толот и Фанкан Тайк посылают их, но мы не можем их принять. Мы должны считаться со всем этим.

— Но я должен разок туда прыгнуть? — осведомился Гукки.

Рас Чубай положил ему ладонь на руку.

— Я бы не советовал тебе этого, Гукки. Ты уже однажды прыгал на энергетический экран и был отброшен назад. Ты знаешь, что это влечет за собой очень болезненные последствия.

Гукки посмотрел на экран.

— Кто это сказал, что там внизу энергетический экран? Речь идет лишь об источниках энергии.

В этот момент лейтенант Крамер доложил:

Истечение энергии усиливается. Этому существует лишь одно

объяснение: под поверхностью планеты должны находиться машины, которые только что начали свою работу! Машины, наверное, приводятся в действие с помощью атомной энергии, иначе они бы не могли излучать такую массу энергии. Я думаю, мы должны быть предельно осторожными. На планете может кто-то быть, хотя она и кажется пустынной. А может быть, там находятся атомы, которые обслуживаются роботами. Но кто в этом заинтересован?

Гукки вздохнул:

— Я думаю, что лучше останусь здесь.— Он откашлялся.— Конечно, лишь в ваших интересах!

Между тем КС-41 приблизился к поверхности на расстояние в 10000 километров. Один из радистов сообщил через интерком, что приняты слабые и непонятные сигналы. Кизом резко встал и при этом сказал:

— Это могут быть лишь халютеры! «Крест» тоже лишь принимал сигналы Морзе. Вероятно, у них нет энергии.

Кизом направился в радиорубку. Сзади него шел Гукки, за ним следовал капитан Эдер. В радиорубке работали запоминающие приборы. Из динамика доносились тонкие писк, одни короткие, другие длинные. Несомненно, речь шла о самых примитивных сигналах Морзе, которые применялись лишь в крайнем случае. Гиперрадиоразговор требовал в сто раз больше энергии.

— Ну как с пеленгом? — спросил майор Кизом у радиста.

— Сигналы исходят с планеты. Координаты установлены.

— Хорошо, будьте все время на связи, а расшифрованный текст присылайте мне на командный пункт. И надо торопиться.

Вместе с Гукки и капитаном Эдером он ушел на командный пост.

Панорама на большом экране совершенно не изменилась — все также еще танцевали стрелки на шкалах. Они указывали на то, что в верхних слоях атмосферы планеты имеют место огромные энергетические выбросы. КС-41 остался на орбите в десять тысяч километров.

Пришел радист и принес радиограмму. Майор Кизом взял ее, прочел, затем неторопливо сложил пополам. Его лицо было очень серьезным, когда он сказал:

— Их Толот сообщает, чтобы мы ни при каких условиях не приближались к планетоиду ближе, чем на пять тысяч километров. Он утверждает, что там имеется поглотитель энергии. Этим и объясняются их слабые сообщения. Они сообщают, что их генераторы работают на полную мощность, а энергии едва хватает. Они предполагают, что так называемый поглотитель энергии препятствует старту корабля. Из-за этого мы и не должны приземляться.

Гукки протолкнулся вперед.

— Однако, ясно, что именно я должен телепортироваться вниз. Как же иначе мы наладим связь с халютерами? Впрочем, именно поэтому Их Толот нас и требовал.

— Я тоже не вижу другой возможности,— сказал майор.— Если

уж халютерам не удастся стартовать на своем суперкорабле, то у нас вообще нет никаких шансов выбраться оттуда. Мы не можем нести ответственности за твой прыжок.

Вмешался двухголовый мутант Горачин. Иван сказал:

— Я думаю, что это относится и ко мне тоже.

Гукки слегка подпрыгнул и хлопнул его по плечу.

— Само собой разумеется, малыш. Ты идешь со мной. Что бы мы без тебя делали?

— Я посоветовал бы вам надеть специальные боевые костюмы, — сказал майор Кизом. — Никто не знает, что вас там ожидает внизу. Так как мы останемся на орбите, мы вряд ли сможем вам помочь. Вы должны рассчитывать только на себя. Я надеюсь, что радиосвязь не прервется. Жалко, что у нас на борту нет телепата. Гукки тогда мог бы постоянно держать с ними связь.

Боевые костюмы выполняли все функции космического скафандра. Кроме того, они могли делать того, на кого были одеты, с помощью дефлекторного экрана, невидимыми, обладали антигравитационными излучателями, благодаря которым они нейтрализовали любое поле тяготения. Энергетические ранцы этих костюмов могли создавать индивидуальный защитный экран высочайшего качества и защищать с помощью него своих носителей от опасностей.

— Мы должны попробовать телепортироваться, — крикнул Гукки. Рас Чубай крепко держал его.

— Никогда не торопись, малыш. Мы находимся над обратной стороной планеты. Кроме того, мы должны подготовиться. Когда мы опять будем над кораблем халютеров, майор?

— Только через двадцать минут. Мы останемся на орбите в пять тысяч километров. Если понадобится передать нам что-либо очень важное, можно одному из вас телепортироваться на корабль.

Через четверть часа три мутанта ждали команды майора Кизома. Горачин стоял между двумя телепортантами, которые крепко держали его за руки.

И вот, наконец, лейтенант Крамер, который управлял кораблем, кивнул командиру. Майор Кизом отдал команду обоим телепортантам.

Еще мгновение и оба человека и мыш-е-бобер исчезли.

3

Черный шарообразный корабль неподвижно стоял на серой каменной пустыне. На заднем плане поднималась крутая цепь гор, резко граничащая с усыпанным звездами небом. Солнце поднялось выше. Это была маленькая белая звезда, которая давала очень мало тепла. Звезды стояли так плотно, что небо было почти белое. Это было странное, жуткое зрелище.

В центральном посту корабля сидели Ихс Толот и Фанкан Тайк.

Они пристально смотрели на экран, на котором почти ничего нельзя было различить. Энергии хватало лишь на то, чтобы различать контуры предметов. С помощью приборов было установлено присутствие корабля землян. Толот мог только надеяться, что их услышат, и их сигналы будут приняты. Подтверждением приема стало то, что КС-41 спустился, но не пересек границу пяти тысячи километров. Он остался на орбите.

— Кажется, дело идет на лад, — сказал он своему спутнику. Для человеческого глаза оба гиганта были почти неотделимы один от другого. Они, как говорят, были похожи как две капли воды. — Если у них на борту есть телепортанты, то скоро у нас будут гости. Мы не знаем, было ли наше послание принято полностью. Будем ждать, что здесь появится карапуз.

На лице Фанкана Тайка не появилось никакого выражения. Как историк и ученый, он был уважаем своим народом, что однако не могло воспрепятствовать его тяге к приключениям.

— Под карапузом ты подразумеваешь этого Гукки? Я был бы очень рад, если бы он здесь появился. Его нельзя недооценивать, хотя он и невелик ростом.

— Важно качество, а не размеры, — согласился Ихо Толот. Он и мыш-е-бобер были закадычными друзьями. Они иногда помогали друг другу в сложной ситуации. На этот раз и мыш-е-бобер должен проявить максимум активности.

На экране появились расплывчатые линии от движущихся предметов. Фанкан Тайк наклонился, чтобы лучше их рассмотреть.

— Это три фигуры и все три разные, — сказал он. — Одна очень большая, одна — средних размеров и одна — очень маленькая. Еще бы чуть-чуть энергии и я смог бы различить их лица.

— В этом нет необходимости, — сказал Ихо Толот. — Большая фигура — Горачин, среднего роста — это может быть только телепортант Рас Чубай, а маленького роста — конечно, карапуз.

Толот поднялся, чтобы встретить гостей.

Так как благодаря своей изменяющейся структуре тела халютер мог находиться до пяти часов в вакууме, Толот не стал затруднять себя одеванием скафандра. Он вышел в воздушный шлюз, закрыл его за собой и открыл наружный люк. Затем он поднял все свои четыре руки, приветствуя мутантов.

Чтобы не терять времени, Гукки и Рас Чубай телепортировались в воздушный шлюз, взяв Горачина с собой.

Через две минуты они были в центральном отсеке. Они сняли шлемы. После короткого, но сердечного приветствия, Рас Чубай сказал:

— Ну как, Ихо, какова ситуация, что вы предлагаете?

Халютер указал на единственное кресло и сказал:

— Будет лучше, если вы сядете. Для объяснения всегда нужно время. На этой планете должны быть автоматические устройства,

которые реагируют на любой приземляющийся корабль из космоса. Они прочно держат нас здесь. Они забирают у нас энергию, которая необходима нам для старта. Мы должны быть довольны, что у нас остается достаточно энергии для поддержания жизненно важных функций корабля. Таким образом, они не желают нашей смерти. Дело только в том, что нам не дают возможности покинуть этот мир. Это все, что мы знаем. Фанкан Тайк вернулся на судно полчаса тому назад. Он совершил прогулку. Я думаю, что будет лучше, если он сам обо всем расскажет.

Три мутанта напряженно смотрели на халютерского историка. Фанкан Тайк, неподвижно сидя в кресле, начал рассказывать.

— Нам никогда бы не пришло в голову приземляться на этой планете. Мы заметили гигантские массы металла на этой планете. Мы засекли их, когда приближались к этой планете. До этого мы исследовали несколько других планетных систем, но ничего подобного не обнаружили. На этот раз было по-другому. Приборы установили, что наличие металлов было не на маленьком белом солнце, а на маленькой планете. Если верить приборам, то половина планетки была из металлов. Это возбудило у нас любопытство. Мы вышли на орбиту и, наконец, приземлились. После этого мы были «пригвождены» к почве, так как машины заработали автоматически. Они держат нас крепко.

Гукки, который сидел в гигантском кресле, которое могло вместить десятерых таких, как он, подался вперед.

— Я могу вас прервать? Если здесь так опасно, то не лучше ли просто телепортироваться на корвет? Это ведь очень просто!

Фанкан Тайк сделал верхней правой рукой жест, словно защищаясь.

— Мой рассказ еще не окончен, Гуки. Когда ты его дослушаешь до конца, ты будешь думать по-другому. Кроме того, исключено, что мы покинем наш драгоценный корабль. Ты знаешь, что он незаменим. Это было бы первый раз, когда мы капитулированы перед автоматикой. Если бы дело шло о чем-нибудь другом. Вполне возможно, что эта планета сотни или тысячи лет назад заселена. Сейчас на ней уже никого нет. Но разреши мне говорить дальше. Я покинул корабль и взял с собой ручной металлоискатель. Он облегчил мне поиски. Прошло не более получаса, когда я нашел то, что искал. Я обнаружил шлюз, который вел в глубину планеты. К этому времени нам уже было ясно, что мы сможем покинуть планету только тогда, когда деактивируем автоматические устройства и поглотитель энергии. Тогда я сделал попытку открыть шлюз, и это мне тоже удалось. Сразу же предупреждаю! Эта планета выдолблена внутри. У планеты значительная гравитация, но мы знаем, что ее создают расплавленные над поверхностью механизмы.

— Но для какой цели? — смущенно спросил Рас Чубай. — Ведь это маленькая незначительная планетка. Это единственная планета в этой системе. На ней нет атмосферы. К чему эти затраты?

— Я не могу вам дать никакого окончательного ответа. Но разрешите же мне рассказать все до конца. Затем вы сможете сделать свои выводы, и я думаю, что вы придете к такому мнению, что и я. Итак, я через стальной шлюз проник внутрь планеты. С Ихо Толотом я обо всем договорился. Я поддерживал с ним постоянную радиосвязь, так как ручные приборы работали нормально. Он просил меня не проникать глубже. Но я все же решил проникнуть подальше и достиг большой шахты, которая вдруг открылась передо мной. Я думаю, что это была антигравитационная шахта, которая, однако, не функционировала. Она была наполнена скелетами.

Фанкан Тайк замолчал. Горачин и Рас Чубай с ужасом смотрели на него. Гукки беспощадно ерзал в кресле, не задав ни одного вопроса.

После небольшой паузы Фанкан Тайк продолжал:

— Скелеты могли там лежать целые века и тысячелетия. Несмотря на стальные шлюзы, в шахте не было атмосферы. Это тоже было одной из причин, почему скелеты так хорошо сохранились. Я стоял на краю шахты и смотрел вниз. Свет моего прожектора тысячекратно отражался от белых костей. В этот момент мне казалось, что я опускаюсь в мое прошлое. То, что я видел — было прошлое. Только неизвестное нам всем прошлое, остатки которого сохранились до нашего времени. Все скелеты были от существ, обладающих двумя ногами и четырьмя руками, которые имели по шесть пальцев. Они, должно быть, были больше трех метров. Другими словами: в шахте под поверхностью этой планеты лежали тысячи скелетов моего народа.

В центральном отсеке висела глубокая тишина. Было слышно лишь дыхание землян, да стоны мыш-е-бобра. Если, однако, сходство между шестичленными скоарс и халютерами сбивало с толку, то то, что рассказал Фанкан Тайк, было просто невероятно. Это было потрясающе и указывало на возможность, которая могла стать для земного ума поворотным пунктом.

Гукки явно забыл о своем предложении доставить халютеров на корвет. Сообщение Фанкана Тайка его буквально сразило. Он понял состояние халютеров и напрасно старался установить с ними телепатическую связь. Сходство это было предельно ясно и ни в коем случае не могло быть случайностью! Шесть конечностей — это был ключ к тайне. И думфрис, жабоподобные солдаты планеты Труктан, имели по шесть конечностей. Казалось, что для очень многих народов и рас внутри гигантской круглой галактики М-67 были характерны шесть конечностей.

После паузы Гукки спросил слабым голосом:

— Фанкан, ты придерживаешься мнения, что фактическое место, откуда произошли халютеры, не наш Млечный Путь и не Магелланово Облако, а, возможно, это галактика. Это, однако, труднее себе представить из-за такого расстояния.

Оба халютера молчали. Исторические записи их народа уходили вглубь прошлого лишь на восемьдесят тысяч лет. Многие подробности

этой истории неизвестны... Но галактика, расположенная в трехстах миллионах световых лет от Млечного Пути, ни разу не была упомянута в их истории. И все же, должна была существовать связь. Такого рода случайности не могло быть.

— Что вы думаете обо всем этом? — осторожно осведомился Рас Чубай.

Фанкан Тайк ответил ему:

— Мы уверены, что связь имеется. Это все не может быть лишь одной из причуд природы. Сходство поразительно. Я только не знаю, что нам это принесет, когда мы эти связи разгадаем. Могут быть такие последствия...

Он замолчал.

Гукки вспомнил и другие события.

Он вспомнил о вторжениях халютеров более чем пятьдесят тысяч лет назад. Тогда четырехрукие гиганты опустошали все, как бешеные, и на любую разумную расу, которая им противостояла, нападали и уничтожали. Все это они проделывали совершенно безжалостно. Им удалось захватить почти весь Млечный Путь. Тогда и появились так называемые Кондиционаторы-2. Они были гораздо больше и ужаснее, чем халютеры. Не было никакого сомнения в том, что Кондиционаторы-2, во всяком случае, были родственны с халютерами. Органически они были развиты гораздо лучше. Они были воистину неприступны и непобедимы. В отношении развития кондиционатор так относился к халютеру, как халютер к скоарс. Исходя из этого, напрашивался вывод, что скоарс была для остальных первоначальной расой. Халютеры должны были происходить от нее, а позднее из халютеров появились кондиционаторы.

Это и были воспоминания, которые заставили Гукки замолчать. Он беспомощно сидел в гигантском кресле и смотрел на людей и халютеров. В его глазах блеснуло что-то, напоминающее страх.

Ихо Толот понял состояние собравшихся и изменил тему. Одной из своих рук он указал на оборудование контрольного пульта.

— Вы видите, что наши генераторы работают на полную мощность. Вы видите также, сколько вырабатывается энергии. Ее недостаточно для двигателей и для защиты. Ее недостаточно даже для эффективного защитного экрана. Мы беспомощны. Если сейчас на нас кто-нибудь нападет, мы совершенно беззащитны. С другой стороны, мы не можем покинуть наш корабль. Что вы предлагаете?

Иван и Иванович Горачин начинали шепотом беседовать. Для них это было не фокусом, так как у него было две головы, Иван и Иванович, которые имели одно и то же тело. Казалось, они не во всем были согласны между собой. Никто не мог понять, о чем они говорили. Наконец, они закончили спорить, и Иван сказал:

— У нас нет выбора. Мы должны указать, что происходит под поверхностью этой планеты. Я бы предложил это разведать Расу Чубаю и Гукки. Мы останемся на корабле. Так мы в любое время

можем защититься. Иванович и я легко можем заменить импульсный лазер. С другой стороны, оба телепата не нуждаются в помощи. Если они будут в опасности, то в любое время могут телепортироваться на корвет или на корабль.

Рас Чубай одобрительно кивнул.

— Это и я хотел предложить. Для меня и Гукки не представляет большой опасности войти в помещение, где расположены механизмы. Мы в любое время можем телепортироваться в безопасное место в случае необходимости. Эта планета кажется ничем иным, как гигантским киберустройством. Мы не долго сможем здесь находиться.

— Будьте осторожны,— сказал Ихс Толот.— И автоматическое устройство может создать энергетический экран. Скелеты наводят на размышление. Это без сомнения скелеты халютеров, а вы знаете способности халютеров. Если они умерли в этой подземной крепости, то должно быть, не смогли и не были в состоянии себя защитить. И устройства, которые делают халютеров беспомощными, должны обладать техническими возможностями, которые, вероятно, смогут расправиться и с телепортантами.

Гукки прервал опасения Толота одним движением руки.

— Пусть тебя это не беспокоит, великан. Я, в конце концов, справился с Олл Мэнями. А здесь я не вижу до сих пор никакого нападения. Возможно, что нам даже удастся выключить поглотитель энергии. Тогда мы сможем стартовать отсюда в любое время.

Он слез с кресла и оттолкнул Рас Чубая в сторону.

— Ну как, будем ли мы, наконец, действовать?

Рас Чубай не ответил. Он поправил свой боевой костюм и закрыл шлем. Гукки последовал его примеру и тотчас же включил интерком. Ихс Толот проверил радиосвязь. Она функционировала безупречно. Но было неясно, будет ли она также функционировать, когда оба телепортанта исчезнут под поверхностью. Через несколько секунд оба халютера и двухголовый мутант Горачин остались на черном корабле одни.

Плита стального шлюза с трудом сдвинулась со скального основания. Гукки и Рас Чубай нашли ее после коротких поисков. Корабль халютеров стоял в полукилометре от них. У телепортантов не было намерения драться с техническими игрушками.

— Радиосвязь функционирует нормально.

— Если мы телепортируем, мы должны держать связь,— сказал Рас Чубай и указал на металлическую плиту.— Мы ни в коем случае не должны потеряться.

Гукки постучал по своему импульсному лазеру.

— Мне никакой робот не должен пересекать дорогу — я превращу его в высококачественную расплавленную массу.

Они знали, что под металлической плитой вглубь планеты ведет шахта. Описание Фанкана Тайка было очень ярко. Эта шахта должна быть выходом из поперечного радиуса, который вел во всех направлениях. Прежде чем телепортироваться, они включили нацеленные

лампы.

Когда они материализовались, то оказалось, что они падают вниз. Они не потеряли присутствия духа и тотчас же включили антигравитационные аппараты боевых костюмов. Падение прекратилось и перешло в медленное планирование. Они огляделись. Через каждые пятьдесят метров стены шахты прорывали почти двухметровой ширины стальные туннели. Каждый из них образовывал ступеньку, благодаря которой можно было достичь прохода, ведущего в скалу. Проходы вели во все четыре стороны. В этих походах лежали упомянутые Фанканом скелеты. Было ясно, что живые существа пытались через шахту достичь поверхности планеты. И здесь они нашли свою гибель. Сами проходы были выше четырех метров и пять метров в ширину. Воздуха в них не было.

Гукки и Рас Чубай продолжали планировать дальше в глубину. Они бы могли бы начать свои поиски здесь, но их главная задача и цель были найти машины, установки и энергетические накопители. А они, конечно, были установлены как можно дальше от поверхности планеты.

— Скелеты эти принадлежат, конечно, халютерам, — прошептал Гукки. — Никакого сомнения. Теперь я понимаю, почему Ихс Толот и Фанкан Тайк были так смущены. Они всегда считали, что их народ — это лишь сто тысяч душ, а здесь, в месте, отдаленном от их планеты на тридцать миллионов световых лет, они находят тысячи и тысячи скелетов.

После долгого падения они приземлились на твердую почву. Шахта кончилась и отсюда вели коридоры на все четыре стороны. Совсем слабая вибрация, слышимая лишь через специальные вибромикрофоны, указывала им дорогу. И здесь внизу, внутри планеты, не было атмосферы! Но они были уверены, что когда-то она здесь была. Когда Рас Чубай положил свою руку на гладкую, красно-голубую драгоценную сталь, он почувствовал вибрацию далеко работающих машин.

Они прошли еще немного и вдруг, как по команде, остановились. На правой стороне гладкая стена похода прерывалась. Она была заменена железной решеткой. Собственно, это была не решетка, а ряд плотно стоявших колонн, каждая из которых была двадцать сантиметров толщиной. Маленькие отверстия в потолке доказывали, что в качестве дополнительной защиты использовался еще и энергетический экран. За колоннами загородки было огромное помещение, которое было заполнено горами скелетов. Это было самое ужасное зрелище, которое оба телепортаника когда-либо видели. Они молчали. Стояли и смотрели на безмолвных свидетелей страшной катастрофы.

Кто это был? Кто убил беспомощных пленников?

Не было слышно ни единого звука. Лишь специальный микрофон улавливал отдаленное жужжание. Вместо того, чтобы нарушать тишину, оно еще больше подчеркивало ее.

— Тюрьма! Здесь внизу была тюрьма! — Рас Чубай прислонился

к колонне. Ноги отказывались ему подчиняться. — Возможно, в прошлом, вся эта планета была тюрьмой. И скелеты — все, что осталось от живых существ, которые были подобны халютерам. И рост их подходит. Это скелеты великанов, до трех с половиной метров длиной. Это должны были быть халютеры!

— Если это были халютеры, в чем сейчас я тоже твердо уверен, то почему же здесь их держали в тюрьме? Почему их сконцентрировали в одном месте и затем уничтожили? На это должны были быть основания.

— Конечно, основания были. Возможно, мы их даже найдем. Но я в этом очень сомневаюсь. Страшные события должны были произойти много тысяч лет назад. Если когда и были органические сторожа, то они давно уже вымерли, все до одного. Все, что осталось — это автоматика. И мы, если сможем, должны ее открыть и отключить.

Они пошли дальше. Им попадались все новые и новые отделения, все они были заполнены скелетами. Жужжание машин не становилось громче. Оно было везде. Стены из красно-голубой благородной стали являлись хорошим проводником вибрации. Она распространялась в них на сотни километров и была слышна также сильно, как и раньше.

В стороны ответвлялись новые коридоры, и телепортанты следовали по ним. Более двух часов бродили они по этому лабиринту и везде находили скелеты. Вся планета была ничем иным, как гигантской тюрьмой с непредставимыми мерами охраны. К счастью для телепортантов, все эти меры охраны не действовали. И они не могли знать, сработает ли автоматика и начнет ли она ответные действия. За считанные секунды вся тюрьма могла наполниться киберустройствами. Роботы могли появиться из открытых дверей и напасть на них. С потолка могли упасть энергетические занавеси и отрезать их. Могло произойти все что угодно.

В результате отсутствия атмосферы, все скелеты отлично сохранились. Даже на красно-голубой благородной стали не появилось ни одного пятнышка ржавчины. По оценке Раса Чубая, они видели уже около ста тысяч скелетов. А это было столько же, сколько насчитывала раса халютеров в Млечном Пути. Они познакомились лишь с самой малой частью подземной тюрьмы. Вся эта планета была полой, как указал Фанкан Тайк, и поэтому здесь могли погибнуть насильственной смертью миллионы халютеров.

Это было ужасное зрелище.

— Те, — сказал Раса Чубай, — кто строили эту тюрьму, должны были точно знать, кто будет в ней заключен. Вся конструкция указывает на то, что они хорошо знали об удивительных свойствах халютеров. Простые стальные стены не удовлетворили их. Здесь должны быть чудовищно толстые стены с очень большим сопротивлением. Повсюду должны быть установлены лучевые предохранители. Кроме того, высота проходов, величина входов и камер... Я не сомневаюсь, что строители этой планеты-тюрьмы создавали все эти устройства

лишь для того, чтобы уничтожить халютеров. Я не знаю, узнаем ли мы когда-нибудь, для чего это было нужно. Но я вспоминаю и то, что более пятидесяти тысяч лет назад халютеры пытались завоевать Млечный Путь. Я вспоминаю, с какой жестокостью они шли вперед и уничтожали все миры, которые находились на их пути. Было ли здесь нечто подобное? Тогда мы смогли бы понять назначение этой планеты.

Гукки стоял спиной к стене. По другую сторону прохода опять было подземелье со скелетами. Он задумчиво смотрел на него.

— Раса халютеров в ходе последних тысячелетий изменилась. Раньше они были жестоки, а теперь миролюбивы и очень любят приключения. Это видно на примере Ихс Толота и Фанкана Тайка. Они стали нашими друзьями. И я думаю, с этим надо считаться. Мы должны попытаться раскрыть здесь тайну. Я думаю — это ключ к их прошлому, которого не знает ни один халютер.

Они шли дальше и не подозревали, что на поверхности в это время случилось несчастье.

В командном центре халютерского корабля Иван и Иванович Горачин беспокойно ходил взад и вперед. Проверка показала, что энергия все еще поглощается. Но установки кондиционирования воздуха работали нормально. Таким образом, на их жизнь не покушались.

Пока нет.

Цепь холмов находилась в пятнадцати километрах от корабля. Самая высокая вершина была немного сглаженной и образовывала плато размером сто — сто пятьдесят квадратных метров. Она была сделана из стальной решетки. На самом верху ее находился шар диаметром полметра. Этот шар серебристо блестел в свете солнца и звезд.

Шар был индивидуальным регистратором колебаний.

Когда халютер Фанкан Тайк покинул корабль и нашел стальной шлюз, его индивидуальные излучения были зарегистрированы шаром. Он передал сигнал дальше и дал сигнал тревоги. Однако тот факт, что на планете в течение пятидесяти тысяч лет не было ни одного живого халютера, замедлил работу компьютеров защиты. Было произведено множество замеров. Полученные цифры и факты были доставлены и оцелены. Результат безошибочно свидетельствовал, что не только на самой планете, но и во всей галактике не было ни одного живого халютера. Раса халютеров была полностью истреблена. В живых не оставалось ни одного экземпляра.

Несмотря на это, данные о присутствии халютеров поступали и требовали ответных действий. В это время Рас Чубай и Гукки достигли корабля халютеров, поговорили с ними и телепортировались в подземную тюрьму. Они были там уже часа два, когда станция главного пульта, робот-комендант, дала, наконец, приказ об уничтожении приземлившихся чужестранцев.

Мертвая планета вдруг проснулась.

К этому времени Ихо Толот, Фанкан Тайк и Иван и Иванович Горачин покинули корабль. От телепортантов не было никаких новостей. Фанкан Тайк вел своих друзей к стальному шлюзу. Прежде чем включить механизм открывания люка, он еще раз попытался установить связь с телепортантами. Он получил очень слабый, но понятный ответ.

— Я думаю,— сказал Рас Чубай,— мы достаточно все осмотрели. Теперь мы знаем, что здесь произошло. Нужно ли осматривать дальше?

Фанкан Тайк вопросительно посмотрел на Ихо Толота. Тот ответил:

— Я не знаю, имеет ли это смысл. С другой стороны, мы прочно сидим здесь вместе с кораблем. Мы, по меньшей мере, должны найти и отключить поглотитель энергии.

Энергетические установки собственно тюрьмы были для них интересны.

Горачин в разговоре не участвовал. Он слушал и внимательно осматривал окрестности. Хотя и планета была мертвой, было такое чувство, что со всех сторон ее окружают невидимые опасности. Солнце поднялось еще выше и было теперь в зените. Поэтому можно было ясно разглядеть горы, находящиеся в пятнадцати километрах от них. Иван, правая и старшая голова, не выпускал их из виду, в то время как Иванович наблюдал за равниной. Тени здесь были так коротки, что хорошо были различимы все подробности.

Горачин был одним из самых удивительных мутантов. Его психическая сила действовала на все соединения кальция и углерода. Так как практически вся вселенная состояла из соединений этих элементов, то Горачин мог в любой цели, которую он мог зафиксировать взглядом, вызвать атомный взрыв. Для этого лишь нужно было, чтобы обе головы определили местонахождение цели и сконцентрировали на ней все свои психические силы.

Иван вдруг вздрогнул.

— Что это там у гор, Иванович? Посмотри-ка туда. Там что-то блестит. Это приближается.

Иванович повернул голову в указанном направлении. После минутного наблюдения он ответил:

— Ты прав, старик. Что-то приближается. Оно летит. При отсутствии атмосферы может летать лишь неорганическое, например, антигравитационный планер. Мне очень интересно, что это такое.

Халютеры прервали свой разговор с телепортантами, но Гукки и Рас Чубай могли слышать все, что происходит на поверхности.

Ихо Толот сказал:

— Это летающие роботы. Они выглядят так же, как летающие роботы на планете Труктан. Таким образом, и здесь между ними есть связь. Они очень быстро приближаются к нам — и они очень

опасны. Я думаю, нам лучше будет, если мы вернемся на корабль.

— Зачем? — спросил Фанкан Тайк. — Мы ни в коем случае не должны подвергаться опасности в корабле. Он нам нужен. У меня предчувствие, что летающие роботы здесь из-за нас. Здесь была тюрьма халютеров, а мы оба, Ихо, — халютеры. Горачин, вы можете вернуться на корабль. С вами ничего не случится.

Иван и Иванович одновременно покачали головой.

— Об этом не может быть и речи. Я вам нужен. Хотите посмотреть, как я разделаюсь с роботами? Они от нас еще в пяти или шести километрах. Обратите внимание на первого... да, на того, который немного левее других.

Летающие роботы выглядели как маленькие крепости. Указанный Иваном робот уже начал стрелять. Лучи энергии раскалили камни и огненные змеи приближались к группе.

— Хорошо, сейчас! — сказал негромко Иван.

И в тот же момент там, где несколько секунд назад был робот, возникла очень яркая вспышка. Она равномерно разливалась во все стороны, пока не превратилась в огненный шар. Раскаленное облако затмило звезды, заставив их потускнеть.

Одного за другим Горачин уничтожил семь нападающих роботов. Трое остальных изменили свой курс и повернули по направлению к границе. Они были роботы и не могли решать сами. Они лишь изменили свою тактику.

— Идите вниз, — еле слышно пропищал Гукки по радио. — Здесь внизу ничего с вами не случится. Здесь больше никого нет.

Ихо Толот ответил:

— Возможно, ты прав. Если уж мы не можем вернуться на корабль, то, пожалуй, будет лучше, если мы исчезнем с поверхности. Возможно, охранная установка потеряет нас из виду. В конце концов, потребовалось столько времени, чтобы она начала действовать. Возможно, внизу в тюрьме нам будет безопаснее.

Фанкан Тайк предупредил:

— Вид там внизу не очень радостный, Ихо Толот. Но может нам повезет и мы найдем главную энергетическую установку. Мы ее отключим и тогда летающие роботы здесь, наверху, потеряют свою силу. Кроме того, мы сможем стартовать. Ну, идем, я знаю вход.

Прежде чем он смог нагнуться, возник энергетический занавес. Он был пяти метров высотой и окружал металлическую плиту шлюза, как мерцающий забор. И внизу, в долине возникли подобные энергетические занавеси. Таким образом, побег в глубину планеты был отрезан.

— Отойдите немного назад! — крикнул Иван. — Мы хотим посмотреть, сможем ли мы устранить эту помеху. Это может дать красивый взрыв.

Оба халютера спрятались за большой скалой. Сам Горачин отошел на пятнадцать шагов и остановился.

Он зафиксировал энергетический занавес и через несколько секунд возникла огромная колонна, которая со страшной скоростью выстрелила в небо. Когда она погасла, энергетического занавеса больше не было. На месте стальной плиты виднелась черная дыра.

— Ну, вот и все,— удовлетворенно буркнул Иванович.— Идемте, мои господа. Дорога свободна.

В то время как Ихс Толот и Фанкан Тайк спускались вглубь планеты, Горачин сбил еще трех летающих роботов, которые приближались с другой стороны. Затем он последовал за халютерами во внутрь планеты. Это было счастье, что здесь была пожарная лестница. Она выдержала вес халютера, и Ихс Толот должен был ждать, пока его спутник достигнет первой платформы. Затем спустились он и Горачин.

Вдруг над ним возник резкий световой поток. Они остановились и посмотрели вверх. Выход был герметически закрыт мерцающим энергетическим полем.

Они были в ловушке.

4

Автоматическая защитная установка имела не только летающих роботов. Когда оба халютера исчезли под землей, она дала новый импульс предупреждения расположенной в глубине распределительной станции. Это пока была лишь оборона. Толот, Тайк и Горачин поняли это, когда пробрались дальше и Гукки и Раса Чубая не было проблемой найти их и телепортироваться к ним.

Повсюду в тюремном мире активизировались разнообразные установки защиты.

Когда Гукки и Рас Чубай материализовались, они увидели Ихс Толота и Фанкана Тайка стоящими перед колоннами-решеткой. Оба халютера рассматривали сильно защищенное помещение, наполненное ужасом. Здесь, по меньшей мере, было пятьсот скелетов, которые лежали там грудой. Можно было представить чувства халютеров, когда они смотрели на скелеты. Халютеры стояли перед останками своих товарищей по расе, и, наверное, они думали об убийцах. Кто они были?

В потолке тюрьмы вспыхнул энергетический экран. Он лег перед колонной решеток и затруднил видимость. Некоторые скелеты, которые лежали вблизи экрана, рассыпались. Вскоре весь пол был покрыт толстым слоем белой пыли.

Оба халютера отступили.

— Ад на поверхности кончился,— сказал Ихс Толот.— Мы должны найти энергетическую станцию, или мы пропали. Вы не представляете себе, где он находится?

Рас Чубай покачал головой.

— Лучи приборов отражаются от мощных стальных конструкций. Вибрация чувствует ее везде, но она может быть также и от машин,

не связанных с энергетическим центром и работающих от самостоятельных источников питания. Если что мы и должны найти, так это робота-коменданта этой подземной крепости. Если мы его выведем из строя, мы выиграли. Но если вся планета пустотела, мы будем долго его искать.

Вдруг Гукки красн глаза увидел какое-то движение. Раздражающе-яркий свет лампы бросил причудливо-длинные тени. Он мог и опипиться, но несмотря на это, лихорадочно искал укрытие. И он его нашел.

— Быстрее бегите в проход! — Он схватил Горачина за руку. — Рас позаботится о Толоте и Тайке. В крайнем случае, они должны будут пробежать метров сто.

Едва Гукки это сказал, как металлическая плита на потолке сдвинулась в сторону. Оттуда появился спиралевидный ствол пульсационного орудия. Жерло его повернулось вниз и медленно приближалось к обоим халютерам, которые все еще стояли, не двигаясь. Было ясно, что орудие управляется автоматически. Жерло его искало свою цель. И оно игнорировало Гукки и Горачина, которые все еще не телепортировались. Оно искало халютеров и нашло бы их обязательно, но тут Ихс Толот преодолел свой шок. Он толкнул Фанкана Тайка в спину и побежал. Энергетический пучок пульсационного орудия упал на металлическую плиту в нескольких шагах сзади них и оплавил ее.

Метров через сто все опять встретились.

— Едва успели, — сказал Гукки. — И такие орудия, наверное, имеются везде. Мы должны быть очень внимательными. Я думаю, мы не должны возвращаться на поверхность.

— Это вообще не имеет смысла, — сказал Ихс Толот. — Во всяком случае, не раньше, чем мы найдем робота-коменданта и не уничтожим его.

Поиски продолжались. Все глубже проникали они в бронированный стальной лабиринт.

Они не встретили ни одного робота, но везде были вмонтированы установки охраны. Было странно, что эти установки охраны и маленькие контрольные станции не обращали ни малейшего внимания на Гукки, Рас Чубая и Горачина. Они реагировали лишь на халютеров. Это было последним доказательством того, что эта тюрьма была построена специально для халютеров.

Применяющиеся здесь вибрационные орудия были смертельны для халютеров. Ихс Толот проверил инверсионные колебания и установил, что они были сделаны так, чтобы уничтожить двойную систему мозга халютеров.

— Я думаю, что робот-комендант находится в центре планеты, — сказал Рас Чубай.

Он остановился. Проход перед ними расширился и превратился в огромный зал. В зале горел свет. Он исходил из потолка и от стен, а блестящий металлический пол тысячекратно отражал его. В этом

зале стояли гигантские машины. Это были бесформенные металлические блоки, стены которых были так толсты, что нельзя было понять, что там находится. Не было видно никакого движения. Отсутствовали даже рабочие роботы, которые были сейчас на полностью автоматизированных станциях. Направо вели широкие проходы через длинные ряды машинных блоков. На противоположном конце зала ход продолжался.

— Распределительная станция,— предположил Ихо Толот.— Если мы ее уничтожим, то некоторые автоматические орудия выйдут из строя. У нас нет с собой оружия. Вы думаете, Горачин...

Он посмотрел на мутанта. Обе головы кивнули, и Иван сказал:

— Для нас это мелочь. Если вы хотите, то мы поднимем этот зал на воздух. Но прежде мы должны отправить себя в безопасное место. А может быть достаточно лишь взорвать отдельные металлические блоки. Этим самым мы сможем предотвратить атомный взрыв. Жалко лишь то, что все они выглядят одинаково. Я не знаю, где атомный реактор, и есть ли он вообще.

Фанкан Тайк отступил на шаг назад, когда сзади него с потолка выстрелил энергетический занавес. Отступление было отрезано. Но Гукки успокоительно сказал:

— Не беспокойтесь. К счастью, это не Н-экран. Этот мы легко преодолеем телепортацией. И все же я бы посоветовал поскорее отсюда исчезнуть. Мы должны телепортироваться как можно скорее.

Он и Рас Чубай с Толотом посередине телепортировались на другую сторону зала. Затем они вернулись и схватили Тайка, а потом и Горачина. Все это длилось едва ли более десяти секунд. Этого было достаточно, чтобы уйти от возможных неприятностей.

— Итак, прячьтесь в проходе,— крикнул Иван.— Мы уничтожим машины отсюда. И укрытие для нас безопасно.

То, что случилось дальше, было как кошмар. Машинные блоки один за другим пропадали в детонации, сдерживаемой двойным мутантом, чтобы она не выделилась в атомный взрыв. Атомный взрыв внутри планеты имел бы роковые последствия. Но и так действие было достаточно разрушительным. Часть потолка обрушилась, а часть блоков изменилась, хотя металлический слой был не менее пяти метров толщиной. Он был слишком велик для халютера, хотя халютер и мог изменять структуру своего тела таким образом, что мог пробивать даже стальные стены. Можно было предположить, что и стены и зал состояли из такого же толстого слоя металла. Горачин последовал за всеми. Он улыбался в оба лица.

— Ну вот и все, мои господа. Всегда к вашим услугам.

При других обстоятельствах Гукки давно бы уже откликнулся на эту реплику, но теперь он промолчал. Он и так чувствовал себя не в своей тарелке. Его угнетала не эта опасность, которая грозила ему, а совсем простой факт, что он не мог в случае этой опасности

телепортироваться прочь. Он должен был заботиться о халютерах, на которых в первую очередь были направлены все атаки. Для переноса их и Горачина в безопасное место каждый раз требовалось три прыжка. А десять секунд иногда были вечностью.

Они достигли антигравитационной шахты, которая все еще функционировала. Ихо Толот установил это совсем простым образом. Он вынул из своей сумки в скафандре маленький предмет и бросил его в отверстие шахты. Предмет сразу же был подхвачен антигравитационным полем. Он медленно падал в глубину.

Горачин и Рас Чубай пошли первыми. За ними следовали оба халютера, а сзади всех был Гукки. Они спустились, по их оценке, на сто метров, прежде чем достигли почвы.

Теперь они находились примерно в полукилометре от поверхности планеты. Было такое впечатление, что они покинули район тюрьмы. Едва они вышли в главный коридор, который был выше и шире, как автоматически включился свет на потолке. Проход был почти пятидесяти метров шириной и десяти метров высотой. Его длину было невозможно определить. По середине шли электронные направляющие. Транспортных механизмов не было видно. По обоим сторонам в стенах были прямоугольные отверстия. Они напоминали витрины, а все окружающее — гигантскую торговую улицу. Это доказывало, что здесь внизу были раньше не одни только роботы. Возможно, что автоматические устройства установили потом. Они и закончили начатую работу по уничтожению халютеров.

— Что это за раса должна была быть! — сказал Рас Чубай угнетенным голосом. — Как жестока должна быть раса, уничтожающая другую!

Горачин, который не мог забыть свою молодость, задумчиво сказал:

— Господствующая раса, я бы сказал. Гигантские постройки и наряду с этим массовое уничтожение, убийство.

Они стояли и не знали, в каком направлении продолжать поиски. Ихо Толот использовал свои инструменты и установил, что источник равномерной вибрации находится внизу. Энергетические станции, таким образом, должны находиться еще ниже, в ядре планеты.

— Пешком мы никогда не достигнем центра планеты, — сказал Иван. — Один вопрос, Рас. Справишься ли ты один, если нужно будет взять Толота, Тайка и меня за одну телепортацию?

Рас Чубай утвердительно кивнул.

— Я уже думал об этом. По крайней мере, на короткое расстояние. Я бы затратил на это не больше времени, чем если бы мы делали это вместе с Гукки. Но, как я уже сказал, на короткое расстояние.

— Этого было бы достаточно, — сказал Иван. — Я бы предположил, чтобы мы находились на одном месте, в то время как Гукки

пусть ищет главную энергетическую станцию. Иначе мы не сможем идти дальше.

Потом он обратился к мыше-бобру:

— И если ты найдешь установку, Гукки, то ничего не предпринимай. Возвращайся назад к условленному месту встречи, чтобы мы могли обсудить наши дальнейшие действия. Ясно, что мы должны разрушить станцию. Она питает также поглотитель энергии, который мы должны отключить, чтобы судно халютеров могло покинуть планету. Я знаю, что на словах это очень просто, а как будет на деле? Однако, мы должны это сделать. На орбите нас ждет майор Кизом. Он ждет возможности приземлиться. Он не может приземлиться, пока этот поглотитель энергии работает.

Гукки спокойно кивнул.

— Я убежден в том, что найду командный центр роботов. И когда я его найду, мне нужно будет захватить с собой лишь Горачина, и на этом все дело кончится.

Рас Чубай покачал головой.

— Это не так просто. Найдем установку, а там посмотрим.

В то время, как Горачин беседовал с мыше-бобром, оба халютера немного отошли от остальных. Они немного прошли вдоль витрины и вдруг остановились. С потолка спустилась энергетическая решетка и отрезала их. Обе высокие фигуры маячили за мерцающим занавесом. Площадь, по которой они могли двигаться, была не больше десяти квадратных метров.

Энергетическая решетка начала перемещаться. Она двигалась медленно и было ясно, что с помощью нее хотели уничтожить халютеров.

Обе головы двойного мутанта зафиксировали источник энергии решеткой. Они, возможно, могли бы ее разрушить, но была опасность, что тогда могла обвалиться половина потолка.

— Мы вытащим их отсюда! — крикнул Гукки и посмотрел при этом на Рас Чубая. — Это обычный энергетический занавес, который мы легко сможем преодолеть. Мы должны телепортироваться одновременно, Рас. Сначала Толота, потом Тайка. Ну, скорее! У нас еще в запасе двадцать секунд.

Так как расстояние было небольшим, они не должны были очень концентрироваться, чтобы проскочить сквозь энергетический занавес. Они одновременно материализовались внутри энергетической клетки, схватили Ихс Толота за руки и исчезли. Через десять секунд оба халютера были в безопасности. Энергетическая решетка исчезла.

— Теперь нет никакого сомнения в том, — сказал Рас Чубай, — что автоматика планеты запрограммирована лишь на халютеров. Нам ничего не угрожает, а Толот и Тайк постоянно находятся в опасности. Я не знаю, сколько времени она будет в бездействии, но одно я знаю с уверенностью: она до сих пор функционирует.

Они прошли еще немного вперед, подальше от зоны действия энергетической решетки, которая в любой момент снова могла

возникнуть. И тут Ихо Толот вдруг остановился. Остальные тоже остановились. Они увидели, почему халютеры не пожелали идти дальше. В том направлении, откуда они шли, появился экипаж. Он был высотой с броневики и выглядел соответственно. Впереди у него было вмонтировано орудие. Ихо Толот двинулся с места и сказал:

— Там впереди слева боковой ход — он слишком узкий для этой штуки. Возможно, мы сможем там укрыться.

Они заторопились. Лишь Горачин остановился на месте.

— Я закончу дело, — уверенно сказал он. — Укройтесь за мной и не беспокойтесь.

Оба халютера и Рас Чубай с Гукки исчезли в боковом проходе. Они остановились и посмотрели назад. Двойной мутант тоже вошел в этот коридор, но остановился недалеко от входа. Обе головы его смотрели назад. Их хорошо было видно в профиль и было очевидно, что Иван и Иванович зафиксировали цель. Затем вдруг появился мерцающий огонь, который пролетел вдоль коридора. Горачин отпрыгнул в укрытие. Это был всего лишь беззвучный огонь и взрыв. Никакой взрывной волны за ним не последовало. Огонь погас и ничто не указывало на то, что здесь было уничтожено техническое чудо былой цивилизации. Горачин вернулся к остальным.

— Это был автоматический, управляемый танк с пульсационным орудием. Подобное уничтожить легче, чем энергетический экран. Хотелось бы мне, чтобы мы имели дело только с такими установками!

В боковом коридоре было темно, и они включили нацеленные прожектора. Ихо Толот прислонился к гладкой металлической стене.

— Я твердо убежден, — сказал он, — что эта планета была сборным пунктом пленных халютеров. Мне не ясно, как наш народ мог попасть в такую ситуацию. Мы должны были иметь противника, во много раз превосходящего нас по силе. Кто это мог быть и почему он захотел нас уничтожить?

— Но им этого не удалось, — сказал Фанкан Тайк. — Это им не могло удасться, иначе нас бы не было. Иначе не было бы в Млечном Пути планеты Халют. Как же иначе мы могли туда попасть?

После этого замечания Гукки стало ясно, что халютеры родом действительно из Галактики М-67. Их преследователи и они были уничтожены, но остатки их бежали в Магеллановое Облако. Оттуда они перекочевали в наш Млечный Путь. Там они сделали попытку захватить власть и поработить все разумные расы.

Они пошли дальше. Оба халютера с Горачиним составляли авангард. Рас Чубай и Гукки шли метрах в двадцати сзади. Свет от ламп на шлемах таинственно мерцал в темноте прохода.

И тогда, совершенно неожиданно, произошло ЭТО.

Между обоими группами возник энергетический экран. Это был не просто энергетический экран. И не зеленый Н-экран. Это были три различных энергетических экрана, вернее, решетка, в которой

каждый слой светился другим светом.

Первый экран светился желтым светом. Он был в пяти метрах от Гукки. Сквозь желтый экран голубовато мерцал второй экран. За ним был красный экран. За этим цветовым барьером далеко виднелись силуэты обоих халютеров и двойного мутанта.

Рас Чубай крепко держал Гукки за руку.

— Обожди, не прыгай сейчас. Мы не знаем, с каким видом энергии имеем дело. Он может быть опасным и для нас.

Гукки раздраженно отдернул руку.

— Опасно или нет, но мы должны прыгнуть. Мы не можем оставить их на произвол судьбы. Если с ними что-нибудь случится, мы будем за это отвечать.

— В случае опасности, — продолжал он, — Горачин может уничтожить сплав лучей на потолке. Он это сделает, если сочтет необходимым. В данный момент для этого нет причин. Что с телекомом?

Он усилил звук.

— Алло, Горачин! Слышишь меня? Ответь!

Ответ пришел очень слабый и трудно различимый.

— Мы сможем тебя понять. Таким образом, решетка экранирует не полностью. Здесь по другую сторону такая же решетка. Можете ли вы нас вытащить?

Рас Чубай ответил:

— Мы не знаем этого. И мы будем прыгать лишь тогда, когда это станет необходимым. Вы сможете самостоятельно уничтожить решетку?

— Я тоже этого не знаю. Прежде чем с нами что-нибудь случится, я испытаю ее. Подождите немного.

Гукки неохотно отошел от Раса Чубая еще метров на пять. Теперь они были метрах в десяти от первого энергетического экрана. Маленькая ниша в стене прохода прослужила превосходным укрытием. Фигуры троих пленников были все еще различимы, но движения были почти незаметны.

Тут вдруг послышался голос взволнованного Горачина:

— Пол движется! Между двумя занавесами, отстоящими друг от друга метров на тридцать, возникает щель. С другой стороны все выглядит также, как и здесь. И там тоже решетка. Подожди, Ихс Толот хочет что-то сказать.

Голос Халютера зазвучал громко и гулко.

— Я стою на краю щели. Свет моей лампы не достигает дна. Но я вижу белые точки. Это должно быть скелеты. Они лежат на глубине по меньшей мере пятидесяти метров. У Горачина костюм с антигравитационным устройством. У нас — нет. Я думаю, что мы едва ли спасемся. Сможете ли вы что-нибудь для нас сделать?

— Конечно, мы что-нибудь сделаем для вас, — крикнул Гукки в микрофон. — Мы телепортируемся к вам!

Он взглянул на Раса Чубая. Темнокожий африканец согласно кивнул.

— Мы прыгаем вместе. Или повезет, или не повезет.

Не составляло труда сконцентрироваться на щели, находящейся в тридцати пяти метрах от них.

— Пошел! — крикнул Рас Чубай.

Оба телекинетика прыгнули.

Что произошло потом, обоим трудно было понять. Они поняли лишь то, что страшная боль пронзила их тела и они почти потеряли сознание. Они вынуждены были материализоваться, хотя и были между двумя энергетическими экранами. Они упали вниз, и энергетические экраны погасли. После этого опять загорелся нормальный свет. Проход был ярко освещен, но двойной мутант и оба халютера исчезли.

5

КС-41 все еще находился на расстоянии пяти тысяч километров над планетой белого карлика. Майор Кизом проспал несколько часов и теперь свернулся обратно в командный отсек. Его пилот, лейтенант Крамер, доложил, что ничего особенного не произошло, и что уже около часа нет связи с мутантами. Но в этом не было ничего странного, так как Рас Чубай предупредил, что они будут пытаться проникнуть внутрь планеты. Огромные массы металла поглощают радиоволны.

— Я не могу этого больше вынести, — ворчливо бросил Боб Кизом. — Мы должны летать вокруг планеты и не можем ничего сделать. Если мы сядем, с нами произойдет то же, что и с халютерами. Капитан Эдер тоже нервничает. Перри Родан послал его и его людей с особыми знаниями, а они сидят на корабле и скучают. Он хочет непременно взять трех человек и спуститься на планету в космическом планере. Хотя я понимаю его желание, но не могу ему этого разрешить. Они не смогли бы вернуться назад, пока поглотитель энергии там, внизу, работает.

— Возможно, мы сможем послать за ними управляемую разведывательную ракету, — предложил лейтенант Крамор. — Подобная ракета не зависит от собственного источника энергии. Она получает энергию от нас по направленному энерголучу.

Боб Кизом тряхнул головой.

— И ты полагаешь, что эта система будет работать? Я думаю, что нет. Поглотитель энергии отберет и посланный нами луч. Тогда ракета упадет. Я не могу отвечать за это.

Лейтенант Крамер ничего не ответил. Он снова повернулся к экрану.

Дверь в центральный отсек открылась и вошел капитан Эдер. Он сухо поздоровался и подошел к Кизому.

— Майор, дадите вы мне планер или нет?

Кизом покачал головой.

— Я только что говорил об этом с лейтенантом Крамером. Я очень сожалею, но это невозможно. Я не могу взять на себя такую ответственность. Мы все должны ждать. И вы тоже.

— Тогда я, пожалуй, заблуждался. Я не комендант особой команды, я начальник ожидающего общества. Не очень радостно. Но, само собой разумеется, я подчиняюсь.

— Вам ничего другого не остается,— мрачно ответил Кизом.

Он опять отвернулся к экрану. Внизу, на поверхности планеты, ничего не изменилось. Корабль халютеров все еще стоял на том же месте, тени стали длиннее, солнце опустилось ниже. Скоро там будет ночь.

— Вы думаете, капитан, что мне нравится это ожидание?— спросил Кизом.

Он не дождался ответа. Капитан Эдер давно уже покинул центральный отсек.

Гукки и Рас Чубай стояли в проходе одни. Щель, о которой говорил Горачин и халютеры, исчезла. Казалось, что ее никогда и не было. Гукки прошел два шага и нагнулся. Он исследовал гладкий металлический пол, но не мог обнаружить никакого шва. Он поднялся и оглянулся.

Глаза его стали большими и совсем круглыми.

Он смотрел на раса Чубая и одновременно видел его насквозь. Телепортант стал полупрозрачным. Тело его полуматериализовалось.

— Рас, что с тобой? Можешь ли ты меня слышать?

— Конечно, я тебя слышу, но ты выглядишь странно. Мы существуем в полуматериальной форме.

Гукки подошел к расу Чубаю и потрогал его. Он не почувствовал никакого сопротивления. Его рука прошла сквозь африканца.

— Где же халютеры и Горачин? Они не могли просто так исчезнуть!

Гукки вспомнил, что однажды при одной телепортации через энергетическое поле, он уже пережил подобное. Когда он материализовался, это произошло лишь наполовину. Это страшное и жуткое состояние прекратилось, когда энергетическое поле исчезло. На этот раз было по-другому. Энергетическое поле давно уже исчезло, но он и Рас Чубай все еще существовали в полуматериальной форме. Они были не полностью материализованы.

— В данный момент я не нахожу объяснения для этого феномена, рас. Но я думаю, что у нас скоро будут другие заботы. Там, по ту сторону в направлении главного коридора, свет. Он движется прямо к нам. Мы должны спрятаться.

Рас Чубай кивнул.

— Ты сам только что видел, что твоя рука проходит сквозь мою.

Мы, в действительности, не существуем, мы лишь отчасти здесь. Понял, о чем я говорю? Мы неуязвимы. Если даже нас атакуют роботы, они не причинят нам никакого вреда. Позднее мы найдем объяснение для этого состояния. Мы должны найти остальных.

— А где ты хочешь их искать?

Он не получил на свой вопрос никакого ответа. Источники света быстро приближались. Потом появились гигантские фигуры, очень похожие на Ихо Толота и Фанкана Тайка. Это были халютеры.

— По меньшей мере, десять экземпляров,— испуганно сказал Рас Чубай.— Не может быть, чтобы здесь еще оставались живые халютеры! Не лучше ли будет, если мы исчезнем?

— Если ты думаешь, что мы можем телепортировать, то ты заблуждаешься. Я это уже пробовал. Не получается.

— Ты хочешь этим сказать...

— Да, я хочу этим сказать,— ответил Гукки,— что мы в данный момент не можем телепортировать. Мы должны идти. Возможно, мы поймем, что это все означает. Там, по ту сторону, боковой ход. Спрячемся!

До него было лишь несколько метров. Едва они достигли укрытия, как источники света приблизились с другой стороны. Обе группы столкнулись совсем близко от них. Это были только халютеры. У некоторых в руках были мерцающие слабым светом стальные оковы, которые доказывали, что их носители были закованы в кандалы.

И тут произошло что-то очень странное. Халютеры разговаривали, и Гукки с Расом Чубаем могли понимать их без радиоприборов. Перед ними были пленники, говорившие на языке центра, принятом в галактике М-67.

Но не это было странным. Гукки все понял.

— Атмосфера! Здесь появилась атмосфера! Как это возможно?!

Рас Чубай не ответил. Он был занят своим боевым костюмом. Наконец он сказал:

— Ты прав, Гукки. Здесь действительно имеется атмосфера. Не спрашивай меня, почему она здесь появилась — я этого не знаю. Атмосфера! Вот почему мы можем слышать халютеров через наши наружные микрофоны. Теперь мы можем слышать каждый внешний звук. Я только спрашиваю себя: куда делись трое наших друзей?

— Подожди,— шепнул Гукки.— Я бы хотел послушать, о чем они говорят. Мне кажется, они вырвались и ищут дорогу наверх. Они будут очень удивлены, если заметят, что планета без атмосферы.

— Это они, конечно, давно уже знают,— ответил Рас.

— Я не думаю.

Обе группы халютеров все еще спорили. Рас Чубай и Гукки не могли всего понять, так как они были довольно далеко. Из обрывков разговоров, однако, выходило, что халютерам удалось бежать из сильно охраняемой тюрьмы. Дальше стало ясно, что они спланировали

мятеж против роботов-охранников. Речь шла об организованном восстании. Оно уже давно было подготовлено и начиналось в данный момент. Во всех частях планеты-тюрьмы открывались камеры, халютеры выбегали и нападали на киберустройства, которые были запрограммированы на охрану и уничтожение.

— Я больше ничего не понимаю,— прошептал Рас Чубай. Гукки покинул свое укрытие.

— Я думаю, что начинаю понимать,— сказал он громко.— Не принимай все это во внимание. Халютеры не могут нас ни видеть, ни слышать. Для них мы вообще не существуем.

— Что это ты говоришь?

— Идем,— сказал Гукки, не отвечая на вопрос Раса Чубая.— Ты очень скоро поймешь, что произошло.

Африканец, колеблясь, последовал за мышье-бобром, который шел прямо на группу халютеров. И Рас Чубай мог видеть, как Гукки прошел через группу, как будто их вообще не было.

— Так что же, существуют халютеры, Гукки, или нет?

Рас Чубай и не пробовал найти ответ на этот вопрос. Он покинул свое укрытие и последовал за Гукки.

Вся ситуация была настолько нереальной, что Рас Чубай совсем забыл об Ихе Толоте, Фанкане Тайке и Горачине. Он молча шел за Гукки. Они вернулись в ярко освещенный коридор и увидели, что здесь все изменилось. Маленькие мерцающие машинки стройной формы стремительно мчались по электронным направляющим. Металлические витрины были пусты и ничто не указывало, что здесь были и другие существа, кроме халютеров. Повсюду были лишь роботы. Они не были сконструированы красиво и целесообразно. Речь шла о прямоугольных блоках на колесах или полозьях. Все они были приведены в полную боевую готовность.

Это было странное ощущение, свободно передвигаться в любом направлении и быть при этом незамеченными. Гукки это использовал. Он пересек широкую улицу и остался стоять посредине электронных направляющих. Рас Чубай с ужасом смотрел, как на него несется одна из машин. Она проехала сквозь него. Гукки ухмыльнулся и пошел дальше.

Рас Чубай последовал за ним.

И тут разверзся настоящий ад.

Из редких боковых проходов устремились освобожденные халютеры. Они хлынули в главный коридор. Некоторые из них несли лучевое оружие, с которым они нападали на роботов. Завязалось ужасное сражение, в котором в большинстве гибли халютеры. Пульсационные орудия разрушающе действовали на их мозг. Несмотря на это они не сдавались. Появлялись все новые и новые группы и пытались отразить атаки роботов.

Вдруг Рас Чубай сказал:

— Именно здесь лежали скелеты. Где они? У тебя есть какое-нибудь объяснение, Гукки?

Они стояли на пересечении двух ходов в то время, как вокруг них бушевало сражение. Сражение, которое их не касалось. Гукки подтвердил это.

— Объяснить тебе, почему здесь нет больше скелетов? Объяснение здесь очень простое, Рас. Скелетов пока еще нет — они только лишь появятся. Знаешь, что происходит? Мы прыгнули в эту странную энергетическую решетку и были отброшены на несколько тысяч лет назад. Мы не существуем в действительности, мы лишь в полуматериальной форме. Мы практически не существуем в действительности, мы не существуем во времени. Другого объяснения у меня нет, но я думаю, что это объяснение соответствует истине. То, что мы сейчас наблюдаем, произошло несколько тысяч лет назад. Мятаж халютеров! Результатом его будут скелеты — тысячи, миллионы скелетов. И мы ничего не сможем сделать против этого.

Рас Чубай невольно попытался схватить руку Гукки — но его рука прошла сквозь его руку.

— Конечно, мы сможем помочь халютерам. Мы могли бы найти энергетический центр, робота-коменданта, главный пульт управления. Если мы в действительности в прошлом, то он стоит на том же месте, что и тысячу лет назад. Если мы опять вернемся в настоящее время, то мы, по крайней мере, будем знать, где все это искать.

Гукки кивнул и продолжал наблюдать, как тяжеловооруженная команда роботов расстреляла и уничтожила команду халютеров.

— Хорошая идея, Рас, но я думаю, что мы сначала должны осмотреть поверхность планеты. К сожалению, мы не можем телепортироваться. Но здесь достаточно лифтов.

Несколько не интересуясь сражающимися группами, они прошли сквозь них. Хотя они и могли видеть друг друга, но было ясно, что для остальных они невидимы. Даже чувствительные приборы и те их не замечали.

Они достигли лифта, на котором поднялись наверх. Он действовал и был ярко освещен.

— Собственно странно, что мы не проваливаемся сквозь металл, — подумал Рас Чубай вслух. — Если мы уж существуем в полуматериальном мире и никто не может нас видеть, то почему мы существуем для металла?

— Ты слишком много от меня хочешь, Рас, — ответил Гукки. — Этому у меня нет никакого объяснения. роботы, в конце концов, тоже состоят из металла, но для них же мы не существуем, как и для халютеров. Возможно, дело в том, что эти роботы в современном мире, то есть через три, четыре или пять тысяч лет больше не существуют, а этот лифт и обшивка существуют. Это могло бы быть объяснением, почему мы не проваливаемся в глубину через все пре-

пятствия до дна планеты. Но это очень надуманная теория и она не выдерживает никакой критики. Но я спокоен. Мне безразлично, правильна она или нет.

Рас Чубай ничего не ответил.

Они достигли верхних этажей. Опять они нашли антигравитационный лифт, который поднял их еще выше. Все выглядело так же, как и тогда, когда они спускались вниз. Различие было лишь в том, что не было скелетов.

Прежде чем они достигли поверхности, им повстречалась группа халютеров численностью около ста индивидуумов. Но это были не свободные халютеры, а пленные. Закованные в стальные кандалы энергетические поля, они проходили мимо.

Вскоре Гукки и Рас Чубай выбрались на поверхность.

— Только роботы,— сказал Гукки,— и ничего кроме роботов. Автоматизированный мир ужаса и убийства.

Рас Чубай машинально спрятался за скалой, когда мимо проходила группа роботов. Он просто не мог привыкнуть к тому, что он невидим, что он вообще не существует.

— Мы напрасно будем искать КС-41...

Впервые после долгого молчания Гукки улыбнулся.

— Конечно, он еще не существует. А мы...

— И нас еще нет,— сказал Рас Чубай.

Оттуда, где стояли космические корабли, шла группа почти человекообразных роботов. Они передвигались на двух ногах, в то время, как их руки были превращены в оружие. Они, казалось, прибыли с последним транспортным кораблем и должны, вероятно, были выступить против мятежных халютеров. Они почти вплотную прошли мимо обоих телепортантов, вообще не замечая их. Запрограммированные на уничтожение, они скрылись в стальном шлюзе.

— Мы должны что-то предпринять,— сказал Рас. Казалось, он преодолел нервный шок.— Мы должны попробовать найти и уничтожить главный центр. Мы должны попробовать вернуться в настоящее время и спасти друзей.

— Ты ошибаешься, Рас. Мы сейчас не уничтожим главный центр, так как он существует в будущем. Возможно, мы его никогда и не найдем. Но ты прав. Мы не можем больше находиться здесь, наверху. Этим мы ничего не достигнем. Возвратимся назад и попробуем, по крайней мере, найти центр управления роботами.

Через стальной шлюз они возвратились во внутрь планеты. Они просто присоединились к одной из групп роботов.

Капитан Эдер, начальник особой команды, потерял, наконец, терпение. После дискуссии с лейтенантом Зибенгелем он ворвался в центральный отсек и обратился прямо к майору Бобу Кизому.

— Выслушайте меня, наконец, майор. Вы — командир корвета и имеете на нем власть, причем власть неограниченную. Я признаю

это. Я могу понять, почему вы мне не хотите дать планер или вооруженную посадочную шлюпку. С другой стороны, и вы должны понять меня. Я не могу сидеть без дела. У меня задание доставить на «Крест» обоих халютеров. Как — это мое дело. Вы, майор, послали трех мутантов, из которых до сих пор никто не вернулся. Я знаю, что там внизу есть что-то вроде энергетического поглотителя. Очень возможно, что мы там прочно засядем и не сможем взлететь. Пусть это будут наши заботы. Я жду от вас лишь разрешения на старт на вооруженной посадочной шлюпке. Мы сядем, и если тоже попадем в зону действия энергетического перехватчика, это не значит, что наша миссия не удалась. Мы найдем генератор перехватчика и уничтожим его. Доверьтесь мне, у меня есть опыт.

Кизом позволил капитану высказаться, не прерывая его. Он спокойно указал ему на свободное кресло.

— Садитесь, капитан. И прежде всего, успокойтесь. Я вас очень хорошо понимаю. Я также разделяю ваши взгляды. Но вы не должны забывать, что я несу за вас ответственность, даже если вы принадлежите к команде КС-41. Поставьте себя на мое место, капитан. Я знаю, что внизу на планете вас ожидает опасность, так как нас предупредили халютеры. Если я вас отпущу туда, на мне будет вина, если вы не вернетесь оттуда. Если уж мутанты ничего не смогли сделать, то уж вам десятерым и подавно нечего там делать. Десятерым, потому что такова вместимость посадочной шлюпки.

— Кто об этом говорит? — спросил капитан Эдер. — Мои люди и я придерживаемся мнения, что мы все-таки должны попробовать высидеться. Мы и сами знаем, что наши шансы вернуться крайне малы, но все-таки они есть.

— Вы так думаете? — сказал Кизом. — А кто вас должен спасти из этого положения, в которое вы попадаете?

Капитан Эдер подпрыгнул в кресле.

— Сначала надо попасть в такое положение. Сделайте так, чтобы КС-41 все время висел над кораблем халютеров. Для этого нужно лишь подняться выше, и следовать вращению планеты. Тогда мы постоянно будем на связи. Я знаю, что вы не в состоянии немедленно нам помочь, но если у нас будет хорошо вооруженная посадочная шлюпка, мы уж сами сможем защитить свою шкуру. Ну, решайтесь, майор! Я думаю, мы не должны терять времени.

Было видно, что Кизома почти удалось уговорить. Уже несколько часов он не имел связи ни с халютерами, ни с мутантами.

Никто не знал, что там внизу произошло. Корабль халютеров стоял все на том же месте. Он не сдвинулся с места. Было замечено только уничтожение Горачиным десяти летающих роботов. Кизом охотно сам посадил бы КС-41, но это казалось ему слишком легкомысленным. Предложение капитана Эдера для него кое-что значило.

Он медленно кивнул.

— Ну, хорошо, капитан. Вы получите свою вооруженную шлюпку. Забирайте своих людей — и счастливого пути!

Он встал и подал руку руководителю особой команды. Капитан Эдер был просто поражен диаметрально противоположным решением майора, но не сказал ни слова. Он встал, повернулся и вышел из центрального отсека. Через десять минут он доложил, что он и его люди готовы к отлету.

Между тем корвет поднялся выше и достиг орбиты, которая позволяла ему постоянно держаться над местом приземления корабля халютеров. Ландшафт на экране теперь больше не изменялся. Ни халютеры, ни мутанты не давали о себе знать.

— Старт через три минуты, капитан Эдер.

— Мы остаемся на связи, майор, — и после небольшого колебания капитан Эдер добавил: — Еще раз спасибо.

Через три минуты шлюпка появилась из шлюза ангара и ринулась вниз. Она имела форму торпеды и была около семи метров в длину. Для одиннадцати человек особой команды на ней было достаточно места. На носу был встроен мощный импульсный излучатель, который в случае опасности мог быть использован для защиты от нападения.

После свободного падения на расстоянии в три тысячи километров, пилот лейтенант Зибенгель включил двигатель. Корабль описал большую дугу, пошел вниз и пересек границу в пять тысяч километров от поверхности.

Ничего не случилось.

Лейтенант Зибенгель посадил шлюпку без единого инцидента в ста метрах от черного корабля халютеров.

Не было замечено никакого перехвата энергии. Генераторы маленького корабля работали отлично и выдавали всю энергию. Капитан Эдер связался с корветом и передал майору Кизому сообщение о благополучной посадке. Оба они и не подозревали, что автоматика планеты была запрограммирована только на присутствие халютеров. Они замечали других живых существ только тогда, когда те сопровождали халютеров.

— Теперь у вас руки развязаны, капитан Эдер, — сказал майор Кизом, получив сообщение. — Попытайтесь найти халютеров и мутантов. И будьте осторожны. Защищайтесь, если будете атакованы.

— Можете положиться на меня, — капитан Эдер.

Все надели свои особые боевые скафандры и покинули шлюпку. Люди были сильно вооружены и могли бы дать отпор целой роте боевых роботов. Они пошли в северном направлении, углубляясь в чужой безжизненный ландшафт безымянного мира.

Поле времени остановилось.

Не имея возможности помочь, Рас Чубай и Гукки должны были смотреть, как орудия уничтожения киберавтоматики начали дейст-

зовать. Хотя пульсационные орудия и убивали халютеров, они не разрушали их тела. Повсюду на перекрестках и в коридорах подземных улиц скапливались трупы и затрудняли движение киберустройств. Невозможно описать чувства телепортантов, когда они проходили сквозь горы трупов, не задерживаемые ими. Это были две разные временные плоскости, которые пересекались в этом месте и в этот момент. Ни одна не могла оказать ни какого влияния на другую. Возможно, они существовали параллельно и лишь соприкасались. Результат был тот же. Взаимное вмешательство оставалось невозможным.

Передвижные пульсационные орудия проникали в маленькие отделенные коридоры, чтобы убить оставшихся еще в живых халютеров. Должно быть, робот-комендант отдал приказ об уничтожении.

Гукки и Рас Чубай были свидетелями страшных событий. Они должны были присутствовать при уничтожении целой расы, которая была сконцентрирована здесь, на планете солнце-карлика. Это была чистая случайность, что они достигли широкой и высокой улицы с витринами. Между тем, картина здесь изменилась. Восставшие халютеры продвигались все дальше вперед, отбиваясь от своих сторожей-роботов. Гигантские горы трупов и металла роботов мешали применению других орудий. Началась локальная война. Однако от Раса Чубая и Гукки не скрылось, что халютеры не сдавались. Обратное, вовнутрь планеты они не могли попасть, но и достигнуть поверхности для них было невозможно. По обоим сторонам их подстерегали роботы-сторожа и ждали случая применить пульсационные орудия.

Халютеры были в безвыходном положении.

— Там, в той стороне проход, из которого мы начали это путешествие во времени, — сказал Рас Чубай и перешел на другую сторону широкой улицы. — Попробуем еще раз?

Гукки прошел сквозь опрокинутый танк.

— Нам нечего терять. И если мы преодолеем поле времени и вернемся назад, мы должны снова оказаться на том же месте, откуда все началось. Это место там, по ту сторону коридора. Итак, вперед!

По пути они могли много раз пробовали телепортироваться. Результат всегда был один и тот же: ничего не получалось. Они просто оставались на месте. Гукки, который попадал в подобное положение не впервые, имел на этот случай свою теорию о сдвигах времени. Но даже он сам не мог ее точно обосновать. Он лишь чувствовал чисто интуитивно, что возвращение в настоящее время возможно лишь там, откуда произошел их прыжок в прошлое.

Целые орды освобожденных халютеров устремились им навстречу. Они мчались сквозь них. Они бежали к улице с витринами, где собирались уцелевшие после битвы с роботами. Гукки и Рас Чубай знали, что они бегут навстречу своей гибели. Прошлое не позволяло влиять на себя и изменять будущее.

Наконец они достигли того места, где около трех часов назад

возникло трехцветное энергетическое зарево.

— Это было здесь, — уверенно сказал Гукки. — А по ту сторону маленький боковой выход. Видишь его? Здесь мы стояли. Отсюда телепортировались, и здесь мы приняли нашу теперешнюю форму. Я спрашиваю себя, куда мы должны телепортироваться, чтобы избежать эффекта, если мы вообще сможем телепортироваться. Как потвоему?

— Я думаю, мы должны куда-нибудь отойти. Попробуем еще раз. Лучше всего телепортироваться куда-нибудь в сторону. Это не играет никакой роли — куда и в каком направлении. Если мы при телепортации вернемся в настоящее время, мы опять должны удариться об энергетический экран. Тогда я думаю, мы сделаем...

Гукки кивнул.

— Я тоже так думаю. Попробуем. Только вместе.

Они засекли место входа, где прежде был трехцветный энергетический занавес. Они сконцентрировались и телепортировались.

От одной секунды до другой прошло пять тысяч лет.

6

Капитан Эдер и его люди шли в северном направлении. Они пропустили стальной шлюз. Отказались от антигравитационных аппаратов, чтобы сберечь энергию. Для этого они включили антигравитационные проекторы, чтобы уменьшить силу тяжести планеты. Так было легче передвигаться.

Между тем, белое солнце зашло. Разница в освещенности между днем и ночью была не так велика, так как звезды на небе располагались необычайно плотно. Их свет не давал теней, так как он равномерно шел со всех сторон. Справа от них поднимались горы. Не было видно никакого движения. Предположение, что автоматика планеты была запрограммирована только на присутствие халютеров, казалось, подтвердилось.

Майор Кизом связался с ними по радио. Связь действовала безупречно.

— Вы уже что-нибудь нашли, капитан Эдер?

— К сожалению, нет, майор.

— Попробуйте найти вход вовнутрь. Если вы не найдете другой вход, вы должны будете использовать тот, которым воспользовались халютеры и мутанты.

— Именно этого я бы и хотел избежать. Наши шансы увеличатся, если мы проникнем внутрь в другом месте.

— Хорошо, делайте, как считаете нужным. Докладывайте мне обо всем регулярно.

Короткий разговор не замедлил их продвижения. Небольшая сила тяжести позволила мужчинам большими прыжками двигаться на большие расстояния. Они пересекли равнину, в центре которой на-

ходила шарообразная гора. Эта гора и была целью их экспедиции.

Она стала ясно различимой, когда они подошли ближе. Верхушка ее была срезана, на ней стояло куполообразное здание. Оно было блестящее, сделанное из металла, и свет звезд отражался от него.

Сама гора была около пятидесяти метров высотой и склоны со всех сторон были равномерно вертикальны.

Эдер и его люди обошли гору, но не нашли никакого места, где можно было бы подняться вверх.

— Тогда мы должны взлететь, — сказал лейтенант Зибенгель. — Зачем же тогда у нас антигравитационные аппараты?

Через две минуты они приземлились на маленьком плато. Точно посередине поднималось куполообразное строение, которое было воздвигнуто так, что вокруг него осталось кольцо свободного пространства шириной около десяти метров. Немного растерянный капитан Эдер стоял перед странным сооружением. Как к горному плато не было подъема, так и здесь не было никакого выхода. Металлическая куполообразная стена была без швов.

— Выглядит как Колумбово яйцо, только немного больше, — сказал сержант Простер. — Как же мы туда попадем?

Капитан Эдер, правда, подозревал, что был открыт вход. Возможно было также, что купол был автоматической станцией наблюдения, которая давно уже их засекла и передала сигнал об их присутствии. Если это так, то здесь скоро будет что-то двигаться. Хотя это и было бы так, как предполагал капитан Эдер, все же ему было нехорошо при мысли, что они будут атакованы превосходящими их силами роботов.

— Антенна! — вдруг крикнул лейтенант Зибенгель и указал на купол.

— Это был мерцающий металлический прут, который выходил из верхней части купола и быстро удлинялся. Движение прекратилось, когда прут поднялся на десять метров. Мужчины почти десять минут стояли неподвижно, но ничего не произошло.

Затем в куполе возникла щель, через которую свободно могли пройти два человека.

Капитан Эдер держал свой импульсный излучатель наизготовку. Он подошел к отверстию. Затем подал знак своим людям и они подошли к нему.

— Я думаю, нас приглашают войти, — сказал сержант Простер. — Будем надеяться, что с нами ничего не случится.

Никто ему не ответил. Друг за другом они вошли в купол и не были удивлены, когда вдруг загорелся свет. Одновременно исчез вход.

Они стояли в совершенно пустом помещении с высоким сводным потолком. В середине пола находилось отверстие квадратной шахты. Низкие перила, которые лишь в одном месте были прерваны, окружали его.

Эдер медленно подошел к перилам и посмотрел вниз. Так как

там была темнота, он включил свет нашемной лампы. Сильный луч растворился в темноте. Эдер повернулся.

— Это вход в подземную тюрьму, о которой говорили халютеры. Держу пари, что это антигравитационный лифт. Может быть, он еще функционирует. Если нет, то мы включим антигравитационные аппараты.

Сержант Простер нервно переступил с ноги на ногу.

— Вы полагаете, сэр, что мы все должны спуститься? Не оставив здесь никакой охраны?

Эдер потрянул головой.

— Это было бы без толку. Мы знаем, что радиосвязь прервется. Для чего же тогда здесь охрана? Она не сможет нас выручить. Кроме того, мы должны быть вместе.

Они подготовились к спуску и включили антигравитационные аппараты. Друг за другом они перешагнули через поручни и медленно падали вниз.

Они падали почти полкилометра, прежде чем опять достигли почвы.

Едва они вошли в широкий коридор, который начинался у входа из шахты, как позади них возник энергетический экран.

Путь назад был отрезан.

Три разноцветных энергетических занавеса вспыхнули и в то же время опять погасли. Щель в полу, на котором стояли Ихс Толот, Фанкан Тайк и Горачин, начала закрываться. Казалось, время бежит назад.

Толот обернулся.

— Дело идет на лад,— сказал он.— Я думал, что вы не сможете преодолеть этот энергетический занавес, а теперь его нет здесь больше.

Гукки понял, что для оставшихся время не сдвинулось с места. Он и Рас Чубай много часов провели в другом измерении, в то время как халютеры и Горачин постарели едва лишь на одну секунду. Он перевел дух.

— Это все относительно, Толот. Мы вам многое можем рассказать. И мы это сделаем, когда выберемся отсюда. Возможно, в следующий раз это не пройдет для нас так безнаказанно.

— Что должно пройти не так безнаказанно?— спросил Толот удивленно. Они шли вдоль прохода и опять попали на улицу с витринами— Гукки, говори определеннее!

Когда Гукки увидел опять скелеты на улице с витринами, он невольно вздохнул с облегчением, хотя для остальных это было далеко не радостное зрелище. Но скелеты доказывали, что они находились в настоящем времени. А настоящее время — это то, что КС-41 находится недалеко, это значит, что существует и солнечная империя, и Перри Родан и кораблю под названием «Крест-4».

— Мы совершили путешествие в прошлое, — сказал Гукки и указал на широкую нишу. — Идемте туда, здесь, кажется, безопасно. Отсюда обзор во все стороны и мы защищены от неожиданностей.

Халютеры молча последовали за ним. Горачин беседовал с Рас Чубаем, а остальные слушали их по радио. Они пересекли улицу и вошли в нишу.

Сначала немного запинаясь, потом все свободнее, Гукки рассказал халютерам об уничтожении их народа.

Он подтвердил, что это были на самом деле халютеры, которые находились в плену здесь на этой планете и были уничтожены.

Фанкан Тайк, как ученый, прежде всего попытался найти объяснение сдвигу времени. Это удалось ему только частично, и они решили перенести решение этой проблемы на более удобное время, когда им смогут помочь в этом деле другие ученые «Креста». Но в Фанконе Тайке проснулся ученый-историк. Он составил теорию: Скоарс и тогдашние пленные халютеры, вероятно, были одного происхождения. Когда Гукки указал на то, что халютеры были почти вдвое больше, чем теперешние скоарс, Фанкан Тайк сказал, что речь вероятно идет о мутации.

Рас Чубай удивленно посмотрел на него.

— Вы думаете, что скоарс — первоначальная раса, а вы, халютеры, ее мутация? Не может ли быть наоборот?

Фанкан Тайс отверг это предположение. Он остался при мысли, что халютеры произошли от существующих еще и сейчас скоарс. Хотя и как мутация. Вопрос был лишь в том, была ли мутация естественной или вызванной искусственно. Далее Фанкан Тайк предположил, что эта мутация должна была возникнуть семьдесят или восемьдесят тысяч лет назад. Потому что пять тысяч лет назад, если наблюдения Гукки точны, все халютеры были собраны в одно место и уничтожены.

Но почему это произошло?

— Больше пока мы ничего не знаем, — сказал Ихо Толох. — Конечно, мы можем объяснить все это, но сейчас у нас другие заботы. Мы прочно сидим здесь. Мы должны найти энергоцентр. Мы должны выключить передатчик энергии. Кто знает, что еще произошло на поверхности.

— Это можно очень легко выяснить, — сказал Гукки. — Если вы подождете на этом месте, я быстренько прыгну на поверхность и через пять минут снова буду здесь.

Ихо Толот все еще колебался, но Гукки отменил все предложения и возражения одним величественным движением руки.

— Чего вы боитесь? Со мной не может ничего случиться. Я ведь не халютер. Кроме того, я могу телепортироваться. Итак, ждите меня здесь.

Они больше не задерживали его.

Гукки телепортировался на поверхность.

— Ничего другого и не следовало ожидать,— сказал Эдер, когда позади группы возник энергетический экран, который отрезал путь назад.— Но здесь есть много других ходов и не каждый из них блокирован. Кроме того, наша задача найти халютеров и мутантов. В крайнем случае, на поверхность нас доставят телепортанты.

— Связь с майором Кизомом прервана,— сказал лейтенант Зибенгель.

— Этого тоже следовало ожидать,— капитан Эдер посмотрел сначала в одну, а потом другую сторону коридора.— Вопрос в том, в какую сторону мы должны идти. Мы идем направо или налево?

На этот вопрос сержант Простер внес разумное предложение.

— По-моему, мы должны идти налево по той простой причине, что с этого направления мы пришли, то есть юг. Возможно, мы найдем также и вход, которым воспользовались халютеры и мутанты.

Против этого никто не стал возражать. Они тронулись в путь, держа оружие наготове.

Сам проход не был освещен. Но далеко впереди что-то ярко вспыхнуло. Как было и раньше, впереди загорелся свет. Это было подтверждением того, что надо быть осторожным. Он разделил свою группу и позаботился о том, чтобы одна половина группы держалась левой стороны, а другая в то же время шла по правой стороне. Сам Эдер попытался еще раз установить связь с майором Кизомом, но ответа не было. Вместо этого он получил ответ совсем от других.

В головных телефонах особой команды вдруг раздался человеческий голос:

— Я уж было подумал, что любопытство не даст вам покоя. Как вы нашли вход сюда и где вы торчите?

— Вы — Горачин или Рас Чубай?— взволнованно спросил капитан Эдер.

— Мы оба здесь. Но где же вы находитесь?

— У нас нет никакого представления о нашем местонахождении. Мы нашли наверху вход и спустились по антигравитационному лифту. Я думаю, мы на глубине около пятисот метров. Мы приземлились на своем корабле рядом с вами. На поверхности все в порядке. Нас никто не атаковал. А где находитесь вы?

— Если мы не знаем, где находитесь вы, это очень трудно определить. Впрочем, с вами говорит Рас Чубай, телепортант. Возле меня Ихо Толот, Фанкан Тайк и Горачин. Мыше-бобер Гукки пять минут назад телепортировался на поверхность.

— Майор Кизом очень тревожится за вас. Что произошло?

— Это мы расскажем потом. Важно то, что наши группы встретились. Мы находимся в широком, почти до тридцати метров коридоре, типа улицы. Она тянется с юга на север. По моим подсчетам, вы находитесь от меня к северу. Вы должны будете найти

этот коридор. Двигайтесь в южном направлении. Улица ярко освещена.

Капитан Эдер сообщил, что они двигаются в южном направлении и заметили впереди свет. Если принять во внимание расстояние, которое прошла команда по поверхности планеты, они должны находиться друг от друга на расстоянии десяти километров.

Они договорились идти друг другу навстречу, как только вернется с поверхности Гукки.

Когда Гукки материализовался на поверхности, то невольно вздохнул. Небо было усеяно звездами.

Он опять был в настоящем времени, а это означало, что КС-41 стоит прямо над ним. Если бы он захотел, то мог бы телепортироваться на корвет, но пока он отказался от этого. Он должен был посмотреть, не случилось ли чего с кораблем халютеров. Он повернулся и увидел его. Черная оболочка поглощала свет и он лишь слабо выделялся на горизонте.

Итак, его задание было выполнено, и он мог возвращаться назад, вглубь планеты, но он изменил настройку телекома и вызвал майора Кизома. Радиоцентр корвета тотчас ответил, и через несколько секунд он разговаривал с командиром.

— Давно бы пора связаться, — сказал майор Кизом. — Все в порядке?

— Вообще-то, да. Мы только не нашли энергоцентр и центральный пульт управления. Они должны находиться еще глубже под поверхностью. По нашим данным, около пяти-десяти километров. Оба халютера все время подвергаются атакам кибер-сторожей, но мы не смогли уговорить их остановить корабль и телепортироваться на корвет.

— Это я очень хорошо понимаю, Гукки. Впрочем, я могу тебе сказать, что капитан Эдер с десятью своими людьми приземлились там, внизу. Вы их встретили?

— Пока еще нет. Я скажу об этом остальным, мы будем внимательны. Есть еще какие-нибудь новости?

— Нет, мы ждем. Мы сейчас на стационарной орбите и постоянно остаемся над вашим местом приземления. Позаботьтесь о том, чтобы халютеры как можно скорее смогли стартовать. Дело слишком затягивается и становится скучным.

Гукки усмехнулся, но Кизом не мог этого видеть.

— Скучным? — спросил он и добавил: — Возможно, для вас на большом корабле, но не для нас. Вы можете там ходить, где хотите. Здесь же имеется все, что можете пожелать: дикие роботы, атакующие бронированные экипажи с пульсационными орудиями, поездки в прошлое, пара миллионов скелетов — все, что вы хотите. Еще чего хотите?

Кизом откашлялся.

— Прекратите молоть вздор, малыш. Доведите дело до конца и возвращайтесь назад. У Родана есть и другая работа, кроме как выслушивать глупые шутки. У вас задание: освободить халютеров. Сделайте это — и ваша задача решена. Мы ждем.

Гукки вздохнул.

— Итак, у нас задание освободить халютеров. И кто же их должен, фактически, освобождать? Я, конечно! И вы после этого получите ордена. Ну, да я уже привык к этому.

— Ну, не сердись, малыш. Разве не так было задумано? Если вы нуждаетесь в помощи — скажите. В крайнем случае, я посажу корвет и мы превратим все кибернетические устройства в металлолом.

Гукки тотчас пришел в себя, и сразу забыл все свои шутки.

— Оставайтесь на орбите! Если мы не найдем перехватчик энергии, то сядем здесь прочно. И тогда конец рабочего дня. Итак, вы остаетесь на орбите и ждете. Если будет еще скучнее...

Вместо ответа он услышал глубокий вздох.

Гукки сконцентрировался на прыжке на подземную улицу.

И точно в эту секунду вспыхнул энергетический экран.

Он протянулся от горизонта к горизонту. Было ясно, что он окружал всю планету-тюрьму. Его зеленый цвет показался Гукки очень несимпатичным, так как он напомнил ему зеленый Н-экран, через который он не мог телепортироваться. Ему окончательно был отрезан путь с планеты. Перехватчик энергии мешал старту кораблям, а зелено-голубой экран, вероятно, мешал телепортации, как Н-экран.

Но он еще не знал, мешает ли этот экран телепортации. Гукки решил тотчас же попробовать телепортироваться. Он сконцентрировался на высоту два километра и телепортировался.

Через секунду он скривился от боли на том же самом месте, откуда он телепортировался.

Экран был непроницаем.

— Какая ерунда! — рассвирепев, ругнулся Гукки. — Если я поймаю коменданта этой крепости роботов, то разобью молотком по одному все его конденсаторы. Я вырву по одному все его транзисторы маленькими миловидными кусачками. И если этого будет недостаточно, то я вырву у него все болты. Посмотрим, что тогда он сделает.

Он сконцентрировался на улицу с витринами на глубине пятидесяти метров, подумал о нише, где были халютеры, Горачин и Рас Чубай — и телепортировался.

Эдер и его люди шли вперед. Проход закончился у широкой улицы с витринами, которую они знали по описанию Раса Чубая. Отсюда они пошли на юг. Опрокинутый танк преграждал им дорогу на север. На противоположной стороне блестела белая гора скелетов такой же высоты. Рядом лежало несколько расплавленных роботов.

— Прелестная местность, — пробормотал сержант Простер. —

Раньше, вероятно, здесь было все совсем иначе.

Ответа он не получил. Эдер указал на юг, и группа опять пришла в движение. Пройдя с километр, они уперлись в баррикаду. Эта баррикада состояла из расплавленных металлических частей, перевернутых танков и из белых костей. Она громоздилась на несколько метров в высоту и почти достигала потолка.

— Антигравитационные аппараты, — предположил лейтенант Зибенгель.

Из предосторожности капитан Эдер связался с Расом Чубаем и обрисовал ему положение. Телепортант тоже посоветовал преодолеть баррикаду с помощью антигравитационных аппаратов, а также сообщил, что Гукки вернулся. Он закончил:

— Сейчас планета окружена непроницаемым энергетическим полем. Кроме того, перехватчик энергии является вторым препятствием, которое делает наше возвращение невозможным. Поэтому мы при любых обстоятельствах должны найти энергетический центр и робота-коменданта. По нашим данным, мы должны их искать еще ниже. Мы идем вам навстречу. Обратите, пожалуйста, внимание, не ведет ли эта шахта дальше вниз. Как сообщил Гукки, майор Кизом становится нетерпелив. Ему стало скучно.

Эдер тяжело вздохнул:

— Так ему стало скучно? Он вероятно забыл бы всякую скуку, будь он с нами здесь. Хорошо. Мы идем вам навстречу. Я надеюсь, что через полчаса мы с вами встретимся.

Преодоление баррикады не составило никакого труда. Дальше путь опять был свободен. Они, не включая антигравитационные аппараты, преодолели расстояние в два километра за пять минут. Ничто не препятствовало им. Их никто не атаковал. Когда они достигли шахты, квадратная сторона которой была десять метров, они одновременно достигли и своей цели, так как другая сторона шахты была перегорожена силовым полем.

Лишь теперь они поняли, почему капитану Эдеру не удалось сохранить связь с Рас Чубаем. Их приемники молчали, связь была прервана.

Присутствие обоих халютеров было как проклятие.

Гукки и Рас Чубай могли проникнуть в любой боковой ход, не встречая никаких препятствий. Даже патрульный робот, вооруженный пульсационным оружием, не обращал на них никакого внимания и скользил дальше. Однако, когда он замечал халютеров, он, казалось, оживал. Его пульсационное оружие направлялось на Ихто Толота и Фанкана Тайка, чтобы через минуту открыть огонь. Горачин должен был быть всегда готов вывести эти боевые машины из строя.

Во время продвижения к месту встречи только один раз произошел серьезный инцидент.

Горачин шел впереди, чтобы вовремя устранять все попадающиеся

на пути помехи. За ним следовали халютеры. Рас Чубай и Гукки замыкали группу. Они взяли на себя прикрытие сзади. Километрах в четырех от того места, где они нашли свое укрытие, вдруг появились роботы охраны. Они вышли из боковых коридоров навстречу им. В южном направлении ход был перекрыт появившимся танком. Пульсационные орудия угрожающе направились на маленькую группу из двух халютеров и трех мутантов.

Рас Чубай тотчас попробовал связаться по радио с группой капитана Эдера.

— Ответа он не получил.

— Эдер не отвечает. Там что-то случилось. Но об этом мы позаботимся позже. По правой стороне ход, который, кажется, еще свободен. Я бы предложил вам укрыться там.

Пока они бежали, орудия танка и отдельных охранных роботов открыли огонь по ним. Впереди и сзади них возникли фонтаны расплавленного металла, но, к счастью, никто из них не пострадал.

Они достигли бокового хода и убедились, что их не подстерегает никакая опасность. Тогда Горачин начал действовать.

Впервые Гукки видел действия Горачина в полную мощность. Хотя его способности были хорошо всем известны, Гукки и все остальные были поражены. Горачин был опаснее, и сила его действенного, чем любое импульсное орудие. Один за другим танки взрывались и беззвучно распадались в пыль. Маленькие роботы-часовые отправились вслед за ними. Все это длилось не более десяти минут, и скоро картина полностью изменилась. Повсюду лежали останки взорванных танков и расплавленных роботов-часовых. Приближающиеся с севера грозные танки вдруг остановились, постояли немного времени, и затем повернули обратно. Для внимательно наблюдавшего Раса Чубая это было неопровержимым доказательством того, что автоматика планеты не только действует по ранее отданной программе, но и принимает совершенно самостоятельные решения. Это делало противника еще опаснее.

Радиосвязь с группой Эдера наладить все еще не удавалось.

— До них должно быть еще не менее трех километров, — сказал Горачин, который удовлетворенно сиял обеими лицами. — Я вовремя управился. Не считайте меня, пожалуйста, бессердечным, но, наконец, и у роботов нет сердца. Прекрасно, когда работаешь со своим младшим братом!

Иванович добавил к этому:

— Моему старшему брату не остается ничего другого, как работать со мной. Когда я не принимаю участия, он — нуль, ведь он старше меня.

Прежде чем спор близнецов мог перейти в более острую форму, все двинулось дальше.

И хотя они были еще далеко, они увидели энергетический экран,

который, как массивная стена, перегораживал коридор.

Теперь они поняли, почему была прервана связь с группой Эдера.

— Да, мои друзья, чтобы вы делали без Гукки! — сказал мышелобер. — Я телепортируюсь на другую сторону и посмотрю, что там происходит. И сейчас же вернусь обратно.

И прежде чем кто-либо смог что-нибудь сказать, он телепортировался и исчез.

— Нет смысла стоять здесь и ждать, — сказал капитан Эдер. — На этот раз мы будем прорываться вниз и оставим здесь охрану. Это необходимо уже потому, что здесь должны появиться телепортанты. Я думаю, что они смогут преодолеть это силовое поле. Лейтенант Зибенгель, вы останетесь здесь с пятью людьми. Я с оставшимися четырьмя начну спуск вниз. Сержант Простер будет сопровождать меня. Он выберет трех человек.

Команда привыкла к быстрым действиям. Вся акция длилась не более минуты, и после этого капитан Эдер и его спутники исчезли в устье еще действующей антигравитационной шахты. Они медленно опускались вниз и скоро их уже нельзя было различить. Зибенгель смотрел вниз со смешанным чувством, затем сказал своим людям:

— Всегда я должен стоять на стреме. Ну, возможно, это имеет свои преимущества.

Действительно, в этом были свои преимущества, так как через несколько минут он имел удовольствие наступить на ногу вдруг материализовавшегося Гукки.

Между тем капитан Эдер, сержант Простер и трое других мужчин особой команды спускались все ниже и ниже. Казалось, что шахте не будет конца.

— По крайней мере, мы уже спустились километров на пять, — сказал сержант Простер. — Совершенно никакой связи с остальными. Вероятно, радиоволны поглощаются. Стены шахты состоят из металла, который их и поглощает.

— Это довольно большая шахта, — сказал капитан Эдер. — Это совсем не обычный лифт, а транспортный. По нему переправляли крупногабаритные грузы, повозки и, вероятно, даже большие машины. У меня предчувствие, что мы нашли то, что искали.

— Хвала богам, — пробормотал сержант Простер, полный надежд. — Иначе бы мы совершенно напрасно спускались.

Казалось, что они спускались совсем не зря.

Прошло еще десять минут. Наконец, они достигли твердой почвы. Шахта воронкообразно расширялась и переходила в стены зала, квадратного, с длиной каждой стороны в четыреста-пятьсот метров. В середине зала, где заканчивалась шахта, потолок был на высоте пятидесяти метров.

Едва ноги пятерых человек коснулись пола, как загорелся свет.

Он шел отовсюду: с потолка, со стен и даже от пола. Все было невероятно чистое. А ящики, сложенные у стен, были очень аккуратными.

Вибрация, которая наверху, на улице с витринами регистрировалась лишь приборами, здесь ощущалась ясно.

— Машины энергостанции, наверное, находятся недалеко отсюда, — сказал капитан Эдер. — Если мы их найдем и выведем из строя, то избавим мутантов от работы. Вопрос лишь в том, в каком направлении мы должны их искать.

Возникла настоящая дискуссия на эту тему, но она оказалась бесплодной. Направление, откуда шла вибрация, так и не было установлено.

В этот момент с ними по радио связался лейтенант Зибенгель.

— Где вы, капитан? Мутанты и оба халютера добрались до нас. Они телепортировались через энергетический экран. Что мы теперь должны делать?

Капитан Эдер кратко информировал их о спуске на глубину свыше десяти километров и об усилившейся вибрации. Он предложил остальным членам своей команды, мутантам, а если можно, то и халютерам, следовать за ними.

Ответ пришел от Гукки:

— Оставайтесь там же, где вы сейчас, Эдер. Мы все спускаемся, в том числе и халютеры. Мы не можем никого оставить здесь. Что вы сказали о глубине?.. Десять километров?

— Около десяти километров, — подтвердил капитан Эдер.

— Порядок. Итак, ждите. Через десять минут мы будем у вас.

7

Теперь их было шестнадцать. Тринадцать землян, два халютера и мыш-е-бобер Гукки. Это была значительная сила, которая могла справиться с любым нападением. Один Горачин был в два раза сильнее, чем вся группа. Они исследовали содержимое ящиков и установили, что это запасные части. Одно это указывало на то, что энергетический центр находится недалеко отсюда. Это было подтверждено Расом Чубаем, который работал с пеленгатором. Он обернулся и сказал:

— Вибрация идет со всех сторон, но ни в коем случае не снизу. Итак, мы достигли плоскости генераторов. Находится ли центральный пульт в этой плоскости, я не могу сказать. Во всяком случае, вибрация стала сильнее.

— Мы на расстоянии одиннадцати километров от поверхности, — сказал капитан Эдер. — Я думаю, это достаточно глубоко. Итак, в каком направлении мы теперь идем?

— В любом случае, мы не должны разлучаться, — сказал Гукки

и добавил:— За мной!

Так как оба халютера находились вместе со всеми, то все они должны были ожидать дальнейших нападений. Пока ничего подобного не было.

Они беспрепятственно пересекли высокий и большой зал и достигли громадной металлической стены. Здесь был конец их пути. Рас Чубай посмотрел на свой прибор и сказал:

— За стеной что-то должно быть. Вибрация здесь сильнее. Как же мы попадем туда? Здесь должен быть вход.

— Я мог бы туда телепортироваться,— подумал Гукки вслух.— Но я не могу оставить вас одних без защиты.

Лейтенант Зибенгель откашлялся, но комментариев не последовало. Горачин, между тем, прошел метров двадцать вдоль стены и вдруг остановился. Он повернулся и крикнул остальным:

— Мне кажется, что я что-то нашел. Идите сюда!

То, что он нашел, могло быть входом. Он был хорошо замаскирован. Узкие пазы, которые обрисовывали в стене прямоугольник, со сторонами три на четыре метра, были так тонки, что были едва ли различимы. Точно в середине прямоугольника, почти на двадцатиметровой высоте, была крошечная кнопка. Она была того же цвета, что и металлическая стена.

— Я спрашиваю себя, что произойдет, если кто-то нажмет эту кнопку,— пробормотал капитан Эдер. Казалось, он размышляет.— Нет смысла стоять здесь и ждать.

Горачин поднял руку. Его ладонь медленно прислонилась к кнопке.

— Сейчас мы это сделаем,— сказал Иван.

Он нажал кнопку.

Некоторое время вообще ничего не происходило. Затем прямоугольник поднялся к потолку и открыл вход. Комната, куда вел вход, была прямоугольная, длиной около десяти метров. Загорелся свет.

— Выглядит как шлюз,— сказал Рас Чубай. Он посмотрел на остальных.— Пойдем внутрь?

— Для этого я и нажал кнопку.— Горачин первым вошел в странное, совершенно голое, помещение. Он дошел до середины и остановился. Потом он кивнул другим.— Ну, входите же, наконец. Мы не знаем, как долго будет открыта эта дверь!

Его примеру молча последовали и остальные, причем, оба халютера замыкали группу. Едва они вошли в помещение, как прямоугольник опять скользнул вниз и герметически их закрыл.

— Теперь они сделают с нами все, что захотят.

В то время, как были произнесены эти слова, все услышали тихое шипение. Сначала оно было едва слышно, затем постепенно становилось все громче. Рас Чубай взглянул на свои приборы и взволнованно воскликнул:

— Газ! Помещение наполняется каким-то газом! Что за бес-

смыслеца? Неужели робот-комендант думает, что может нас отравить? Подождите!.. Это же азот и кислород! Атмосфера! Такая же атмосфера, какой дышат халютеры! Она пригодна и для нас.

Горачин кивнул обеими головами.

— Тогда мои предположения оказались правильными. Мы находимся в воздушном шлюзе. Все выглядит так, что на центральной станции имеется искусственная атмосфера.

Вскоре приток воздуха прекратился и стало совсем тихо. На противоположной стороне от входа открылась дверь. Все медленно прошли через нее, и оказались в гигантском генераторном зале. Так как в нем имелась атмосфера, то можно было отчетливо услышать гудение и тиканье машин. Пол под их ногами дрожал и вибрировал. То, что это были генераторы, было лишь предположением. Глубоко под поверхностью планеты, в гигантском зале стояли длинными рядами металлические блоки. Они были соединены между собой сверкающими проводами. Они казались совершенно новыми, как будто были только что установлены.

Иванович покачал головой.

— Нет смысла начинать здесь работу. Надо разрушить все это. Здесь тысячи машин, и мы не знаем, которая управляет силовыми полями, а которая перехватчиком энергии. Гораздо важнее было бы найти пульт управления.

— Он может быть близко, — сказал Рас Чубай.

Они пошли дальше. Когда они прошли метров четырехста, то оказались в центре зала. В это время автоматика среагировала на присутствие обоих халютеров.

Атака была так стремительна, что у них едва хватило времени, чтобы найти укрытие за машинными блоками.

Чтобы не повредить машины, охранные роботы были вынуждены не применять энерголазеры. Они пользовались исключительно пульсационным оружием. Оно было опасно не только для халютеров, но и для землян. Когда первые орудия появились из укрытий и нацелились на них, Рас Чубай крикнул:

— Включите защитные экраны! Они не пропустят излучение пульсационных орудий, но они не могут долго выносить такую нагрузку. Горачин, что...

Группа была атакована не только орудиями с потолка, но и боевыми роботами, которые приближались со всех сторон. Они открыли огонь уже издалека.

Горачин слышал просьбу Рас Чубая. Он вступил в действие. Сначала он вывел из сражения потолочные орудия, потом направил свое внимание на атакующих роботов. Один за другим они исчезали в маленьких взрывах. Людям Эдера ни разу не пришлось пустить в ход свое оружие. Это все произошло очень быстро. Прежде чем нападающие развернулись полностью, они были уже уничтожены.

— Сейчас будет труднее, — сказал Ихс Толот. — Охрана будет

поднята по тревоге. Она уже знает, что халютеры здесь. Она уже давно это знает и теперь уверена, что мы приближаемся к центральному пульту управления. Робот-комендант знает об опасности, которая ему угрожает. Мы должны рассчитывать на упорное сопротивление.

Обе головы Горачина посмотрели на Ихс Толота. Иван усмехнулся.

— Это не играет никакой роли. Мы и с ними справимся.

Группа опять пришла в движение. На этот раз Горачин шел впереди. Халютеры и Гукки замыкали группу. Повсюду валялись расплавленные останки разбитых роботов. Они были еще горячие, и Горачин должен был обходить их. Наконец, они пересекли зал — почти километр в диаметре — и остановились перед новой преградой.

На их пути встало силовое поле.

Вся стена, площадью более трехсот квадратных метров, была утыкана сигнальными лампочками. Более половины их беспрерывно мигало. Большинство были красного цвета, но были и других цветов. Синхронно с красными лампочками раздавались пронзительные свистки, но не было никого, кто мог бы их слышать.

Импульсы аппаратов предостережения, наконец, достигли мозга робота-коменданта. Он стоял посередине помещения пульта управления, громадный купол из сверкающего металла, около двадцати метров высотой и тридцати в диаметре у основания. Он стоял, поставленный здесь создателями еще в те времена, когда люди на Земле жили еще в пещерах.

Маленький электронный блок внутри него, оценивающий ситуацию, почти выработался. Он был лишь кубиком, с длиной стороны в пять сантиметров. Робот-комендант знал это и мог рассчитывать, сколько ему осталось существовать в движении.

Уже несколько тысяч лет не было больше в этом мире живых халютеров. И вдруг тут появились еще две ненавистных бестии. Они вызвали активность охранных автоматов. Случай был необъясним, но думать об этом не входило в программу робота-коменданта. Халютеры должны быть уничтожены!

Он руководил всеми действиями.

С поверхности он получил информацию, что приземлился еще один корабль. Он был очень маленький. Из него вышло одиннадцать живых существ. Но это были не бестии, и робот-комендант не принял никаких мер. Перехватчик энергии, установленный в горах, воздействовал лишь на черный корабль халютеров.

Робот-комендант обратился к своему банку памяти. Он установил, что в этой галактике не было больше живых халютеров. Все они были уничтожены еще пять тысяч лет назад. Мозг робота, конечно, использовал другие единицы измерения времени, но, как выяснилось позднее, они точно соответствовали пяти тысячам лет. Откуда же

тогда взялись эти халютеры?

Охранные установки сообщили, что халютеры и другие живые существа достигли плоскости подземного центра управления. Они вторглись через главный транспортный лифт. Робот-комендант опять отдал приказ об уничтожении, но через несколько минут должен был констатировать, что все его приказы были напрасны. Все боевые роботы были уничтожены, а пульсационные орудия выведены из строя.

Через десять минут робот-комендант получил информацию, что вторгшиеся находятся уже непосредственно перед пультом управления.

Это представляло для робота-коменданта огромную опасность. Он включил защитный экран времени.

— Это такой же экран, как тот, которому мы обязаны путешествием во времени, — сказал Гукки. — С телепортацией ничего не получится.

Рас Чубай предостерегающе поднял руку.

— Телепортироваться не стоит. Кто знает, удастся ли нам вернуться в свое время. Мы должны придумать что-то другое, чтобы преодолеть этот экран. Я думаю, за ним находится центр всего этого.

— По меньшей мере, централь всего управления, — сказал Горачин. — Но что находится по другую сторону занавеса? — Он посмотрел на цветной экран, который достигал потолка. — Может быть, начнем сверху?

Когда они присмотрелись внимательнее, оказалось, что силовое поле состоит не из трех, а из шести частей. Это была превосходная защита. Сзади трехцветного занавеса была гладкая блестящая металлическая стена. Горачин дал указания, причем Иванович старался все время опекать своего старшего, родившегося на три секунды раньше, брата. Это вызвало некоторые споры, впрочем, быстро улаженные с помощью Гукки. Капитан Эдер и его люди искали убежище за массивными блоками машин. Оба халютера также попытались спрятать свои массивные тела за этими блоками.

Двойной мутант очень осторожно взялся за дело, чтобы не вызвать атомного взрыва. Но он не мог избежать того, что часть кровли обрушилась в зал, когда он взорвал занавес. В трехцветном занавесе возникло небольшое отверстие. В нем ясно была видна металлическая стена. Она поражала своей массивностью и была абсолютно без швов.

— Это все же слишком узко, — сказал Рас Чубай. — Мы не знаем, как велика энергетическая завеса.

— Я это понимаю, — ответил Иван Горачин. — Мы сделаем дырку побольше.

На этот раз он направил свое внимание на электроды в полу, так как опасался, что вся кровля может рухнуть. Опять разразился взрыв, но он не вызвал разрушений. Силовое поле гасло сантиметр

за сантиметром. Скоро отверстие было уже около четырех метров шириной. Справа и слева поле еще сохранялось.

Рас Чубай вышел из своего укрытия и кивнул Гукки.

— По крайней мере, сейчас мы можем телепортировать через стену. Я не думаю, что остатки экрана окажут на нас какое-нибудь действие. Идем вместе?

Гукки внимательно осмотрел стену, затем закрыл глаза. Никто ничего не сказал. Все знали, что мыше-бобер телепатически прощупал стену, чтобы определить ее сопротивление. Когда он снова открыл глаза, взгляд его был немного озадаченным.

— Стена толщиной пять метров. Для телепортации не имеет никакого значения, но все-таки я нахожу это достойным внимания. Если я не ошибаюсь, то за стеной должно быть, что-то совершенно особенное.

— Конечно, за стеной особенно, а именно, станция управления, и, пожалуй, еще робот-комендант этой тюрьмы.

Горачин кивнул Эдеру и его людям.

— Сейчас мы это узнаем. Я думаю, что не будет больше никакой опасности. — Он опять обратился к телепортантам. — Кто из вас прыгнет? Или вы оба?

Гукки положил свою ладонь на руку Раса Чубая.

— Будет лучше, если я пойду один. Ты останешься здесь в резерве. Если я через минуту не вернусь назад, то вы отступаете, или ты идешь на помощь мне.

Не дожидаясь ответа, он сконцентрировался на металлической стене и исчез.

Рас Чубай недовольно покачал головой.

— Он никогда не дает ответить, — пожаловался он и посмотрел на стену.

Горачин смотрел на часы.

— Еще пятьдесят секунд, — сказал он.

Когда Гукки опять материализовался, то очутился прямо перед роботом-комендантом. Он, конечно, не знал этого. Он увидел перед собой полушарие высотой двадцать метров и диаметром у основания тридцать метров. Помещение, в котором он находился, было не очень большим. Повсюду на стенах были контрольные лампочки, выключатели, панели приборов. Стены были квадратными со сторонами в пятьдесят метров. С потолка лился ослепительно-белый свет, который ярко освещал все помещение.

Не последовало никакой ответной реакции.

Гукки подошел поближе к полушарию и потрогал его руками. Он почувствовал вибрацию, в то время как наружные микрофоны все время улавливали тихое гудение.

— Я думаю, это то, что нам нужно, — пробормотал он про себя. — Но ты теперь не долго будешь гудеть, маленький мой. Если халютеры

тебя найдут, они сделают из тебя металлолом.

Он подумал еще немного, затем сконцентрировался на обратном прыжке. При этом он все время ловил мысленные импульсы Раса Чубая. Но они доходили до него очень ослабленными. Стальная стена толщиной в пять метров не только поглощала радиоволны, но и сильно ослабляла импульсы мысли. И, конечно, не только она была виновата, что прыжок Гукки не получился. Когда он материализовался, то увидел, что находится на поверхности планеты. Он почувствовал сильную боль во всем теле, но у него не было времени, чтобы обращать на это внимание.

Со всех сторон к нему направлялись летающие роботы и автоматические танки. Не раздумывая, Гукки снова телепортировался. Чтобы не прыгать в неизвестность, он сконцентрировался на вершине дальней горы. Когда он материализовался, он стоял на плоском плато, которое возвышалось на пятьсот метров над равниной. Корабль халютеров с плато был виден в виде маленькой точки. Посредине плато стояло куполообразное сооружение с длиной антенной. Атакующие роботы теперь не угрожали ему, и он стал думать, что ему предпринять дальше. Он не должен оставлять своих друзей в беде внутри планеты. С другой стороны, отсюда невозможно было определить их местонахождение.

Гукки было ясно, что его ошибочной телепортацией руководил робот-комендант. Значит, он имел защиту и от мутантов.

В его приемнике в шлеме раздавались сигналы. Они были так сильны, что он вынужден был уменьшить громкость. Передатчик должен был располагаться очень близко. Когда он случайно бросил взгляд на антенну, то понял, откуда шли сигналы.

— Сейчас ты перестанешь питаться,— яростно проворчал мышобер.

Он нашел в своей боевом скафандре маленькую ручную гранату. Он снял с нее предохранитель и подошел к куполу. На высоте двух метров он нашел нишу, куда и положил гранату. Затем он телепортировался подальше на равнину.

Куполообразное сооружение взорвалось яркой молнией. Слабая надежда Гукки на то, что зелено-голубой энергетический экран, окружающий планету, исчезнет, не оправдалась.

Не возникло даже никакого отверствия. Но радиосигналы в приемнике прекратились.

— Ну, по крайней мере, кое-что,— подумал Гукки про себя. Затем он запеленговал корабль халютеров и снова телепортировался.— Ну, теперь все пойдет как по маслу. Я должен найти остальных, а отсюда это будет легче.

Он телепортировался к стальному шлюзу, а затем в глубину планеты.

Горачин все еще смотрел на часы.

— Две минуты, — сказал он. — Что-то там произошло. Гукки долго нет. Что вы предпримете, Рас Чубай?

— Прыгать, что же еще? Гукки нужна помощь.

Горачин покачал обсими головами. В этом случае двойной мутант был единодушен.

— Я бы этого не советовал. Если Гукки не вернется, значит за стеной опасность. Вы попадете в такое же положение, как и он. Есть лишь одна возможность это узнать. Я взорву стену. Я попросил бы вас спрятаться. Это, естественно, будет большой взрыв.

Рас Чубай сначала колебался, но затем согласился с предложением Горачина. Капитан Эдер и его люди спрятались в укрытие. Сержант Простер громко, чтобы все могли слышать, пробормотал:

— И это называется особой командой! Все время мы только и делаем, что прячемся за металлическими блоками. Если бы только это видел мой офицер-учитель...

Ихо Толот и Фанкан Тайк отступили подальше, чтобы в случае атаки их друзья не причинили им вреда. Несмотря на свою силу и относительную неуязвимость, они чувствовали себя беззащитными. Эта тюрьма была построена для халютеров. И оборудована она была соответственно. Они не могли использовать свои особые способности и находились в постоянной опасности.

— Готовы? — осведомился Эдер.

После того, как Горачин убедился, что все хорошо спрятались, он отошел назад метров на пятьдесят и встал за металлическим блоком, который достигал ему до груди. Затем обе головы зафиксировали потолок. Справа и слева все еще горел трехцветный занавес. Но его свет побледнел, когда вдруг в середине свободного места стены сверкнула яркая точка. Она быстро увеличивалась в размерах и скоро достигла яркости солнца.

И тогда стена взорвалась.

Горачин пригнулся за металлическим барьером, чтобы его не задела взрывная волна. С нею пришла жара, которая изолировалась боевыми скафандрами. Раскаленные осколки летали в проходах между блоками машин. К счастью, они никого не задели.

В сетке зияла неровная дыра, еще раскаленная по краям. Сзади в ярком свете виднелся робот-комендант. Во многих местах его задели осколки, глубокие борозды были ясно видны на полированной поверхности полушария. Некоторые из осколков ударились о противоположную стену и причинили ей значительные повреждения. Взорвала сирена.

Горачин вышел из своего укрытия и устремился вперед. При этом он кричал:

— Если мы выведем из строя центр управления, все энергетические генераторы ни на что не будут годиться. Я думаю, мы скоро это сделаем.

— Да, но только скорее, — озлобленно проворчал сержант

Простер.— Он выполз из прохода на коленях. Мы постепенно научимся бегать на четвереньках. Очень удобный вид передвижения.

Нижняя кромка пролома находилась на высоте одного метра. Сначала пролез Горачин, за ним последовали другие. Когда оба халютера вошли в центр управления, вой сирены стал громче. Загорелись дополнительные лампы контроля. Вибрация под их ногами усилилась.

— Малютка все еще функционирует,— сказал капитан Эдер и указал на робота-коменданта.

Рас Чубай внимательно осмотрел все вокруг.

— Хотел бы я знать, куда делся Гукки.

— Он определенно волнуется,— подумал вслух Горачин, начиная свою разрушительную работу.

Сначала он принялся за стену с контрольными лампочками. Горачин вызывал во многих местах микроволны, ядра углерода и кальция, входящие в состав пульта, вступали в реакцию. Хотя это были атомные взрывы, но они были так малы, что по яркости они напоминали пламя горелки. Повсюду по стене возникали подобные вспышки, заставляя лампы взрываться от жары, а металл течь. Контакты были нарушены. Это привело к нежелательным последствиям. Возникли короткие замыкания. Затем, наконец, вой сирены оборвался.

Ихо Толот и Фанкан Тайк обошли робота-коменданта и встали на другой стороне. Никто не мог догадаться, что происходило в мозгу халютеров. Они стояли напротив убийцы их расы, хотя он и был только исполнительным органом.

Ихо Толот открыл шлем своего скафандра и дал знак Фанкану Тайку, чтобы он сделал то же самое. Затем он очень тихо, чтобы никто не мог услышать, пробормотал:

— Может ли он дать вам ответ, кто отдал ему такой приказ? Все это должно быть в его банке памяти. Но как мы должны его спросить?

Фанкан Тайк немного подумал, потом сказал:

— Его спрашивать бессмысленно. Он не ответит нам. Он запрограммирован на уничтожение, и он ничего другого не может, как уничтожать.

— Но почему бы нам не попробовать?

— Никто нам не поможет, Ихо. Спрашивай.

Ихо Толот сделал шаг к роботу-коменданту. Странное чувство охватило его, когда он стоял перед этим круглым колоссом. Он ни разу не подумал о том, сможет ли ему ответить робот-комендант. Он не знал также, сможет ли он его спросить. Несмотря на это он сказал:

— Я — халютер. А ты — убийца моей расы. Почему же так случилось, что моя раса должна была быть уничтожена? Для этого должна была быть веская причина, и я хотел бы ее знать. Можешь ли ты мне ответить?

Все было так, как Фанкан Тайк и ожидал: ничего не случилось.

Робот-комендант молчал.

Между тем Иван Иванович продолжали свою разрушительную работу. Стена с сигнальными лампочками представляла из себя сплошной хаос. Она больше не могла функционировать. Большинство лампочек погасло. Все жужжащие звуки оповещения смолкли. Горачин повернулся ко второй стене, стене с приборами управления. Опять возникли маленькие взрывы, разрушающие это техническое чудо.

И тут вдруг раздался громкий голос, который, казалось, заполнил все пространство. Он шел отовсюду, из скрытых громкоговорителей, и был каждому понятен. Позже никто не мог сказать: на каком языке он говорил. Это позже было объяснено тем, что слова произносились синхронно с мнеммоимпульсами. Поэтому слова и были понятны всем.

Голос казал:

— Вы помогаете бестиям и будете за это приговорены к смерти. Кроме того, вы вступили в запретный мир, который никто не может покинуть. Ваше третье преступление самое главное. Вы уничтожили оборудование, которое служит благу всех рас вселенной. Вы трижды заслужили смерть, и вы умрете трижды.

Когда раздался голос, Горачин прекратил свою работу. Но затем он начал работать с удвоенной силой и усердием. Одна установка взрывалась за другой. Остатки трехцветного энергетического экрана погасли. Таким образом Горачин должен был установить соответствующий контакт. Из машинного зала были слышны странные звуки, как будто металл тащили по металлу.

Рас Чубай поспешил к пролому и заглянул в него. Когда он опять повернулся, лицо его было бледно.

— Они атакуют нас. Это, по меньшей мере, три — четыре сотни маленьких боевых роботов. Мы не справимся с ними, Горачин!

Иван, старшая голова, остался спокойным.

— Подожди, Рас. Я думаю, ты еще ни разу не видел меня в настоящей работе.— Он обратился к остальным, и в особенности к капитану Эдеру.— Вы останетесь здесь, в этом помещении, и не покидайте его, чтобы ни случилось. В случае необходимости я сразу уничтожу часть генераторного зала. Скоро мое терпение кончится.

Двойной мутант важно прошагал к пролому, отослав Расу Чубая в укрытие. Он выглянул наружу. Телепортант был прав. К пролому со всех сторон устремились маленькие боевые машины. Здесь было даже и несколько танков, которые показались в широких проходах.

Робот-комендант приступил к последнему сражению против приговоренных к смерти.

Иван и Иван Иванович кивнули друг другу, затем глубоко вздохнули и зафиксировали первые ряды атакующих.

Гукки короткими прыжками телепортировался вдоль улицы с

витринами, пока не достиг входа в главную шахту, которая вела на глубину десяти километров. К его удивлению, ему удалось принять мысленные импульсы его друзей. Они были очень слабы, но все же вполне восприимчивы и почти без помех. Тут Гукки стало ясно, что изоляция не пропускала не только радиоволн, но и импульсы мысли. Это волновые преграды вдруг исчезли. Он запеленговал Раса Чубая и узнал, что Горачин начал свою разрушительную работу. Этим и объяснялось исчезновение преград.

Его немного задел тот факт, что его друзья вообще не беспокоились за него. В конце концов, он бесследно исчез и давно уже мог быть мертв. Но в это никто не верил. Все были убеждены, что он находится где-нибудь в безопасности. А то, что он не вернулся, объясняли самыми различными способами. Так лейтенант Зибенгель был твердо убежден в том, что Гукки бушевал в помещении робота-коменданта как бешеный и уничтожил все, что попадалось ему на глаза. Гукки улыбнулся, когда принял эти лживые мысли. Но тут в нем проснулась совесть. Он давно уже должен был вернуться к остальным, вместо того, чтобы слоняться наверху. Хорошо, что он попал в небольшой пара-случай и был отброшен на поверхность. Там он осмотрелся, разрушил наружную станцию — и это было, собственно, все. Он опять сконцентрировался на импульсах мыслей Раса Чубая, установил место его нахождения и телепортировался.

Когда он материализовался, он был брошен взрывной волной на расплавленную аппаратуру управления. Прошло несколько секунд, пока он смог собраться с силами. Он увидел, что все люди находятся в укрытии, в то время как Горачин через пролом уничтожал нападающих роботов. Отсюда и была взрывная волна.

Гукки с трудом поднялся.

Он внимательно осмотрелся по сторонам.

— Кажется, кое-что изменилось здесь, пока меня не было.

Ихо Толот, который укрывался за роботом-комендантом, немного прополз в направлении Гукки.

— Я бы на твоём месте помолчал, Гукки. Конечно, кое-что изменилось. Этот робот-комендант приговорил нас к смерти.

Гукки кивнул.

— Я знаю, знаю, голос робота-коменданта был достаточно громким. И в ответ на это Горачин начал свое дело по уничтожению?

— Он и без этого хотел этим заняться. Мы были атакованы.

Горачин сделал паузу и оглянулся. Иван, правая голова, сказал:

— Ну, малыш, где ты торчал? Впрочем, я посоветовал бы тебе спрятать голову. Сейчас опять загромыхает...

— С первой моей обратной телепортацией было не все в порядке. Я был отброшен силовым полем на поверхность. Там я разрушил важную станцию управления.

Иванович широко улыбнулся.

— Откуда ты знаешь, что это была важная станция?

Гукки встал бы, если бы Ихс Толот не прижал его к полу.

— Если я что-то вывожу из строя, так только что-нибудь важное, — возмутился мышье-бобер. — И если вы мне не верите, тогда не приставайте ко мне.

На этот раз в разговор вступил Иванович.

— А ну в укрытие! И не выходи!

Мутант опять приступил к своим действиям и через три секунды атомные взрывы разметали атакующих роботов в разные стороны. Мощные генераторные блоки исчезли в ослепительном огне и, расплавленные, осели вниз. Скоро гигантский зал был похож на лунную поверхность, испещренную кратерами. В высоком потолке сияли дыры. Часть металлической обшивки оплавилась. За ней была видна голая скала.

Робот-комендант после вынесения приговора больше не давал о себе знать. Он еще действовал, так как был независим от наружных источников энергии, но, казалось, он потерял всякую связь со всеми важными центрами управления. В заключение Гукки телепатически прощупал лежащего на полу гиганта. Рас Чубай использовал паузу Горачина, чтобы быстрыми прыжками очутиться рядом с Гукки. Он бросился на землю рядом с ним.

— Что случилось там наверху? — спросил он.

— Ничего особенного, — ответил Гукки. — Оба корабля стоят совершенно невредимыми на своих местах. Я был в горах и уничтожил один купол. Возможно, он был важным.

— Может быть, но все-таки ты должен был быстрее вернуться. Мы беспокоились за тебя.

— Это излишне, Рас. Ты знаешь, что я никогда не пойду на ненужный риск.

Взрывы следовали друг за другом. Горачин отступил от проема и дал знать, что все роботы уничтожены. В этот момент им не угрожала никакая опасность.

— Было бы неплохо взорвать и самого робота-коменданта, — предложил капитан Эдер после того, как поднялся.

Иван и Иванович Горачин рассматривали робота-коменданта. Затем обе головы кивнули.

— Согласен, но для этого необходимо, чтобы вы и ваши люди вернулись на поверхность. Я посоветовал бы это и обоим халютерам. Мы уничтожим робота-коменданта, и затем последуем за вами. Я думаю, что так мы и должны сделать.

Предложение одобрили все. Рас Чубай и Гукки начали переправлять особую команду капитана Эдера и халютеров в безопасное место. В общей сложности для этого были необходимы восемь телепортаций. Последними они вынесли на поверхность Ихс Толота и Фанкана Тайка, и оставили их у стального шлюза, где их уже ждали другие. Халютер остановил их, прежде чем они опять прыгнули внутрь пла-

неты.

— Вы уничтожите робота-коменданта. Он убийца моей расы. Я желаю его уничтожения. Но дело идет лишь о позитронном мозге. И все-таки мы еще не знаем, кто отдал ему этот приказ. Я боюсь, что теперь мы ничего не сможем установить, да и сам робот-комендант нам ничего не сообщит. Торопитесь! Мы тем временем вернемся на корабль. Мы ждем вас в центральном отсеке нашего корабля.

Оба телепортанта прыгнули назад, в центр управления планетой-адам. При этом, они действительно прыгнули в ад.

8

Относительно медленная реакция робота-коменданта имела основания. Это было отчасти оттого, что вся автоматика планеты пять тысяч лет была в бездействии. Очень возможно, что некоторые установки вышли из строя. Они не могли больше функционировать с такой точностью, как раньше. Возникшее вследствие этого замедление действия дало возможность людям относительно безопасно проникнуть внутрь планеты-тюрьмы. А когда робот-комендант среагировал, было уже поздно. К этому времени Горачин уничтожил все связи робота-коменданта с автоматикой планеты. И когда робот-комендант отдал свой приказ на уничтожение, то не все позитронные импульсы достигли своей цели.

Но некоторые все же достигли.

Прежде чем Гукки и Рас Чубай наконец вернулись назад, Горачин был атакован. В потолке центра управления, точно над полушарием робота-коменданта возникло круглое отверстие. Из него с равными дистанциями спустились связки проекторов, и через секунду робот-комендант был окружен ярко-белым силовым полем. Проекторы изменили свои углы подачи лучей и силовое поле и силовое поле расширилось. Оно приближалось к Горачину.

Мутант отпрыгнул назад к стене и заметил, что единственный путь отступления — пролом, был загорожен вторым энергетическим экраном. В таком маленьком помещении было невозможно вызвать большой атомный взрыв, не причинив себе никакого вреда. Кроме того, в каждое мгновение могли явиться оба телепата.

Но у него не было другого выбора.

— Проекторы на нашей стороне,— коротко сказал Иван. Иванович кивнул.

Горачин взрывал проекторы крошечными взрывами. Он взрывал один проектор за другим. Молочный защитный экран робота-коменданта гас кусок за куском. Скорее в нем появился разрыв более чем в два метра. Когда Гукки и Рас Чубай материализовались, это к счастью произошло достаточно далеко от еще действующего энергетического экрана. Несмотря на это, они вдруг почувствовали горячую волну и от неожиданности отступили назад. По знаку двойного

мутанта оба бросились на пол.

— Что случилось?— спросил Гукки. Быстрым движением он включил охлаждающую систему своего скафандра. Рас Чубай последовал его примеру.— Опять бестии взялись за дело?

Иванович ответил им:

— Да, но мы уже почти кончаем его энергетический экран. И тогда я должен буду сам взорвать атомный взрыв и в ту же секунду мы должны будем телепортироваться. Иначе мы все погибнем. Вы это хорошо поняли?

Рас Чубай кивнул.

— Уже поняли. Надеюсь, у нас все получится. Все зависит от долей секунды.

— Конечно,— добавил Иванович,— не все так плохо, как кажется. Если мы вызовем реакцию, то для ее развития потребуется некоторый промежуток времени. Мы должны использовать этот промежуток времени. Он составит не меньше секунды. Идет?

— Должно получиться. Будет какой-нибудь сигнал? Нет смысла, если мы прыгнем слишком рано.

На этот раз ответил Иван:

— Мы, вероятно, сможем сэкономить три-четыре секунды, если мы сначала вызовем предварительный взрыв. У нас будет время сконцентрироваться и когда я дам знак, тотчас телепортируемся.

— Это-то уж мы сделаем,— заверил его Гукки.— Главное, что это яйцо взлети на воздух.

— Это должно произойти довольно безопасно,— сказал Иван и кивнул своему брату.— Мы не можем больше терять времени. Остатки энергетического экрана все еще распространяются. Может быть, они достигнут нас, прежде чем мы сможем уничтожить коменданта. Итак, к делу!

То, что последовало дальше, было как кошмарный сон, который все участники почувствовали тогда, когда все уже было позади. Как Горачин, так и Рас Чубай с Гукки, потом были единодушны в том, что подобный эксперимент в такой ситуации еще ни разу не производился. Но это была лишь теория. Вероятно, в подобной ситуации они опять действовали бы также. Белый энергетический экран так разошелся во все стороны, что достиг стен. Оттуда он пошел дальше, к трем мутантам. Посередине оставалась большая щель. Через нее Иван и Иванович зафиксировали свою цель — середину полушария на высоте примерно двух метров. Они выбрали эту точку, так как детонация могла привести к обвалу всего помещения.

Прошло десять секунд. Затем на корпусе робота-коменданта возникла яркая белая точка, которая быстро увеличивалась. Рас Чубай и Гукки закрыли ослепленные глаза и одновременно сконцентрировались на свою цель прыжка — стальной шлюз на поверх-

ности. Каждый из них держал Горачина за руку. Они ждали условного сигнала.

Через две секунды они почувствовали пожатие руки.

Гукки и Рас Чубай, захватив с собой Горачина, телепортировались.

Они исчезли точно в тот момент, когда робот-комендант разлетелся от атомного взрыва.

Неожиданно наступивший энергетический занавес, который частично вторгся в пятое измерение, повлиял на поле телепортации. Поэтому координаты прыжка были сильно изменены.

Когда Гукки, Рас Чубай и Горачин материализовались, они оказались не на поверхности планеты рядом со стальным шлюзом, а посередине огромного зала, где они парировали под потолком и падали навстречу гладкому металлическому полу. Высота была почти пятьдесят метров и обоим телепортантам удалось своевременно затормозить падение. Они мягко опустились.

Зал был ярко освещен. Он был пуст. Диаметр его был около трехсот метров.

— Это, должно быть, взрыв, — подумал Гукки. — Он нас немного прихватил, но все не так уж и плохо. — Внезапно он замолчал, так как пол под их ногами содрогнулся. Толчок чуть было его не опрокинул, но он крепко держался за Горачина. — Что это было?

— Взрывная волна от детонации в центре управления, — сказал Рас Чубай. — Она распространяется сквозь металлические стены и потолки. Там, внизу, все должно быть взлетело на воздух.

И тут вдруг гигантский зал наполнил голос. Он, казалось, шел со всех сторон и звучал глухо. Он говорил на диалекте Центра и благодаря гипнооблучению был понятен всем мутантам. Кроме того, речь шла не об искусственном голосе. Его произносило живое существо.

Голос говорил:

— Автоматика самоуничтожения! Робот-комендант и центр управления разрушены. Планета-тюрьма должна быть немедленно уничтожена!

Трое мутантов переглянулись. Прежде чем Гукки успел что-либо сказать, Рас Чубай крикнул:

— Телепортироваться! К стальному шлюзу. Мы не знаем, сколько времени потребуется установке для выполнения этого приказа. Откуда он мог прийти? Был ли это записанный голос?

— Об этом мы поговорим позднее. — Гукки крепче схватил руку Горачина и повернулся к Расу Чубаю. — Сначала скорее отсюда! Итак, к стальному шлюзу!

На этот раз телепортация прошла без помех. Трое мутантов телепортировались на поверхность планеты.

Небо было опять ясным и чистым. Не было больше энергетического экрана. Была ночь. Неподалеку стоял черный круглый корабль

халютеров. Он закрывал собой звезды. Через две секунды они связались с людьми капитана Эдера и с халютерами.

Как только засветились зеленые сигнальные огни, майор Боб Кизом понял, что закрылся воздушный шлюз. Он приказал лейтенанту Крамеру уводить КС-41 на максимальной скорости прочь от планеты. Посадочная шлюпка благополучно вернулась на борт корабля, а черный корабль халютеров парил в пространстве недалеко от КС-41.

Когда капитан Эдер вошел в центральный отсек, он увидел, что маленькое белое солнце становится все меньше и меньше. Одновременно рядом с ним зажглось новое солнце — светлее и белее, чем первое.

Это взорвалась планета-тюрьма.

Особой команде, халютерам и трем мутантам буквально в последнюю секунду удалось покинуть планету скелетов и робот-охранников. Оба корабля вместе направились к «Кресту». В их кабинах сидели Рас Чубай, Горачин и Гукки. Все знали, что они едва избежали смерти. Но это было не все, что доставляло им заботы и над чем они ломали головы.

Наконец, Гукки произнес:

— Что скажет Перри Родан, когда узнает, что и в этой галактике однажды были халютеры. И еще, что эти халютеры были безжалостно уничтожены. Это полностью противоречит нашим прежним знаниям. Что он сделает с этой информацией? Он должен учесть это при разработке своей дальнейшей стратегии.

— Сама собой разумеется, он это сделает, — задумчиво ответил Рас Чубай. — Часто бывает так, что в истории одного народа настоящее влияет на будущее. Так будет и на этот раз. Я думаю, мы должны смотреть на халютеров другими глазами, чем прежде.

Прежде чем КС-41 исчез в гиперпространстве, майор Боб Кизом бросил последний взгляд на экран. Он все еще видел две светлые звезды в середине матового экрана. Одна из звезд стала уже слабее. Еще немного и она погасла совсем. От нее ничего не осталось, кроме раскаленного пояса астероидов или пропадающего в пространстве газового облака.

Уже не было времени установить это точно.

Точно было известно лишь то, что планеты-тюрьмы больше не существует.

КОГДА ВРЕМЯ СОШЛО С УМА

БЛИЗНЕЦ ИЗ ДРУГОГО ВРЕМЕНИ

— Я очень долго искал тебя, — произнес Рон Дайнин.

Уэбб Хилдрет осторожно прикрыл за собой дверь и опустился в кресло, пытаясь внимательнее рассмотреть прячущегося человека в полумраке. Уэбб потянулся к выключателю, но человек жестом остановил его.

— Не надо, — попросил он, — яркого света.

— Не понимаю, — пробормотал Хилдрет. — Как вы оказались здесь?

Рон Дайнин сделал забавный жест указательным пальцем — возможно заменяющий пожатие плечами.

— По крайней мере, не через дверь, — ответил Рон. — Ваш этот ведь, кажется, называется «замок?» — так замок для меня не преграда. Я просто вошел. Но вас не оказалось дома, я ждал.

Хилдрет недоуменно потер подбородок. Хотя он и был раза в два больше, чем незнакомец в забавном одеянии, ощущение все же было не из приятных.

Он открывал дверь в свою квартиру множество раз, но впервые за ней кто-то прятался.

Это пришлось ему не по душе, особенно то, что незнакомец одет как на пляже — короткие штаны, безрукавка и все остальное, чтобы трофейный «люгер», лежащий в спальне, оказался под рукой.

— Я не знаю никого по имени Рон Дайнин, — отчеканил Хилдрет. — Что вам нужно?

Дайнин улыбнулся, повторив непонятное движение пальцем.

— Просто хотел встретиться с вами.

— О'кей! Вот он, я. Ну и что?

Рон Дайнин вздохнул и оглядел комнату.

— Разрешите присесть? — вежливо спросил он. — Я очень устал!

Хилдрет, начиная осваиваться в необычной ситуации, достал трубку и набил ее крепким дешевым табаком.

— Присесть? Конечно, вот кресло-качалка. А там — табурет.

Дайнин вежливо кивнул, взобрался на табуретку — Уэбб только сейчас разобрал, что незваный гость мал ростом — и взглянул на Уэбба почти по-отечески.

— Именно таким я вас себе представлял, Уэбб, — сказал он.

— Меня?

Дайнин улыбнулся.

— Ну, да. Странная одежда, грубоватая речь. А главное — сходство. Оно еще сильнее, чем я предполагал.

Уэбб сказал:

— Послушайте! Эта, как вы выразились, странная одежда, обошлась мне в шестьдесят долларов. Кстати, о каком сходстве вы твердите?

— Вы все еще не заметили? — удивился Дайнин. — Но ведь... А-а, понимаю. Вы плохо видите в темноте, да?

Он задумался.

— Ладно, включите свет. Только умоляю, ненадолго.

Уэбб Хилдрет проворчал что-то себе под нос, но подчинился.

Он включив свет, повернулся, чтобы рассмотреть Рона Дайнина, восседающего на табурете.

Глаза гостя были прищурены от невыносимого света.

— Так что за сходство? — сказал Уэбб. — Все, что я вижу, это... — он вдруг запнулся, уставился на Рона безмолвно.

— Боже милостивый! — прошептал он. — Ведь мы как две капли воды похожи друг на друга!

— Свет! — взмолился Рон Дайнин.

Уэбб механически выключил свет, продолжая смотреть на незваного гостя, который снова растворился в полумраке.

Дайнин с облегчением вздохнул.

— Ужасное ощущение, — пояснил он. — На таком свету, я не был уже больше года, когда был еще почти... здоров.

— Вы хотите сказать, что свет вам вреден?

— Да, — сказал Дайнин. — У вас это называют нокталопией — светобоязнью. У нас же это совсем иное. У этой болезни нет названия, просто — недуг. Им я мучаюсь два года.

— Рассказывайте, — потребовал Уэбб. — Я хочу знать все, от и до. Почему вы так похожи на меня?

Рон Дайнин покачал головой.

— Вам не понять. Пока.

— Хорошо. Тогда скажите, откуда вы?

Рон Дайнин снова покачал головой и Уэбб заметил, что он улыбается.

— Я не «откуда», — сказал Рон. — Я из «когда». Вы в тысяча девятьсот сорок девятом. А я прибыл из три тысячи пятьдесят четвертого. Возможно, плюс-минус год или два. Дело в том, что во время Великой Войны мы сбились с летоисчисления и поэтому...

— Провались оно пропадом, ваше летоисчисление, — грубо сказал Уэбб. — Продолжайте же!

— Так вот я прибыл из года три тысячи пятьдесят четвертого. Да, — он кивнул, — вам в это трудно поверить, но это чистая правда. Мной овладел недуг и меня должны были подвергнуть эвтаназии. Но я не хотел умирать. Я украл Хрони и очутился здесь. Я всегда хотел повидаться с вами, естественно, с тех пор, как узнал о вашем существовании.

— Надеюсь, вы не шутите? — спросил Хилдрет. Он был ошелом-

лен.— Хотя, конечно, нет. Я вижу. А что такое Хрони?

— Машина, на которой я попал к вам. Она в соседней комнате,— Дайнин указал в сторону кухни.

— Простите,— Уэбб Хилдрет вскочил и опрометью бросился в кухню. Краем глаза заметив, что Рон собирается последовать за ним.

У двери в кухню он остановился, как вкопанный: посреди его кухни возвышалась семифунтовая луковица, слегка светящаяся в темноте.

Уэбб хотел было приблизиться к ней, но остановился.

— Это машина времени,— произнес он.— Настоящая действующая машина времени.

— Да, конечно,— сказал Рон, стоявший сзади.— Мы называем ее Хрони.

Уэбб с удивлением рассматривал устройство. В его маленькой и хорошо знакомой кухне оно казалось огромным и чужеродным, удивительно похожим на грушу из какого-то материала, слабо светящегося молочным светом.

Вдруг он тревожно воскликнул:

— Нужно ее убрать отсюда. Здание старое, а эта штука, должно быть, весит с полтонны!

— О, нет! — Дайнин проскользнул мимо него на кухню и подошел к машине. Он легко нажал на ее верхушку и машина опустилась на пол.

Уэбб вытаращил глаза.

— Она плавает,— глуповато заметил он.— Это что, твердый гелий?

Настала очередь Дайнина уставиться на Уэбба с удивлением.

— Так вы, выходит, знаете о Хрони? Конечно, в нем есть твердый гелий. Из него сделаны катушки, чтобы избежать сопротивления. А легкая она из-за антигравитации.

— Антигравитация?

— Да,— речь Дайнина стала профессиональной.— Само собой,— сказал он,— какая-то часть массы Хрони остается не нейтрализованной. Иначе, как бы он удерживался в поле притяжения Земли во время перемещений во времени? Но, с другой стороны, нужно учитывать возможность ошибок при локализации в пространстве. Поэтому машина должна обладать максимальной мобильностью, чтобы не погредиться при столкновении с поверхностью земли. Это, в свою очередь, предполагает...

— Хватит, хватит! — взмолился Уэбб.— Я все равно не понимаю, о чем идет речь.

Дайнин опять пожал плечами с помощью пальца.

— Хорошо, но я должен кое-что объяснить. Я беглец, я пришел сюда за помощью.

— Беглец от чего?

Дайнин колебался немного.

— Я непригоден к дальнейшей жизни, — наконец сказал он. — По крайней мере, так гласит закон в моем времени. Кодекс предусматривает умерщвление для тех, кто болен Недугом. Кроме того, я всегда был неприспособлен к жизни во многих отношениях. Уже с самого детства меня от многого, — он тщательно выбирал слово, — предохраняли. Меня предохраняли от женитьбы, от работы, которая мне нравилась, от всего, что я ХОТЕЛ делать. Я рос в специальном заведении.

Он взглянул на Хилдрета.

— Понимаете, Узбб, — продолжал он, — я представлял собой то, что называется атаксизмом. Во всяком случае, я больше похож на человека двадцатого столетия, чем своего. Поэтому, после того, как я бежал, я направился к вам.

Узбб постучал по молочно-белому яйцеобразному корпусу. Послышался кристально-чистый вибрирующий звон...

— В этой штуке, — сказал он. — Господи! Неужели в твоём времени не нашлось места, где можно было бы укрыться? Какой-нибудь другой страны?

Дайнин рассмеялся.

— В моем времени существует только одно государство, Узбб! Оно включает в себя весь мир. Иначе и быть не могло после Великой Войны — другого способа спасти планету не было. У нас одно правительство и оно правит всем миром. Они нашли бы меня, где бы я ни спрятался. Поэтому я был вынужден покинуть свое время. Я выкрал Хрони и отправился к тебе. Потому что ты — мой близнец.

Узбб сделал попытку усмехнуться.

— Двойник? Ты, наверное, имеешь в виду, что я твой пра-пра-пра-дедушка или что-то в этом духе?

— Нет. Двойниками являются наши разумы. И тела обладают определенными сходствами. Но это естественно, раз мы так похожи друг на друга. Я обследовал множество разных времен и нашел твой разум — двойник моего собственного. И я направился к тебе. Не думаю, что они последуют за мной. В противном случае... — при этих словах Узбб заметил вдруг, что лицо его стало пожилым и утомленным, — в противном случае, — повторил Рон, — я, возможно, принес тебе гибель!

Хилдрет закашлялся и только тогда вспомнил, что его трубка давно потухла.

Когда вспыхнула спичка, Дайнин вздрогнул как от боли, и отшатнулся.

Узбб быстро потушил спичку.

— Что ты имеешь в виду? Какую гибель? — спросил он.

Дайнин ответил:

— Я же говорил тебе, что был приговорен к смертной казни. А из-за того, что ты так похож на меня, что строение наших умов так похоже, они могут заодно убить и тебя. О, я, конечно, принял меры

предосторожности, — торопливо добавил он и указал на машину времени. Я включил интерференционное поле, которое затрудняет локализацию. Но обнаружить мой Хрони все-таки можно.

Уэбб устало потряс головой.

— Для меня это уже слишком, — сказал он.

— Подойдя к машине, он заглянул внутрь, сквозь круглое отверстие. Внутри оказалась уютная маленькая каюта, места в которой должно было хватить как раз на двух человек размером с Дайнина.

Перед светящимся пустым экраном располагались два кресла, обитые чем-то вроде кожи. На их широких подлокотниках находилось множество кнопок и рычажков.

Над экраном сердито мигала маленькая красная лампочка.

— Что это за лампочка, Рон? — спросил Хилдрет.

— Лампочка? — Рон Дайнин подошел ближе и заглянул внутрь. Уэбб услышал за спиной сдавленный голос.

— Это сканнеры! — выдавил из себя Дайнин с трудом. — Они ищут нас с помощью другого Хрони!

В машине Дайнина вдруг раздался металлический звон, и на подлокотниках кресла одновременно загорелось несколько лампочек разных цветов.

Дайнин чертыхнулся вполголоса.

— Назад, Уэбб! — скомандовал он. — Кажется... Да, так и есть! Они пытаются расстроить вибратор!

Он обхватил Хилдрета за талию и потащил назад — с неожиданной для такого хилого на вид человека силой.

Уэбб попытался, отступая в соседнюю комнату.

И тут они увидели беззвучную бело-голубую вспышку в кабине Хрони. Затем раздался шипящий звук.

— Сгорел! — прошептал Дайнин. — Они сожгли интерференционный вибратор! Теперь их никто не остановит!

Он отступил в гостиную, увлекая за собой Хилдрета.

— У меня есть пистолет, — растерянно сказал Уэбб. — В спальне. Я, пожалуй, пойду возьму его.

— «Пистолет!» — истерично рассмеялся Дайнин. — Не стоит, Уэбб! Посмотри! — он указал пальцем в угол комнаты.

Оттуда послышался треск и по штукатурке пробежала трещина. Она становилась все длиннее, показалась дранка. Пролом начал наполняться каким-то сероватым туманом. Туман пронзали сумасшедшие ополохи цветов, очертания которых резали глаза. Затем туман стал приобретать форму.

Светящаяся конструкция заполняла комнату. Часть ее находилась за проломом в соседней квартире. Машина была почти кубической, высотой футов в десять, по ее молочно-белой светящейся поверхности извивались потоки разноцветного пламени.

В светящемся корпусе появилось отверстие. Из него на пол прыгнули два существа, похожие на бледных горилл, с их запястий

свисали жезлы.

— Усмирители! — в отчаянии воскликнул Дайнин.

Уэбб растерялся, но лишь на мгновение. Опасность была велика, для раздумий времени не оставалось.

— Держись, Рон, — крикнул он. — Я сейчас возьму пистолет.

Он оставил оцепеневшего Дайнина, бросился в спальню и схватил свой трофейный «люгер», лежавший в тумбочке у изголовья кровати.

В это время двое гориллоподобных набросились на помертвевшего от страха Дайнина, повалили его на пол и принялись совершать вокруг его неподвижного тела загадочные движения, чем-то напоминающие змейку холодного голубого пламени.

Хилдрет заметил все это, находясь еще в спальне.

Но из машины за ним, видимо, тоже наблюдали. Он услышал сухое электрическое потрескивание. К нему по воздуху направлялся небольшой светящийся шарик. Не долетев до него совсем немного, он вдруг исчез.

Электрический разряд свалил Уэбба на пол. Некоторое время он лежал на полу оглохший, ослепший и неспособный двигаться. Выпавший из рук «люгер» лежал рядом.

Два Усмирителя, занимавшихся Дайнином, обернулись с возгласом удивления.

Уэбб оттянул затвор и дослал патрон в казенник «люгера» как раз в тот момент, когда из машины показался второй шарик. Он быстро приближался к нему по прямой, но на полпути заколебался, свернул к металлическому торшеру и разрядился в него.

Уэбб выругался, и, перекатившись на левый бок, выстрелил в отверстие в борту машины времени.

Внутри кто-то вскрикнул — это был крик смертельно раненого человека.

Раздался металлический звук, и поверхность машины вновь покрылась разноцветными ополохами. Машина странно мигнула — и вдруг исчезла!

Но двое в черной форме все еще оставались.

Он вскочил и бросился на ближайшего из них, используя рукоятку пистолета для удара в переносицу. Удар свалил гориллоподобного на пол и на некоторое время вывел из игры.

От удара пистолет выпал из руки Уэбба. Безоружный Хилдрет остался один на один со вторым гориллоподобным. Рот того искривился в садистской усмешке. Он медленно поднял свой жезл и нацелил его прямо в живот Уэббу.

На конце жезла угрожающе сверкнула линза, и появился еще один огненный шарик!

Уэбб рванулся в сторону, пытаясь увернуться от шарика — сгустка электричества.

Его кулак ударил по сгибу локтя гориллоподобного, подбросил его руку вверх.

Затем Хилдрет обхватил запястье врага и вывернул руку.

Рука не сломалась, но человек вскрикнул вдруг удивительно высоким голосом и выронил жезл.

Уэбб зашел ему за спину, продолжая выкручивать руку с силой, которая должна была сломать руку противника. Но здоровяк оказался увертливым как резиновая кукла.

Он извернулся и попытался вцепиться Уэббу в глаза, расцарапав тому все лицо.

Тогда Уэбб стал наносить мощные расчетливые удары по массивной туше. Здоровяк взревел и отшатнулся.

Теперь вести бой по правилам было невозможно. Дралась эта туша отвратительно, но сдаваться, кажется, не собиралась.

Удары Уэбба отбрасывали противника назад, но он с удвоенной яростью снова кидался в бой, нанося чувствительные повреждения ребрам Уэбба, пытаясь вцепиться ему в лицо.

Уэбб стал задыхаться. Сказалось превосходство его противника в весе. Получив сокрушительный удар в область сердца, он отлетел к стене, теряя сознание от боли. Тьма стала застилать ему глаза.

Перед его затуманенным взором маячило грубое и бесформенное лицо, не выражавшее никаких эмоций. И тут толстяк допустил грубейшую ошибку, слишком близко подойдя к Уэббу.

Уэбб привалился к стене, из последних сил стараясь не потерять сознание, наблюдая за противником.

В момент, когда тот приблизился почти вплотную, Уэбб из последних сил пнул его носком ботинка. Удар пришелся прямо под ребра.

Издав какой-то странный булькающий звук, человек согнулся пополам и замертво рухнул на пол.

Уэбб для верности еще раз пнул его, только на сей раз пониже уха, чтобы тот подольше провалялся без сознания.

Уэбб раза два с силой втянул в себя воздух, затем огляделся, увидел свой «люгер» и два жезла, лежащие на полу, и поднял их. После этого он отправился на поиски Рона.

Дайнин оказался цел и невредим, но зато, спеленут настолько, что не мог пошевелить и пальцем. Отливающие металлом ленты не имели узлов, и пальцы Уэбба оказались бессильными против них.

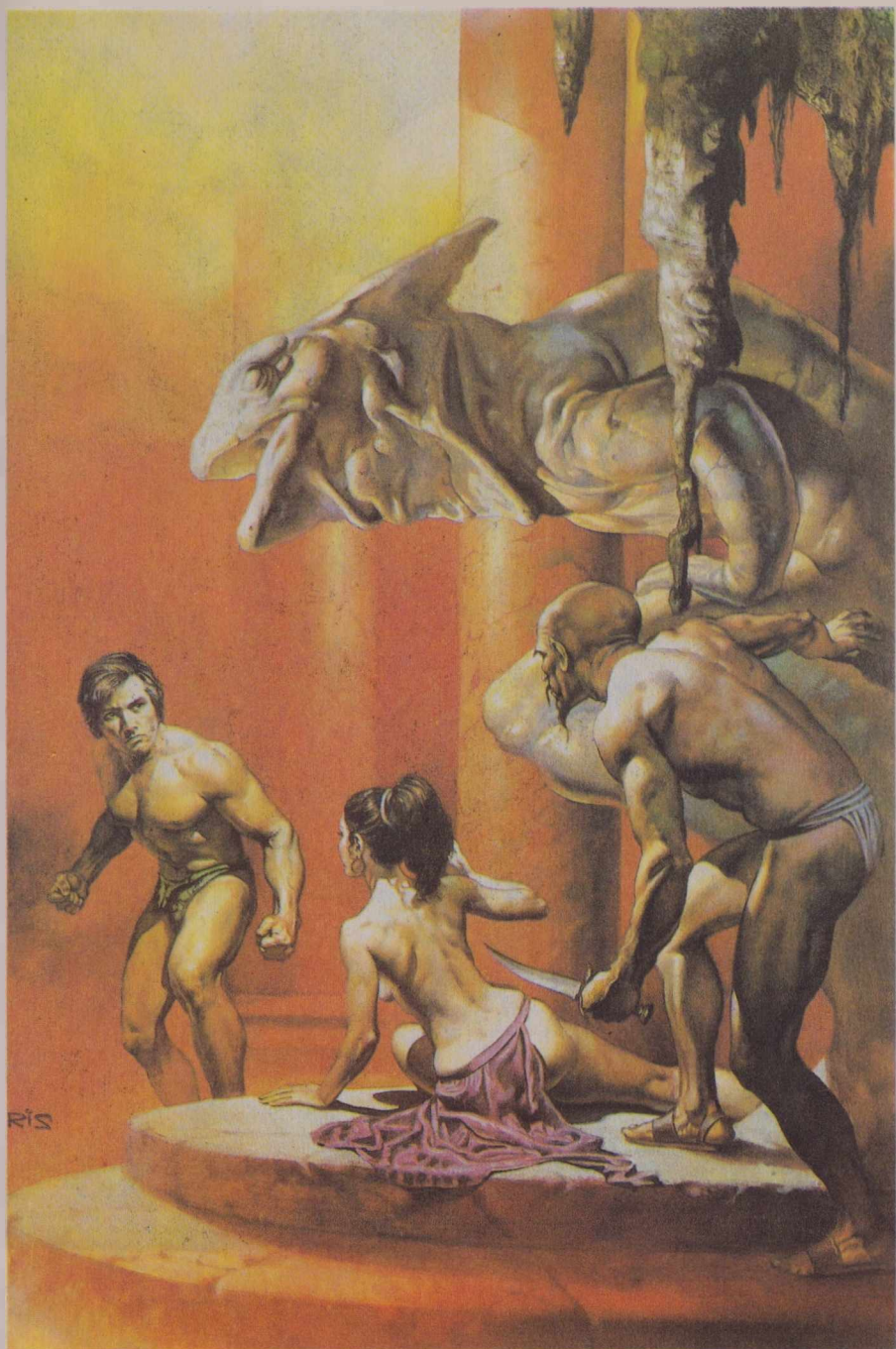
— Минутку, Рон! — выдавил он сквозь распухшие губы.

Пройдя на кухню, Уэбб обогнул бледное яйцо Хрони с его тревожными сигналами и через минуту вернулся к Рону с большими ножницами по металлу. Не успел он подsunуть их под ленты, стягивающие Рона, как на улице послышались полицейские сирены. Потом закричали тормоза.

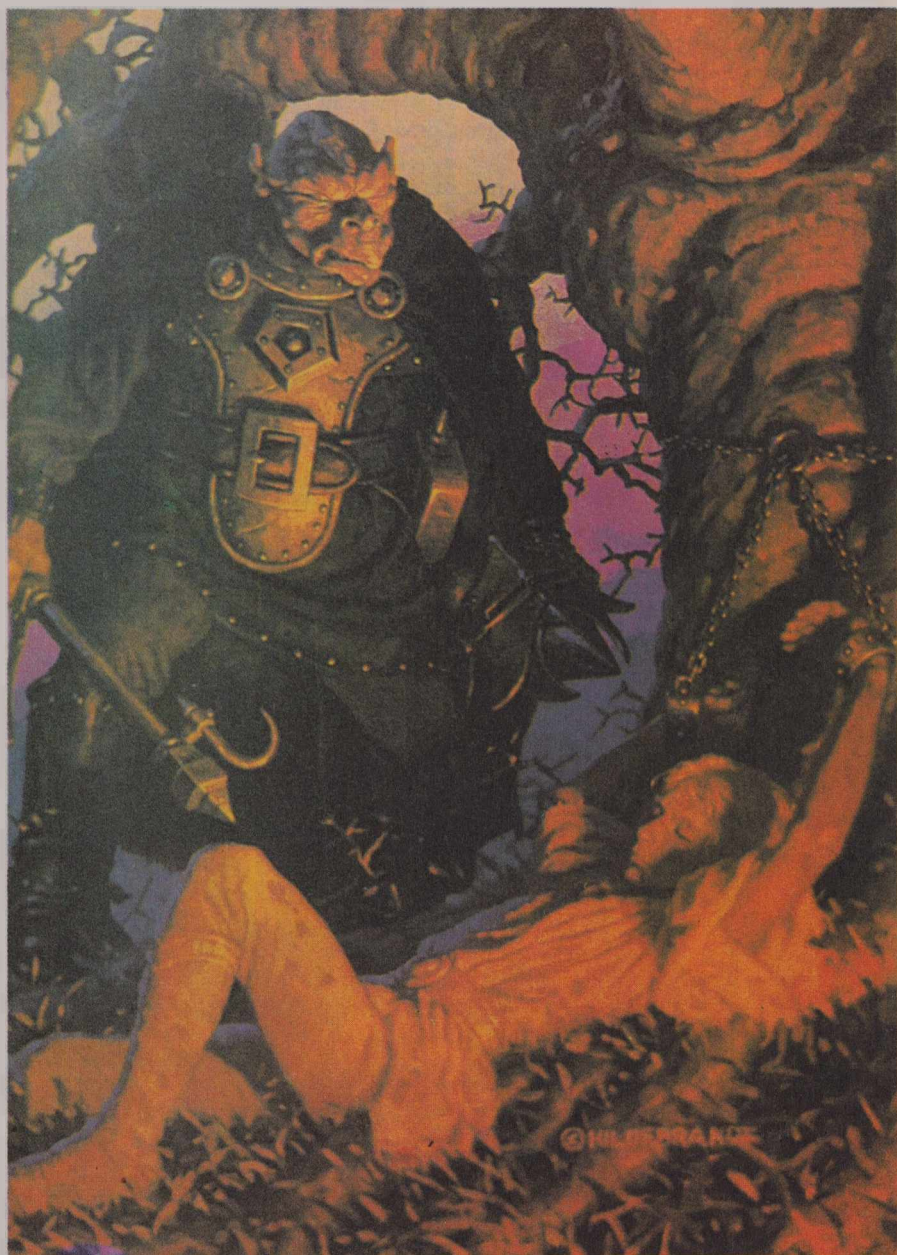
Глаза у Рона расширились от страха.

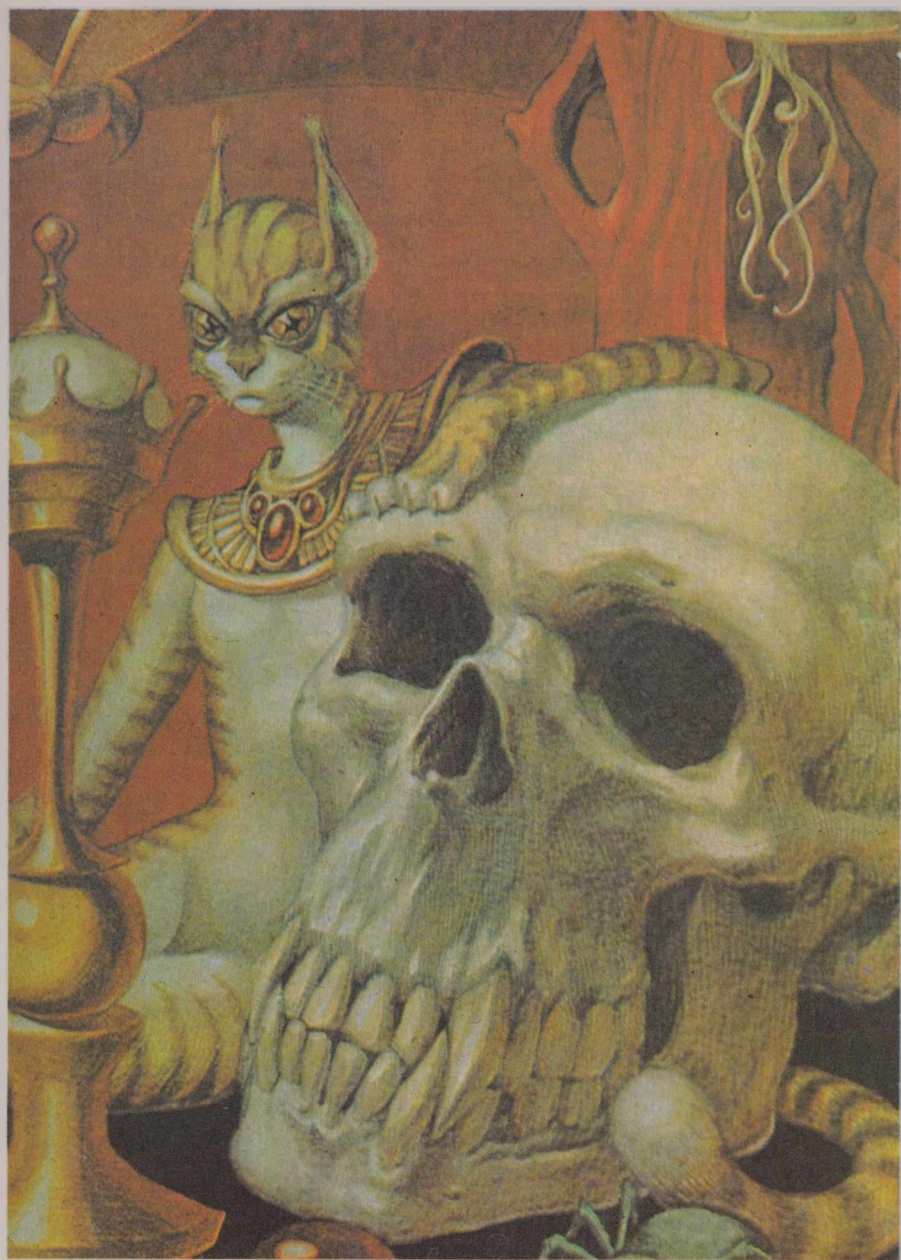
— Усмирители? — напряженно спросил он.

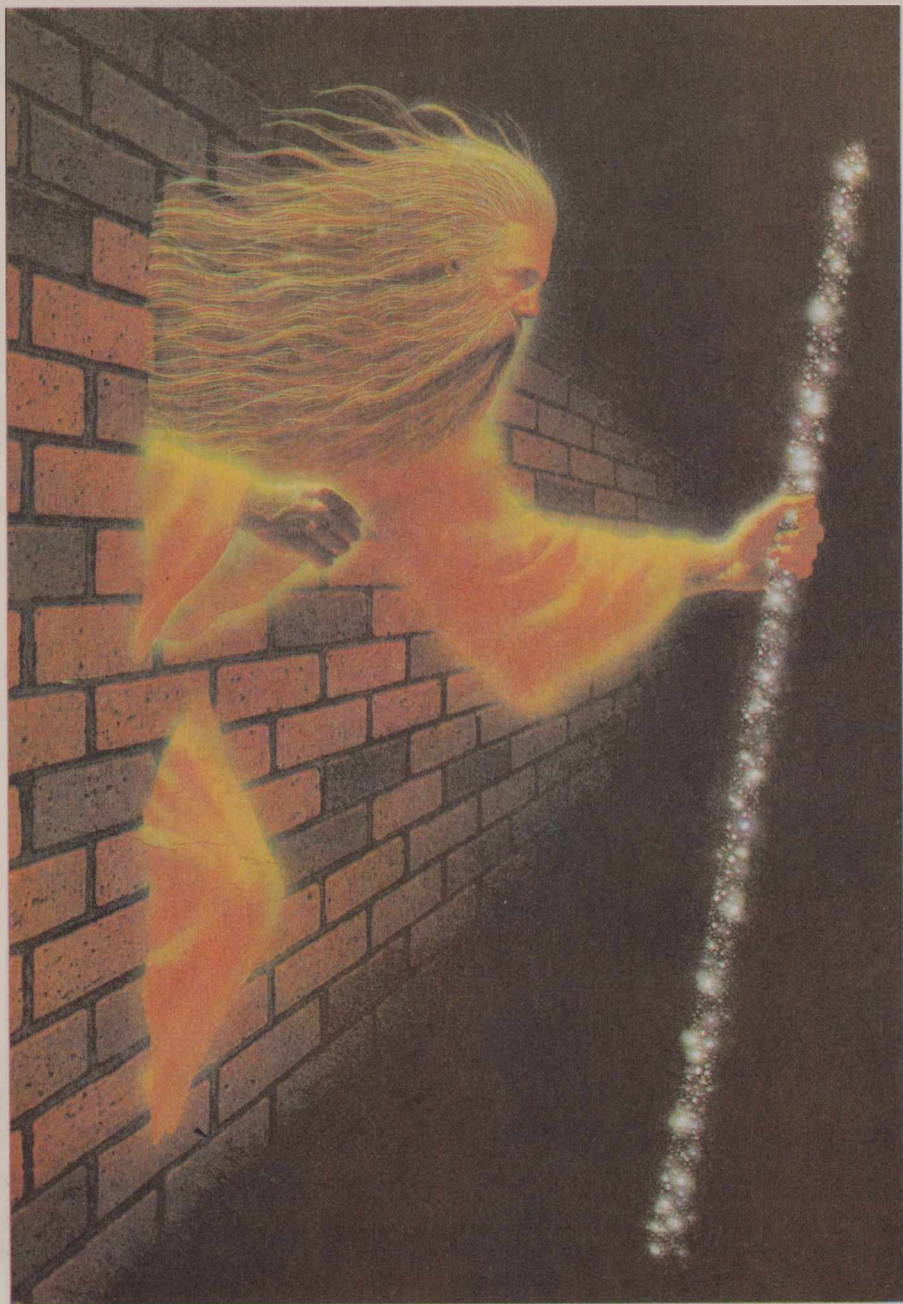
Уэбб кивнул головой.

Зак 4453 Л Нивен, вклейка

— Мы называем их копами.

Он нажал на ножницы, металл хрустнул, и путы на руках Рона распались, высвободив с треском часть какой-то внутренней энергии.

На лестнице послышались тяжелые шаги. Уэбб сунул ножницы в карман.

— Эта твоя штуковина — Хрони,— коротко спросил он,— сможет взять двоих?

Рон, все еще со связанными ногами, кивнул.

— Тогда пора двигать отсюда,— решительно сказал Уэбб и взвалил Рона на плечи.— Через минуту они начнут стрелять в замок.

Овальная машина времени по-прежнему стояла посреди кухни.

Дайвин как-то странно взмахнул рукой и в боку машины появилось отверстие, как раз достаточное, чтобы внутрь забрался один человек.

Уэбб просунул сначала Рона и только собрался лезть за ним, как услышал, что полицейские уже топают в прихожей.

Видимо, дверь не выдержала, и в квартиру ввалилась целая толпа копов в голубых мундирах.

Уэбб оглянулся через плечо, напоследок успел заметить, что полицейские столпились у двух неподвижных тел Усмирителей, и забрался в машину.

Отверстие закрылось, и они оказались почти в полной темноте.

В ГЛУБЬ ВРЕМЕНИ

Крики, звуки голосов полицейских резко обрвались, как только отверстие закрылось. Небольшую кабину Хрони наполнила гнетущая тишина.

Уэбб озабоченно взглянул на то место, где только что находился люк.

— Ну, что ж,— через некоторое время сказал он.— Тронулись?

Рон, в это время взглядывавший в экраны, обернулся к нему и сказал:

— Не бойся. Сюда им не добраться. Помоги мне освободить ноги.

Уэбб снова выудил из кармана огромные ножницы, помянув про себя недобрым словом тесноту кабины. Тяжело дыша, он подsunул ножницы под ленты, оттягивающие лодыжки Рона и нажал. Опять послышался треск, посыпались искры.

Уэбб облегченно вздохнул и поднялся.

— Ну, вот,— сказал он.— Все в порядке. Можно двигать отсюда!

Рон кивнул и пальцы его забегали по кнопкам на ручке кресла.

Сигналы тревоги и красные лампочки отключились, а на переднем

экране появилось круглое зеленое пятно.

— Мы отправимся назад, в прошлое, — объяснил он. — Чем дальше мы заберемся, тем труднее им будет найти нас.

Уэбб расслабился в своем мягком кресле, расположенном рядом с креслом Рона.

Правда, настолько, насколько позволили болевшие мышцы. Осторожно ощупав свое разбитое лицо, он убедился, что кости целы — зато все тело болело от чувствительных ударов, нанесенных здоровенными Усмирителями.

«А впрочем, — подумал Уэбб, — бивали его и раньше, зато в машине времени он сидел первый раз в жизни!»

Возбуждение прямо-таки пульсировало в нем, тонизировало его тем сильнее, чем дольше он осматривался в царившем внутри Хрони полумраке.

Он заметил, что Рон нажал ногой какую-то педаль машины и машину заполнила ровная вибрация.

Тонкие пальцы Рона двинули какой-то рычаг, похожий на вопросительный знак, и вибрация перешла в ровную сильную тряску.

Через плечо Рона Уэббу был виден большой циферблат. Он был немного похож на спидометр, но цифры в окошечке менялись с необычной скоростью.

Взгляд его упал на экран. На его туманной поверхности мелькали какие-то призрачные видения — смутные серые силуэты зданий, которые, казалось, то начинали раскачиваться из стороны в сторону, то расти вверх, становиться ниже. Потом экран стал полностью зеленым, что, по-видимому, свидетельствовало о времени, когда зданий еще не было.

Его внимание привлекли вспышки света на меньшем экране. Через неравные промежутки времени экран начинал светиться пульсирующим светом, потом свечение как бы уходило вглубь и превращалось в дрожащую извилистую линию с утолщением в середине. Линия некоторое время дрожала на экране, а затем вновь превращалась в неровное свечение.

Каждый раз, когда на экране появлялась линия, раздавался негромкий мелодичный звон.

Он коснулся плеча Рона.

— Что это? — спросил он.

Рон, взглянув на дрожащую линию, нахмурился.

— Это те, кто охотится на нас, брат по разуму. Свечение в детекторе показывает, что другая машина времени пытается синхронизироваться с нами. А звонок срабатывает каждый раз, когда они оказываются рядом. — На лице его было отчаяние. — Они пытаются догнать нас во времени, понимаешь? Когда им удастся это, они обстреляют нас электрическими разрядами, чтобы вывести из строя механизмы нашего Хрони. Как в тот раз, когда им удалось сжечь наш интерференционный вибратор. После этого наш Хрони остановится, и они отправят нас обратно в свое время, как двух живот-

ных, сбежавших из зоопарка.

Опять на экране мелькнула машина преследователей. Линия на экране на мгновение превратилась в смутное изображение массивного Хрони Усмирителей.

Свечение целиком заполнило экран, машину тряхнуло и Уэбба от сотрясения отбросило к стене кабины.

Преследователи проскочили совсем рядом.

— Уэбб,— донесся до Уэбба тихий голос Рона.— Что с тобой?

— Вроде бы все в порядке,— отозвался Уэбб.— По крайней мере, мне так кажется.

— Тогда держись! Я хочу попробовать оторваться от них. Правда, это довольно опасно, но...— он вдруг рассмеялся,— но попадать им в руки не менее опасно.

Уэбб не успел заметить, что сделал Рон, но движение машины как-то изменилось. Пол кабины вдруг ушел у него из-под ног. После этого ему показалось, что он очутился на палубе глассера.

Рон снова издал тихий смешок.

— Это собьет их с толку,— заметил он.— Конечно, у нас могут полететь катушки... но какое это имеет значение? Я соединил провода напрямую. Теперь они вряд ли догонят нас. Мы будем двигаться скачкообразно.

Уэбб молчал; ему за всю жизнь приходилось много раз выслушивать подобные заявления за миг до того, как неожиданно обрушивалась вражеская артиллерия. Он наощупь нашел какую-то ручку и вцепился в нее, ожидая, что будет дальше. А беда, приближалась — Уэбб чувствовал это подсознательно — беда, приближалась с ревом огненного взрыва.

Он тревожно взглянул на экран. Машина преследователей снова вынырнула из ниоткуда, и на экране было видно, как она движется. Его вновь ослепила вспышка света. И снова пол ушел из-под ног от близкого разряда.

Затем вспышки стали следовать одна за другой, как молния, освещая кабину. Разряды энергии бросали Хрони из стороны в сторону. Казалось, машина времени сошла с ума. А затем разряд попал прямо в них.

Хрони бешено закрутился на месте.

Откуда-то снизу, из механизма Хрони, поврежденного разрядом, донесся пронзительный электронный визг. Похоже было, что сошел с ума какой-то звуковой генератор. Сокрушительный удар обрушился на Рона и Уэбба, ударная волна затопила кабину.

Точные приборы под действием удара мгновенно расстроились. Измерители и циферблаты стали безбожно врать. Сверхпрочные стенки Хрони ходили ходуном — но выдержали удар.

И все же сокрушительная сила нашла слабое место в корпусе машины. Послышался звук рвущейся ткани, и выходное отверстие в стене кабины разошлось.

Как только отверстие открылось, Рон и Уэбб стали игрушками сил, до сих пор бушевавших снаружи. Антигравитационное поле Хрони прекратило свое существование, и они, как апельсиновые косточки, выскочившие из пальцев гиганта, вылетели через открывшийся люк наружу. Отверстие люка было направлено прямо вверх. Их подбросило на дюжину футов и швырнуло на землю.

При ударе Уэбб на миг потерял сознание. Он потряс головой, разгоняя наполнявший ее туман, и осмотрелся. Он лежал на солнце, но как только он открыл глаза, облако закрыло солнце. Неподалеку от него какая-то фигура, еще освещенная солнцем, пошатываясь шла в неопределенном направлении, а затем со стоном повалилась на землю. Рон даже не успел рассмотреть, кто это.

Уэбб приподнялся на локте. Ярдах в двух от него, накренившись, стоял Хрони. Отверстие в корпусе было искорежено, а сам корпус больше не светился, стал черным и обожженным. Воздух вокруг Хрони наполняла неясная дымка, свидетельствующая о скрытых силах, еще теплящихся в нем.

Они находились в лесу на поляне, окруженной высокими деревьями. Ветер шумел в кронах, воздух был свеж и прохладен. Небо с пугающей быстротой затягивалось тучами.

— Уэбб! — донесся до Хилдрета голос Рона, исполненный боли.

Уэбб неуверенно поднялся и глазами поискал человека из будущего. Дайнин лежал неподалеку в траве лицом вниз, закрывая глаза обеими руками, чтобы не видеть дневного света.

Уэбб опустился на колени рядом с ним. На траве вокруг была видна кровь.

— Рон, — мягко сказал он, — Давай я помогу тебе.

— Нет, — сказал Дайнин. По его голосу чувствовалось, что он страдает от невыносимой боли. — Этому телу уже не поможешь, Уэбб, оно полностью искалечено.

— Нет! — резко ответил Уэбб, но Дайнин остановил его.

— Да, Уэбб, поверь мне. Но я не очень жалею об этом. Все равно ведь Недуг убил бы меня месяцев через шесть. А это тело уже бесполезно. — Плечи его напряглись от непомерного усилия, и он, приподнявшись, оперся спиной о пенек, находившийся рядом.

Он конвульсивно закашлялся, продолжая закрывать глаза руками.

— Я должен сказать тебе, Уэбб, что-то очень важное, — проговорил он с трудом. — Послушай, помнишь, я говорил тебе о нашем сходстве? И речь шла не просто о том, что мы похожи лицом и телом, Уэбб. Близнецами являются и наши разумы. Стреление твоего мозга является точной копией моего. Мы мозговые близнецы. Я отыскал тебя потому, что очень нуждался в тебе. Теперь я могу сказать почему.

— Рон, пожалуйста, помолчи сейчас. Тебе нужен отдых. А как только ты наберешься сил...

— Нет, я уже никогда не наберусь сил. Послушай, Уэбб, Хрони все еще работает, хотя и вышел из-под контроля. Он излучает итер-

ференционное поле всей своей мощностью. Я не знаю, к чему это приведет, это выходит за рамки моего опыта. Но я уверен, что на некоторое время мы избавлены от Усмирителей. По крайней мере, на время, достаточно долгое, чтобы ты успел сделать то, о чем я тебя попрошу.

— Сделать?

— Да, Узбб,— Рон сдавленно глотнул воздуха и некоторое время от боли не мог продолжать.— Я так называемый, «чувствительный», Узбб. Я обнаружил твой мозг, так похожий на мой, и явился к тебе. В этом теле я умираю. Но если ты поможешь мне, я не умру. Если тыпустишь меня...

— Впустишь тебя? Ты имеешь в виду...— удивленно произнес Узбб.

— Впустишь меня в свой мозг. Мы так близки, что наши умы совершенно идентичны, то есть, сходство таково, что в вашем языке просто нет слова, определяющего его, поэтому точнее я выразиться не могу. Это значит, что я могу жить в твоем мозгу, если тыпустишь меня в него. В твоём мозгу будет существовать два сознания, которые со временем сольются в одно.

Сначала ты не будешь замечать этого, но постепенно твоё сознание впитает мое, и ты станешь обладателем моих знаний и моего опыта. Конечно, это займет определенное время. Мозг должен приспособиться к двум сознаниям, создать новые нервные связи. Но в конце концов это произойдет.

— Ты хочешь, чтобы я впустил тебя в свой мозг? — пробормотал Узбб не испуганно, а удивленно.

— Да, пожалуйста, Узбб. Я смогу сделать это только с твоего согласия, не думай. И... я обещаю, что тело по-прежнему останется твоим. Ты не утратишь своей личности, своей — как это у вас называется? — своей духовности. Но приобретешь часть моей.

Хилдрет кивнул, с состраданием глядя на измученного умирающего человека.

Он коснулся плеча Дайнина.

— Что нужно делать? — спросил он.

— Спасибо, Узбб,— сказал Дайнин и снова на мгновение потерял способность говорить. На лбу у него выступили капли пота, стекавшие между пальцами. Наконец он с усилием произнес:

— Тебе необходимо что-нибудь такое, на чем ты мог сфокусировать взгляд. У тебя есть что-нибудь блестящее? Металлическая пряжка или нож?

— Лупа подойдет?

— Вполне.— Голос Рона стал еле слышен.— Смотри на нее, Узбб. Найди на ней сверкающую точку и смотри на нее. Думай о ней. Просто думай о свете.

Узбб повертел лупу в руке, рассматривая ее и ища отражения открывающегося солнца. В его ушах звучал слабый голос Дайнина, повторяющий:

— Думай о свете, Уэбб. Думай о том, что вокруг не осталось ничего, кроме света. Только эта искорка света...

Нагнув голову, Уэбб уставился на маленький отблеск света в лупе. Рука его дрогнула, и искорка мигнула, но Уэбб продолжал смотреть. Голос Дайнина перешел в шепот, а потом стал вообще почти неслышным.

Через какое-то время Уэбб понял, что не видит больше лупы. Не было больше ни лупы, ни леса, ни умирающего человека рядом с ним. Не было ничего, кроме нарастающего звука, который был сначала похож на шум ветра в листве деревьев, а затем перешел в рев бури, понесший его, как осенний листок прочь от мира, в черную пустоту бездны.

«Гестелесное» я Уэбба плавало в черной бездне, затерянное, удивленное, испуганное, до тех пор, пока он не услышал дружелюбный голос Рона, прямо из пустоты, окружавшей его.

— Все в порядке, Уэбб! — произнес голос Дайнина, беззвучный, но вполне реальный.

— Где... где мы? — судорожно спросил Уэбб.

Беззвучный смех.

— Нигде, Уэбб. Это просто мысль. — Голос вдруг изменился, стал серьезным и сильным.

— Мое сердце, — произнес он. — Мое сердце перестало биться. Я должен поторапливаться. Я вхожу в тебя, Уэбб. Ты можешь почувствовать что-то при этом, но не противься. Это не нанесет тебе вреда, Уэбб. Даю слово, ты еще очень долго не будешь знать, что я в тебе. Но я буду в тебе. Ты готов, Уэбб?

Уэбб дал свое мысленное согласие; и его наполнило ощущение приятного тепла, растекающегося по всему телу, у него возникло странное чувство двойственности, как будто он одновременно являлся двумя людьми, смотрящими в зеркало. А потом он беззвучно вскрикнул от болезненного расширения своего существа, которое, казалось, разлетелось на атомы, рассеялось по самым дальним уголкам пространства.

Он ощутил холод космического пространства. Он почувствовал, что со все увеличивающейся скоростью падает куда-то вниз, вниз и вниз.

Он очнулся.

Ничто не изменилось.

Он оглянулся. Ветер все также шумел в вершинах деревьев, все также гнал по небу облака. Рон Дайнин по-прежнему лежал у его ног.

Дайнин был мертв.

Вздохнув, Уэбб с трудом поднялся.

Напоследок коснулся худого угловатого тела и пошел прочь. Друзья и раньше умирали у него на глазах, пока они продвигались от Нормандии к Рейну. И ничто не могло изменить этого. Продолжать жить могли только живые, и тут он ничем не мог больше

помочь.

Он устало взглянул на почерневший обожженный корпус Хрони. Марсено над ним стало более плотным, в нем было заметно неясное движение. Уэбб не понимал в чем тут дело, но за последние два часа он столкнулся с таким множеством непонятных вещей, что еще одно — роли не играло.

Волоча ноги, он направился к машине. Возможно, она еще работает. Если это так, то она, хотя и поврежденная разрядами Усмирителей, возможно сможет доставить его домой.

Идти было тяжело. Поднялся ураганный ветер, швыряющий в лицо Уэбба капли дождя так, что было больно. Ему казалось, что он направляется прямо в центр бури. Он нагнулся почти до земли, но идти все равно было невозможно.

Уэбб остановился и, наконец, понял в чем дело. Идти ему мешал не только ветер. Антигравитационная установка Хрони — она все еще работала, создавая поле, которое швырнуло его с Рони из машины. Уэбб еще некоторое время пытался бездумно бороться с антигравитацией, но потом верх взял здравый смысл, и он оставил бесплодные попытки.

Ничто на свете — по крайней мере из доступного Уэббу Хилдрету — не помогло бы преодолеть невидимый силовой экран. Хотя Хрони и был здесь, чтобы воспользоваться им, нужно было предварительно отправить его обратно на завод, где его сделали, отремонтировать и отправить через бесконечные столетия.

Долгое время Уэбб стоя молча. Никогда еще за всю историю человечества ни один человек не бывал так одинок, как он — подумал Уэбб. Лес, окружавший поляну, не был Нью-Йорком, хотя Рон Дайнин уверял его, что Хрони не движется в пространстве, а только во времени. Если его не окружали многочисленные небоскребы Нью-Йорка, то это могло означать только одно — что он находится в эпохе, в которой их еще не существовало.

А где же тот путь, который приведет его домой?

Уэбб стоял и размышлял.

Тоскливо взглянул на Хрони, который находился от него буквально на расстоянии вытянутой руки, Уэбб осознал, что на самом деле он так же далек от него, как самая далекая звезда. Вот если бы ему как-нибудь удалось отключить силовое поле...

Но он знал, что даже это ему не поможет. В уме он прикинул все, что помнил о Хрони. Во-первых, он не может попасть внутрь Хрони. Во-вторых, если это ему даже и удастся, он не имеет никакого представления, как им управлять. В-третьих, даже если бы первый и второй пункты были осуществимы, то воспоминание о развороченных внутренностях машины отнимало всякую надежду на то, что ее удастся привести в действие.

Нет, ясно было, что Уэббу Хилдрету так легко отсюда не выбраться.

Кроме того, он совсем забыл об Усмирителях! Рон Дайнин говорил

что-то насчет того, что они могут обнаружить их... а еще он говорил, что загадочное силовое поле вокруг Хрони может быть опасным, может каким-то образом выйти из-под контроля.

Что это могло означать, Уэбб не имел представления. Но в душе он понимал, что ничего хорошего в этом нет. Все было плохо.

Потом он вспомнил о душераздирающей сцене смерти Рона Дайнина. Сон это, или действительно имел место этот эпизод, совершенно невероятное слияние двух разумов, проникновение чужого ума в его мозг? Ради того, чтобы выжить?

Уэбб неуклюже попытался мысленно позвать Рона Дайнина.

— Рон! — беззвучно зывал он. — Рон! Если ты слышишь меня, отзовись, пожалуйста!

Но ответа не было. Уэбб что-то смутно припоминал, насчет того, что не будет никакого следа присутствия Рона. По крайней мере, так говорил сам Рон. Но это только сначала. И опять он почувствовал себя одиноким более, чем когда-либо. Одиноким в незнакомом тихом лесу, где только ветер гулял в вершинах деревьев.

Одиноким? Нет! Среди деревьев он краем глаза заметил какое-то движение — смуглый силуэт человеческой фигуры.

Они передвигались за деревьями.

Он закричал так громко, что заглушил на мгновение даже шум ветра. Вытянув перед собой руки, он пошел прямо навстречу затаявшимся людям.

ЗАТЕРЯННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

Из-за деревьев раздался ответный крик.

На поляну из леса вышел человек и долго внимательно разглядывал Уэбба.

Из-за деревьев появились остальные темнокожие, в заплатанных штанах до колен, держа в руках пики и короткие тяжелые луки.

С гортанными возгласами они, как дети, окружили Уэбба и с интересом принялись его разглядывать.

— Индейцы! — вслух сказал Уэбб. — Боже правый! — А впрочем, подумал он, это вполне логично. Ведь в прошлом Америка была населена именно индейцами, а он как раз и находится в прошлом. По крайней мере, с облегчением отметил он, его не занесло в эпоху неандертальцев или гигантских динозавров.

Меднокожий вождь приблизился к Уэббу и окатил его целым потоком непонятных звуков.

— Прошу прощения, — сказал Уэбб, отрицательно качая головой. — А вы случайно не умеете говорить по-английски?

Из толпы послышалось ворчание. Один из индейцев указал на лицо Уэбба, украшенное двухдневной щетиной. Послышались удивленные возгласы. Безо всякой враждебности они стали трогать его одежду, ощупывать светлую кожу.

Уэбб наблюдал за ними со все возрастающим смятением. Их действия положительно доказывали, что в радиусе многих миль отсюда не было ни одного белого человека — возможно, подумал он, даже на целом континенте. С каждой минутой он все больше и больше начинал осознавать, в какую пучину времени забросила его судьба.

И все же, дикари они или нет, думал он, в его нынешнем положении и такая компания была кстати. Он решил провести небольшой эксперимент с языком жестов. Сделав знак вождю, он рукой указал на мерцающий корпус Хрони, а затем на себя.

Толпа завывала и от этого волосы на голове Уэбба встали дыбом.

«Боже мой, — подумал он, — что я наделал?»

Но оказалось, что не он являлся причиной воя. На прогалину набежала тень, которая не была тенью грозовой тучи.

Уэбб вслед за индейцами взглянул вверх, чтобы увидеть предмет, отбросивший ее.

Над прогалиной, отблескивая серовато-металлическим цветом, кружился планер. Он скользил над самыми верхушками деревьев. Во время одного из заходов случайный порыв ветра задрал одно из его крыльев вверх. Планер закачался в воздухе, пилот отчаянно пытался выправить его, но было слишком поздно. Аппарат резко пошел вниз и врезался в деревья с подветренной стороны поляны.

Уэбб и до этого находился в угнетенном состоянии, а теперь его смятение утроилось. Не успел он определиться во времени и решить, что это Америка в доколумбовскую эпоху — вдруг появляется этот сверкающий летательный аппарат, продукт явно технологической цивилизации — и сводит все его домыслы на нет.

От невероятности происшедшего он ошеломлен, вытаращенными глазами наблюдал катастрофу. Индейцы все продолжали выть. К тому времени, как он вновь ощутил, что способен двигаться, последний из них с ужасающей быстротой уже исчезал в темных лесных зарослях.

Еще мгновение Уэбб оставался на месте, а затем дико вскрикнул и на плохо повинующихся ему ногам побежал к планеру.

Пробежав половину пути до места крушения, он услышал, как мимо него что-то пронеслось с неприятным звуком рвущейся материи. За спиной раздался взрыв.

Он машинально оценил звук, сопоставил его с немного уже с поблекшей памятью о минометной атаке в Сен-Ло. Колени его автоматически подогнулись, он упал плашмя на землю, стараясь привикнуть к ней плотнее.

— Вот так встреча! — пробормотал он вытаскивая из кармана свой люгер. Над головой его снова послышался треск.

— Спокойно, — сказал он себе, — спокойно. Не дай подстрелить

себя, Хилдрет, но постарайся этого парня взять живым.

Немного задыхаясь, он осторожно пополз в густой траве окружным путем, направляясь под укрытие деревьев. Остальное было просто. Молниеносным броском он подобрался к самому корпусу планера, держа пистолет наготове.

— Бросай оружие! — приказал он. — Бросай оружие и выходи с поднятыми руками!

Молчание.

— Ну что же, — решительно произнес Уэбб и нажал на курок. Пуля насквозь прошла тонкую металлическую обшивку и с визгом ушла куда-то в лес.

— Выходи! — повторил он.

Последовала пауза, затем изнутри послышалось негромкое ругательство.

На землю полетел длинноствольный пистолет. Показались голова и плечи пилота планера, выбирающегося из-под обломков, и Хилдрет стал осторожно приближаться к нему.

Человек тем временем уже выбрался и стоял теперь с поникшими плечами, усталый, повернувшись лицом к Уэббу.

Взглянув в лицо пилоту, Уэбб от удивления широко раскрыл глаза, пистолет, правда, при этом даже не шелохнулся в его руке.

— Так ты, оказывается, девица! — сказал он. — Да еще из тех, что запросто могут пришить первого встречного! Ты говоришь по-английски?

Односложный ответ был унылым и тихим.

Уэбб усмехнулся.

— Прекрасно! Тогда объясни мне, пожалуйста, с чего это ты вздумала палить в меня из своего «Бака Роджерса?»

Девушка уставилась на него, явно не поняв вопроса.

— А почему бы и нет? Ты ведь не из нашей шайки. Я бы убила тебя, но там внутри все так искорежено, что даже двигаться трудно, а не то, что целиться.

Хилдрет опустил руку с пистолетом и подошел к ней почти вплотную. Она застыла на месте.

Подойдя к ней, он сказал примирительно:

— Я не причиню тебе никакого вреда. Я так же как и ты, дьявольски нуждаюсь в помощи, поэтому... ух ты!

Когда она бросилась на него, он заметил, что в руке ее холодно блеснуло лезвие ножа. Он отскочил в сторону, схватил ее за руку и, вывернув ей руку, повалил на землю. Нож выпал, и он наступил на него ногой.

— Веди себя прилично, а то будет хуже. Если бы я хотел причинить тебе вред, я мог бы это сделать гораздо раньше.

Она молча поднялась с земли.

— Так-то лучше, — сказал Уэбб. — А теперь послушай: я нуждаюсь в помощи. Ты, видимо, тоже. Поэтому, не дергайся, спокойно

объясни мне, что все это значит. Почему ты должна убивать меня только из-за того, что я не из вашей шайки?

Недоуменно подняв брови, она некоторое время с любопытством разглядывала его.

— Ты какой-то странный. Если ты не собираешься убивать меня, то давай, по крайней мере, спрячемся от дождя, — наконец проговорила она.

Уэбб кивнул. На всякий случай он рассовал по карманам ее оружие. Теперь его арсенал, состоящий из двух парализующих жезлов и люгера, пополнился ножом и пистолетом.

«Кстати, — подумал он, — как далеко он теперь от дома?»

— Давай заберемся внутрь, — сказал он девушке. В планер он заполз первый, ногами вперед. Потом и она залезла в смятую кабину. Свободного места в ней после этого почти не оставалось. Он убедился, что она устроилась достаточно удобно, и спросил:

— Порядок! Теперь можно поговорить.

Девушка пожала плечами, и потеряла руку, ушибленную при падении.

— Я одна из бруклинцев, которые за рекой, — сказала она. — Теперь, видимо, единственная. Банда Адские Врата устроила на нас налет, и я успела смыться оттуда, но не думаю, что это удалось еще кому-нибудь. Теперь я просто не знаю, что мне делать — с моей шайкой покончено и со мной, видно, тоже. Да, кстати, меня зовут Мэг, хотя нам с тобой от этого нелегче. Без своей шайки человек на девять десятых мертвец.

Уэбб порылся в кармане, вытащил две сигареты и одну предложил ей. Она неуверенно взяла ее и стала недоуменно рассматривать.

— Что это?

— Сигарета, — сказал Уэбб. — Ты, что, никогда не видела сигарет?

Он прикурил, жадно сделав затяжку и протянул свою сигарету девушке.

— Попробуй, сделай, как я!

Она неумело затянулась и почти мгновенно закашлялась, да так сильно, что чуть не задохнулась. Лицо ее покраснело, глаза слезились. Она испуганно отодвинулась от Уэбба, насколько позволяла тесная кабина. В глазах ее светилось недоверие, когда Уэбб поднял с пола упавшую сигарету и с удовольствием продолжал курить.

— Мне больше не хочется, — наконец хрипло произнесла она. — Кстати, из какой ты банды? Что-то я раньше никогда не слышала о таких шутках. Да и такой пушки как твоя, не видела ни у кого. Ты и впрямь какой-то странный!

— Неважно, откуда я, Мэг, — сказал Уэбб. Потом печально усмехнулся, — ты все равно не поверишь мне, даже если я тебе и скажу. Из какого ты года? Может быть я отвечу на твой вопрос, если ты скажешь мне дату.

— Из какого года? Конечно же, из две тысячи двести пятидеся-

того, а из какого же еще?

Уэбб невесело рассмеялся.

— А что у вас в две тысячи двести пятидесятом еще водятся индейцы? Я, например, еще два часа назад находился в тысяча девятьсот сорок девятом. Ты — в две тысячи двести пятидесятом! А судя по виду этого места, местные жители относятся примерно к девятистому году нашей эры, плюс-минус пара сотен лет — если, конечно, они вообще имеют какое-нибудь летоисчисление. Посмотри вокруг, Мэг, разве это похоже на твои родные места?

В это время сильный порыв ветра сдвинул планер и тот угрожающе покачивался. Они торопливо выбрались наружу, боясь, что он опрокинется, и снова оказались под дождем. С темного неба послышался мощный раскат грома.

— Оглянись вокруг, Мэг, — повторил Уэбб. Вода текла с него ручьем.

Она испуганно схватила его за руку.

— Нет! Я видела все это только перед самым крушением. Я летела над старым Нью-Йорком, направляясь к долине Уолл-Стритт, а потом сразу подо мной оказался лес. Но к западу отсюда находится город. Я успела заметить его перед катастрофой, и это тоже очень странно. Настоящий город! Такой, каким должен выглядеть город перед большой войной с домами, вздымающимися к самым облакам и ничуть не разрушенными! Я никогда не видела ничего подобного, хотя прекрасно знаю весь район Нью-Йорка.

— Город? — Уэбб почти грубо схватил ее за плечи. — Пошли туда, Мэг, и быстро! Может быть, там нам помогут. Может быть, мы найдем Нью-Йорк.

Мэг освободилась и отступила назад.

— Они убьют меня! Я, конечно, знаю, что рано или поздно этого не миновать, но уж лезть самой прямо в петлю — благодарю покорно!

— Нет, нет, Мэг, они не станут убивать тебя, — рассмеялся Уэбб, настроение которого значительно улучшилось от того, что он узнал от Мэг.

— Обещаю тебе, что этому не бывать! Пойдем со мной, а по пути я расскажу тебе, как живут у нас в двадцатом веке.

Некоторое время они стояли под прикрытием деревьев, ожидая пока дождь не станет слабее. Когда ливень превратился в мелкий моросящий дождик, они направились на запад. Уэбб шел впереди, а Мэг устало плелась за ним. Но когда бы он не обернулся, он всегда видел на ее лице улыбку, дружескую и ободряющую. Она определенно была очень сильной и мужественной девушкой, подумал он, и в то же время весьма привлекательной внешне. Он начинал жалеть, что им не пришлось встретиться при более приятных обстоятельствах, когда они могли бы спокойно дать волю своим чувствам, легко и весело потреться.

Они шли и шли молча, пока Уэбб внезапно не остановился. Мэг догнала его и встала рядом, глядя на то же, что и он.

— Как тебе это нравится? — спросил он.

В метре от них начинался обрыв, похожий на след землетрясения. На вид он был совсем свежим, как будто какая-то гигантская машина только что выкопала гигантское углубление в земле. Свежая земля была влажной от дождя. Два толстенных дуба, росших на самом краю обрыва, наполовину висели в воздухе, их длинные корни, как плети свисали вниз.

А под обрывом, смутно видимые из-за мелкого дождика, лежали непроходимые болота, над которыми клубился пар.

— Выглядит это, как будто, болота здесь только что появились, — заметил Уэбб. — Интересно, откуда они взялись?

— Наверное, это ты притащил их с собой, — сказала Мэг. — Раньше я ничего подобного не видела. К тому же, Уэбб, они выглядят такими древними!

— Да и воняют чем-то... — сказал Уэбб с отвращением сморщив нос. Снизу доносился запах гниющих растений.

— Знаешь, — сказал Уэбб, медленно припоминая что-то. — Если наш профессор геологии был прав, то именно так Земля должна была выглядеть в доисторические времена. Задолго до появления человека... даже млекопитающих, я думаю.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Мэг.

— Даже не хочется об этом думать, — неохотно произнес Уэбб.

Он пожал плечами и постарался вернуться к действительности. Через некоторое время он уныло заметил:

— Во всяком случае, независимо от того, старое это болото или новое, оно преграждает нам дорогу — Он посмотрел налево, потом направо и нахмурился.

— Обрыву не видно конца-края. Что скажешь, Мэг? Будем обходить болото или попробуем пересечь его?

— Не знаю, Уэбб, — сказала Мэг. — Нет никаких ориентировок, и я боюсь, что мы заблудимся. Если мы потеряем дорогу в город...

— Какую дорогу? — фыркнул Уэбб. — Уж не думаешь ли ты, что в этой луже навоза можно заблудиться. — Он указал на болото. — И все-таки мне кажется, что нам лучше немного пойти по краю. А если из этого ничего не выйдет, мы всегда можем, в крайнем случае, пойти напрямик.

Он сказал это так авторитетно, что Мэг без колебаний согласилась с ним.

— Хорошо, Уэбб, — только и сказала она.

К северу местность немного повышалась и они пошли на север. Теперь с одной стороны стоял лес, с другой лежали болота и трясина. Несмотря на то, что дождь был совсем слабый, воздух был тяжелым и сырым от болотных испарений.

Ну и болото! Уэбб никогда в жизни не видел ничего подобного

ему. Камень, брошенный в трясину, пробивал унылую однообразно-зеленую ряску на поверхности, и на мгновение показывалась мертвенно-черная вода. Ничто не двигалось, насколько хватало взгляда — только деревья да папоротники и совершенно неподвижная вода.

Более всего призадуматься заставили Уэбба деревья, растущие прямо на бесконечной трясине. Глядя на них и размышляя, он прищурил глаза. Это были гиганты с массивными стволами, которые достигали в высоту сотни футов и оканчивались ажурными кронами. Другие были похожи на высоченные пальмы с пучками длинных травянистых листьев на вершине. Поверхность стволов была чешуйчатой и вовсе не походила на обычную древесную кору, а длинные узкие листья группировались пучками на концах веток.

А папоротники! Настоящие древовидные монстры! На фоне гигантских деревьев они казались карликами, хотя на самом деле некоторые из них достигали в высоту футов шестьдесят и более.

Уэбб покачал головой. Если это и были американские болота двадцатого века, он, по крайней мере, такого не видел никогда. Может, конечно, оно и в Америке, мрачно подумал он, но уж во всяком случае, не в двадцатом столетии. Оно постарше по меньшей мере на несколько миллионов лет. Самый настоящий анахронизм! Скорее всего оно относилось к палеозою, и странным образом было занесено на пятьдесят миллионов лет в будущее!

Уэбб повернулся к девушке.

— Держись подальше от края, — предупредил он. — Черт его знает, какая здесь глубина. Если ты упадешь туда, то выбраться, скорее всего, не удастся.

Мэг улыбнулась ему, но, как ему показалось, несколько кривовато и натянуто.

— Не беспокойся обо мне, — сказала она.

Вдруг глаза ее расширились от ужаса, и она закричала:

— Уэбб! Сзади!

Уэбб обернулся и с криком отпрянул в сторону. Со стороны деревьев на них летело страшного вида существо с веретенообразным туловищем и четырехфутовыми крыльями, издавая на лету пронзительное жужжание.

По мере приближения существа, звук его полета все больше начинал напоминать звук работающего двигателя. Оно было похоже на стрекозу — но стрекозу совершенно невиданных размеров. Таких стрекоз над летними прудами Уэбб что-то никогда не замечал. Такая вполне могла убить!

Уэбб хотел было вытащить свой люгер, но было слишком поздно — чудовище было совсем рядом!

Он увернулся и схватил лежавший на земле сук.

Чудовище промахнулось, и совсем близко от себя он успел рассмотреть мощные челюсти со множеством острых зубов.

Челюсти лязгнули, но, к счастью, впустую. Каким-то уголком

сознания он отметил, что это было очень похоже на разминку перед боем.

Мэг ничком бросилась на землю, и монстр пролетел над самой ее головой.

Остановившись на некотором отдалении, он развернулся на месте и с жужжанием вновь ринулся на них.

Уэбб бросился на помощь девушке, вращая перед собой импровизированной дубинкой. Размахнувшись, он ударил, но не попал. Чудовище, правда, отлетело в сторону, и это дало Уэббу возможность поудобнее перехватить сук.

Гигантская стрекоза вновь бросилась в атаку. Уэбб снова размахнулся и нанес отчаянный удар. На сей раз удар попал в цель — в грудь противника. Стрекоза опрокинулась и свалилась в кусты, сердито стрекоча и молотя крыльями по земле.

Уэбб ринулся к ней и, вложив в удар все свои силы, размозжил ей голову.

Но даже и после того, как чудовище было мертво, крылья его все продолжали трепетать.

Уэбб в изнеможении опустил свою палицу. Перед глазами у него все поплыло. Вдруг за спиной он услышал какой-то шорох. Он обернулся.

— Мэг! — с облегчением произнес он и помог девушке подняться с земли. — Ты в порядке?

Она исподлобья взглянула на него и принялась отряхиваться.

— В общем-то, да, — наконец сказала она. — Если не считать того, что я чуть не умерла от страха. Ты с таким же успехом мог бы задушить ее голыми руками, а не размахивать этой дурацкой дубиной.

Уэбб рассмеялся.

— Я, видно, просто забыл о пистолете. Но ведь все-таки я победил ее!

— Ее и меня тоже! Что мы будем делать, если появится еще одна такая тварь? Ты бы лучше отдал мне мой пистолет. Я с ним себя как-то спокойнее чувствую.

Уэбб колебался не больше секунды, затем широко улыбнулся.

— Конечно, почему бы и нет, — сказал он. — Дай мне только отдышаться. — И они с Мэг уселись — он на ствол поваленного дерева, а она — на валун, торчавший из земли неподалеку.

Он вытащил из кармана ее небольшой реактивный пистолет и несколько мгновений разглядывал его.

Не считая длинного ствола, остальная часть пистолета была сработана изящно и тонко, как часовой механизм. Даже магазин с патронами был размером не больше кончика пальцев.

Он с интересом стал разглядывать его.

— Уэбб, — вдруг позвала его Мэг.

В голосе ее сквозила нотка напряженности. Он поднял голову, готовый увидеть все, что угодно.

Но только не то, что увидел. Над ними послышался грохот скорого поезда, и, взглянув в небо, он увидел то, что производило его.

Среди моря серых туч и дождя показался ревуший и свистящий силуэт. Бескрылый заостренный предмет, за которым тянулся хвост пламени.

Ракетный корабль! Он направлялся на запад — по направлению к городу!

ГОРОД ЖИВОГО УЖАСА

Уэбб стоял и смотрел в хмурое небо, на время забыв о девушке. Не замечая дождя, льющегося прямо на его запрокинутое лицо, он прошептал:

— Какой корабль! О, боже, какой корабль!

«В таком корабле,— подумал он,— люди вполне могут летать на Луну — и вполне возможно, что так они и делают.»

Но, как бы то ни было, вскоре корабль скрылся за темными тучами, оставив после себя пепельно-серый след выхлопа реактивных двигателей.

Через некоторое время холод начал пробирать его так, что не замечать этого было невозможно.

Он повернулся к Мэг.

Но ее не было.

— Мэг, где ты? — негромко позвал он и увидел, что кусты немного раздвинулись. Из них появилась мокрая Мэг.

— Зачем ты залезла туда? — спросил Уэбб.

Мэг взглянула вверх.

— Там эта ракета... — сказала она, и тон ее голоса все объяснил. Уэбб прищурился. С удивлением он обнаружил, что все еще держит в руках ее пистолет.

Он протянул его девушке.

— Спрячь его, — сказал он. — А почему ты так боишься ракет?

Она молча взяла пистолет и сунула его в небольшую кобуру на бедре.

— До этого я за всю жизнь видела ракеты только два раза, — сказала она.

— Самые старые члены шайки говорили, что скорее всего это — последние ракеты на свете. Первая прилетела, когда я была еще слишком мала, чтобы носить оружие, и тогда почти вся шайка была перебита. Уцелевшие попрятались в лесу, и через некоторое время она улетела.

Когда я стала старше, прилетела вторая ракета. С нее полетели

бомбы, начался обстрел. Но экипаж, видимо, не умел управлять ею как следует. Мы подбили ее. С тех пор я больше не видела ракет.

— Эта ракета, которую мы видели, не боевая, — сказал Уэбб.

— Какая же еще? — недоверчиво спросил Мэг. — Люди из той ракеты, которую мы подбили, вернее те, кто остался жив после падения, говорили не по-моему. Но они были настоящими воинами. В этом мы убедились. И в конце концов нам пришлось перебить их всех до одного — они сражались с нами до конца.

— Во всяком случае, — сказал Уэбб, — эта ракета направлялась в город. Может, конечно, ребята в ней и носят ту же форму, что и те, которые бомбили вас. Может, даже, они и говорят непонятно. Но все равно, они принадлежат к единственной цивилизации поблизости, которая нам известна. Так что придется идти прежним путем.

— Единственное, — закончил он, — что меня тревожит, так это тот факт, что ракета не относится и к моему времени, Мэг. То есть она не относится ни к моему времени, ни к твоему, и мне кажется, что здешние индейцы построить ее тоже никак не могли! Какой вывод из всего этого можно сделать?

Мэг пожала плечами.

— Вывод можно сделать вот какой, — сказал Уэбб. — Сдается мне, что что-то непонятное произошло со временем. Что именно — я сказать не могу — но это совершенно очевидно. Вокруг нас существуют четыре различные эпохи, то есть даже пять, — если принять во внимание то страшилище, которое минут десять тому назад накинulo на нас и эти вот забавные деревца.

— Что-то я не понимаю, о чем речь, — сказал Мэг.

Уэбб понимающе кивнул.

— То же самое в свое время я ответил Рону Дайнину, — сказал он. — То, что я пытаюсь втолковать тебе, теперь, наверное кажется тебе такой же бессмыслицей, как и то, что он говорил мне тогда.

Уэбб на мгновение призадумался.

— Он тогда говорил что-то насчет того, что с машиной времени происходят забавные вещи, — с трудом припомнил Уэбб. — То ли излучение какого-то статистического поля, то ли еще что-то в этом роде. Кажется...

— Что? — в глазах Мэг читалось доверие к нему, уверенность, что он обязательно найдет ответ.

Уэбб потряс головой.

— Не помню, — сказал он. — Давай немного отдохнем. Может быть, нам что-нибудь удастся выяснить в городе. Ты готова идти?

На лице Мэг промелькнуло сомнение, но она ничего не сказала.

Молча вынув пистолет из кобуры, она проверила, заряжен ли он, и сунула обратно в кобуру.

Подозрительно поглядывая на болото, с которого налетело на них давешнее чудовище, она двинулась вслед за Уэббом, осторожно пробирающимся по его краю.

К тому времени, как они обогнули влажное палеозойское болото, уже стемнело. Теперь их отделяла от города только гряда невысоких пологих холмов — скорее даже пригорков.

Город растянулся перед ними, полускрытый в долине наступившими сумерками.

В свете молний, пробивавшихся сквозь туман, окутывавший город, Хилдрет сумел рассмотреть очертания стройных колонн, возносившихся к небу, здания, которые достигали в высоту не меньше мили, соединенные между собой паутиной тончайших переходов.

Таких городов с своей жизни Уэббу Хилдрету видеть не приходилось. Это был город из другого мира — или из снов.

Не отрывая взгляда от волшебного города, Мэг опустила на землю.

Она устало откинула назад волосы, промокшие от дождя и свисавшие на лицо.

— Ты думаешь, нам чем-нибудь там могут помочь, Уэбб? — спросила она.

— Слишком уж это большой город.

— Попытаем счастья, — ответил он.

— Если бы мы знали, что нам нужно, было бы еще легче. — Он провел рукой по щетинистому подбородку и, отняв руку, стал рассматривать грязь, налипшую на нее. — Нам бы не мешало немного почиститься. А вот тогда уже можно попытаться узнать, не помогут ли нам чем-нибудь местные жители. Наверное, для нас у них что-нибудь найдется. Только ангелы могли построить такой город.

Немного погодя, уже относительно чистые, они в темноте, спотыкаясь на каждом шагу, стали медленно спускаться с холма.

Дождь прекратился, но тучи скрывали луну, а от города света почти не было.

В город вела дорога занятой формы — вогнутой — как будто она представляла собой половинку трубы, уложенную в землю и прямую, как стрела. Необычная дорога вела прямо в город, никуда не сворачивая и они пошли прямо по ней, отдавая должное ее ровному пружинящему покрытию. В любой момент, конечно, они были готовы броситься под защитную поросль деревьев, окаймляющих путь.

Они шли и шли, не переставая удивляться, для каких же странных экипажей эта дорога была предназначена. По пути они не слышали никаких звуков, кроме щебета какой-то ночной птицы.

А потом вдруг они оказались в городе...

Это произошло совершенно внезапно, как щелчок пальцев. Предместий, обычно предвещающих приближение города, здесь не было. Просто вдруг их окружили громады высотных зданий.

Город был темен как могила — и так же тих.

Темные громады зданий, видимые только потому, что они были темнее окружающей ночи, громоздились вокруг них. В темноте они

казались бесформенными и уходящими в самые небеса. Каблуки Уэбба застучали по мостовой. Холодный и отчетливый звук его шагов отразился от стен и эхом донесся до Уэбба.

Он остановился.

— Мэг,— прошептал он.

Девушка прижалась к нему, и он почувствовал, что она нервничает.

— Держись рядом,— сказал он.— Держись меня и не отставай, а то как бы чего не случилось.

— Хорошо,— прошептала она.— Уэбб!

— Что?

— Мне кажется, что за нами кто-то крадется.

Он прислушался. Тишина, если не считать очень отдаленных шорохов.

— Нет,— сказал он.

До него донеслось эхо ее вдоха.

— Наверное, мне показалось,— сказала она, но он почувствовал, что она еще теснее прижалась к нему.

Они прошли уже с четверть мили, ничего не видя и не слыша. Уэбб Хилдрет почувствовал, что внутри него растет напряжение. И тут он услышал, что к ним кто-то приближается.

Кто-то или что-то. Кем бы оно ни было, оно двигалось, забавно сопя на ходу. В руке Уэбба мгновенно оказался люгер и он, прижавшись к стене, почувствовал за спиной что-то вроде входа. Он вжался в нишу спиной, втащив за собой девушку. Здесь была абсолютная темнота.

Пыхтение стало громче и, наконец, миновало их. Уэбб смутно разглядел горбатые очертания какой-то здоровенной черепахообразной штуки, быстро продвигающейся вдоль улицы. Что это — какая-то машина будущего совершенно несообразного вида? Возможно — но Уэбб сомневался, что какая-либо машина может издавать такое гнусавое пыхтение. Уэбб улыбнулся в темноте и повернулся к девушке.

Но ее не было.

— Мэг? — негромко позвал он, вытягивая руку. — Мэг! — от ужаса у него перехватило дыхание, и он лихорадочно стал искать ее, но наткнулся повсюду только на холодные стены. Больше ничего не было.

На улице послышались какие-то звуки, но Уэбб игнорировал их.

— Мэг! — заорал он в полный голос. Он заколотил кулаками по стене, надеясь, что под ударами распахнется потайная дверь, поглотившая девушку.

Когда взрыв бешенства пошел на убыль, он повернулся лицом к улице. То, что раньше было неопределенными звуками, стало хорошо слышными голосами, — негромкими и опасливыми, но хорошо различимыми.

— Там, справа, дверь, — так, кто-то там есть.

— Да он один. Посвети-ка на него потайным фонарем. Если он

не горожанин — стреляй в него!

Уэбб Хилдрет не стал ждать продолжения. Он ощутил тепло — может быть, это инфракрасные лучи? Он удивился, но вспомнил об инфракрасных прицелах на войне, в которой он участвовал там, в своем времени. Он почувствовал, как тепло движется по его телу, лицу и рукам, и поспешил выбраться из ниши.

За спиной у него послышался изумленный вопль. Уэбб стремглав понесся по улице. Громкий звук электрического разряда разорвал воздух у него за спиной. Разряд ударил в стену рядом с ним. Из дыры в стене показались расплавленные куски металлической арматуры, его обожгло брызгами раскаленного металла.

Затем тьма снова сомкнулась вокруг него, теперь уже совершенно непроницаемая после мгновенной вспышки света. Но вспышка осветила Уэббу какой-то боковой проход и он поспешил свернуть в него. Низко наклонив голову, внутренне сжавшись в ожидании следующего выстрела, который уничтожит его, он стал подниматься вверх по какому-то спиральному подъему.

Казалось, подъему не будет конца. С обеих сторон его по-прежнему окружали каменные стены, Уэбб все поднимался и поднимался. Ноги его стали свинцовыми от усталости. А подъем все продолжался. Голоса преследователей раздавались совсем недалеко позади, от их выстрелов его защищали только витки подъема.

А потом, так внезапно, что он упал, дорога вывела его на ровное место. Перед ним было открытое пространство.

Уэбб вскочил и бросился вперед.

Но тут удача покинула его...

За его спиной вновь раздался крик и вновь разряд ударил рядом с ним. Он покачнулся от звуковой волны взрыва, искра ударила его в ногу, капли расплавленного камня обожгли его и Уэбб повалился на землю, сбитый электрическим разрядом.

Какое-то мгновение он еще ясно видел происходящее. Мостовая расступилась под ним и он лихорадочно стал искать руками за что бы ухватиться. Какую-то долю секунды его слабеющие пальцы держали его.

— Какого дьявола! — подумал Уэбб Хилдрет и пальцы его разжались. Он полетел в какую-то темную бездну.

Лежа под зловеще-багровым небом, Уэбб страстно хотел пить. Все его существо взывало о помощи, просило воды. Он весь горел, сознание его плавало в каком-то жгучем кроваво-красном тумане.

Из пылающего неба к нему протянулся чудовищный палец и изучающе потыкал в него.

Провзительный голос откуда-то извне, произнес:

— Пошарь-ка у него в карманах, Тэм. Не бойся, он, кажется, мертвее мертвого.

Бред Уэбба лопнул как мыльный пузырь. Он застонал и открыл глаза.

Над ним склонился гном, разинув рот. Причем, удивление легко читавшееся у него на лице, почти скрывало глупость его жадных маленьких глаз.

— Воды! — слабо каркнул Уэбб.

Гном отшатнулся.

— Да он живехонек, Кроннер, — обвиняюще дрожащим голосом промолвил гном.

Сморщенное лицо тролля мелькнуло перед мутным взором Уэбба.

Вторая пара глаз искоса взглянула на него.

— Дак ты, навроде, живехонький? — подозрительно спросил второй.

— Пожалуйста, воды, — снова прошептал Уэбб. — Помогите мне.

Гномы в страхе отшатнулись.

— От уж нет! — скрипуче заголосили они. — Ты, видать, трог. Ты нам сделаешь нехорошо.

И они умчались с мышинным шорохом.

Уэбб натужно кашлянул и закрыл глаза. Свет, льющийся на него с неба, был невыносим. Но зато солнце, кажется, ему виделось наяву, Уэбб успел заметить, что лежит под трехметровым обрывом, и попытался безуспешно прикинуть, сколько времени он смог здесь провалиться.

Он огляделся в поисках двух маленьких оборванцев, но их уже и след простыл. Может быть, они действительно ему привиделись, подумал Уэбб, даже теперь, не вполне пришедший в себя после дюжины ран, страшной боли во всем теле, лихорадки и жажды. Он беспомощно пошевелил пальцами и обнаружил, что лежит на прохладной траве.

Немного позже он услышал знакомые шаги. Тролли возвращались и с ними шел еще кто-то, ступающий более тяжело и уверенно. На его лицо упала чья-то тень.

Ноги в форменных ботинках появились в поле его зрения. Довольно приятный, но совершенно невыразительный голос произнес:

— А ты довольно живуч, не так ли, трог?

Уэббу удалось наконец оторвать взгляд от ботинок и взглянуть вверх. Над ним возвышался человек в военной форме, переспоясанный ремнем, на котором болталась фляжка. Уэбб прямо-таки впился в нее взглядом.

— Воды! — хрипло попросил он.

Откуда-то со стороны донеслись визгливые голоса троллей.

— Он уже просил этого, — наперебой запищали они человеку в форме. — Когда мы схватили его, вот как сейчас, он тоже просил воды.

Высокий рассмеялся.

— Он хочет пить, — сказал он.

Встав на колени возле Уэбба, он приподнял ему голову и поднес фляжку к губам. Вода была тепловатая, но вкусная. Уэбб жадно пил ее до тех пор, пока человек не сказал:

— Полегче, полегче, трог! Так ты убьешь себя. Оставь это дело нам!

Тролли визгливо захихикали в знак одобрения.

— Это уж точно, солдатик, мы уж об этом позаботимся.

Тогда высокий негромко произнес:

— Мы, значит, позаботимся? Ах, вы крысы кладбищенские, пожиратели падали! А ну, валите отсюда, пока не напустил на вас этого трога!

Тролли в ужасе зачирикали что-то невразумительное и как по мановению ока с шорохом исчезли. Высокий снова рассмеялся.

— Вот сброд! Ну ничего, когда-нибудь в один прекрасный день мы очистим от них город.

Тяжело вздохнув, Уэбб, наконец, оторвался от фляжки.

— Спасибо,— сказал он.— А вы, что, солдат?

Человек пожал плечами.

— Можно сказать и так. Но вообще-то я — искоренитель. Я занимаюсь тем, что искореняю трогов, Трог!

— Я не трог,— запротестовал Уэбб,— я даже не представляю, что такое трог!

Хотя человек молчал, по выражению его лица никак нельзя было сказать, что он думает по поводу заявления Уэбба.

Уэбб тяжело откинулся назад.

— Взгляните, пожалуйста, что у меня с ногой. Если она у меня, конечно, еще есть. Я не могу подняться.

— Не волнуйся. С твоими ногами все в порядке. Впрочем, это для тебя роли не играет. После того, как мы убьем тебя, они тебе больше не понадобятся.— Он поколебался мгновение.— А вообще-то,— сказал он дружелюбно,— у тебя дырка в бедре. Наверное, придется вызывать машину. Ты как, без меня сможешь продержаться пару минут?

Уэбб кивнул. Он с трудом соображал, все тело болело, в ушах стоял невыносимый шум. От боли напряжены были даже мышцы его живота. Вздохнуть было практически невозможно, и он решил, что кроме раны в бедре, у него еще сломано несколько ребер. Для пробы он решил поднять правую руку.

Правая отказывалась слушаться его. Тогда он оставил ее в покое и сосредоточился на левой. Выяснилось, что она в относительно порядке, и он положил ее на грудь. Как ни медленно и ни болезненно было это движение, человек в форме отскочил. Рука его молниеносным движением выхватила из-за широкого пояса пистолет с растругом на конце ствола.

— Лежать! — приказал он. Дружелюбия в голосе больше не слышалось.

Хилдрет замер.

— Я не сделаю ничего тебе плохого, дружище. Ты собираешься вызвать «скорую», — сказал он раздраженно.

Устраиваясь поудобнее, солдат сказал:

— Спокойно, трог, спокойно! «Скорая» уже в пути.

Мрачный Уэбб повернул голову в сторону. «Трог, — подумал он, гномы и тролли.» Перед его глазами и тут была трава и невысокие кривые деревца. А за деревьями, блестя под лучами утреннего солнца, высились шпили городских зданий и висело в воздухе волшебное кружево подвесных мостиков.

Когда же он видел все это? Пролетным вечером. Неужели с тех пор, как они с Мэг добрались до города, прошло всего несколько часов?

МЭГ! Уэбб совершенно забыл о ней, страдая от боли. Но теперь он вспомнил все. Имя ее сорвалось с его губ совершенно произвольно. Подумав немного, он решил, что спрашивать о ней у солдата, было бы по меньшей мере неосмотрительно. Ведь он и его товарищи убивали трогов. Если она все еще жива и на свободе, то лучшей помощью с его стороны станет только молчание.

«Трог», — снова подумал он.

— Кстати, что такое трог? — спросил он, взглянув на солдата.

Тот усмехнулся, скривив тонкий рот.

— Все играешь, а, трог? Ну, что ж давай, давай. Но все равно, хоть ты и говоришь, что ты не трог, ты должен знать, кто они такие. Проще всего, пожалуй, будет так — либо ты — горожанин и живешь в городе, либо ты — трог и ютишься бог знает где — в какой-нибудь вонючей пещере или еще где-то. Ты — не горожанин. Следовательно, ты — трог. А с трогамы у нас разговор короткий. Просто, а?

— Да, но не очень, — кисло проворчал Уэбб. — Так как насчет «скорой»?

— Потерпи, Трог, — ласково проговорил солдат. — Сейчас она будет здесь.

ОТСРОЧКА КАЗНИ

Уэбб пришел в себя и ощутил, что совершенно здоров. Он даже не хотел верить своим ощущениям. Он был почти в истерике. Его привезли сюда почти полумертвым, умирающим и поместили на белом столе, освещенном множеством ламп. На мгновение он потерял сознание — на мгновение, не болес того — а когда пришел в себя...

Он был совершенно здоровым человеком. Случилось чудо! Никаких болей больше не было! Рука, которая, несомненно, была сломана, совершенно свободно сгибалась. Дыра, выжженная в его бедре теперь стала просто пятном новой розовой кожи. И — что самое удивительное — какая-то неведомая сила побрила его и причесала!

Старая и непривлекательная женщина подошла, чтобы осмотреть его.

— Все в порядке, — сказала она. — Слезай и следуй за посыльным. Он знает, куда тебя доставить.

Посыльный оказался коренастым солдатом, беззаботно положившим руки на висевшее на груди оружие, пока они шли куда-то. Один раз по дороге Уэбб кашлянул и скорость, с которой оружие оказалось направленным на него, подсказала ему, что лучше не пытаться бежать.

Молча он проходил по бесконечным, постепенно понижающимся коридорам, то и дело проходя мимо ведущих куда-то боковых ответвлений. Наконец они вошли в ярко освещенную комнату. Помня о том, что они долго опускались, Уэбб тревожно посмотрел на потолок, но здесь совершенно не чувствовались квинтильоны тонн породы, нависающие над ними.

Несколько человек атлетического телосложения повернулись, чтобы взглянуть на вошедших, оторвавшись от разговоров. В этой комнате чувствовался какой-то военный дух и проводник Уэбба вскоре подтвердил эту догадку.

— Оборонный центр, — кратко пояснил он, и подвел Уэбба к одному из столов, за которым сидела девушка в военной форме.

Трог, — лаконично произнес посыльный.

Девушка кивнула и сделала знак рукой.

— Входите! Капитан Оркатт уже ждет.

Они прошли в следующую комнату, представляющую собой какой-то гибрид офиса и лаборатории. Невысокий человек в лабораторном халате, причесанный как выпускник Гельдербергского университета, уже поджидал их, сложив руки за спиной. Здесь же находился тот человек, которого позвали к Уэббу тролли.

Некоторое время все молчали. Потом высокий спросил:

— Ну, как, Оркатт?

Тот кивнул.

— Все в порядке, это действительно трог. Посадите его в кресло, Симоно.

Симоно небрежно повел рукой.

— Садись, — сказал он и подвел Уэбба к указанному креслу. Сиденье оказалось мягким, как облако, на которых восседают ангелы. К сидящему Уэббу приблизился высокий и направил ему в глаза узенький пучок света из какого-то прибора.

Уэбб сначала зажмурился от неожиданности, а затем широко раскрыл глаза.

«Черт с ними», — подумал он.

Ему измерили пульс и дыхание, затем к его вискам, ладоням и под языком прикрепили металлические датчики, размером с десятицентовую монету.

Затем Симоно отступил назад и с тревогой в голосе спросил:

— Тебе удобно?

Уэбб кивнул и заметил:

— Что-то непохоже, что тебя это очень беспокоит.

— Агрессивная реакция, Симоно. Обратите внимание. Я бы даже сказал — нормальная, — вполголоса произнес Оркатт.

— Если вообще на свете бывают нормальные трог, — согласился Симоно.

— А теперь, трог, откинься назад. Не бойся, скорее всего это тебе не повредит.

Он подкатил к креслу стойку с укрепленными на ней двумя рядами рефлекторов на шарнирах. Нажав кнопку, он заставил рефлекторы двигаться, причем оба их ряда вращались в противоположных направлениях. Миллиарды световых бликов запрыгали перед глазами Уэбба.

Они вращались все быстрее и быстрее. Уэбб никак не мог оторвать взгляда от их сверкания. Сознания он не потерял ни на миг, но был как будто загипнотизирован или одурманен. Он не мог даже пошевелиться. Он видел, как человек в мундире и человек в зеленом халате двигались по комнате взад и вперед, то попадая, то вновь выходя из его поля зрения.

Он чувствовал легкие электрические разряды, покалывающие его в тех местах, где были укреплены электроды, вызывающие во рту привкус меди. Он слышал приглушенные и пронзительные звуки. Но пошевелиться он не мог.

Рефлекторы мало-помалу замедлили свое вращение. Казалось, что прошли века с тех пор, как глаза Уэбба оказались прикованными к их блестящим поверхностям. Он, наконец, с усилием ответ глаза в сторону.

Головная боль у него была всем болям боль, но к счастью, она скоро прошла бесследно. Он потянулся и доверчиво улыбнулся тем, кто его исследовал.

— Ну, как, убедительно, наконец, что никакой я не трог? — спросил он.

Симоно улыбнулся.

— Нет, в самом деле, — настаивал Уэбб, начиная тревожиться. — Что вы там обнаружили?

— Только то, в чем мы были убеждены и раньше, трог, — развел руками Оркатт.

— Но-но! — взревел Уэбб. — Если это то, что вам сообщила ваша дурацкая машина, то она врет!

— Типичное для трога поведение, — заметил Симоно. — Приписывает враждебную предубежденность неодушевленному предмету.

Оркатт кивнул.

— Но, послушайте! — взмолился Уэбб. — Говорю вам, я вовсе не трог! Я — человек из двадцатого века!

— О, да, — подтвердил Оркатт. Он протянул руку и совсем выключил машину. — Как раз это труднее всего понять. Ты не лгал — по крайней мере насчет этого. В картине мозговой деятельности следы лжи отсутствовали. Я склонен думать, что это лишь вновь доказывает, что мы еще очень плохо знаем прошлое. Мне бы и в голову никогда не пришло, что уже тогда существовали трог — всегда считалось, что по-настоящему они начали плодиться после Мировой катастрофы.

— Послушайте, давайте выложим карты на стол, — довольно грубо сказал Уэбб. — Я знаю, что я не трог. Дайте мне хотя бы половину возможностей и я постараюсь доказать это!

— Трог, это может показаться странным, но ты мне нравишься, — с неожиданной теплотой в голосе воскликнул Симоно. — Ты настоящий боец! Но, видишь ли, — у нас на руках неопровержимые доказательства, так что тебе ничего рыпаться. Вот, взгляни.

Он раскинул на столе перед Уэббом несколько карт. Они очень походили на энцефалограммы — записи электрической активности мозга.

— Это — кривые твоего мозга, — снисходительно пояснил он, указывая на одну из карт. — Это — кривые трога. А, — он указал на третью карту, висящую на стене, — здесь кривые нормального человеческого мозга. Поэтому это более чем убедительно.

Уэбб нервно сглотнул. То, что говорил Симоно, было невероятно, но — факт! Кривые деятельности нормального человеческого мозга были плавными синусоидными линиями. Кривые мозга трога были прерывистыми ломаными линиями с характерными пиками. Ошибиться было невозможно, — кривые Уэбба были точно такими же.

— Но... — начал он.

Оркатт жестом остановил его.

Он встал, и обращаясь к Симоно, заявил:

— Я голоден. Пошли посмотрим, что приготовили нам на обед в подразделении питания. О, не обращай на него внимания. — Он пожал плечами, видя, что Симоно с сомнением глядит на Уэбба. — Пусть им займется Деталь. Никуда он отсюда не денется.

Симоно последовал за Оркаттом к двери, но как-то неохотно. Капитан вышел из комнаты. Симоно поколебался, затем вернулся к Уэббу и протянул ему руку.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Но я ничем не могу помочь. Держи пять.

Уэбб машинально пожал ему руку и заметил, что Симоно слегка склонил на прощание голову как бы в знак уважения к нему. Затем

Симоно вышел.

Дверь затворилась, обрывая какую-то фразу Оркатта насчет того, что нынче в городе туговато приходится с продовольствием.

В бессильной злобе Уэбб смачно выругался и сел. Что из себя представляет Деталь, оставалось только догадываться. Одно он знал, что ничего хорошего в этом не было. Подумав о Мэг, он содрогнулся. Он обещал ей, что люди из города не станут убивать ее... но, выходило так, что они все-таки успеют покончить с нами прежде чем с ними самими будет покончено.

Из-за двери донеслась какая-то команда. Уэбб машинально огляделся в поисках оружия, затем опомнился. Если что-нибудь и может спасти его, то уж никак не мускулы, а только разум. Он вытащил сигареты и непринужденно прикурил. В измятой пачке их оставалось совсем немного.

Дверь распахнулась. В проеме показался высокий человек в зеленом военном мундире. На лице его отразилось раздражение, когда он увидел, что Уэбб в комнате совсем один.

— Неосторожно, — пробурчал он. — Очень, очень неосторожно! Если у трога мозги... то, он непременно попробовал бы сбежать!

Уэбб вздохнул и поднялся.

— Я не трог, — заметил он просто так, на всякий случай.

— Заткнись, трог, — военный немного отступил в сторону, давая Уэббу возможность полюбоваться на патруль человек в двенадцать, стоявших в коридоре. — Следуй за особым подразделением, — приказал он. — И не пытайся сопротивляться. В Оборонном центре не стоит устраивать шума.

Уэбб сделал последнюю затяжку и аккуратно затоптал окуроч.

Солдат скривился.

— Поганая троговская привычка, — заметил он. — Правда, раньше не замечал у них такой привычки, а я на своем веку немало повидал трогов.

— Троги так не делают, — сказал Уэбб. — Впрочем, это пустяки. Итак, куда мы направляемся?

Солдат засмеялся.

— Пошли, пошли, — сказал он, совсем не так уж грубо подталкивая Уэбба к дверям. Подразделение образовало вокруг него каре и они отправились в путь.

Насколько Уэбб понимал теперь, трогам назывались полуразумные создания, которые обитали в подземных пещерах. Но если так, то как же, во имя смертных грехов, мозговые тесты могли оказаться настолько неверными? Я НЕ ТРОГ — убеждал он сам себя. Но, вспомнив, кривые энцефалограмм, он чуть не застонал. Кривые были совершенно правильными — не могли быть неправильными.

Он раздраженно притопнул по резиноподобному покрытию

пола.

Дверь, перед которой они стояли, ожидая, наконец, распахнулась, и охрана вместе с Уэббом ввалилась вовнутрь.

Дверь закрылась, и пол вдруг ушел у них из-под ног.

Уэбб судорожно схватил воздух ртом. Ему показалось, что желудок подскочил до самого горла. Он находился в скоростном лифте, видимо, пришедшемся родным братом свободному падению. Охране же, казалось, все было нипочем. Один из солдат толкнул соседа.

— Трог, — сказал он и ухмыльнулся.

Лифт остановился, и охрана вышла.

Часовой с каким-то длинноствольным оружием приблизился к ним и внимательно всех осмотрел.

— Документы, — потребовал он.

Командир подразделения недоуменно поднял брови.

— Документы? — переспросил он. — Да ведь мы просто ведем этого трога в ямы для приведения приговора в исполнение. По-моему, для этого не требуется никаких документов.

Часовой сплюнул.

— А вот теперь требуются, — пробурчал он. — Вся эта зона в карантине. Приказ Оборонного центра!

— Ах, вот оно что... — неприязненно процедил командир.

— Слушай, служивый, я приказываю тебе! Отойди спокойно в сторону и дай нам пройти! А не то, как бы тебе не лишиться нашивок!

— Уж не твоими ли заботами? — сказал часовой, похлопывая по оружию. — Заворачивайте назад, и точка!

Глаза командира сузились.

— Ты прекрасно знаешь, что я этого так не оставлю! Все будет доложено начальству!

— Докладывай, докладывай, будь ты проклят! Теперь это — зона Хрони. Сегодня утром Оборонный центр реквизирует ее.

Командир готов уже было взорваться, если бы не вмешательство Уэбба.

— Вы сказали Хрони? — переспросил он. — Это не такая ли машина...

Реакция окружающих была удивительна: не успел он и глазом моргнуть, как оружие часового уже было направлено ему в грудь. Командир отшатнулся, наощупь доставая пистолет.

Через мгновение Уэбб со всех сторон оказался окруженным дугами, устремленными на него. Царило напряженное молчание.

Часовой первым нарушил его.

— А я думал, что это трог, — взревел он.

Командир с тревогой в голосе подтвердил:

— Так оно и есть. Дьявольщина какая-то. — Он грозно взглянул на Уэбба. — Что ты знаешь о Хрони, трог? — рывкнул он.

Уэбб попытался улыбнуться.

— Не так уж много, — примирительным тоном произнес он. — Я просто хотел узнать, что означает это слово, вот и все.

— Он врет, — сказал один из охранников. Командир кивнул.

Сердито посмотрев на Уэбба, командир сказал:

— Ну что же, ты добился отсрочки казни, трог! Теперь я не решаюсь убить тебя до тех пор, пока Оборонный центр не допросит тебя как следует. Если вы, трог, уже знаете о Хрони, то чего же вы тогда не знаете?

Уэбб молчал. Эти люди из будущего и их заблуждение насчет трогов вселяли в него чувство ужаса.

— Послушайте, — неуверенно начал он, но командир прервал его.

— Нет, — сказал он. По глазам его было видно, что в нем созревает решение. — Нет, — повторил он. — Мы не поведем тебя обратно в Оборонный центр. В конце концов ты был передан в мое распоряжение. Я сам найду способ развязать тебе язык. И обещаю тебе, что мой способ и в половину тебе не будет так приятен, как гипноскоп в Центре!

Уэбб печально вздохнул, и его снова повели по коридору. В дальнем его конце появилось какое-то алое свечение, которого раньше там не было. Уэбб заинтересовался. Охранник случайно проследил направление его взгляда... и вдруг издал тревожный крик, внезапно разорвавший тишину.

— Проникновение трогов! — надрывался он. — Сигнал опасности трогов! Тревога! Троги снова пробрались в город!

УЖАС ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Если и перед этим положение Уэбба в качестве трога было паршивым, то теперь оно заметно ухудшилось.

— Приглядывайте за ним, — приказал командир. — Возможно, они попытаются вызволить его. При малейшем его подозрительном движении — стреляйте!

Все подразделение бросилось по направлению к сигналу противотрговой тревоги за дверь, расположенной прямо позади него.

Уэбб, которого оставили под охраной одного из солдат, чувствовал себя довольно неуютно. Палец его стража так и плясал на спусковом крючке.

Уэбб стал молиться про себя.

Дверь лифта позади них распахнулась и оттуда выскочил еще один отряд, сразу ринувшийся на звуки битвы.

Солдат, охранявший Уэбба, едва успел отвести его в сторону, а не то он был бы обязательно раздавлен колесами чего-то вроде пушки,

которую тащили за собой трое солдат.

Из-за двери, расположенной позади противотрогового сигнала явственно доносились звуки боя. Кричали люди, глухо ухали взрывы, пронзительные вибрирующие звуки лучевых ружей.

Солдат, охранявший Уэбба, пробормотал проклятие и взглянул на своего поднадзорного.

— Троги? — сквозь зубы прошипел он. — Подлые отродья, способные нападать только сзади! Грязные землеройки, выползающие из грязи, чтобы нанести удар исподтишка! Вонючие гнусавые...

Он продолжал ругаться, но Уэббу было не до него. Звуки сражения теперь слышались в непосредственной близости от них.

Из-за двери вовсю полыхали оранжевые вспышки. И Уэбб поймал себя на мысли о том, что будет, если драться начнут рядом с ними.

Странное сражение, думал он, в подземельях гигантского города. Очевидно, трогги обитали под землей в тоннелях и пещерах. И очевидно, они иногда делали подкоп, через которые и совершали свои набеги на город.

Сражение определенно становилось ближе. Защитников города оттесняли назад.

Уэбб поехал. Двери лифта позади него снова распахнулись, и из них выкатился еще один отряд людей с целеустремленными лицами, с ходу бросившимися в бой. Уэбб посмотрел им вслед.

— Презренные трогги! — снова раздалось над самым его ухом. Уэбб невольно отпрянул и недоуменно посмотрел на своего охранника. Тот скрежетал зубами, ухитряясь в то же время изрыгать потоки проклятий. Глаза его были совершенно дикими.

— Трогово отродье! — проревел он. — Я должен сжечь тебя сейчас! Сдается мне, что они пытаются спасти тебя!

— О, нет! — примирительно сказал Уэбб, беспомощный под взглядом, излучающим беспредельную ненависть.

Лицо охранника дико искривилось, и Уэбб буквально почувствовал, что из дула сейчас вылетит электрический разряд. Но страж вдруг заколебался.

— Ну, ты! — воскликнул он. — Ты, там! Я собираюсь принять участие в стычке, но если ты попытаешься сделать отсюда хоть шаг, останешься без своей поганой башки!

Уэбб задрожал и произнес заикаясь:

— Н-н-н-но... — больше он ничего не мог вымолвить. Охранник с маниакальной ненавистью во взгляде за плечо подтащил Уэбба к какой-то двери в стене коридора, открыл ее и впахнул его внутрь. Уэбб влетел в большую скупно освещенную комнату.

— И советую оставаться здесь, — пригрозил охранник и напоследок так ткнул Уэбба кулаком, что тот, не успев еще восстановить равновесия после появления в комнате, завертелся волчком и с разгона врезался в лабиринт какой-то сложной аппаратуры в центре комнаты. Он ударился обо что-то головой, из глаз посыпались искры.

Оглушенный, он смутно разобрал стук двери, захлопнутой его стражем.

Уэбб ошалело помотал головой. Затем, заметив какое-то движение, он обернулся и увидел маленького человечка с длинной седой бородкой, приближающегося к нему.

— Ты повредил Хрони! — осуждающе заявил человек. — Кто ты такой и по какому праву ты влетаешь сюда, как дурацкий булыжник?

ХРОНИ! Это слово сразу разогнало туман в голове Уэбба. Он уставился на установку. Конечно, она напоминала яйцеобразную штуку, в которой он путешествовал с Роном Дайнином, не больше, чем паровой автомобиль Стенли напоминал бы современное такси, но в то же время это вполне могло быть машиной времени.

Он стоял, и у него еще кружилась голова. Но все же он пытался понять, что могут представлять из себя погнутые катушки серебряистой проволоки и ряды тонких ламп, разбившихся при столкновении. И вдруг все переменялось. То есть, ничего кругом не стало иным, просто он стал мыслить как-то по-другому. Из беспорядочной массы приборов и устройств мозг его вдруг начал составлять цельную картину машины. Он начал понимать назначение отдельных узлов и их связь с другими приборами. Он знал теперь, не представляя, откуда он может это знать, что на поле времени действует искривленный статис, создаваемый катушками...

Откуда-то издали кто-то что-то говорил, но он с трудом разбирал слова.

— Отвечай! — слова, наконец, прозвучали совсем рядом, и Уэбб, находясь в каком-то странном оцепенении, оглянулся и взглянул на седобородого. — Отвечай! — повторил человечек. — Кто ты такой?

Губы Уэбба автоматически сложились, чтобы произнести: «Меня зовут...», но вдруг он остановился, так как осознал, что его восставшие голосовые связки, пытаются произнести не «Уэбб Хилдрет», что было бы естественно и логично, а «Рон Дайнин». Уэбб покачнулся, с трудом пытаясь понять, что же с ним происходит.

Человечек не стал ждать ответа. Подойдя ближе, он увидел, что случилось с его машиной. В глазах его засверкали огоньки ярости, и он сжал кулаки в бессильной ярости.

— Ах ты, безмозглая деревенщина! — воскликнул он. — Ну погоди, вот Оборонный центр узнает об этом! Здесь работы на целый месяц — а если бы я не вынул отсюда контроллер для настройки, и года бы не хватило, чтобы отремонтировать все это!

Уэбб против своей воли снова взглянул на машину, и заметил одну вещь, которая раньше не бросилась ему в глаза. Опять же, не представляя, откуда он может знать об этом, он понял, что в грубом Хрони отсутствует какая-то часть — что-то, что должно было быть здесь, и чего не было. Он обжег глазами комнату, полностью игнорируя бородатого человечка, и заметил на одной из полок, тянувшихся вдоль стен, плоский, переливающийся всеми цветами

радуги предмет.

Ноги сами понесли Уэбба к полке, его собственная воля абсолютно в этом не участвовала.

Человечек бросился за ним.

— Эй, ты! Стой! Что ты делаешь?

Уэбб отшвырнул его в сторону, дотянулся до переливающегося предмета и взял его. Человечек тоже потянулся к нему, но силы были неравны. Он отскочил, тяжело дыша, и с криком бросился к двери.

— Помогите! — завопил он, ныряя в самую гущу боя, разгоревшегося за дверью в коридоре. — Помогите мне! Кто-то пробрался к Хрони!

Но он с таким же успехом мог бы говорить шепотом. На него никто не обратил внимания.

Уэбб подождал, пока человечек не скроется за дверью, затем последовал за ним, оказавшись в коридоре, направился в противоположную сторону.

У лифта, возле которого он вскоре оказался, Уэбб остановился все еще находясь во власти все того же странного паралича, который овладел им и заставлял его конечности делать то, чего он сам делать вовсе не собирался. Он видел, что в конце коридора защитники города уже бились врукопашную с численностью значительно превосходившими их противником. Все новые волны нападающих вливались в коридор. Вторжение низкорослых агрессоров было похоже на морской прилив. Из гущи битвы вынырнул солдат и бегом направился к Уэббу, и к лифту.

— Их слишком много! — выдавил он с трудом, запыхавшись, подбежав к лифту и нажимая кнопку вызова кабинки. Но это оказалось совершенно бессмысленным жестом. Как только он прикоснулся к кнопке, сигнальный звонок, помещавшийся над дверью лифта, негромко звякнул и дверь открылась. Солдат случайно заглянул внутрь и отшатнулся.

— Еще трои! — взвыл он. — Мы окружены!

Он хотел было вскинуть оружие, но противники оказались куда более проворными. Из кабины одновременно ударило около дюжины лучей, которые пересеклись на солдате. Он повалился, не издав ни единого звука.

Кем бы ни был тот, кто захватил контроль над телом Уэбба, сейчас как бы выпустил его из-под контроля от изумления. Уэбб, разум которого чуть было не помутился от неуверенности и страха, секунду колебался, затем потянулся к телу солдата, возле которого лежало оружие.

Но это ему не удалось. Его достали не лучом и не пулей, а просто дубиной. Удар по голове вызвал у него в мозгу целый звездопад и вспышку сверхновой в придачу. Затем под черепом вспыхнул все уничтожающий свет и... наступила тьма...

— Да пришибите его и точка! — сказал кто-то над ухом Уэбба необычайно громким голосом. — Это же надземник! Прибить и весь сказ!

Уэбб застонал. Люди, которые жаждали его крови, казалось, гнездились везде, куда бы он ни попал. С трудом он открыл глаза, чтобы хоть взглянуть, как выглядят его нынешние враги. Но у него ничего не получилось. Глаза его широко раскрылись, затем раскрылись еще шире — настолько, насколько позволяли глазные мускулы. Но его по-прежнему окружала темнота — полная и ничем не нарушаемая.

— Я ослеп! — закричал он. — Что вы наделали, дьяволы?

Кто-то около него издал возглас удивления. Чей-то голос с сомнением сказал:

— Он заговорил. Что значит «Ослеп?»

— Все это обычная болтовня надземников, — произнес другой, низкий и более отдаленный голос. — Давайте проголосуем и покончим с этим делом. Я за то, чтобы его прикончить.

Уэбб выругался и попытался подняться на ноги.

— Послушайте, — начал было он, но так и не смог произнести ни слова. Стоило ему пошевелиться, как со всех сторон из темноты на него наваливались тела, мягкие маленькие тела, которые облепили его и прижали к земле просто за счет количества. Изумленный Уэбб пытался сопротивляться. Но их было слишком много, и к тому же в темноте он был беспомощен.

К тому же... он мог поклестаться, что противники его в темноте вовсе не были беспомощны, как он. В их движениях чувствовалась точность и уверенность, на которые темнота никак не влияла. Похоже было, что они могут видеть в темноте — или, что он действительно ослеп.

Он в отчаянии мигнул несколько раз, затем с облегчением вздохнул.

Он стал различать смутные силуэты, окружающие его. С одной стороны то ли тьма была не такой густой, то ли свет сильнее. Место было хотя и темное, но все же не совсем. Он не ослеп.

Одна из призрачных фигур, прижимавших его к земле, отпустила его и поднялась, не спуская, впрочем, глаз с Уэбба.

— Дайте ему вздохнуть, — приказала она. — Больше он не будет вырываться.

— Вы совершенно правы, — согласился Уэбб. — Не буду. Но что все это значит? Кто вы такие?

Над ухом у него снова раздался тот же возглас:

— Он опять заговорил! Так убить его или лучше отвести к боссу?

— Ты сам говоришь как надземник, — откликнулся Уэбб. — Кто ты такой?

— Мы — трог, — заявила фигура, которая стояла поодаль. — Смиг говорит, что ты тоже трог, и мы только поэтому не прикончили тебя до сих пор.

— Конечно, он трог,— уверенно произнес другой голос.— Разве вы не видите? Надземники держали его под замком, а мы освободили его. Конечно, если хотите, можете его прикончить. Мне-то все едино. Но он точно трог!

— Заткнись, Смиг! — сказал кто-то еще.— Ты и так уже подкузьмил нам. Это ведь ты якобы следил за надземниками и утверждал, что они совершенно не готовы к нападению. Это из-за тебя мы заблудились на обратном пути! Так что заткнись!

— Но мы вовсе не заблудились! — возмутился Смиг.— Мы...

— Заткнись! Ты! — это уже относилось к Узббу.— Скажи-ка нам, трог ты или надземщик?

Узбб стряхнул с руки несколько странных маленьких созданий и сел. Теперь он видел немного лучше, хотя с трудом различал детали. Он насчитал около себя с полдюжины трогов. Все они были вооружены. Они находились в длинном узком туннеле, в конце которого виден был какой-то свет. Если сражение, которое они покинули, и продолжалось, то они ушли от него довольно далеко, так как никаких звуков до них не доносилось.

Он прочистил горло.

— Э... надземники утверждали, что я — трог,— протянул он, чтобы выиграть время.— Это все, что мне известно. Хотя пару часов назад я понятия не имел, что означает это слово.

— Слышали? — завопил Смиг.— Он — трог! Так сказали надземники!

— Цыц! — сказал стоящий властным голосом. Ты что, не слышал, как он сам заявил, будто понятия не имеет о трогах? Какой же он тогда трог?

Узбб кашлянул.

— Они имели в виду, что я больше похож на трога, чем на надземника. В действительности, я — не то и не другое, конечно. Я — человек из прошлого!

— А я думал, что он трог,— разочаровано произнес Смиг.— Может нам все-таки лучше пришить его?

— Послушайте,— поспешно сказал Узбб.— Кем бы я ни был, трогом или нет, я могу очень помочь вам. Я знаю, чем занимаются надземники — ведь я только что из города, сами знаете. Вы знаете, например, что они строят Хрони?

Тишина. В конце концов предводитель недоуменно спросил:

— Что?

— Хрони,— повторил Узбб.— Вы что, не знаете, что это такое? Это машина, на которой можно путешествовать во времени. И они собираются использовать ее против вас!

Опять тишина. Узбб услышал, что Смиг и предводитель шепчутся между собой, затем предводитель с отвращением произнес:

— Ну, и дурак же ты, Смиг! Кабы я все время слушал тебя, так давно бы уж спятил. Сначала ты кричал, что не надо его убивать,

потом ты вопил, что нужно его прикончить, а теперь ты заявляешь, что мы должны отпустить его!

— Но он же не в своем уме, — возразил Смиг. — Он сказал «путешествие во времени».

— Неважно, что он сказал. Мы отведем его к боссу, ты понял, Смиг?

— Тогда больше нечего все сваливать на меня, — возмущенно предупредил Смиг. Предводитель ткнул Уэбба под ребра.

— Вставай, — сказал он. — Мы идем к боссу. Он о тебе позаботится.

Уэбб устало поднялся, с умилением вспоминая как хорошо было там, в двадцатом веке, когда никто не стрелял в него и не гонял туда-сюда — по крайней мере, до тех пор, пока Рон Дайнин не ворвался в его тихую квартиру и не притащил за собой ораву Усмирителей. Бедняга Рон Дайнин, подумал он. Скорее всего, его отчаянная попытка продлить жизнь с помощью переселения в мозг Уэбба провалилась.

Или не провалилась? Не мог ли ум Дайнина быть той самой силой, которая овладела его телом в комнате с грубым Хрони? Может быть это как раз Рон смотрел на машину его глазами и разобрался в принципе ее действия — и заставил его подойти к переливающейся штуке на полке?

Вспомнив о загадочном предмете, он пошарил в кармане. Что-то тяжелое и плоское, что-то теплое и пульсирующее было здесь. Он не решился вынимать его и разглядывать, пока вокруг были враждебно настроенные трог, но почувствовал большое облегчение от того, что вещь, которую бородатый старикашка называл контроллером, находилась у него. Каким-то образом она была неотъемлемой частью общей картины.

Сам себе не веря, Уэбб вдруг осознал, что с момента появления Рона Дайнина в его маленькой квартирке прошло всего около суток, если, конечно, не принимать во внимание столетий, пролеглих между тем и нынешними событиями. Так много случилось за последние несколько часов.

Усмирители — сумасшедший полет сквозь время — город и трог — и Мэг.

Особенно Мэг. Уэбб почувствовал, как что-то острое кольнуло его в сердце при воспоминании о ней. Конечно, она была диковата и необузданна в способах ведения боя. Но было в ней что-то, что заставляло сердце Уэбба при воспоминании о ней биться сильнее.

Куда она могла подеваться?

Увидит ли он ее еще когда-нибудь?

Уэбб тяжело вздохнул, и, подгоняемый маленькими трогами, нырнул в узкую темную горловину туннеля, направляясь к отдаленному

пятну света.

Но по мере того, как они подходили к нему все ближе и ближе, среди трогов послышалось негромкое перешептывание.

Наконец, предводитель остановился и сердито спросил:

— В чем дело, Смиг? Ты, кажется, повел нас не тем путем?

В ответе Смига чувствовалась тревога.

— Надеюсь, что все в порядке, — с сомнением ответил он. — В жизни не видел столько света — но могу поклясться — мы пришли совершенно правильно.

— Лучше бы это было так, — в голосе предводителя звучала угроза.

Остальные трогги начали было верещать, но предводитель резко оборвал их.

— Заткните пасти! — грубо прикрикнул он. — Всем надеть защитные очки. Сейчас мы пройдем еще немного вперед и разберемся.

Было уже достаточно светло, и Уэбб увидел, что трогги откуда-то повытаскивали большие темные очки, быстро натянули их и построились в боевом порядке. Теперь, благодаря большим темным кругам на месте глаз и неуклюжим косолапым фигуркам, они показались Уэббу похожими на подразделение подземных медведей — правда, для смеха выраженных в человеческую одежду.

По мере приближения к концу коридора, свет становился все ярче и ярче с каждым шагом. Среди трогов послышался шепот и возгласы изумления.

Когда они подошли к концу туннеля шепот и возгласы стихли — трогги молчали, охваченные ужасом.

— Ух ты! — произнес предводитель. — Ну, ладно, Смиг, ты нам заплатишь за это!

Смиг съехал от страха, и Уэббу, наблюдавшему за происходившим со стороны, стало вдруг жалко маленького гнома. Теперь, при ярком солнечном свете трогги казались скорее не смертельными врагами, а испуганными маленькими 'льфами.

А они и в самом деле были перепуганы до смерти. Ведь туннель, по которому они сотни раз возвращались в центральную пещеру своего народа, теперь обрывался в пустоту обрыва.

Малыши не верили своим глазам.

Подойдя к самому краю обрыва, Уэбб заметил, что пол туннеля немного выступает вперед под открытое небо, а обрыв высотой футов в тридцать кончается совершенно голой пустыней, калящейся под лучами древнего багрового солнца.

ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА

Предводитель трогов устремил на Смига свои непроницаемые темные очки и тот съехал еще больше.

Предводитель некоторое время молча смотрел на него, потом сделал знак остальным трогам. Пятеро из них последовало за ним, они остановились в нескольких ярдах, оставив Уэбба и Смига в устье туннеля.

Разгорелся оживленный спор.

И хотя Уэбб видел, как они горячо жестикулируют, то и дело, показывая на Смига, ни единого слова расслышать было невозможно.

— Что происходит? — спросил он у Смига.

Смиг утер пот тыльной стороной ладони со своего бледного лба обитателя пещер. Он повернул лицо к Уэббу, нижняя челюсть его дрожала.

— Ты веришь в ад, надземник? — спросил он. — Сейчас нас туда отправят!

Уэбб сглотнул.

— Вот как? — выдавил он. — Значит, твои ребята собираются прикончить нас?

Смиг мрачно кивнул.

— Они бы сделали это и раньше, да только не знают, как отобрать у меня оружие. Они не могут больше обременять себя тобой и ужасно злы на меня. Так что с нами конечно, — он поскреб свой морщинистый живот в том месте, где он выглядывал сквозь разорванную одежду.

— Так что, прощай, надземник, — сказал он. — Жить нам осталось недолго.

Уэбб снова сглотнул.

События разворачивались слишком быстро и это ему не нравилось.

Он взглянул на Смига, который отрешенно смотрел на пустынный ландшафт, простирающийся внизу — взглянул на кучу трогов и решил окончательно.

Он направился было к краю туннеля, затем поколебался и посмотрел на одинокого трога.

— Смиг, — спросил он. — Ты хочешь остаться в живых?

Смиг даже не обернулся.

— Заткнись, ты, наземник, — отозвался он мрачно. — Дела и так обстоят хуже некуда.

— Но я в самом деле спрашиваю. Взгляни вниз. Обрыв, конечно, крутой, но не отвесный. Если нам удастся спуститься, то мы убежим.

Смиг с ужасом обернулся.

— Туда, на солнце?— воскликнул он. Но оно убьет меня. Ведь я трог!

— Ну, что ж, пожалуйста,— неприязненно отозвался Уэбб.— А как по-твоему, что сделают с тобой твои товарищи, если ты останешься здесь?

Трог смотрел на него невидящим взглядом. Тогда Уэбб внезапно приблизился к гному и мягко, но твердо толкнул его.

Потеряв равновесие, трог взвизгнул и, скользя, покатился по склону.

Уэбб подождал немного, и, наконец, увидел, что трог благополучно приземлился у подножья обрыва.

Остальные трог, заметив исчезновение Смига, закричали и бросились у Уэббу.

Тогда он и сам бросился по склону, цепляясь руками и ногами, чтобы немного замедлить движение.

Обрыв был почти отвесным. Наклон его составлял не более пятнадцати градусов, но все же оказался достаточным, чтобы замедлить падение.

Уэбб чувствовал, как острые камни царапают его тело, но приземлился все-таки он целым, вскочил и побежал.

— Скорее! — крикнул он трогам на бегу.— Нам нужно где-то укрыться!

Трог поднялся с земли и последовал за ним.

Уэбб знал, что устье туннеля уходит на склон, далеко выступающий вперед. Стоило им пробежать каких-нибудь двадцать ярдов, и они оказались бы за изгибом склона в недосягаемости от оружия трогов — если только те не опередят их.

В этот момент в футах в десяти от Уэбба в землю ударил луч, взметнув фонтан раскаленного песка и камней. Уэбб низко пригнулся и побежал зигзагами. Еще один луч ударил в то место, где он только что находился, и сзади послышался крик боли. Но Уэбб уже обогнул утес и находился в безопасности.

Через полсекунды рядом с ним на землю свалился Смиг.

Бледной рукой он держался за плечо, лицо было искажено гримасой боли.

— Они попали в тебя, Смиг? — с волнением спросил Уэбб.

Троль разразился потоком неразборчивых проклятий.

— Они!? В меня? Как бы не так! Это сверху упал булыжник и чуть было не прикончил меня. Этим умникам не попасть и в стенку перед собой.

— Булыжник?— Уэбб озадаченно посмотрел вверх.

От изумления у него отвалилась нижняя челюсть. С вершины склона на них смотрело лицо. Это была Мэг с пистолетом в руке. Она, казалось, была удивлена не меньше, чем Уэбб.

— Уэбб! — пронзительно закричала она, — Уэбб, миленький, откуда ты взялся?

Уэбб издал вздох облегчения.

— Спускайся сюда,— крикнул он, хотя это было совершенно излишне.

Скользя и перепрыгивая с камня на камень, она уже спешила к нему.

Она приземлилась рядом с ним, и Уэббу пришлось подхватить ее на руки, чтобы она не упала — и вот уже без всякого перехода она в его объятиях, и их губы слиты в поцелуй!

Нескоро он выпустил ее из объятий.

Мэг отступила назад и взглянула на него.

— Слава богу, Уэбб, я так давно ждала этого,— голос ее звучал удивительно мягко.

Уэбб кашлянул.

— Я тоже,— сказал он.— Но где, где ты пропадала все это время?

— В основном я была занята тем, что искала тебя,— улыбнулась Мэг.

— После того, как мне удалось убежать от трогов, этих грязных, подлых, презренных отродий...

— Стоп! — приказал Уэбб. Он указал на тролля возле себя.— Познакомься, это — Смиг, это — Мэг.

— Привет,— сказал Смиг.— Я — трог, надземница,— горделиво добавил он.

Мэг некоторое время рассматривала его.

— Это точно,— наконец сказала она.— Мне уже приходилось встречать трогов. Шестеро ваших напали на меня сзади и утащили, придушив петлей так, что я даже пикнуть не могла, еле дышала. Не знаю, что у них были за планы, да только я изменила их, как только они на секунду отпустили меня. Спасибо этой штуке,— и она похлопала по кобуре.— Если тебе это не нравится, я всегда готова разобраться с тобой,— вызывающе сказала она.— Я из бруклинцев, самой крутой банды на реке.

— Смиг не собирается разбираться с тобой,— поспешил вмешаться Уэбб.— Он на нашей стороне. Продолжай. Что случилось с тобой после этого?

Выражение лица Мэг снова изменилось.

— Я искала тебя, Уэбб,— ласково сказала она.— Я обшарила весь этот поганый город, пока там не стало слишком жарко. Тогда я оставила поиски и решила пробраться к своему глайдеру. Вряд ли я нашла бы его, но это все, что у меня оставалось. К тому же, я наверняка не смогла бы починить его...

— Стало слишком жарко? Ты имеешь ввиду, что за тобой охотились горожане?— прервал ее Уэбб.

— Эти?— презрительно сказала она.— Нет, это были белолицые гориллы, в черных сатиновых шортах, и когда они появились, я решила смыться. Последнее, что я видела, это то, как горожане

пыхтели, отбиваясь от трогов снизу и от горилл — сверху — выстрелы, лучи и еще черт знает что. Игра была для меня слишком грубой.

— Гориллы в сатиновых шортах, — задумчиво повторил Уэбб. Это выражение напомнило ему кое о чем. — Ты имеешь ввиду... и вдруг воспоминание взорвалось в нем, как бомба!

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Да ведь это Усмирители!

— Вот-вот, именно так они себя и называли, — равнодушно подтвердила Мэг. — И усыряли они, должна тебе сказать, просто здорово.

Уэбб окаменел. Усмирители были здесь — и это означало опасность.

Ему вспомнились слова Рона Дайнина — что они будут преследовать и принесут с собой смерть. И они действительно преследовали.

Уэбб подумал об обитателях города, смятых атакой Усмирителей и вздохнул. Очевидно убийцы из будущего намеревались перебить тысячи ни в чем не повинных людей из другого времени — целый город или цивилизацию — только ради того, чтобы схватить Рона Дайнина. Или — тревожная мысль — может они охотятся вовсе не за Дайнином? Не могло ли случиться так, что обманутые сходством строения мозга Уэбба и Дайнина, они напали на след самого Уэбба.

Уэбб судорожно сглотнул и только тут сообразил, что Мэг все еще рассказывает:

...— ближе подойти не могли, и им пришлось оставить машину за пределами турбулентной зоны, и остальную часть пути до Хрони пройти пешком, — она остановилась и удивленно подняла брови, увидев, какое у Уэбба лицо. — В чем дело, Уэбб? — тревожно спросила она.

Он небрежно махнул рукой.

— Так что там насчет Хрони?

— Да ведь я уже рассказывала, — сказала Мэг. — Эти самые Усмирители разыскивают какой-то Хрони. Им нужен парень, который управляет машиной. Они думают, что он скрывается где-то в городе. — Она рассмеялась. — Слушай, честно говоря, я очень рада, что это не я! Уж очень они настойчивые клиенты. Гораздо настойчивее, чем даже старина Хеллгейтс.

— Им нужен Хрони? — прищурился Уэбб. — Интересно! А эта турбулентная зона, о которой ты упоминала, — ты знаешь, что это такое?

— Понятия не имею.

— Я, кажется, тоже. Но мне кажется, что с ней связано множество вещей. То болото, что мы видели — и индейцы, и город, и ты — множество вещей, которые никак не связаны друг с другом, зато, по-моему, они связаны с Хрони — машиной времени, вышедшей из-под контроля. Да, скорее всего так оно и есть!

Он выпрямился и окончательно отпустил ее.

— Если им нужен Хрони, то мне он нужен не меньше. Мы должны, Мэг, добраться до него раньше их. Игра пойдет не на жизнь, а на смерть — и лучше нам обыграть их. Ты сможешь найти отсюда свой глайдер?

— Конечно, — сказала она. — Правда, в этих местах все так перемешалось. Например, не было этой пустыни. Но глайдер я найду.

— А я знаю дорогу от твоего глайдера до Хрони. Мы подловим их, Мэг, пошли!

— И я с вами! — взвыл Смиг. — Не бросайте меня, надземник! Уэбб улыбнулся ему и сказал:

— Что ты, Смиг! У меня и в мыслях такого не было. Пошли.

Пока они пробирались по пустыне, багровое солнце неподвижно висело у них над головами. Мэг приостановилась, и, прикрыв глаза ладонью, взглянула на него. Свет был достаточно ярким, чтобы заставить ее прищуриться, но недостаточно ярким, чтобы заставить ее зажмурить глаза.

— Оно не движется, Уэбб. Отчего это?

Уэбб поднял бровь.

— Я и сам удивляюсь, — ответил он. — Я... у меня даже возникла некая теория. Она немного сумасшедшая, но, с другой стороны, все, что нас окружает, нормальным никак не назовешь.

— Что за теория?

— Ты имеешь какое-нибудь понятие об астрономии, Мэг? — спросил он.

— Только то, до чего дошла своим умом. Мы, бруклинцы, не очень-то занимаемся такими вещами.

— Но ты должна знать, что Земля вращается вокруг своей оси, конечно, если верить астрономам, то земные приливы в конечном счете прекратят это вращение. Тогда Земля для Солнца станет тем же, чем является Луна для Земли — к Солнцу будет обращена всегда одна и та же сторона планеты. А из этого следует — по крайней мере человек на поверхности Земли может так подумать — что Солнце перестало всходить и заходить.

— Ты имеешь ввиду, как это Солнце? — спросила Мэг.

Уэбб кивнул.

— Вот именно. Но только это потребовало бы времени. Много времени. Не пару сотен или не пару тысяч лет, а миллионы. — Он внимательно наблюдал за ее реакцией. — Я думаю, что эта пустыня попала сюда из далекого будущего, — медленно добавил он. — Я не знаю, из какого точно, но ее вид заставляет меня думать, что она также удалена от нас в будущее, как тот палеозойский лес — в прошлом.

— Но я в жизни не была ни в какой машине времени! — запротестовала Мэг.

— А это и ни к чему. Когда Хрони, в котором я путешествовал,

вышел из-под контроля — могло случиться, что угодно. Но на самом деле я думаю, сила, которую он использует, стала действовать во всех направлениях, как ударная волна при взрыве. Небольшие кусочки и сегменты различных эр были захвачены в ловушку силой времени и притянуты к машине. И мне кажется, что машина все еще действует, а эта сила временных сегментов, которую она образовала, очень нестабильна. Хотел бы я знать, что с нами было бы, если бы сегмент, в котором мы находимся — вырвался бы из-под влияния Хрони.

Вмешался Смиг.

— Надземник, не надо так говорить, — нервно заявил он. — Что значит, вырвался из-под влияния?

Уэбб нахмурился.

— Этого здесь раньше не было, — пояснил он. — Как мне, да наверное и Мэг, кажется, именно в этом месте раньше располагалось болото и папоротники. Для тебя в этом месте оборвался туннель, и ты оказался в другой эре, хотя твоя родная пещера наверняка где-нибудь поблизости. Поблизости в пространственном смысле, конечно, но во времени она в миллионах, а может и в сотнях миллионов лет от нас.

Допустим, что пока мы стоим здесь на песке, машина выключится. Эта пустыня очень стара — и солнце тоже. Оно намного больше того, к которому мы привыкли, но намного жарче. Это гаснущее солнце. Я склонен думать, что эта пустыня появилась здесь из дня, предшествующего концу света. И если она высвободится из-под влияния Хрони, мы, скорее всего, окажемся пленниками этого далекого, далекого будущего.

Мэг растерянно моргала, затем она взглянула на Уэбба, а потом на окружающую ее пустыню.

— Я не понимаю, — сказала она.

Уэбб недовольно скривился, и уже собирался снова начать объяснять.

— Уэбб, — сказала она. — Мне кажется, что я и не хочу понимать этого. Брось. — Она указала куда-то ему за спину. — Зато я хотела спросить тебя, что стало с горой, к которой мы направлялись?

Уэбб взглянул в указанном направлении и услышал сдавленное восклицание. Трог тоже глядел туда. Впереди, в милях пяти от них находилась остроконечная гора, служившая им прекрасным ориентиром. Теперь ее не было. Вместо нее они увидели далекий горизонт, искаженный волнами горячего воздуха. В воздухе висело багровое зарево.

— Половина пустыни исчезла, — в ужасе завопил Смиг. — Что случилось?

— Произошел еще один сдвиг во времени, — сквозь зубы произнес Уэбб. — Часть этого сегмента вернулась в свое время. А оставшаяся часть в любой момент может вернуться туда!

— Смотрите,— Мэг уставилась куда-то в сторону далекого горизонта. Пока они смотрели, багровое море рассеялось. Вдали они увидели, как через пустыню несется какой-то сероватый вал. Издали им показалось, что высотой он не превышает пары дюймов.

— Что это?— воскликнула Мэг.

— Не знаю,— растерянно прошептал Уэбб.

Теперь дымка рассеялась окончательно и было видно, как вал меняется на глазах.

Он рос у них на глазах. Вершина гребня побелела, и стала видна летящая во все стороны седая пена.

— Вода! — во все горло заорал Смиг.— Это приливная вода!

Уэбб выругался.

— Ты совершенно прав, трог! Бежим! Если мы возьмем левее, туда, где по словам Мэг находится глайдер, то успеем добраться до возвышенности. Если нам удастся попасть туда — хотя там может оказаться слишком низко. Но здесь — мы утонем наверняка.

И они побежали что было сил.

Впереди несся Уэбб, за ним летела Мэг, а замыкал гонку трог, короткие кривоватые ножки которого были плохо приспособлены для бега.

До места соприкосновения двух эр, где начиналась возвышенность, было примерно с четверть мили — но Уэббу показалось, что бежать им целую вечность. Хотя они и бежали очень быстро, казалось, что приливная волна нагоняет их.

Только что она была милях в двух от них, потом в миле — потом совсем близко, подминая под себя землю как гигантское стадо диких зверей.

Уэбб рискнул обернуться через плечо на бегу и прикинул, что если им повезет, то они могут и успеть.

— Быстрее! — заорал он.

Мэг молча кивнула и стала вырываться вперед. Дыхание, казалось, обжигало легкие Уэбба, каждый удар сердца взрывался в ушах подобно бомбе.

Он споткнулся о небольшой бугорок и чуть не упал, но выпрямился и продолжал бег.

Послышался отрывистый электрический треск, и на вершине бугорка, о который он споткнулся, вспыхнуло электрическое пламя.

Уэбб испуганно вскрикнул и бросился вправо.

Вдалеке горстка черных точек ползла вверх по изрезанному склону.

Одна из маленьких фигурок, стоявшая на вершине небольшого уступа, кажется, показывала рукой на Уэбба и его товарищей какой-то толстой, похожей на жезл штукой, вызвавшей у Уэбба неприятное воспоминание.

Пока он разглядывал все это, на конце жезла что-то сверкнуло

и по направлению к нему понеслась сияющая точка, несущая смерть.

— Усмирители! — кричал Уэбб. — Берегитесь!

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

— Точно! Это они! — пронзительно вскрикнула Мэг. — Те самые бледные дьяволы, которых я видела в городе.

Она ничком бросилась на землю, и над самой ее головой пронесся электрический разряд, разорвавшийся футах в ста поодаль.

Она мгновенно вскочила и вновь понеслась вперед.

• Делая зигзаги, и то и дело припадая к земле, трое беглецов теряли драгоценное время.

Бешенный вал воды нагонял их.

Они почти достигли возвышенности, когда бушующая стена накрыла их. Если бы не рука Уэбба, маленький трог захлебнулся бы в соленой морской воде.

Приливная вода разбилась об уступ, взметнув вверх фонтаны пены и брызг. Слепленные и полузадохнувшиеся, измученные люди остались лежать на опушке соснового бора, еле переводя дыхание.

Но полежать им удалось всего несколько мгновений.

— О'кэй! — выдохнул Уэбб. — Встаем и бежим дальше. Отсюда Усмирители не могут видеть нас, но знают, где мы должны находиться. Так что они обязательно будут здесь.

— Оставь меня, надземник! — жалобно застонал Смиг. — Дай мне умереть спокойно. Мои очки испачканы так, что я не вижу кончика собственного носа. Я полумертв от бег и испуга. Оставь меня здесь!

Мэг улыбнулась человечку.

— Ты все еще жив, трог, — сказала она ему. — Знаешь что, закрой глаза и дай мне твои очки. Я протру их. А после этого нам лучше всего сделать то, что предложил Уэбб.

Уэбб встал и огляделся вокруг.

Они находились в сосновом лесу среди высоких стволов, которые не давали ни малейшего намека на эру, в которой они находились, или на то, были ли в этой эре какие-нибудь люди.

Нахмурившись, он спросил:

— Мэг, ты все еще уверена, что сможешь отсюда привести нас к глайдеру?

Мэг подышала на очки трога и навела окончательный блеск носовым платком.

— Конечно, — ответила она. — Если только твои приятели не помешают нам. Сдается мне, что они стремятся примерно в том же направлении. — Она отдала очки трог, лицо которого было сморщено

в несчастной гримасе от полубесплодных попыток защитить глаза от света. Он поспешно выхватил свои очки у нее из рук и водрузил их на место.

— Ох,— сказал он, и наконец улыбнулся.— Старая добрая тьма!

— Тогда, пошли! — сказал Уэбб.— Сюда, что ли?— спросил он и Мэг утвердительно кивнула.

Тогда они побежали рысцей между деревьями, стараясь производить как можно меньше шума.

Не успели они пробежать и нескольких сотен ярдов, как Мэг тронула Уэбба за плечо и кивнула назад.

На том месте, где их выбросили волны, уже были Усмирители. Фигуры их были едва различимы сквозь деревья, но зато цель была совершенно ясна.

Уэбб видел, как они, подобно огромным гориллоподобным ищейкам, пытаются отыскать следы беглецов.

— Они охотятся за нами,— чуть слышно прошептала Мэг.

Уэбб кивнул и его лицо приняло жесткое выражение. Он знаком приказал девушке и трогу лечь на землю, а сам, пригнувшись и спрятавшись за порослью молодых сосенок, принялся наблюдать за Усмирителями.

Уже через минуту он знал ответ на вопрос, не дававший ему покоя.

Он вернулся к товарищам.

— Они направляются сюда,— прошептал он.— Нам их не обогнать. Эти мальчишки состоят из одних мускулов. Придется драться!

— Я так и знал! Надо мне было остаться в туннеле,— застонал Смиг.

— Заткнись, Смиг! Ведь ты еще жив. У тебя сохранилось твоё ружьё?

Трог мрачно кивнул.

— А ты, Мэг, как насчет твоего пистолета? Ну, вот и отлично!

Вряд ли мои два патрона к люгеру очень помогут, но постараюсь извлечь из них максимум пользы. Попробуем устроить засаду. Ты, Смиг, полезай на дерево. Мэг спрячется в сторонке и постарается прежде всего снять последнего Усмирителя. Я бы не хотел, чтобы твоя хлопушка выпала мне в лицо. Целься не ближе, чем в десяти футах от нас. А я засяду в тех кустах. Они ничем не хуже других. Я стреляю первым.

Мэг молча кивнула и пошла на свое место.

Трог неодобрительно взглянул на Уэбба, но, обернувшись через плечо, заметил признаки движения приближавшихся Усмирителей, беспрекословно взобрался на указанное дерево.

Уэбб подождал с полминуты, затем еще раз выглянул наружу.

Усмирители приближались очень быстро. Они были мрачны и молчаливы, очень походя на какие-то грубые подобию боевых машин. До их подхода оставались считанные мгновения.

Уэбб присел пониже и направил люгер в сторону дерева, к которому первый усмиритель должен был через мгновение подойти...

Показался первый из преследователей. Уэбб прицелился в богатырскую грудь и уже начал было нажимать курок. И тут он заколебался. Что-то внутри протестовало: «Нет!» и он с трудом пытался перебороть в себе этот голос.

Усмирители не были людьми, играющими по правилам и могущими ожидать соблюдения тех же правил от других. Они были зверями, не заслуживающими ничего лучшего, чем быть пристреленными из засады. И все же Уэбб никак не мог спустить курок.

Послышался легкий шорох падающего предмета — сосновая шишка, подумал Уэбб — и первый Усмиритель удивленно взглянул вверх и узрел Смига, сидящего на ветке.

«Вот оно!» — облегченно подумал Уэбб.

Пока Усмиритель поднимал оружие, Уэбб аккуратно прострелил ему сердце, мгновение подождал и выпустил вторую пулю в следующего Усмирителя.

Сверху послышался визгливый звук — это начал действовать излучатель Смига. Уэбб увидел, как сверкающий луч ударил в смуглый силуэт за деревьями.

Усмиритель, в которого Уэбб выпустил вторую и последнюю пулю, был только ранен. Пуля попала ему в плечо, но чтобы остановить эту трехсотфунтовую гору мускулов, требовалось что-нибудь посильнее, чем несколько граммов свинца в медной оболочке.

С воплем ярости, гигант бросился к Уэббу, на ходу прицеливаясь своим жезлом.

Уэбб вскочил и запустил бесполезным люгером в лицо Усмирителя. Он услышал, как тяжелый пистолет с хрустом ударил в лицо преследователя, круша лицевые кости, он увидел, как тот зашатался и быстро нанес ему резкий удар, поваливший Усмирителя на землю.

Повалившийся, но не вышедший из строя, так как одна из дерзоподобных ножиц взметнулась вверх и ударила Уэбба в висок со страшной силой. Перед глазами у того вспыхнули звезды и кометы. Лес закружился перед его глазами. Он удержался на ногах усилием воли и принялся наносить лежащему противнику удары ногами, а затем и кулаками. Гигант еще раз изловчился, зацепил Уэбба и повалил его на себя.

Был момент, когда ему показалось, что он попал в жезло действующего вулкана. Потом Уэбб почувствовал, что летит — это Усмиритель отшвырнул его в сторону и попытался подняться на ноги. Не помня себя от ярости, Уэбб вновь метнулся к нему, и обхватив горло противника рукой, сжал его мертвой хваткой. Жестоких ударов, которые градом посыпались на его тело он уже почти не чувствовал — они повалились на землю — потом абсолютная тьма.

Мэг тормошила его.

— Отпусти его, глупый! — умоляла она. — Он уже минут пять, как мертв!

Уэбб приоткрыл один глаз. Он лежал на спине, а на него сверху как будто слон навалился. Это был Усмиритель, и когда Уэбб разжал, наконец, руку, голова на толстой шее безвольно свесилась на сторону.

Мэг опустилась на колени рядом с ним.

— Ну, и характер! — потрясенно произнесла она, и Уэбб с удивлением заметил, что она плачет. — Сначала он приказывает нам не стрелять вблизи от него, а потом схватывается врукопашную с самым здоровым из этих бугаев. Почему ты не предоставил это дело Смигу? Он прекрасно бы о нем позаботился.

Уэбб оттолкнул от себя тело мертвого Усмирителя и опробовал свое тело. Кажется, переломов не было, и это казалось невероятным.

— Смиг? — переспросил он. — Да у Смига у самого работы было невпроворот. Чтобы перебить всех этих мальчиков вам со Смигом нужно было не меньше дня.

Мэг потрясла головой.

— Как это всех? — недоуменно спросила она. — Их было только четверо. Одного снял Смиг, одного — я, а с оставшимися двумя ты покончил сам.

— Только четверо? — не веря своим ушам повторил Уэбб. — Но почему... — тут земля под ним дрогнула.

Уэбб пошатнулся и, чтобы не упасть, ему пришлось схватиться за Мэг, которая и сама чуть не упала.

— Спокойно, девочка, — сказал он.

— Что это было? — спросила она.

— Понятия не имею, может быть землетрясение. — Он обвел глазами горизонт и взгляд его остановился в той стороне, откуда они пришли.

— Нет, — сказал он, — это не землетрясение. Смотрите!

Над вершинами сосен поднималась белая туча, причем со скоростью, не свойственной обычным туманам. Она была размером уже с огромную гору и поднималась все выше в небо. На высоте примерно пяти тысяч футов ее вершина расплзлась подобно гигантскому зонтику и на его поверхности заиграло какое-то ненатуральное сияние.

— Может, буря? — предположила Мэг.

Уэбб покачал головой.

— Хуже, гораздо хуже, — с трудом вымолвил он. — Я думаю, что произошел еще один сдвиг во времени. Это самый настоящий атомный взрыв.

Мэг разинула рот от изумления.

— Да ведь это довольно дрянная штука, — сказала она. — Старый главарь бруклинцев иногда рассказывал об атомных бомбах. И мне совершенно не хочется иметь с ними никакого дела.

Кстати, тебе не кажется, что эти самые сдвиги что-то очень участились?

— Это точно. И если я не ошибаюсь, то, что с ними произошло, совсем не случайность. В том отряде было не меньше дюжины Усмирителей, а скорее всего человек пятнадцать-двадцать. Это нам следует учесть.

Уэбб устало потер лоб. События чередовались слишком быстро: он почувствовал забавное ощущение отчужденности, как будто все происходящее с ним было далеким и нереальным.

Он с трудом заставил себя продолжать.

— Я думаю, что остальные направились прямо к Хрони. Очевидно, они намерены остановить его. Он мешает работе их аппаратам времени. А чтобы остановить его, им придется повозиться.

— Повозиться?— повторила Мэг.— А что же будет с нами?

— В том то и дело,— кивнул Уэбб.— Я сам не знаю, но на мой взгляд все эти обрывки времени будут меняться, еще некоторое время, пока будет длиться работа. А когда все кончится, они вернутся каждый в свое собственное время, как бы оно не было удалено. Этот лес еще не так плох, но представьте себе, что мы навсегда останемся хотя бы в том золотистом лесу или в пустыне?

— Перестань!— сказала Мэг.— Я не желаю слышать об этом. Что нам делать?

— Что делать?— мрачно отозвался Уэбб.— Нам необходимо добраться до Хрони. И чем скорее, тем лучше.

В небе, где вздымался атомный гриб, появилось множество темных точек. Они загадочно вились, в небе, выделявая всякие сложные фигуры, пока, наконец, одна из них не понеслась к земле, оставляя за собой хвост темного дыма и пламени.

Тогда Уэбб догадался, что это такое: воздушный бой над городом, подвергнувшимся атомной бомбандировке.

Вдруг и самолеты, и атомный гриб исчезли. На их месте появилось прозрачное синее чистое небо. Все трое опять ощутили странный шок.

Уэбб ничего не мог понять.

— Бог знает, что это такое,— прошептал он.— Но, кажется, там довольно холодно.

— А вот там, кажется, довольно жарко,— перебила его Мэг, указывая вправо. Уэбб обернулся и увидел, что в том направлении небо приняло медный оттенок и затянуто клубами подвижного дыма.

— Лесной пожар?

— Может быть, а может ад,— кратко ответил Уэбб.— Разницы для нас никакой. Не будем терять понапрасну время.— Затем остановившись, вдруг сказал:

— Слушайте!

Но прислушиваться не было никакой необходимости. Рев, похожий на рев локомотива, который услышал Уэбб, повторился, совсем

рядом, исполненный невыразимой ярости. Он, казалось, разрывал барабанные перепонки.

Они слышали, как что-то огромное несется через лес напролом по направлению к ним, затем снова слышали рев.

Среди стволов Уэбб мельком увидел, как что-то подбирается к ним, что-то циклопических размеров и ужасно выглядевшее, высотой примерно в три человеческих роста. Существо вскрикнуло в слепой ярости еще раз, прямо на ходу, и Уэббу удалось разглядеть огромную красную пасть, окаймленную невероятно большими зубами.

«ТИРАНОЗАВР!» — подсказало Уэббу сознание.

Смиг в ужасе вскрикнул и застыл, как вкопанный.

— Молчать! — зашипел на него Уэбб. — Может быть он не заметит нас.

Но надежда на это умерла тут же.

Рука Мэг инстинктивно метнулась к поясу и поднялась с ужасным пистолетом наготове.

Голова гигантской ящерицы, стоило ей уловить движение, повернулась и уставилась на них маленькими, полными бешенства зелеными глазами, еле видными за гигантской пастью. Затем с ужасной скоростью рептилия бросилась на них.

Мощный пистолет Мэг рывкнул дважды и два разрыва ухнули где-то среди ветвей в нескольких ярдах от головы чудовища. Смиг стоял, оцепенев и только сжимал свое оружие. Уэбб принялся лихорадочно манипулировать жезлом, который он снял с мертвого Усмирителя. Он сжимал луковичеобразную рукоятку, проклиная себя за то, что не удосужился раньше как следует изучить оружие. С конца жезла сорвался электрический разряд, понесся к чудовищу и ударил его в бедро.

Тиранозавра отбросило назад. Его задние лапы распрямились, а небольшими передними он беспорядочно замахал в воздухе. Раздался вопль, как будто тысячи сирен сошли с ума. Уэбб простоял ровно столько, сколько потребовалось, чтобы выпустить в гигантскую ящерицу еще один разряд, затем крикнул: «Бежим!» остальным.

Неизвестно было, каких усилий стоило бы убить такую машину. Уэбб смутно припоминал, как профессор биологии рассказывал, что динозавры вполне возможно могли жить и сражаться спустя несколько минут после того, как лишались головы или сердца. Но проверять эту теорию не было времени.

Товарищи бросились к прогалине и на краю ее остановились, держа оружие наготове. Обернувшись и прислушавшись, они слышали, как в смертельной агонии тиранозавр все крушит вокруг себя. Гигантские сосны качались, как былинки на ветру, а рев раздавался такой, как от львов в коллизе Нерона.

— Бедная тварь! — вздохнула Мэг.

— Я понимаю, конечно, что ничего хорошего нам от него ждать не приходится, но все равно зрелище очень тяжелое.

Уэбб, соглашаясь, кивнул. Смиг удивленно посмотрел на него.

— В чем дело, надземник?— спросил он.— Это вы все из-за той гадины, что ли? Уж больно вы, надземники, все мягкосердечные!

Он скорчил презрительную гримасу и отвернулся. Тут же глаза его вспыхнули удивлением, а худая рука метнулась к излучателю на поясе. Уэбб успел услышать, как кто-то подбегает к нему со спины, и в тот же миг увидел извивающуюся ленту бледно-голубого пламени, метнувшуюся к нему.

Уэбб чуть не зарычал от изумления и гнева. Из всех полей, на которых они могли бы расположиться, черт дернул их выбрать именно ту, на которой Усмирители ремонтировали Хрони! Он обернулся, чтобы встретить опасность лицом к лицу — но было слишком поздно!

Полдюжины чудовищ в человеческом обличье мчались по направлению к ним с жезлами наготове, и перед каждым висела та самая скользкая голубоватая веревка, которой они связывали Рона Дайнина в квартире Уэбба. И веревка первого уже готова была обвить Уэбба. Тот пригнулся, но недостаточно проворно.

Конец веревки коснулся его руки, вызвав ощущение прикосновения сухого льда. Она обвилась вокруг него, особенно сильно стянув руки, которыми он пытался дотянуться до своего жезла.

Вторая принялась опутывать его, третья...

Вскоре он был опеленат совсем как мумия, покачнувшись и упав на землю.

Падая, он зацепил плечом Смига, а упав на землю, заметил, что Мэг, смотрит на него, спеленатая так же, как и он.

ВОССОЕДИНЕННОЕ ВРЕМЯ

Беспомощный Уэбб лежал на холмике неподалеку от Хрони. Где-то рядом с ним, как он знал, должны были находиться Мэг и Смиг, но увидеть их он не мог. А когда он позвал их, ответом ему были только завывание ветра.

Усмирители не обращали на него никакого внимания.

Как гигантские марионетки, ведомые чьей-то невидимой рукой, они сновали вокруг корпуса Хрони, в восьмером, устанавливая какие-то загадочные механизмы и фокусируя их на корпусе машины.

Они были заняты этим уже около часа и солнце почти зашло, подсвечивая в небе загадочно переплетенные облака.

Временные сдвиги все ускорялись и ускорялись. Со своего места спеленатому Уэббу были видны небеса всех цветов и оттенков — тропические небеса, небеса переполненные жужжащими аппаратами и небеса, не знавшие никогда даже птичьего крика.

Один раз на мгновение возникло небо, в котором висела низкая багровая рыхлая луна — и душераздирающий момент — когда на фоне далекого горизонта появились верхушки гигантских зданий, которые вполне могли быть небоскребами его родного Нью-Йорка!

Границей, за которую не заходили сдвиги времени, оказалась опушка леса.

Очевидно, энергия, излучаемая Хрони, оказывала свое действие только на некотором удалении от него. Но Уэбб заметил, что граница эта постепенно приближалась к Хрони.

За довольно редко растущими деревьями он видел фантастические сцены — гигантские башни из черного льда, сверкающие экипажи, несущиеся по роскошным автострадам, безжизненные песчаные равнины, а однажды даже гигантские океанские волны — и с каждым разом видения становились все ближе и ближе.

— Ты должен поторопиться, Уэбб.

Голос прозвучал где-то рядом с Уэббом. Не веря себе, Уэбб насторожился. Голос явно не принадлежал ни Усмирителям, ни Мэг, ни Смигу...

— Рон, — хрипло пробормотал он, — РОН!

— Точно, Уэбб! Только не надо так громко. Разговаривай со мной в уме.

Уэбб сжал губы и беззвучно произнес:

— Так значит, я был прав, чувствуя, что ты зовешь меня?

— Конечно, Уэбб. Я же говорил тебе, что буду в твоём мозгу. Но связаться с тобой было очень трудно. Это примерно, как учиться управлять ракетой. Ты попадаешь в пилотскую рубку. Вроде и все приборы здесь, и ракета готова к полету, но тебе приходится учиться ею управлять. И я учился. Мне иногда даже удавалось прорываться наружу. Я даже однажды захватил власть над твоим телом, когда мне пришлось...

— Это не тогда ли в городе, — когда я утащил эту штуку?

— Именно. И еще несколько раз. Я... — голос на мгновение прервался. — Я по крайней мере отчасти, ответственен за то, что ты поцеловал девушку тогда в пустыне. Хотя в общем-то ты когда-нибудь сделал бы это и сам. А теперь, Уэбб, слушай, время дорого: Усмирители скоро возьмут Хрони под контроль. Если им удастся это, то для нас все потеряно. Как только Хрони перестанет мешать им связаться со своим временем, будет слишком поздно. Тогда у нас не останется шансов победить их. Но они глупы и бездарны, несмотря на то, что владеют такой наукой. Пока они предоставлены самим себе, а не руководимы более мощным разумом, находящимся за миллионы лет отсюда, у нас остается шанс.

Уэбб ощутил быстрый прилив надежды. Он пытался бороться с ним, разрушить его логикой рассуждений.

— Рон, — в отчаянии сказал он. — Тебе все неизвестно. Я связан так, что даже сам Гудини оказался бы бессилён выбраться из этих

пут. Я не могу пошевелить ни одним мускулом. Но даже если бы я и не был связан — их целых восемь, а я один. И они вооружены.

— Оружие не имеет значения. Даже если бы тебе удалось убить Умирителя, это не помогло бы, так как пока их тела существуют, их можно проследить во времени.

— Тогда что же делать? И все-таки что делать с путами?

— Доверься мне, Уэбб, — торжественно произнес голос. — А что касается всего остального, то я намерен овладеть твоим телом. Только, пожалуйста, не сопротивляйся мне.

Уэбб против желания расслабился и почувствовал, что в мозгу у него разливается странное онемение.

Ощущение было таким, как будто в голове у него разливается какая-то густая сладкая жидкость, успокаивая и делая его безвольным, но в то же время не усыпляя его окончательно. Ощувив странное движение в кончиках пальцев, он заметил, что они шевельнулись без какого-либо участия с его стороны.

Затем шевельнулись пальцы ног, один за другим по порядку. Затем мышцы ног поочередно напряглись и расслабились. Очевидно, Рон Дайнин проверял управление.

Теперь голос был гораздо отчетливее. Как бы невзначай он сообщил:

— Кстати, Уэбб, чего ты еще не понял, так это того, что твои пути живые. Да, да, я говорю о веревках, стягивающих тебя. Примитивная форма электрической жизни всего с одним рефлексом — обвиваться вокруг того, что оказывает сопротивление. Но если бы тебе удалось совсем расслабиться — вот так — и оставаться в этом состоянии, то они постепенно отпустили бы тебя.

Потрясенный Уэбб заметил вдруг, что пути, стягивающие его руки и ноги, мало-помалу ослабевают. Характерное покалывание подтвердило, что в его конечностях снова стала нормально циркулировать кровь. А хватка все слабела и слабела.

— Конечно, трудно расслабиться полностью, — продолжал голос. — И если бы это было мое собственное тело, я вряд ли смог бы расслабиться должным образом. А с чужим телом все обстоит проще. А потом, когда эти штуки совсем отпустят тебя, Уэбб, тогда ты просто должен осторожно снять их с себя — осторожно и тогда — ты свободен!

Глаза Уэбба стали совсем круглыми, когда он увидел, как его собственная рука осторожно приподнимается и касается холодных колец, обвивающих его, затем мягко снимает их с тела и швыряет в сторону.

— Боже милостивый! — пылко произнес Уэбб.

К ужасу своему Уэбб ощутил, что ноги приподнимают его над землей, затем прыжком выпрямляют тело, и вот он уже бежит сломя

голову к Хрони и копающимся рядом с ним Усмирителям.

Он услышал, как глотка его извергает какую-то чепуху, которая возможно была тем ломаным английским, на котором изъяснялись Усмирители — почувствовал, что нагибается, набирает пригоршню камней и начинает швырять ими в остоленевших Усмирителей — понял, что бежит со всех ног по направлению к опушке леса.

Он чувствовал, что бежит неуверенно спотыкаясь — результат не вполне сформировавшегося у Рона чувства чужого тела.

За спиной послышался топот преследователей, в дерево перед ним ударил электрический разряд. Но повернуть голову, чтобы посмотреть, что происходит сзади, он не мог.

Через мгновение он уже был под прикрытием деревьев, продолжая удирать во все лопатки. За одним из деревьев его тело все же приостановилось на секунду и прислушалось. Все восемь Усмирителей мчались по пятам беглеца, на их звериных лицах застыло забавное выражение удивления. И хотя тело его повернулось и вновь бросилось бежать, в голове он услышал спокойный голос Рона Дайнина:

— Они приближаются, Уэбб. Хотя и не очень быстро. Теперь слушай внимательно!

Уэбб, чувствующий, как его бегущее тело продирается сквозь кусты, видевший, как над его головой разрывается целый залп электрических разрядов, сделал слабую попытку вырваться из странного транса, в котором Рон держал его. Он не мог вырваться, а вернее сказать — не осмеливался вырваться из-под контроля.

Теперь все зависело от Рона.

— Слушаю! — сказал он.

— Прекрасно! Сейчас временные зоны пульсируют очень быстро. Это постоянный цикл, я долго присматривался к нему и, кажется, раскусил его. Но меняется все очень быстро. Я не могу управлять твоим телом с нужной скоростью. Поэтому я собираюсь вернуть тело под контроль тебе самому.

— Спасибо, но что мне делать? — спросил Уэбб, беспомощно наблюдая, как на бегу мимо него проносятся деревья и кусты.

— Ты должен добежать до района меняющихся зон. Все время беги, не останавливаясь. Ты не должен оставаться в любой из зон более полминуты — а лучше, еще меньше. Опиши широкий круг и возвращайся к Хроню. Понял?

— Да, но...

— Спорить у нас нет времени. Край первой зоны прямо по ходу. Круг вправо, и помни — торопись! Ну, ладно, получай свое тело!

В голове Уэбба что-то дернулось, и вдруг он снова ожил.

Ветки, за которыми он наблюдал раньше с интересом постороннего наблюдателя, теперь вдруг обрели силу и вес и немилосердно хлестали его по лицу.

Продираясь сквозь заросли, он чувствовал их удары, чувствовал, что легкие будто схвачены огнем от длительного бега.

Тяжело дыша, Уэбб рискнул оглянуться и увидел, что Усмирители несутся за ним, убрав в кобуру свои жезлы. Теперь они быстро догоняют его. Тут Уэбб с размаху налетел на толстенную сосну, помотал головой от неожиданности и быстро обожег ее...

И попал в мир непроницаемой отигийской ночи. Единственное, что разобрал Уэбб, так это то, что воздух был необычайно холоден — да еще, что под ногами у него теперь было что-то мягкое и студенное, совсем не похожее на мягкий покров соснового бора.

Холодная, густая тьма скрыла настигающих его Усмирителей. Он свернул вправо и прибавил ходу. Впереди появилось какое-то мерцающее свечение...

Он налетел на каменный холм, споткнулся и упал. С усилием поднявшись с теплых от солнца камней, он побежал, спотыкаясь на неровностях каменного склона, скользя и пошатываясь. Над головой его нависло глубокое небо, усыпанное звездами, большими и яркими. Звезды казались такими близкими, что стоит протянуть руку и набрать целую горсть. Но на это у него не было времени, потому что впереди уже снова показался лес...

Но не тот, в котором началось преследование. Уэбб вбежал в него и сразу же по самые лодыжки погрузился в теплую жидкую грязь. Он запутался в стеблях каких-то странных растений, и услышал, что лес вокруг него наполнен каким-то странным звуком. Каждый мускул его тела протестовал против непосильной физической нагрузки, легкие жгло как огнем, но все же он из последних сил продирался сквозь чащу...

И тут в его голове снова зазвучал тихий голос, дрожа от сдерживаемого нетерпения:

— А теперь, Уэбб, принимай вправо и беги обратно в сторону Хрони. И торопись!

Уэбб застонал и, выругавшись, с трудом последовал совету. Казалось, он целые века продирается сквозь лианы и теплую жижу. Наконец он почувствовал под ногами твердую землю соснового бора, и вылетел на поляну, где стоял Хрони во всем своем светящемся великолепии, окруженный кольцом механизмов, оставленных Усмирителями. Тут нога его загнулась о корень и он растянулся во весь рост, не испытывая ни малейшего желания подняться на ноги.

Негромкий голос успокоительно произнес:

— Все в порядке, Уэбб! Мы выиграли! Взгляни!

Хватая воздух широко открытым ртом Уэбб поднял голову и взглянул на Хрони. Приборы, кольцом окружавшие его, гудели и вибрировали со все возрастающей скоростью. Да и яркость свечения самого Хрони постепенно изменилась. Бледное перламутровое свечение густело, постепенно превращаясь в ярко-алое, и вдруг с громким странным звуком пропало — корпус стал совершенно темным.

Корректирующие силы аппаратуры Усмирителей приручили в конце концов вырвавшуюся из под контроля Хрони силу.

С пробуждающейся в сердце надеждой, Уэбб увидел, что лес по ту сторону Хрони тих и дружелюбен. Толстые сосны стояли, не шелохнувшись, под серебристым лунным светом. Призрачные видения других эпох пропали. И небо, куда не взгляни, было просто небом, каким оно бывает в любой лесистой местности, родным, усыпанным звездами, с несколькими облачками вместо призрачных башен и незнакомых летательных аппаратов.

Разошедшаяся было ткань времени, была сшита вновь.

— Но где же они?— спросил Уэбб.

— Кто? Усмирители что ли?— в голосе Рона слышался смешок.— А они теперь разбросаны по полдюжине эр. Их разделяют миллионы лет. Можешь больше не беспокоиться о них, Уэбб! С ними кончено. Тем более, что некоторые из этих эпох, были скажем... не вполне дружественны и гостеприимны.

Уэбб приподнялся и огляделся вокруг.

В лунном свете он заметил две фигуры, лежавшие спеленатыми на земле. Мэг и трог. Уэбб поспешил к ним. А голос Рона все звучал в его мозгу:

— Мы не могли победить их в бою. Поэтому, Уэбб, нам пришлось перехитрить их. Если бы они не последовали за тобой — или за мной — или за нами — в общем, тогда бы мы оказались в беде. Но они все-таки побежали. А вот и девушка!

Уэбб склонился над ней:

— Мэг! — ласково позвал он. Затем уже со страхом в голосе.— Мэг! Что с тобой?

— Они парализованы, Уэбб,— донесся до него спокойный голос Рона.— Но паралич скоро пройдет. Через некоторое время. Слушай, дай-ка мне твою руку!

Уэбб почувствовал, что рука его немеет, потом послушная чужой воле, рука протянулась и коснулась основания шеи девушки. Пальцы нашли место, где нервные окончания выходили прямо под кожу и принялись массировать его вращательными движениями.

Мэг пошевелилась и вздохнула.

— Она придет в себя через минуту,— произнес голос Рона.— Усмирители просто хотели убрать их с дороги. Думаю, что они собирались оставить их здесь умирать. Для тебя, естественно, у них было припасено кое-что другое.

— Готов поклясться, что это так,— сказал Уэбб. Он взглянул на хрупкое тельце Смига.

— А как насчет него?— спросил он.

— Дай мне еще раз твою руку.— И пока пальцы нащупывали нужное место на хрупкой шее Смига, голос Рона произнес:

— Ты ведь знаешь, Смиг меня интересует особенно. Ведь его

народ был предком моего народа. В войне между горожанами и трогами победили в конце концов трогги. И все человечество моего времени произошло от них.

Когда горожане обследовали тебя в своей лаборатории, мне пришлось в голову, что они были совершенно правы, определив тебя как трогга. Ведь мое сознание неотделимо присутствовало в твоём. А мой мозг — это мозг трогга, хотя и немного более развитый.

— Минутку, — прервал его Уэбб. — Я хотел спросить тебя об одной вещи, Рон. Ты мне очень нравишься, сам знаешь, и я ни в коем случае не хотел бы причинить тебе боль. Но я очень хотел бы знать, собираешься ли ты все время вот так находиться в моем сознании?

Наступило молчание, затем вновь зазвучал голос Рона, спокойный и дружелюбный.

— Я понимаю тебя, Уэбб, — сказал он. — И... не надо бояться, я уйду вглубь твоего мозга, туда, где я ни буду не видеть, не слышать, не чувствовать — пока ты сам не позовешь меня, — и только в этом случае я выйду наружу. У тебя есть контроллер, который я украл для тебя там, в городе. Когда ты подойдешь к Хрони, ты должен заменить им вышедший из строя собственный контроллер машины времени. Ты вполне справишься с этим. И тогда, Уэбб, все время в твоём распоряжении. А тем временем я уйду.

Мэг беспокойно пошевелилась, как будто просыпаясь после глубокого сна.

Уэбб потянулся к ней и обнял.

— Всего хорошего, Рон, — сказал он. — Ты понимаешь меня, не так ли?

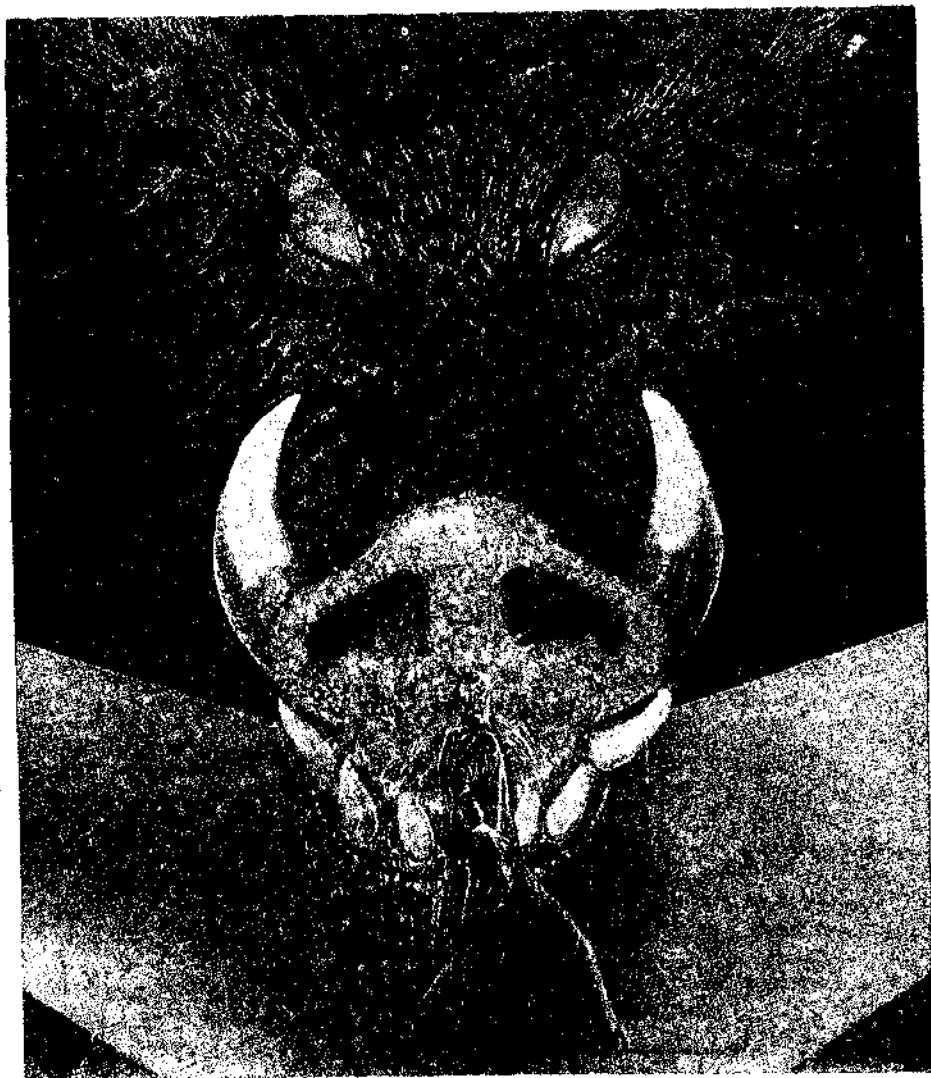
Ответа не последовало, только где-то в глубине сознания послышался призрачный звук сдавленного смеха.

Уэбб улыбнулся и громко сказал вслух:

— Просто я хотел бы быть уверенным, что когда я целую Мэг, это именно моя идея.

Еще раз послышался смехок, теперь совсем почти неслышный. А затем наступила тишина.

МУТАНТЫ

1

Симон Кресс жил один в старой полуразрушенной усадьбе среди скалистых холмов, в пятидесяти километрах от города. У него не было соседей, которым он мог бы оставить своих животных, когда по делам надолго отлучался из дома. С соколом-стервятником не было никаких проблем — он жил в гнезде на заброшенной колокольне, и сам добывал себе пропитание. Пищу Кресс выгнал наружу и предоставил собственной судьбе — маленькое чудовище будет обжираться скальниками, улитками и птицами. Серьезную проблему представлял аквариум с самыми настоящими земными пираньями. В конце концов он просто бросил туда говяжий окорок. Если он задержится дольше, чем нужно, пираньи могли сожрать друг друга. Так уже было. Это его забавляло.

К сожалению на этот раз он задержался основательно. Когда же он вернулся, все рыбы были уже мертвые. Не было в живых и сокола-стервятника. Не было в живых и соколо-стервятника. Его съела пищуха, забравшись на колокольню. Симон Кресс был раздражен.

На следующий день он полетел глиссером в Эсгард, путешествие длиной около двухсот километров. Эсгард был первым по величине городом Бальдура. Он также гордился обладанием самого старого и большого космопорта. Кресс любил показывать своим друзьям животных, которые были необычными, интересными и дорогими, а Эсгард — это то место, где их можно было купить.

Однако в этот раз ему не везло. Хозяин «Ксенолюбимчиков» свернул свои дела, в «Эфран — продажа Домашних Животных» ему попытались всучить еще одного сокола-стервятника, а «Таинственные Воды» не могли ему предложить кого-нибудь более экзотичного, чем сверкающих акул, пираний и паукообразных кальмаров. У Кресса когда-то это все уже было — сейчас ему хотелось чего-нибудь нового.

Сумерки застали его на Радужном Бульваре, куда привела поисковая ностальгия. Бульвар, лежащий в непосредственной близости от космического порта, был окаймлен рядами магазинов фирм, занимающихся импортом. Большие магазины привлекали длинными красочными витринами с товарами на войлочных подушках на фоне темных таинственных штор. Между ними теснились маленькие магазинчики

со всяческой рухлядью — узкие, ободранные забегаловки, витрины которых были завалены всевозможным внебальдурским хламом.

Потом уже рядом с портом он наткнулся на необычный магазин. Прежде Кресс здесь не был. Магазин занимал небольшое одноэтажное здание, втиснувшееся между «Эйфория-баром и бордель» и храмом Сестер Тайны. Чем ближе к концу, тем более подозрительным становился Радужный бульвар. Магазин был необычным, захватывающим. Витрину заполнял туман, то бледно-красный, то серый похожий на настоящий, то снова золотисто-красный. Подсвеченный изнутри, туман клубился и закручивался вихрями. Кресс наплывом замечал на витрине какие-то вещи — машины, произведения искусства и другие предметы, которые он не смог распознать, так как не успел приглядеться. Туман кружил вокруг них очень хитроумно, показывая фрагмент то одной, то другой вещи, потом снова закрывал все. Это интриговало.

Пока он смотрел, туман начал формироваться в буквы. Только одно слово. Кресс остановился и прочитал:

ВО и ШЕЙД.

АРТЕФАКТЫ. ИСКУССТВО. ЖИВОТНЫЕ И ДР.

Буквы задержались. Сквозь туман Кресс заметил какое-то движение. Это было для него достаточно. Это, а также слово ЖИВОТНЫЕ в рекламе. Он перебросил свою прогулочную пелерину через руку и вошел в магазин.

Внутри он почувствовал себя дезориентированным. Помещение казалось огромным, значительно больше, если судить по размерам фасада. Оно было подсвечено мягким светом, тихим и спокойным. Потолок составляла звездная панорама со спиральными туманностями, очень темная и реальная, необыкновенной красоты. Деликатная подсветка прилавков подчеркивала очертания выложенных на них предметов. Низко лежащий туман застилал пол наподобие ковра. Местами он поднимался почти до колен, при каждом шаге вращаясь вокруг ног.

— Чем могу вам служить? — женщина, казалось вышла прямо из тумана.

Высокая, худая и бледная, одетая в практически серый комбинезон и странную, маленькую шапочку, сильно сдвинутую на затылок.

— Вы ВО или ШЕЙД? — спросил Кресс. — Или, может, только продавщица?

— Яла Во, к вашим услугам, — ответила она, — Шейд не встречается с клиентами. Мы не содержим продавцов.

— У вас довольно большой магазин. Странно, что я о вас никогда не слышал.

— Здесь, на Бальдуре, мы открыли свой филиал совсем недавно, но у нас есть магазины на других планетах. Что вы хотите купить?

Произведения искусства? Вы коллекционер? У нас есть скульптура, вырезанная из хрустала, с Норт'алюш.

— Нет,— сказал Симон Кресс.— У меня есть все фигуры, которые я бы хотел иметь. Я пришел посмотреть какой-нибудь талисманчик.

— Живой?

— Да.

— Иноземный?

— Естественно.

— Мы можем вам предложить передразнивателя. Из миров Цели. Маленькая, маленькая обезьянка, не только научится говорить, но и подражать вашему голосу, его модуляциям и мимике лица.

— Миленькая? — сказал Кресс.— Самая обычная? Этого мне не нужно. Я хочу чего-нибудь экзотичного. На самом деле необычного. И совсем не миленького. Я не терплю миленьких зверей. У меня сейчас живет пищуха. Она завезена из Скота и стоит большие деньги. Время от времени я ее подкармливаю ненужным кошачьим пометом. Вот что я имею ввиду, когда говорю о миленьких созданиях. Я понятно выражаюсь?

Во загадочно усмехнулась:

— Было ли у вас когда-нибудь животное, которое оказывало бы вам божественные почести?

Кресс скривился:

— О, время от времени. Я не нуждаюсь в восхищении, а только ищу развлечений.

— Вы меня неправильно поняли, я имею ввиду божественную честь в буквальном смысле этого слова,— сказала она, все еще загадочно улыбаясь.

— О чем вы говорите?

— Я считаю, что у меня есть возможность заинтересовать вас. Пожалуйте за мной.

Она провела его между светящихся прилавков и длинному в тумане переходу под фальшивыми созвездиями. Они прошли в другую часть магазина и задержались перед большой пластиковой емкостью.

«Аквариум», — подумал Кресс.

Во подозвала его жестом руки. Он подошел ближе и увидел, что ошибся, это был террариум. Внутри находилась миниатюрная пустыня, площадью около двух квадратных метров, она поблескивала нерешительным багрянцем. Скалы: базальт, кварц, гранит. В каждом углу террариума стоял замок. Кресс посмотрел внимательно. Сделал поправку. Стояло только три замка. Четвертый уже осунулся, был покрыт трещинами и напоминал сказочные руины. Остальные три, сделанные из камня и песка, были не такие уж красивые, но целые. На их стенах в округлых портках сновали маленькие создания. Кресс прижал лицо к пластику:

— Насекомые? — спросил он.

— Нет, эта форма жизни значительно сложнее. А также более

разумна. Разумнее, по крайней мере, чем ваша пищука. Это песочники, так они называются.

— Насекомые, — сказал Кресс, отходя от террариума. — Меня не волнует насколько они сложные.

Он сделал недовольное лицо.

— И, пожалуйста, не пытайтесь меня одурачить сказками о их разуме. Они слишком малы, чтобы иметь самые простые нервные узлы.

— Они имеют общее для всего сообщества сознание, — сказала Во. — Для одного замка в их случае. В это террариуме на самом деле находится только три организма. Четвертый умер. Вы видите, что замок разрушен.

Кресс посмотрел на террариум.

— Общее сознание... интересно... — он снова скривился. — Несмотря на это я вижу лишь большую муравьиную ферму. Я надеялся на нечто лучшее.

— Они воюют друг с другом.

— Воюют? — Кресс снова посмотрел на террариум.

— Прошу обратить внимание на цвета, — сказала Во, указывая на создания в ближайшем замке.

Одно из них взбиралось по стене террариума. Кресс внимательно осмотрел его. Он все еще видел в нем только насекомое. Величиной с ноготь, шестиногое, с шестью микроскопическими глазками, размещенными вокруг туловища. Грозные клешни сжимались и разжимались, а пара длинных чувствительных усиков чертила в воздухе сложные узоры. Эти усики, клешни, глаза и сами ноги были смолисто-черными, однако темно-оранжевая окраска панциря доминировала над всем остальным.

— Это насекомое, — повторил Кресс.

— Это не насекомое, — мягко возразила Во. — Когда песочник достигает больших размеров, панцирный экзоскелет сбрасывается. В емкости этой величины это невозможно.

Она взяла Кресса под руку и провела вокруг террариума к следующему замку.

— Пожалуйста, посмотрите на цвета здесь.

— Посмотрел.

Это были другие. Эти песочники имели светло-красный панцирь, а усики, клешни и глаза и ноги были желтыми. Кресс нашел взглядом третий замок, его жители были белыми с красными добавками.

— Гмм...

— Они даже заключают соглашения. Именно благодаря союзу был уничтожен четвертый замок в этом террариуме. Черные слишком размножились, поэтому остальные объединились, чтобы их уничтожить.

Кресс был все еще скептичен.

— Несомненно, это забавно. Но животные также воюют друг с другом.

— Насекомые не молятся.

— Что?!

Во усмехнулась и показала на замок. Кресс присмотрелся к нему внимательно. В стене самой высокой башни было вырезано лицо. Он его рассмотрел. Это было лицо Ялы Во.

— Как?..

— Я показываю внутри емкости свою голограмму и держу ее там в течение нескольких дней. Облик бога, вы понимаете? Песочники имеют зародыши псионических способностей. Ну, это телепатия небольшой силы. Я их кормлю, всегда нахожусь поблизости, а они меня чувствуют и боготворят, украшая свои строения моим лицом. Они на всех замках, не видите?

И на самом деле было так. Лицо Ялы Во на всех замках было мягким и спокойным. И полным жизни. Кресс восхитился артистизмом этих барельефов.

— Как они это делают?

— Передние ножки выполняют одновременно функции рук. У них есть даже что-то вроде пальцев, три маленьких гибких отростка. Кроме этого, песочники очень хорошо сотрудничают, как во время битв, так и во время работы. Прошу отметить, что представители одного и того же цвета имеют общее сознание.

— Пожалуйста, расскажите о них поподробнее,— сказал Кресс.

Во улыбнулась.

— Матка живет внутри замка. Матка — это мое определение. Это существо является одновременно желудком и родительницей. Она величиной с кулак и не способна к движению, а остальные особи — это рабочие и воины. Главой является матка — королева.

Это разделение на полы иногда вводит в заблуждение. Каждый замок, рассматриваемый как единое целое, является единым организмом-гермофродитом.

— Что они едят?

— Движущиеся едят пульпу, несколько переваренную пищу, которую получают внутри замка. Матка работает над приготовлением еды несколько дней. Их желудки не вынесли бы ничего другого, поэтому, если матка погибает, они тоже умирают. А матке, матке все равно, что она ест. Это вам не будет стоить ничего. Остатков обеда вам будет вполне достаточно.

— А живой корм?

Во пожала плечами.

— Да, матки едят движущихся других замков.

— Это интересно,— признался Кресс.— Если бы они еще не были такими маленькими.

— Ваши могут быть больше. Эти песочники маленькие, так как этот террариум маленький. Они приспособливают свои размеры к

доступному пространству. Если их перенести в нечто большее, они начнут расти.

— Гм... Аквариум, в котором я держал пираний в два раза больше, можно бы его очистить, наполнить песком...

— Фирма Во и Шейд сделает все. Мы почтем за честь...

— Естественно, я надеюсь,— сказал Кресс,— что получу четыре нетронутых замка.

— Конечно,— ответила Во.

И они начали торговаться.

2

Через три дня Яла Во вместе с усыпленными песочниками и рабочими, которые должны были заняться их размещением, появились в усадьбе Симона Кресса. Ее ассистенты были чужаками, принадлежавшими совершенно неизвестной Крессу расе, приземистыми, двуногими, с четырьмя руками и вытаращенными многозрачковыми глазами. Их кожа напоминала наждак, усыпанный странными отростками и пятнами. Во отдавала приказы на протяжном певучем языке, который Кресс никогда не слышал.

Все работы были закончены в течение дня. Аквариум перенесли в центр большого салона. До чиста выскребли. На две трети заполнили песком и обломками скал. Со всех сторон для удобства зрителей поставили диваны. Затем провели освещение, специальную систему, не только обеспечивающую песочникам их любимый красный цвет, но так же дающий возможность показывать внутри аквариума голограммы. Наверху была смонтирована мощная крышка со специальным отверстием для кормления.

— Отсюда вы их сможете кормить не снимая крышки,— объяснила Во.— Это исключит риск побега.

В крышку вмонтировали так же устройство искусственного климата, которое поддерживало внутри аквариума соответствующую влажность.

— Воздух должен быть сухим, но не слишком,— сказала Во.

По окончании монтажа один из четырехруких рабочих вошел в аквариум и выкопал в каждом углу глубокую яму. Его коллега вручил ему спящих маток, вынимая их одну за другой из замораживающей кассеты, в которой они были принесены. В них не было ничего особенного, Кресс подумал, что они более всего напоминают кусок жилистого испорченного мяса с огромным ртом. Рабочий закопал их по одной в каждом углу аквариума. Затем крышка была окончательно закреплена и рабочие вышли.

— Тепло разбудит маток,— сказала Во.— Через несколько дней начнут появляться движущиеся и выходить на поверхность. Пожалуйста, не жалейте для них корма. Им потребуется много сил, прежде чем они будут готовы к самостоятельной жизни. Я думаю, что замки

начнут расти через какие-нибудь три недели.

— А мое лицо? Когда они начнут вырезать мое лицо?

— Пожалуйста, включите голограмму где-то через месяц. И будьте терпеливы. Если вы будете иметь какие-то сомнения, пожалуйста, звоните нам. Фирма Во и Шейд к вашим услугам. Она поклонилась и вышла.

Кресс подошел к аквариуму и щелкнул переключателем. Внутри было тихо и спокойно. Он нетерпеливо постучал пальцами по пластику и пожал плечами.

3

На четвертый день Крессу показалось, что внутри песка началось движение. Какое-то слабое подземное движение. На пятый день он увидел первых песочников. Белых. На шестой день он насчитал их уже целую дюжину, белых, красных, черных. Оранжевые запаздывали. Он бросил в отверстие крышки полусгнившие остатки своей еды. Песочники сразу же их почуяли, двинулись к ним и потащили в свои углы. Не воевали. Кресс был немного разочарован, но решил, что даст им немного времени.

Оранжевые песочники появились на восьмой день. К этому времени другие уже начали носить маленькие камешки и строить неуклюжие фортификации. Все еще не воевали. Были еще маленькими, в два раза меньше, чем те, которых он видел в магазине Во. Но он подумал, что они растут довольно быстро. Замки начали расти в середине второй недели.

Организованные батальоны притаскивали к своим углам тяжелые куски песчаника и гранита, другие клешнями и конечностями сдвигали туда песок. Кресс купил пару увеличительных стекол, благодаря которым он мог наблюдать их работу на всей территории. Он кружил и кружил вдоль пластиковых стенок и смотрел. Это было захватывающе. Замки были бесцветными и слишком однообразными, но он нашел из этого выход. На следующий день он вместе с кормом вбросил немного обсидиана и обломки окрашенного стекла. В течение нескольких часов песочники вмонтировали их в стены.

Первым был закончен замок черных. Вскоре после этого встали крепости красных и белых. Оранжевые были последними, как обычно. Кресс брал еду в салон и ел, сидя на диване, чтобы непрерывно вести наблюдения. Он надеялся, что война возникнет в любую минуту.

Симон был разочарован. Проходили дни, замки росли все выше, обширнее. Кресс отходил от аквариума только за тем, чтобы удовлетворить свои физиологические потребности и отвечать на срочные телефонные звонки, касающиеся его дел. Но войн не было. Раздражение Кресса росло.

В конце концов, он перестал их кормить. Два дня после того,

как еда перестала падать с их пустынного неба, четыре черных песочника окружили и втянули к своей матке одного оранжевого. Сначала их искалечили, отрезая клешни, усики и конечности, потом через главные ворота внесли в свой миниатюрный замок. Он оттуда уже не вышел. Часом позже свыше сорока оранжевых промаршировали через пустыню и атаковали угол черных. Их было очень мало по сравнению с высыпавшими из замка защитниками. Война превратилась в резню. Убитые и умирающие стали кормом для матки.

Сияя от счастья, Кресс поздравил себя за сообразительность. Когда на следующий день он бросил остатки своего обеда, тут же между тремя уголками разгорелась борьба. Белые одержали великую победу.

С этого дня войны возникали одна за другой.

4

Спустя месяц после того, как ему привезла песочников Яла Во, Кресс включил голографический проектор и его лицо было материализовано внутри аквариума. Оно медленно вращалось вокруг оси, чтобы все четыре замка были поровну наделены его взглядом. Это свое лицо он считал удачным — оно верно показывало его шельмоватую улыбку, широкие губы и полные щеки. Голубые глаза блестяли, седые волосы были старательно уложены в модные полукольца, брови тонкие и подрисованные.

Вскоре песочники взялись за работу. В это время Кресс кормил их чрезвычайно щедро. Войны прекратились. Вся активность была направлена на созидание алтарей.

Лица Кресса появились на стенах замков. Сначала все четыре барельефа казались ему одинаковыми. Однако вместе с ходом работ Кресс начал замечать тонкую разницу в технике исполнения. Красные песочники были наиболее искуснее — они использовали маленькие кусочки сланца, чтобы передать седину его волос. Идол белых показался ему молодым и задорным. Но лицо, вырезанное черными, хотя оно и было доскональным линия к линии, поразило его добротой и мудростью. Оранжевые песочники были как обычно последними и самыми плохими. Войны не были для них удачными и их замок по сравнению с другими казался очень бедным.

Тот облик, который они вырезали, был топорным и лишенным жизни, и казалось, что они собираются таким его и оставить. Кресс почувствовал себя глубоко оскорбленным, когда заметил, что перестали над ним работать, но ничего не мог поделать.

Когда все песочники перестали работать, он выключил голограмму и решил, что настало время сделать прием. Он может инсценировать

для них войну. Радостно напевая, он занялся составлением списка гостей.

5

Прием был огромным успехом.

Кресс пригласил тридцать человек: горсточку своих близких, разделяющих его интересы, друзей, несколько бывших любовниц, а также коллекцию конкурентов в делах и политических противников, которые не могли себе позволить игнорировать его приглашение. Он знал, что некоторые из них будут угнетены или оскорблены его песочниками. Он на это и рассчитывал. Кресс считал бы прием неудавшимся, если бы кто-то из гостей не ушел с него в бешенстве.

Под влиянием минутного импульса он прибавил к списку имя Ялы Во.

— Если вы хотите, то можете привести с собой Шейда,— сказал, передавая ей приглашение, Симон.

Факт, что Во приняла приглашение, несколько его озадачил.

— Шейда не будет,— сказала она.— Он не принимает участие в таких приемах. Я же охотно проверю на месте, как ваши песочники себя чувствуют.

Он заказал различные изысканные блюда.

Когда уже затихли многочисленные разговоры и большинство гостей до бессознательности упились вином и объелись лакомствами, он шокировал их, собирая в тарелку остатки со стола.

— Идите все,— сказал он.— Я хочу вас представить своим новым любимцам.

Неся миску перед собой, он провел их в салон.

Песочники выполнили все, что он хотел, Кресс морила их голодом в течение двух последних дней, и сейчас они были в боевом настроении. На глазах столпившихся гостей, обеспеченных увеличивающимися очками, песочники провели великолепную войну за брошенную еду. По ее окончании Кресс насчитал почти шестьдесят трупов. Красные и белые, которые заключили в последнее время союз, завоевали большую часть добычи.

— Кресс, вы омерзительны,— сказала Кэт м'Лейн. Она жила с ним в течение некоторого времени два года назад, пока ее трогательный синтентализм чуть не привел его к сумасшествию.

— Было глупо, что я снова сюда пришла. Я думала, что ты изменился и хочешь попросить у меня прощение,— она никогда не могла простить его, после того, как пищуха съела ее маленького песика.

— Н и к о г д а больше меня не приглашайте.

Она прошествовала со своим настоящим любовником под взрывами всеобщего смеха. Остальные гости имели множество воп-

росов.

— Где ты добыл этих созданий? — допытывались они.

— В фирме Во и Шейд Импорт, — ответил Кресс, вежливым и галантным жестом показывая на Ялу Во, которая весь вечер стояла в сторонке и молчала.

— Почему они украсили стены замков твоими портретами?

— Я являюсь для них источником добра. С этой стороны вы все меня знаете, не правда ли?

Послышались сдавленные смехи.

— Будут ли они снова воевать?

— Естественно, но не сегодня. Не беспокойтесь, будут дальнейшие приемы.

Яд Раккис, ксенобиолог-любитель, начал говорить о других общественных насекомых и войнах, которые они проводят.

— Эти песочники забавны, но в них нет ничего особенного. Почитайте, например, о земных красных муравьях.

— Песочники не являются насекомыми, — резко сказала Яла Во, но Раккис был в ударе, и никто не обратил на ее слова никакого внимания.

Кресс улыбнулся ей и пожал плечами. Млада Блейн предложила на следующие схватки делать ставки, все с этим согласились и начали оживленную, почти часовую дискуссию на тему правил и ставок. В конце концов, гости стали расходиться. Яла Во была последней.

— Итак, — сказал Кресс, когда они остались одни, — мне кажется, что мои песочники являются боевиком номер 1.

— Они развиваются очень хорошо. Уже сейчас они больше, чем мои.

— Да, за исключением оранжевых.

— Да, я заметила. Они малочисленны и их замок находится в плачевном состоянии.

— Ну что же, кто-то должен проигрывать, — сказал Симон. — Оранжевые позже всех появились на свет и обстроились. Сейчас на них это уже отражается.

— Простите, могу я спросить, достаточно ли вы кормите своих песочников?

Кресс пожал плечами.

— Я иногда устраиваю им пост. Благодаря этому они становятся веселее.

Яла сморщила брови.

— Нет никакой нужды морить их голодом. Позвольте им воевать только по тем поводам, которые они найдут. Борьба заложена в их природе. Вы будете свидетелем необычно тонких и сложных конфликтов. Постоянные вызываемые голодом войны унижительны и лишены изящества.

Кресс ответил ей раздражено.

— Вы находитесь в моем доме Во и здесь я решаю, что является

унизительным. Я кормлю песочников так, как вы мне советовали, но они не хотят воевать.

— Вы должны вооружиться терпением.

— Нет,— ответил Симон.— Я все-таки являюсь их хозяином и богом. Почему я должен ждать, пока они захотят? Они не воевали так часто, как я хотел. Я это исправил.

— Понимаю. Я скажу об этом Шейду.

— Это не ваша забота.

— Ну что же, мне не остается ничего другого, как пожелать вам спокойной ночи,— отрешенно сказала Во и посмотрела на него полным отвращения взглядом.— Наблюдайте за своими лицами. Внимательно следите за своими лицами,— предупредила она.

После ее ухода Кресс с интересом подошел к аквариуму и присмотрелся к замкам. Его подопытия находились на своих местах как и всегда. Может только... Быстро одел увеличивающие очки. Даже тогда разницу было трудно поймать. Но ему казалось, что выражения лиц изменились. Улыбка стала слегка искривленной, так что в ней появилась тень подлости. Это было очень тонкое изменение, если вообще что-либо изменилось. В конце концов, Кресс пришел к выводу, что это ему показалось.

6

В течение нескольких следующих месяцев Кресс вместе с горсткой близких своих знакомых собирались, чтобы поиграть в «войну». Сейчас, когда прошло первое восхищение песочниками, Кресс больше времени уделял своим делам и обязанностям в свете, не следя за аквариумом. Но он любил устраивать для своих друзей одну или две войны. Поддерживая своих воинов в постоянной боеготовности, на голодной пайке. Это сильно отразилось на оранжевых, число которых до того уменьшилось, что Симон начал задумываться, не случилось ли что-нибудь с их маткой. Но другие чувствовали себя совсем не плохо.

Иногда ночью, когда Кресс не мог заснуть, он брал бутылку вина и шел в освещенную красным полусветом гостиную. В одиночестве пил и часами смотрел в аквариум. Обычно, где-то происходила война, а если нет, то он легко ее провоцировал, вбрасывая на середину немного еды.

Во время своих еженедельных встреч они начали, как это предложила Млада Блейн, делать ставки. Кресс выиграл, ставя на белых, которые стали самой сильной и многочисленной колонией в аквариуме. У них был процветающий замок. Однажды Кресс открыл крышку и бросил еду не как обычно на середину аквариума, а поблизости от их замка. Таким образом, другие песочники, желая добыть себе пропитание, должны были этот замок атаковать. Пробовали. Белые великолепно оборонялись. Кресс выиграл у Раккиса

сто стандартов.

Раккис терял на этих играх огромные суммы. Он претендовал на широкие знания о песочниках, утверждая, что со времени первого приема много о них прочел. Кресс подозревал, что это только пустые разговоры, так как, когда дело доходило до ставок, ему всегда не везло. Кресс также пытался узнать, из какого мира они происходят. Но в каталоге даже не было такого термина. Он хотел позвонить Во и спросить об этом. Однако появились другие дела и вопрос происхождения песочников утонул в памяти.

В конце концов Раккис, потери которого достигли тысячи стандартов, появился на встрече, неся с собой под мышкой маленькую пластиковую коробку. В ней находилось напоминающее паука создание, покрытое нежным золотистым волосом.

— Песчаный паук, — сказал он. — С Катедей.

Сегодня после полудня я получил его от «т'Эферан». Обычно им удаляют мешочки с ядом, но этот не тронут. Принимаешь заклад, Симон? Я хочу получить свои деньги обратно. Я ставлю тысячу стандартов, что песчаный паук покончит с песочниками.

Кресс присмотрелся к закрытому в пластиковую тюрьму животному. Песочники выросли и были, как сказала Во, в два раза больше, чем ее собственные — однако, при этом создания они смотрелись карликами. Кроме того у него был яд, а у песочников нет. Но их было страшно много. Их войны в последнее время стали немного скучными. То изменение, какое нес этот вызов, заинтересовало Кресса.

— Хорошо, — сказал он. — Ты дурак, Яд. Отряды песочников будут подходить до тех пор, пока твое мерзкое создание не сдохнет.

— Это ты дурак, Симон, — ответил Раккис с улыбкой. — Катедейский паук питается в основном созданиями, которые живут в норах, шелях. Только смотри внимательно, он подойдет к замкам и сожрет всех маток.

Среди всеобщего смеха Кресс внезапно потерял хорошее настроение. Этого он не учел.

— Ну, начинаем, — с раздражением сказал он и налил себе стакан доверху.

Паук был несколько больше, чтобы поместиться в отверстие для корма. Двое из гостей помогли Раккису убрать крышку и Млада Блейн вручила ему коробочку. Он вытряс паука в емкость. Чудовище приземлилось на миниатюрной дюне недалеко от замка красных, потеряло ориентацию и в течение некоторого времени стояло неподвижно, только челюсти работали без перерыва, а ножки вызывающе подергивались.

— Ну, дальше, — поторопил его Раккис. — Ну, давай.

Все собрались в тесный кружок вокруг аквариума. Кресс нашел и одел свои очки. Если он и потеряет тысячу стандартов, то хоть насладится неописуемым зрелищем.

Песочники заметили чужака. В одну минуту в замке замерло движение. Маленькие красные создания стояли неподвижно. Паук двинулся в сторону многообещающих ворот. С высокой башни на него безразлично смотрело лицо Симона Кресса.

Тут же началась бурная активность. Ближайшие песочники сформировали два клина и по песку бросились к пауку. Все больше воинов выступало из внутренностей замка и создавало тройную линию обороны для защиты входа, за которым находилась матка. Из пустыни в спешке подтягивались призванные на войну разведчики.

Битва была принята.

Наступающие песочники приблизились к пауку. Клешни вцепились в ножки, туловище. Красные воины взбирались по золотистым ножкам на спину агрессора. Кусали и терзали его. Один из них добрался до глаза. Распорол его тонкими желтыми усиками. Кресс усмехнулся и показал на это Риккису.

Но песочники были маленькими, у них не было яда. Паук не задерживался, его ноги стряхивали атакующих, разбрасывая их во все стороны. Щеки, с которых стекал яд, находили других, оставляя сломанные замирающие трупы, уже более дюжины песочников лежали мертвыми. Паук двигался все дальше и дальше. Прошел прямо через тройную линию стражников перед замком. Ряды замкнулись вокруг него, покрыли его, бросаясь в страшную схватку. Кресс заметил, что один из отрядов отрезал ногу. Часть защитников карабкалась на стены замка и прыгала, приземляясь на дрожащем волнующемся клубке.

Паук, совершенно невидимый под кишашей красной массой, вполз в темноту ворот и исчез.

Яд Раккис глубоко вздохнул.

— Чудесно, — сказал чей-то голос.

Млада Блейн странно захихикала.

— Смотри, — сказала Идди Норедиан, потянув Кресса за рукав.

Они были так заняты происходящим в замке красных, что не обращали внимания на остальную часть аквариума. Но замок успокоился, пески опустели и только трупы песочников покрывали их. И они увидели.

Поблизости замка красных были подтянуты три армии. Они стояли совершенно неподвижно в идеальном порядке ряд за рядом, оранжевые, белые и черные. Они смотрели, кто выйдет из темноты. Симон усмехнулся:

— Санитарный кордон. Посмотри на другие замки, Яд.

Раккис посмотрел и выругался. Отряды песочников песком и камнями закрывали ворота. Если пауку удастся выбраться из замка, у него не будет доступа к остальным.

— Я должен был принести четыре паука, — сказал Раккис. — Однако, я все равно выиграл. Мой паук сейчас там внизу пожирает твою проклятую матку.

Кресс не ответил. Ждал. В темноте что-то двинулось.

Внезапно красные песочники стали выливаться из ворот широким потоком. Они быстро карабкались на стены замка и начали ремонт повреждений, которые нанес паук. Ожидające армии рассыпались и отступили в свои углы.

— Яд, я думаю, что ты знаешь, кто сейчас кого пожирает,— сказал Симон.

7

Неделю спустя Раккис принес четыре тонких серебряных змеи. Песочники расправились с ними без особых проблем.

Потом Яд сделал попытку с большой черной птицей, которая съела больше тридцати белых песочников, и, метаясь, почти полностью уничтожила их замок. В конце концов крылья у нее устали, и песочники, как только она приземлилась, атаковали ее большими силами.

Следующим их противником были насекомые. Покрытые панцирем жуки, немного отличающиеся от них самих. Невероятно глупые. Объединенные силы оранжевых и черных сломали и рассеяли их ряды. Вырезали одного за другим.

Раккис начал давать Крессу векселя.

Примерно в это время Кресс снова встретил Кэт и м'Лейн. Это произошло во время обеда, который происходил в его любимом ресторане в Эстраде. Он на минуту задержался у ее столика, рассказал о своих военных играх и пригласил в гости. Она покраснела, затем снова приобрела над собой контроль и стала холодной.

— Кто-то должен тебя остановить, Симон,— сказала она.— Думаю, что это буду я.

Кресс пожал плечами, занялся великолепным обедом и больше не думал о ее угрозах.

До момента, когда появилась невысокая женщина у дверей и показала ему полицейский знак.

— К нам пришла жалоба,— сказала она.— Имеется ли у вас террариум с насекомыми, Кресс?

— Это не насекомые,— ответил он, скрывая раздражение.— Пожалуйста, я вам покажу.

Увидев песочников, она покачала головой.

— Нет, это невозможно, это не пройдет. Что вы вообще знаете об этих созданиях? Знаете ли вы из какого они мира? Были ли они утверждены биологическим советом? Имеете ли вы разрешение? Нам донесли, что они едят мясо. Вероятно, они опасны. Нас также информировали, что они имеют ограниченное сознание. А вообще, откуда они у вас?

— Я их купил у Во и Шейд,— ответил Кресс.

— Никогда о них не слышала. Вероятно, контрабанда. Никто бы это не утвердил. Нет, Кресс, это не пройдет. Я хочу конфисковать у вас эту емкость и уничтожить. Вам следует уплатить денежный штраф.

Кресс предложил ей сто стандартов, предложив забыть это дело. Она фыркнула:

— Сейчас я должна добавить к обвинениям против вас попытку взятки.

Даже предложение двух тысяч стандартов не принесли ему успеха.

— Вы знаете, это будет нелегко,— сказала она.— Надо заново заполнить формуляры, уничтожить записи. Кроме того, много времени займет фальшивое разрешение, не говоря о человеке, написавшем заявление. Что будет, если он снова позвонит?

— Оставь это мне,— сказал Кресс.— Я прошу предоставить ее мне.

8

В течение минуты он продумал все. В этот вечер пришлось кое-куда позвонить.

Прежде всего он позвонил в магазин «Г'Эфран Продажа Домашних Животных».

— Я хотел бы купить собаку,— сказал он.— Щенка.

Толстый торговец вытарашил на него свои глаза:

— Щенка? Это не похоже на тебя, Кресс. Загляни к нам, у нас великолепный выбор.

— Я хочу щенка определенного вида,— сказал Симон.— Запиши, я продиктую тебе, как он должен выглядеть.

Потом он выступал номер Идди Норедиан.

— Идди, я хочу, чтобы ты появилась у меня сегодня с голливизионным аппаратом. Я желаю отснять одну драку. В качестве подарка для одной из моих подруг.

9

В ту ночь, когда он сделал запись, Кресс не мог заснуть. Он только что просмотрел целый драматический спектакль, приготовил себе небольшую закуску, выкурил две сигареты и расправился с бутылочкой виски. Довольный собой, он со стаканом в руке вышел в салон.

Свет был погашен. Тени, шедшие от террариума, пылали болезненным горячим блеском. Он подошел, чтобы посмотреть на свое королевство.

«Интересно, как черные справляются с ремонтом своего замка?» Щенок разрушил его до основания. Остались одни руины. Ремонт происходил довольно быстро.

Когда Кресс через увеличительные очки присматривался к их работе, он краем глаза заметил лицо на башне. Оно его поразило.

Он отодвинулся, заморгал, сделал мощный глоток вина и снова поглядел.

Лицо, которое он увидел, было его лицом, но неправдоподобно-искривленным. Щеки были в полосках, как у кабана, улыбка превратилась в злобную гримасу. Это было мерзко.

В беспокойстве он стал ходить вокруг аквариума, чтобы разглядеть другие замки. Все лица немного отличались, но решительно все они имели то же выражение.

Оранжевые обошлись без тонкостей: результатом был облик чудовища, полные жестокости уста, бездушные глаза. Красные наделили его сатанинской кривой усмешкой. В уголках его губ скрывалось что-то страшное, неприятное.

Белые, его фавориты, вырезали жестокого богача-дегенерата.

В бешенстве он бросил в стену стакан с вином.

— Как вы смели, — прошипел он. — Неделю вы ничего не получили! Я вас научу!

Ему в голову пришла мысль. Он выбежал из салона, чтобы через минуту явиться с древним железным мечом метровой длины, остро отточенным. Он усмехнулся, встал рядом с аквариумом и отодвинул крышку с одного угла. Перегнулся вниз и ударил, стоявший в этом углу замок белых. Потом замахал мечом, разбивая стены, башни и галереи. Барахтающиеся песочники были засыпаны песком и камнями. Четким движением кисти он уничтожил наглую оскорбляющую карикатуру, работу песочников. Потом он остановил меч над темной, ведущей к матке, ямой и со всей силой опустил его. Он услышал мягкий шлепок и почувствовал сопротивление. Белые песочники задрожали и упали. Довольный, он вытащил меч обратно. Через минуту он посмотрел на содеянное. Острие меча было влажным и скользким. Белые песочники через какое-то мгновение вдруг снова задвигались. Шатаясь, медленно, но двигались.

Он приготовился задвинуть крышку над этим углом и перейти к следующему, как вдруг почувствовал, что по руке что-то ползет. Он закричал, выпустил меч и резко провел рукой по коже. Песочник упал на ковер. Кресс раздавил его каблуком и потом долго топтался на месте, пока не превратил песочника в бесформенную массу. Дрожа от возбуждения, он закрыл и зафиксировал крышку. Он выбежал в душ и внимательно себя осмотрел. Свою одежду он старательно вскипятил.

После нескольких стаканов вина он вернулся в салон. Ему было стыдно, что он испугался одного песочника. Но снова открывать аквариум у него не было ни малейшего желания. С этого момента крышка будет постоянно закрыта. Его жгло желание покарать остальные замки.

Решил найти идею в следующем стакане вина. И правда, на него

нашло вдохновение. Он улыбаясь, подошел к аквариуму и ввел небольшую поправку в систему регулирования влажности воздуха.

Прежде, чем он заснул на диване, сжимая в руке новый стакан вина, замки разрушались, размывались под струями дождя.

10

Его разбудил гневный стук входной двери. Он уселся, все еще пьяный, череп раскалывался от боли. «Похмелье от вина сильнее», — подумал Симон. Встал и неуверенным шагом пошел в прихожую. Перед порогом стояла Кэт м'Лейн.

— Ты скотина, — сказала она. Лицо ее опухло от слез. — Я плакала всю ночь, но никогда больше, Симон, никогда больше.

— Спокойно, — сказал он, держась за голову, — у меня похмелье.

Проклиная, она отпихнула его в сторону и вошла в дом. Из-за угла вынырнула пищуха, словно привлеченная шумом. Она сплюнула на нее и вбежала в салон. Кресс безуспешно пытался ее догнать.

— Остановись на минуту. Куда? — сказал Кресс. — Ты не можешь...

Внезапно он задержался и окаменел от ужаса. Кэт в левой руке держала тяжелый молоток.

— Нет...

Она направилась прямо к террариуму.

— Ты очень любишь этих милых созданий, правда, Симон? Ты можешь жить вместе с ними!

— Кэт! — заорал Кресс.

Схватив молоток в обе руки, она со всей силой направила его на стену аквариума. Звук удара взорвал Крессу череп. Однако пластик выдержал. Она снова прицелилась. В этот раз раздался треск, и на стенке появилась сетка трещин.

Кресс бросился на нее, когда она подняла руку для третьего удара. Кувыкаясь, они упали на пол. Кэт выронила молоток и схватила Кресса за горло, пытаясь его задушить. Он вывернулся и укусил ее за плечо. В конце концов, они встали друг против друга, тяжело дыша.

— Посмотри на себя, Симон, — сказала она мрачно. — Кровь капает у тебя изо рта. Ты выглядишь, как один из твоих любимцев. Как это тебе нравится?

— Убирайся, — сказал он, заметив меч, лежавший на полу. Там, где он бросил его вчера. Он поспешно его подобрал.

— Убирайся, — сказал он, размахивая им, чтобы добавить веса своим словам. — Не пытайся подойти к аквариуму.

Она засмеялась.

— Ты не осмелишься, — сказала она и наклонилась, чтобы поднять молоток.

Кресс закричал и ударил. Прежде чем он осознал, что произошло,

железное острие мягко вошло в грудь Кэт. Она посмотрела на него удивленно, потом опустила взгляд к мечу. Кресс отскочил.

— Я не хотел,— застонал он.— Я хотел только...

Из нее лилась кровь, она умирала, но каким-то чудом держалась на ногах.

— Ты чудовище,— смогла сказать она, захлебываясь от крови.

Повернувшись и из последних сил бросилась на аквариум. Уже поврежденная стенка треснула, и Кэт рухнула, засыпанная лавиной песка, грязи и пластика. Кресс истерически тонко завизжал и вскочил на диван. Из кучи обломков стали появляться песочники. Проходили по телу Кэт. Некоторые из них двинулись в разведку поперек ковра. За ними пошли другие.

Кресс смотрел, как формируются колонны — живой волнующийся треугольник. Идущие в его центре песочники что-то несли, нечто скользкое и бесформенное, кусок пульсирующего сырого мяса величиной с человеческую голову. Колонна двинулась вперед, отдаляясь от аквариума.

Кресс не выдержал и убежал.

11

До самого полудня он не мог набраться смелости, чтобы вернуться.

Убегая, он подбежал к глассеру и, дрожа от страха пролетел к ближайшему городу, находящемуся в пятидесяти километрах отвиллы. Там, наконец-то в безопасности, он вошел в маленький ресторанчик, выпил несколько чашек кофе, закусывая таблетками от похмелья, заказал довольно плотный обед, после чего к нему вернулось чувство равновесия.

Это было страшное утро, но переживания не облегчали ситуации. Он заказал еще чашечку кофе и с холодным рационализмом оценил обстановку.

Кэт м^с Лейн погибла от его рук. Мог ли он об этом сейчас сообщить, защищаясь тем, что это было непреднамеренное, случайное убийство, скорее нет. Он пронзил ее навывлет, а кроме человека, подавшего жалобу, полиция оставила ему песочников. Он должен убрать все улики. У него была надежда, что Кэт не успела никому сказать, куда собиралась утром. Вероятнее всего, она не сказала. Его подарок прибыл к ней не раньше вечера. Она утверждала, что всю ночь плакала. Была одна, когда у него появилась. Очень хорошо, у нее одно тело и один глассер, который он должен уничтожить.

Оставались песочники. Они могли доставить больше хлопот. Без сомнения, за это время они уже убежали; он представил их в своем доме, в его постели, в одежде, в еде и его пробрала дрожь. Усилиями воли он подавил парализующее отвращение. Убить их не так уж трудно. Он не должен гоняться за каждым в отдельности. Только

четыре матки. Это все. Это пройдет. Матки были большие, он видел. Он их найдет и уничтожит.

Прежде, чем полететь домой, он навестил несколько магазинов. Купил крепкий, покрывавший все тело комбинезон, несколько мешочков таблеток, используемых для уничтожения скальников, а также канистру с распылителем, содержащую сильный пестицид. Купил магнитное приспособление для перевозки грузов.

После приземления методически принял за работу. Прежде всего магнитным подъемником прицепил к своему глассеру Кэт. Осмотрев его, он улыбнулся. В первый раз за день фортуна повернулась к нему лицом. На переднем сиденье лежал кристалл, содержащий запись борьбы щенка с песочниками. Этот кристалл был одним из поводов для беспокойства. Когда глассеры были уже подготовлены, он одел комбинезон и вошел в дом за телом Кэт.

Его не было.

Он старательно пошарил в песке, без сомнения — тело исчезло. Неужели Кэт жива и сумела отползти куда-то в сторону. Сомнительно, но все-таки он решил обыскать весь дом. Такой поспешный осмотр ничего не дал, он не нашел тела, а также и песочников. У него не было времени на тщательный обыск, так как у его двери стоял нежелательный глассер. Он решил попробовать чуть позже.

Около семидесяти километров к северу от его усадьбы лежала цепь активных вулканов. Он полетел туда, неся с собой глассер Кэт. Над одной из дымящихся вершин он выключил магниты и долго смотрел, как глассер медленно исчезает в озере лавы.

Когда он вернулся домой, уже смеркалось. Это позволило ему сделать перерыв. Минуту взвешивал он возможность возвращения в город и проведения там ночи, но быстро отказался от этой мысли. У него много работы. Опасность не устранена. Он разбросал вокруг дома отравляющие таблетки. Никто не посчитает это подозрительным. Кресс не посчитает это подозрительным. Кресс всегда имел проблему со скальниками. Покончив с этим и наполнив канистру пестицидами, он вернулся домой. Он прошел все комнаты, включая свет, и задержался в салоне, чтобы собрать осколки стекла и песок и забросить их обратно в аквариум. Как он и опасался, все песочники убежали. Размытые замки остались, съездившись. То, что осталось, быстро разваливалось.

Он сдвинул брови и искал дальше, с канистрой за плечами.

Тело Кэт м'Лейн он нашел на полу своего самого глубокого подвала.

Оно лежало растянувшись у начала крутой лестницы, с вывернутыми будто от падения ногами. Кожа тела была покрыта песочниками. Пока Кресс переваривал это зрелище, тело дрогнуло и немного передвинулось по покрытому грязью полу.

Он засмеялся и крутанул регулятор света. В противоположном углу между двумя стойками для вина притаился небольшой земляной

замок с темной дырой у основания. На стене подвала Кресс заметил невыразительный рисунок своего лица.

Тело снова дрогнуло и на несколько сантиметров сдвинулось в сторону замка. Кресс представил себе белую, ожидающую, нетерпеливую и голодную матку. Все, что она может поместить в себе, то это только ступню, но никак не целую Кэт. Это слишком абсурдно. Он засмеялся и, придерживая пальцем отверстие шланга, стал спускаться вниз. Канистра болталась за спиной. Песочники бросили тело и построились в защитные линии, поле белизны между ним и маткой. Внезапно Крессу пришла в голову мысль. Он усмехнулся и опустил вооруженную шлангом руку.

— Кэт всегда было очень трудно переговаривать, — сказал он, восхищенный своей шуткой. — Особенно с вашими-то размерами. Я вам помогу. В конце концов, зачем нужны боги?

Он побежал вверх и через минуту вернулся с топором. Песочники терпеливо ожидали и присматривались, в то время как Кресс разрубал тело Кэт на маленькие, готовые к перевариванию, кусочки.

12

В эту ночь он пал в комбинезоне с канистрой пестицида на расстоянии вытянутой руки. Но его не пришлось использовать. Белые остались в подвале, а на других он до сих пор не наткнулся.

Утром он закончил уборку салона. В нем не осталось никаких следов борьбы, кроме разбитого аквариума.

Он съел легкий завтрак и снова занялся поисками исчезнувших песочников. Днем найти их было совсем не сложно. Черные разместились в саду среди скал, строя замок из обсидиана и кварца. Красных нашел на дне неиспользуемого плавательного бассейна, частично заполненного годами сносимым ветром песком. Он видел песочников двух цветов, которые сновали по всей усадьбе, и многие из них несли своим маткам таблетки яда.

Кресс пришел к выводу, что пестицид уже не понадобится. Нет никакой нужды рисковать без особой необходимости, если можно подождать, пока яд сделает свое дело. К вечеру обе матки должны быть мертвыми.

Осталось только найти оранжевых. Кресс обошел всю усадьбу несколько раз по расширяющейся спирали, однако нигде на них не наткнулся. Истекая потом, день был сухим и жарким, а комбинезон очень плотным, он решил, что это не так уж важно. Если они тут и были, то наверняка уже ели таблетки вместе с черными и красными.

Возвращаясь домой, он с удовлетворением раздавил несколько песочников, которые попались ему под ноги. Внутри он сбросил комбинезон, съел великолепный обед и лег отдохнуть. Все было пол-

контролем. Две матки вскоре перестанут существовать. Третья находилась в месте, где ее легко было ликвидировать, когда она перестанет быть необходимой. У него не было сомнения в том, что ему удастся найти и четвертую. Тело Кэт перестало существовать — все следы уничтожены.

Из раздумий его вырвало мигание экрана телефона. Звонил Яд Ракис, желая похвастаться какими-то всепоглощающими червями, которые он имел желание принести на сегодняшние военные игры.

Кресс совершенно забыл об этом, но быстро успокоился.

— О, извини, Яд! Я должен был тебе раньше это сказать. Мне уже все это надоело и я от них отказался. Мерзкие маленькие чудовища. Мне очень жаль, но приема сегодня не будет.

Ракис был возмущен.

— Что я буду делать со своими червями?

— Вложи их в корзину с фруктами и пошли своей любимой— сказал Кресс, прерывая связь.

Он быстро позвонил остальным гостям. Ему не хотелось, чтобы кто-то бродил по его усадьбе до тех пор, пока живы песочники.

Когда он позвонил Идди Норедиан, Кресс понял, что допустил промах. Экран опустел, указывая на то, что вызов не принят. Кресс отключился. Идди появилась часом позже, в обычное время. Была несколько удивлена, что прием не состоится, но довольная перспективой провести вечер один на один с Крессом. Он развлекался ее рассказом, как Кэт отреагировала на отснятую голограмму. При этом он убедился, что Идди никому не сказала об их шутке. Он кивнул головой и с удовольствием снова наполнил бокалы. В бутылке осталось уже несколько капель.

— Мне придется принести новую— сказал он— Пойдем со мной в подвал, ты мне поможешь выбрать. У тебя всегда был лучше вкус, чем у меня.

Она пошла с ним довольно охотно, однако перед спуском в подвал, когда он предложил ей войти первой, она заколебалась.

— Почему выключен свет?— спросила она— И этот странный запах, что за странный запах? Симон?

Она слегка удивилась, когда он ее толкнул. Падая с лестницы Идди вскрикнула, Кресс захлопнул дверь и начал забивать ее досками, которые вместе с гвоздями и молотком приготовил и оставил здесь заранее. Когда он закончил, Идди закричала.

— Больно мне,— звала она.— Симон, что это?

Внезапно она запищала. Минутой позже раздался страшный крик. Он не замолкал несколько часов.

Кресс, желая от него отгородиться, пошел в сенсорий и выступал заказ на пошленькую комедию.

Когда он убедился, что с Идди покончено, Кресс оттащил ее

глиссер на север и сбросил в вулкан. Магнитный трал оказался хорошей инвестицией.

13.

На следующее утро, когда он спустился вниз, чтобы проверить все ли в порядке, Кресс услышал странные, напоминающие шуршание звуки, которые доносились из-за двери подвала. Несколько минут он слушал, размышляя, неужели это Идди выжила и сейчас скреблась в дверь, желая выбраться оттуда. Маловероятно, это должно быть, песочники. Он решил держать двери закрытыми, по крайней мере, еще какое-то время. Взяв лопату, чтобы похоронить черную и красную матку под развалинами их собственных замков, он нашел их в великолепном здравии. Замок черных, усыпанный снующими песочниками, поблескивал от вулканического стекла. На самой высокой, достигающей ему до пояса, башне Кресс увидел отвратительную карикатуру своего лица.

Увидев его, черные прервали работу и построились в две грозные фаланги. Он оглянулся и увидел, что другие отрезают ему дорогу назад. Пораженный, он бросил лопату и поспешно выбежал из лощины, раздавив по пути несколько черных панцирей.

Замок красных взбирался по стене бассейна. Матка для безопасности разместилась в щели, окруженной песком, бетоном и укреплениями. Красные песочники сутились по всему дну бассейна. Кресс заметил группы, несущие в замок скальника и большую ящерицу. От удивления он отступил к краю бассейна и услышал шорох. Три песочника взбирались по его ноге. Он их сбросил и старательно растоптал, но к нему спешили другие. Они были крупнее по размеру. Некоторые из них достигали величины большого пальца.

Он побежал, когда очутился в доме, сердце его бешено стучало, не хватало дыхания. Он захлопнул дверь и поспешно закрыл ее на замок. Его дом по проекту был непроницаем для насекомых. А внутри он будет в безопасности. Крепкий дринок ему немного успокоил нервы. «Значит, яд им не повредил», — подумал он, — «Об этом надо было думать раньше». Во предупреждала его, что матки могут есть практически все. Надо использовать пестицид. Он выпил для ровного счета еще один дринок, одел комбинезон и прикрепил канистру к спине. Открыл дверь. Снаружи его ждали песочники.

Против него стояли обе армии, объединенные перед общим врагом, более многочисленные, чем он мог бы себе представить. Проклятые матки размножались как скальники. Песочники были повсюду, словно ползущее море.

Кресс поднял шланг и открыл затвор. Серый туман покрыл ближайшие ряды. Он водил рукой то в одну, то в другую сторону.

Там, где стелился туман, песочники скручивались и подышали в конвульсиях. Для него это не противник. Распылив пестицид

широким взмахом, он смело шагнул вперед, прямо по покрову из красных и черных тел. Армии отступили. Кресс двинулся, решив пробиться через них к маткам.

Бегство тут же прервалось. Тысяча песочников рванулась к нему волной.

Кресс ожидал контрудара. Он удержал позицию, сметая на пути все своим туманным мечом. Песочники шли на него и умирали. Некоторые пробились, он не мог распылять яд, так чтобы охватить все наступающие отряды. Он почувствовал, как они взбираются по ногам, как их клешни впустую пытаются разрезать укрепленный пластиком комбинезон. Кресс злобно продолжал распылять.

Потом он почувствовал мягкие удары по голове и плечам.

Симон задрожал, обернулся и посмотрел вверх. Стена его дома жила, покрытая сотнями песочников. Они взбирались, прыгали и как дождь падали на него и вокруг. Один приземлился на маске лица, пытаясь в течение короткого времени, пока Кресс не сбросил его, подобраться к глазам.

Кресс поднял отверстие шланга, опрыскивая воздух и поливая дом, распылял пестицид до тех пор, пока не уничтожил находящихся над ним песочников. Ядовитый туман упал на него, раздражая горло. Он кашлял и распылял дальше. Когда фронтон его дома был полностью чист, он направил внимание на землю. Они были повсюду, вокруг него и за ним. Десятки бегали по его телу, сотни других спешили, чтобы к ним присоединиться, он направил струю в их сторону.

Через минуту струя пестицида прервалась, Кресс услышал громкое шипение за плечами, сзади выплыло смертоносное облако, окружая его, сдавливая дыхание и опалая глаза. Он провел ладонью вдоль шланга и убрал ее, покрытую подышающими песочниками. Шланг был перерезан — они полностью перекусили его.

Покрытый туманом пестицида, ослепленный, Кресс завопил и бросился в сторону дома, по дороге сбрасывая с себя маленькие тела.

Он вбежал в дом, закрыл двери и бросился на ковер. Долго переворачивался туда и обратно, пока не убедился, что раздавил всех песочников. Канистра, уже пустая, слабо постукивала. Кресс сбросил комбинезон и вбежал под душ. Острая горячая струя его обварила, кожа покраснела и стала чувствительной, но ее перестало щипать.

Он нашел свой кожаный костюм, очень тяжелый, нервно вытрясая его перед этим.

— Холера, холера, — бормотал он.

Горло совершенно пересохло. После старательного осмотра холла, убедившись, что там нет песочников, он решил немного отдохнуть. Он сел и налил себе дринк.

— Холера, — повторил он.

Ладонь его дрожала, и часть напитка пролилась на ковер.

Алкоголь успокоил его, но страха не убрал. Он выпил второй

стакан и осторожно подошел к окну. По толстому пластиковому стеклу бродили песочники. Он вздрогнул и отступил к аппарату связи. Подумал, необходимо вызвать кого-нибудь на помощь. Он позвонит властям региона, придут полицейские с огнеметами и...

Он прервался на половине набранного номера и застонал. Нельзя вызывать полицию. Он должен будет рассказать о белых в подвале, и полицейские найдут там тела. Наверняка матка уже расправилась с Кэт, но не с Идди Норедиан. Она даже не разрублена. Кроме того остались кости. Нет, полицию можно вызывать только в самом крайнем случае.

Сморщив лоб, он уселся возле телефонного аппарата. Та аппаратура, которой он обладал, занимала всю стенку. С ее помощью он мог соединиться с каждым жителем Бальдура. Он был богат и сообразителен — Кресс всегда гордился своей сообразительностью. Как-нибудь с этим справиться.

Какое-то время он рассчитывал, не позвонить ли Во, но тут же от этого отказался. Во слишком много знала, будет задавать вопросы. Он ей не доверял. Нет, ему нужен кто-то, кто сделает все, что ему будет поручено без лишних вопросов.

Морщины исчезли со лба и на лице появилась улыбка. Кресс имел контакты. Он набрал на клавиатуре давно забытый номер.

На экране материализовалось женское лицо, обрамленное белыми волосами, лишенное эмоций, с длинным кривым носом.

— Симон,— сказала она энергичным, молодежьим голосом— Как дела?

— Великолепно, Лиссандра,— ответил Кресс.— У меня для тебя есть работа.

— Кого-то надо убрать? Моя цена поднялась после твоего последнего поручения, Симон. Уже прошло десять лет.

— Ты получишь все, что захочешь. Ты знаешь мою щедрость. Мне нужно уничтожить насекомых.

Она слабо улыбнулась.

— Можешь называть вещи своими именами. Линия экранирована.

— Нет, я говорю серьезно. У меня есть проблемы с вредными насекомыми. Опасными вредителями. Освободи меня от них. Никаких вопросов. Ясно?

— Ясно.

— Ну хорошо. Тебе будет нужно... ну ... три или четыре человека, оснащенных огнеметами или лазерами, что-то в этом роде. Оденьте огнеупорные комбинезоны. Прилетайте ко мне. Сразу увидите в чем дело. Насекомые. Очень, очень много насекомых. В моем саду и бассейне найдете замки, уничтожьте их и убейте все, что в них находится. Потом постучите в дверь, и я скажу, что делать дальше. Как скоро вы будете здесь?

— Вылетим через час, — сказала она с каменным лицом.

14.

Лиссандра сдержала слово, прилетела на черном с плавными очертаниями глассере с тремя помощниками. Кресс смотрел на них из окна второго этажа. Они были совершенно одинаковыми — в темных пластиковых комбинезонах и заслонявших лицо масках, двое из них держали переносные огнеметы, третий — лазерную пушку и гранаты. Лиссандра, Кресс определил ее по отдаваемым приказам, оружия не имела.

Медленно, на небольшой высоте пролетели они над усадьбой, выясняя ситуацию. Песочники будто сошли с ума. Красные и эбеновые точки в бешенстве крутились. Со своего наблюдательного пункта Симон ясно видел поднимающийся на высоту человека замок черных. Его стены облепили защитники, непрерывный смолистый поток выливался из ворот.

Они приземлились рядом с глассером Кресса, помощники выскочили наружу и вскинули оружие. Походили на роботов, готовых все уничтожить.

Черная армия сосредоточилась между ними и замком. Кресс внезапно понял, что нигде не видно красных. Он внимательно присмотрелся, куда они могли деться?

Лиссандра вытянула руку и крикнула. Мужчины с огнеметами повернулись к песочникам. Их оружие глухо чихнуло и зарычало, выпуская длинные голубовато-красные языки огня. Песочники скручивались и погибали. Мужчины передвигали огонь справа налево четкими координированными движениями. Осторожно, шаг за шагом они шли вперед.

Черная армия горела и распадалась. Песочники разбегались во все стороны, некоторые обратно к замку, другие прямо на врага. Никому не удалось добежать до держащих огнеметы мужчин. Люди Лиссандры были специалистами высокого класса.

Внезапно один из них споткнулся.

Кресс внимательно присмотрелся и увидел, что его нога провалилась. «ТУННЕЛИ, — подумал Симон, внезапно чувствуя укол страха. — ТУННЕЛИ, явно ловушка.» Мужчина погрузился еще глубже, уже по пояс. Земля вокруг него как бы взорвалась. Через минуту он был покрыт сотнями красных песочников. Он отбросил огнемет и лихорадочными движениями стал выдергивать их со своего тела. Кричал, страшно кричал.

Его коллега заколебался, повернулся вполоборота и выстрелил. Клубок огня поглотил человека и песочников. Мужчина победно повернулся к замку и сделал шаг вперед. Его нога сразу же провалилась в землю по щиколотку. Он попытался ее высвободить и убежать, но песчаный грунт вокруг него проваливался, не давая

опоры. Он потерял равновесие и упал, взмахивая руками. Песочники были повсюду, живая волнующая масса скрыла его тут же, извивающегося в судорогах. Огнемет лежал рядом, позабытый и бесполезный.

Симон дико забубнил в окно, хотел обратить внимание на себя. — Замок, — кричал он. — Уничтожьте замок!

Лиссандра, стоявшая у глассера, услышала его и жестом отдала приказ. Ее третий помощник прицелился в лазерную пушку и выстрелил. Пламя засияло над сказами сада и отрезало верхушку замка. Мужчина резко опустил пушку, разрезая песочно-каменные укрепления. Башни упали, развалился облик Кресса. Луч лазера ударил в землю, двигаясь по кругу, ища. Замок исчез, сейчас там лежала груда песка, однако черные песочники все еще двигались. Матка была скрыта где-то глубоко, они не могли ее достать.

Лиссандра выдала следующий приказ. Ее подчиненный отложил лазер, сорвал кольцо с гранаты и бросился вперед. Перескочил дымящиеся обломки, приземлился на твердом грунте внутри скального сада и широко махнул рукой. Граната приземлилась точно на вершине. Симон прикрыл глаза от ослепительного света. В воздух взвился мощный столб песка, камня и песочников. Через мгновение все было покрыто пылью, это сплошным потоком падали песочники и их фрагменты.

Кресс увидел, что черные неподвижны и мертвы.

— Бассейн, — крикнул он через окно. — Разбейте замок в бассейне!

Лиссандра тут же это поняла. Земля была покрыта трупами черных, но красные песочники продолжали двигаться, отступая и перегруппировываясь. Работник Лиссандры задумался, вынул следующую гранату и сделал шаг вперед. Она позвала его — он повернулся и быстро побежал в ее сторону и вскочил в глассер.

Кресс перешел в другую комнату к окну, чтобы видеть все своими глазами. Сейчас это было очень просто. Глассер пролетел над замком и мужчина, находясь в безопасности, точно бросил гранаты. После четвертого пролета замок превратился в руины, а красные песочники перестали существовать.

Лиссандра была старательна. Ее работник бомбардировал каждый из замков в отдельности еще несколько раз. Потом, используя лазерную пушку, обработал их, пока не стало ясно, что под этими оплавленными обломками не осталось ничего живого.

Они постучали в дверь дома. Кресс впустил их, обнажив зубы в маниакальной усмешке.

— Чудесно, — сказал он, — чудесно.

Лиссандра сняла шлем.

— Это тебе будет дорого стоить, Симон. Я потеряла двух людей, не вспоминая уже об угрозе моей собственной жизни.

— Естественно, я заплачу тебе столько, сколько ты захочешь, —

согласился он.— Только закончи работу.

— Что еще осталось?

— Ты должна очистить подвал. Там есть еще один замок, только без гранат, я не хочу, чтобы собственный дом обвалился мне на голову.

Лиссандра кивнула подчиненному.

— Выйди из дома и возьми огнемёт Райка. Он должен быть целым.

Мужчина вернулся вооруженным, молчащим, готовым. Кресс проводил их вниз в подвал. Тяжелые двери были забиты наглухо так, как он их оставил.

Словно в результате огромного давления они слегка деформировались. Этот вид и тишина, которая господствовала вокруг них привели к тому, что Кресса охватило беспокойство. Работник Лиссандры стал удалять гвозди и вырывать прибитые ими доски. Кресс отступил назад.

— Будет ли уместно использовать здесь этот аппарат?— пробормотал он, указывая на огнемёт.— Пожалуй не надо.

— Я взяла лазер, и прежде всего мы используем его,— сказала Лиссандра.— Огнемёт, наверное, не понадобится. Я хочу, чтобы ты тут остался, есть вещи похуже пожара.

Кресс согласился. Последняя, прибитая к дверям доска отскочила.

Снизу не доносилось ни звука. Лиссандра отдала короткий приказ, мужчина отступил и занял позицию за ее плечами. Опустил дуло огнемёта, направляя его точно на двери подвала. Лиссандра одела шлем, приготовила лазер, сделала шаг вперед и открыла двери. Никакого движения, никакого звука, только темнота.

— Тут есть свет?— спросила она.

— Сразу за дверями— сказал Кресс— С правой стороны. Будь внимательна, ступеньки очень крутые.

Она вошла, переложила лазер в левую руку, правую вытянула в поисках выключателя.

— Ничего, спокойствие, я его чувствую,— сказала она.— Но он какой-то...

Внезапно она вскрикнула и отпрыгнула назад.

На ее ладони висел огромный белый песочник. По его клешням через комбинезон сочилась кровь. Он был большой и длинный, размером с ладонь.

Лиссандра пересекла покои маленькими быстрыми шажками и начала бить рукой о ближайшую стену. Раз, два, три. Удары напоминали приглушенные и мягкие шлепки. Наконец, песочник отвалился. Лиссандра слегка застонала и опустила на колени.

— Мне кажется, у меня сломаны пальцы,— сказала она мягко.

Кровь обильно капала с ее ладони. Брошенный лазер лежал возле дверей.

— У меня нет намерения туда входить,— сказал мужчина

чистым сильным голосом.

Лиссандра подняла голову и посмотрела на него.

— Нет,— сказала она.— Встань в двери и выжги их всех. Преврати в пепел. Ты понял?

Он кивнул головой.

— Мой дом,— простонал Кресс, у него что-то екнуло в желудке. Белые песочники были такими большими, сколько их там внизу?

— Стойте! — крикнул он.— Оставьте их в покое, я решил по-другому, оставьте их.

Лиссандра не могла понять, вытянула вперед покрытую зеленой слизью и кровью руку.

— Твой маленький друг прокусил мою перчатку насквозь. Ты видел как трудно было от него отделаться. Меня твой дом не касается, Симон. Все, что там есть, должно быть уничтожено.

Кресс ее почти не слышал. Ему казалось, что в тени за дверями подвала он чувствует какое-то движение. Он вообразил себе армию, состоящую из таких огромных особей, как та, которая напала на Лиссандру, выливающуюся из темноты, наступающую. Он видел себя подносимого сотнями тоненьких ножек; плывущего вниз, в мрак, к ожидающей голодной матке. Он вздрогнул.

— Нет,— сказал он.

Его проигнорировали.

Помощник Лиссандры подошел к двери, готовый открыть огонь, и тотчас Кресс прыгнул, толкая его в спину рукой. Мужчина застоялся, потерял равновесие и нырнул в темноту. Кресс слышал, как его тело катится по лестнице. Спустя мгновение из подвала стали доходить другие шумы — громкое шуршание, хруст и какие-то странные звуки, мягкие и монотонные.

Кресс повернулся к Лиссандре. Он был покрыт потом и напоминал возбужденного сексуального маньяка.

Холодные спокойные глаза женщины глядели на него из-за скрывающей лицо маски.

— Что ты делаешь?— резко спросила она.

Кресс поднял брошенный ею лазер.

— Симон!

— Я заключаю мир,— ответил он, хихикая.— Они не обижают своего бога, они не обижают его, пока он будет добрым и щедрым. Я был жестоким. Я их морил голодом. Сейчас я должен их за это отблагодарить. Ты понимаешь?

— Ты болен,— прошептала Лиссандра.

Это были последние ее слова. Кресс выжиг в ее груди дыру величиной с кулак. Он потянул тело к дверям и сбросил с лестницы. Шум внизу нарастал. Царапанье, шелканье хитина, тихие, тягучие всплески. Кресс закрыл двери и заново забил их досками.

Когда он убегал, его наполнило глубокое удовлетворение, покрывающее страх, как слой сиропа. Он подозревал, что это чувство не

его собственное.

15.

Он планировал полететь в город, нанять комнату на день, а может быть и на год. Вместо этого он начал пить. Сам не зная почему. Пил подряд в течение нескольких часов, потом его стошнило на ковер в салоне. В один прекрасный момент он уснул. Когда проснулся, весь дом был погружен во тьму.

Кресс сжался в комочек на диване. Слышал звуки. Они передвигались внутри стен. Окружали его. Его слух был необычайно обострен. Даже самый тихий хруст был шагом песочника. Он закрыл глаза, ожидая, надеясь почувствовать их страшное касание, опасаясь любого движения, чтобы не задеть кого-нибудь из них.

Внезапно он зарыдал и тут же замолчал, обмирая. Лежал в таком положении какое-то время, но ничего не произошло.

Он открыл глаза, весь дрожа. Постепенно тени стали смягчаться и расплываться. Через высокие окна проходил свет луны. Его глаза привыкли к темноте.

Салон был пуст. Ничего в нем не было, ничего, кроме его пьяных страхов.

Кресс взял себя в руки, встал и подошел к выключателю света. Ничего. Пусто. Комната была тихой и спокойной. Он напряг слух. Ничего. Никакого звука. Тишина в стенах, это все было только продуктом его воображения, его страха.

Ему пришли в голову воспоминания о Лиссандре и о том существе в подвале. Он покраснел от стыда и гнева. Почему он это сделал, он мог помочь ей сжечь песочников, убить их. Почему?..

Он знал почему. Матка его к этому вынудила, посеяла в нем страх. Во напоминала, что матка имеет слабые псионические способности, даже когда она маленькая, а эта была большая. Она насытилась телом Кэт и Идди, а сейчас обладала еще двумя. Она вырастет еще больше. И она попробовала вкус человеческого мяса — подумал Симон.

Его затрясло и он вынужден был снова собраться, чтобы взять себя в руки. Эта матка его не обидит. Он ее бог. Белые песочники всегда были его любимцами.

Кресс вспомнил, как ударил ее мечом. Это было еще перед приходом Кэт, будь она проклята.

Он здесь не останется, матка снова проголодается. И это будет скоро, учитывая ее размеры. У нее будет ужасный аппетит, что ему тогда делать? Он должен убежать из этого дома в город, пока еще песочники сидят в подвале. Там есть только кусок стены и немного утопанной земли. Они могут рыть ТУННЕЛИ. А когда вылезут наружу... Кресс предпочитал об этом не думать.

Он пошел в спальню и упаковал вещи. Он взял три сумки, один

костюм, смену белья — это все, что было ему нужно. Остальное пространство сумок он заполнил своими ценностями, бижутерией, произведениями искусства и другими вещами, потери которых он не смог бы вынести. Он не думал вернуться сюда когда-либо.

Его пищуха сползла за ним с лестницы, вглядываясь в него своими жалобными блестящими глазами. Она была очень худой. Кресс вспомнил, что прошли века с того времени, когда он кормил ее в последний раз. Обычно пищуха сама могла о себе позаботиться, но в последнее время несомненно у нее были большие трудности с охотой. Когда она попыталась схватить его за ногу, Кресс заворчал и отогнал ее пинком. Пищуха убежала оскорбленная.

Кресс выскочил, неуклюже волоча за собой сумки, наружу. Закрыл двери.

Какое-то время он стоял, опираясь о стену дома. Сердце его билось как сумасшедшее. Осталось только несколько метров до глассера. Он боялся их пройти. В ясном свете луны он отчетливо видел побоище, расстилающееся перед фронтоном дома. Тела двух работников Лиссандры лежали там, где они упали. Однако одно было скрученное, а второе распухшее под массой атакующих, нападающих. Песочники черные и красные были повсюду, немного усилия требовало воспоминание о том, что все они мертвы. Они, казалось, просто ждали его, как это многократно уже делали.

«Чушь, — подумал он. — Очередные пьяные галлюцинации. Он все-таки видел, как разваливались замки, а белая матка сидела в ловушке, закрытая в подвале». Он глубоко вздохнул и сделал шаг вперед на слой песочников. Они захрустели. Он с бешенством вдавил их в песок. Они не двигались.

Он усмехнулся и двинулся вперед, слушая звуки своих шагов.

Хруп, хруп, хруп.

Он поставил сумки на землю и открыл дверь глассера.

Что-то вышло из тени к свету. Бледные очертания на сиденье, длинное, примерно с локоть, тело. Он смотрел на Кресса шестью расположенными вокруг туловища глазами. Его клешни мягко щелкнули.

Снова какое-то движение и у Кресса намокли брюки. Он начал медленно отступать.

Из внутренностей глассера к открытым дверям вышел песочник и осторожно двинулся в его сторону. За ним появились другие. До сих пор они прятались под сиденьями, лежали, закутавшись в обивку кресел. Но сейчас они вышли. Они окружили глассера неправильным кольцом.

Кресс облилиз губы, повернулся и побежал в сторону глассера Лиссандры. Он задержался на полпути. Там также что-то двигалось. Большие, едва видимые в свете луны, насекомые.

Кресс заскулил и кинулся к дому. Когда он был около дверей, посмотрел вверх.

Насчитал дюжину длинных белых очертаний, ползающих во всех направлениях по стене здания. Четыре из них висели как гроздь под вершиной колокольни, где когда-то было гнездо сокола-стервятника. Они что-то вырезали. Лицо. Очень знакомое лицо.

Симон Кресс завизжал и вбежал в дом.

16.

Алкоголь в соответствующем количестве ниспослал ему уже давно ожидаемое спокойствие. Он проснулся не смотря ни на что. У него страшно болела голова. Он вонял и был голоден. Очень голоден. Голоден как никогда перед этим.

Он знал, что это не его желудок скручивается. Наверху стоящего рядом с ним шкафа к нему присматривался, слабо двигая усиками, белый песочник. Он был также велик, как и тот, которого он застал вчера в глассере.

Кресс подавил желание тут же убежать.

— Я... я тебя накормлю, — сказал он песочнику. — Накормлю тебя.

У него пересохло во рту, язык напоминал наждак. Он провел по губам и выбежал из комнаты.

Дом был полон песочников: он должен был внимательно смотреть, чтобы ставить ногу. Все они, как казалось, были заняты какими-то важными делами. Они вводили изменения в его доме, рыли отверстия в стенах, что-то вырезали. Он дважды наткнулся на свои лица, смотрящие на него из самых неожиданных мест. Они были искаженными, искривленными, зараженными страхом.

Вышел наружу, чтобы принести гниющие там тела. У него была надежда, что они успокоят голод матки. Но он не нашел их, они исчезли. Кресс вспомнил, с какой легкостью песочники носили вещи намного большие, чем они сами.

Мысль, что матка была голодной постоянно даже после такой еды, заставила его ужаснуться.

Когда он вошел обратно в дом, по лестнице выливалась колонна песочников. Каждый из них нес кусок пищи. Отрезанная голова, проплывавая рядом, казалось, смотрела на него с укором.

Кресс опорожнил холодильник, кладовые, собирая все продовольствие посреди кухни. Дюжина белых ожидала пока он закончит. Они забрали все, пренебрегая только замороженными продуктами, оставляя их посреди большой лужи, чтобы они оттаяли.

Он знал, что нужно сделать. Он подошел к центру связи.

— Яд, я делаю сегодня вечером маленький прием, — сказал непринужденным тоном, когда отозвался первый из его друзей. — Я понимаю, что говорю тебе об этом страшно поздно, но я надеюсь ты сможешь прилететь. Постарайся.

Потом он позвонил Младе Блейн и другим. Девять из них приняли

приглашение. Он надеялся, что этого будет достаточно.

17.

Кресс приветствовал своих гостей снаружи, песочники очистили территорию довольно быстро. Его усадьба выглядела почти так, как перед битвой. И провел их к входным дверям. Жестом пригласил гостей войти первыми. Он не пошел за ними.

Кресс осмелился сделать это, когда уже четверо из них прошли внутрь. Он захлопнул двери за последним, игнорируя удивленные крики, которые спустя мгновение сменились ужасающими воплями. Он быстрым шагом поспешил к одному из принадлежащих гостям глассеру. Он быстро вскочил в середину, нажал стартовую пластину и выругался. Естественно, они были запрограммированы так, чтобы реагировать на папиллярные линии хозяина.

Следующим появившимся гостем был Яд Раккис. Кресс подбежал к нему сразу же, как тот вышел из глассера, и схватил его за руку.

— Садись обратно, быстро, — сказал он, подталкивая его. — Возьми меня с собой в город. Поспешим, Яд. Убегаем отсюда!

Раккис вытарашил на него глаза, не двигаясь с места.

— Почему? Что случилось? Симон? Я ничего не понимаю. Что с твоим приемом?

А потом было уже слишком поздно, так как песок вдруг стал двигаться, на них смотрели красные глаза и тупо стучали клешни. Пара клешней впилась в его шиколотку, и внезапно Раккис упал на колени. Песок, казалось, закипел от подземной активности. Яд упал как мешок. Он протяжно завизжал, когда песочник раздирает его на куски. Кресс почти не мог на это смотреть.

После этого события Кресс уже не пробовал убежать. Когда все было кончено, он осушил остатки запасов из бара, напиваясь до потери сознания. Он знал, что пользуется этой роскошью в последний раз. Последний алкоголь, который еще оставался, находился в подвале.

Кресс не съел ни кусочка за весь день, но засыпал все-таки сытым, ужасный голод исчез без следа. Прежде чем сонные кошмары взяли над ним верх, он задумался над тем, кого бы еще пригласить завтра.

18.

Утро было сухим и жарким. Кресс открыл глаза и увидел, что на шкафу снова стоит песочник. Он сжал веки, надеясь, что когда он их откроет, этот кошмар его покинет. Это был не сон. Кресс засмотрелся тупым взглядом на белое чудовище.

Он смотрел так почти десять минут, пока в конце концов у него появилась мысль, что тут что-то не так. Песочник не двигался.

Естественно, песочники могли пребывать в неподвижном состоянии, иногда даже ненатурально. Тысячи раз он видел, как они умели ожидать и наблюдать. Однако, всегда можно было что-то выловить — судороги ног, сжатие клешней, волнение длинных нежных усиков.

Песочник на шкафу казался полностью окаменевшим. Кресс встал, сдерживая дыхание, и не осмеливаясь надеяться. Неужели он был мертв? Неужели это возможно? Он прошел в другую часть комнаты.

Глаза песочника были остекленевшими и черными. Он, казалось, опух и гнил внутри, а освобождающиеся газы раздували фрагменты панциря.

Кресс коснулся его дрожащей рукой.

Песочник был теплым — даже горячим — его температура постоянно повышалась. Однако он не двигался. Кресс убрал ладонь, а за ней отвалилась, как бы оторвалась, часть белого экзоскелета. Открытая кожа была белой, однако казалось менее твердой. Она пульсировала, распухая от нарастающего жара. Кресс попятился и выбежал из комнаты. В холле лежали три следующих песочника. Они выглядели так же, как и тот, которого он нашел в спальне.

Сбегая с лестницы, он был вынужден перескакивать через лежащие на ступеньках белые фигуры. Ни одна из них не двигалась. Они были по всему дому, мертвые, подышающие, погруженные в летаргию... Кресса не касалось то, что с ними произошло. Самое важное, что они не могли двигаться.

В своем глассере он нашел четверых. Он их по очереди вынул и выбросил. Как можно дальше. Проклятые чудовища. Он вскочил внутрь, уселся на половину съеденном, порезанном сидении и нажал стартовую пластину. Ничего.

Он снова попытался. Еще раз. Ничего. Что-то было не в порядке. Это все-таки был его глассер. Он должен стартовать. Кресс не понимал, почему он не летит.

Потом он вышел наружу и осмотрел глассер, ожидая самого худшего. Он не ошибся. Песочники разорвали антигравитационную сеть. Он был в ловушке. Он все еще был в ловушке.

Осознав это он пошел обратно домой. Он вошел в свой домашний музей и снял со стены древнюю секиру, висевшую рядом с тем мечом, который когда-то был испробован на Кэт м'Лейн. Он взялся за дело. Песочники не двигались даже тогда, когда он разрубал их на кусочки.

Он уничтожил двадцать, прежде чем понял бессмысленность того, что делает. Они не имели никакого значения, а кроме того их было страшно много. Он мог бы работать весь день и всю ночь, но тем не менее всех ему не убить. Он должен спуститься вниз в подвал и использовать секиру против матки.

Решительным шагом он двинулся по лестнице. Когда двери подвала оказались в пределах видимости, он остановился как вкопанный.

Дверей уже не было. Стены вокруг них были съедены. Отверстие стало в два раза больше и круглее. Яма и ничего больше. Не оставалось даже следов, что над этой пропастью были когда-то двери.

Из отверстия выходил мерзкий, удушающий смрад, а стены были влажными, окровавленными, покрытыми пятнами белой плесени.

А худшее было то, что они дышали.

Кресс встал на другом конце помещения и чувствовал, как выдох обдувает горячим ветром. Он попытался не задохнуться, но когда ветер подул в обратную сторону, он убежал.

В салоне он убил еще трех песочников и сломался. Что тут происходит? Он ничего не понимал...

Потом он вспомнил о единственном человеке, который мог это объяснить. Он снова подошел к аппарату связи, шагая в спешке по песочникам, и горячо молился, чтобы аппарат был исправен.

Когда Яла Во отозвалась, Кресс уже полностью сломленный рассказал ей все.

Она позволила ему говорить. Она не прерывала его. Ее лицо было лишено какого-либо выражения. Она только слегка опустила брови вниз.

— Я должна вас там оставить,— сказала она, когда он кончил.

Кресс зарыдал.

— Вы этого не можете сделать... Пожалуйста. Помогите мне. Я вам заплачу...

— Я должна, но я этого не сделаю.

— Спасибо,— сказал Кресс.— О, спасибо.

— Тихо, слушайте меня. Все это ваших рук дело. Песочники, к которым хорошо относятся, являются только ритуальными, придворными воинами. Вы же их, пытками и голодом, превратили во что-то иное. Вы были для них богом, и вы их сформировали так, как хотели. Матка в вашем подвале больна, она постоянно страдает от раны, которую вы нанесли ей. Вероятно, она сошла с ума. И ее поведение... необычайно, странно...

Вы должны как можно скорее оттуда бежать. Песочники не мертвы, Кресс. Они усыплены. Я говорила вам, что когда они вырастут, их экзоскелет отваливается. Обычно, это происходит значительно раньше, я никогда не слышала о песочниках, которые бы в наскомоподобной фазе достигали таких больших размеров. Это вероятно, один результат того, что вы искалечили матку. Но это уже не важно. Важно то, что за изменение с ними сейчас происходит. Понимаете, матка по мере своего роста становится более тонким, более гордым, более амбициозным. Воины в панцирях пригодны только при ее не больших размерах и разуме. Потом ей понадобятся лучшие слуги, тела которых обладали бы большими возможностями. Вы понимаете, все движущиеся особи выйдут из куколок, и это будет уже новый вид песочников. Не могу точно сказать вам, как они будут выглядеть. Каждая матка сама определяет их внешний вид, приспособляя к

своим нуждам и желаниям. Однако, они наверняка будут двуногими с четырьмя руками и большими ладонями, пальцы которых будут расположены друг против друга. Они будут способны конструировать сложные машины и пользоваться ими. Отдельные песочники не будут обладать разумом. Но зато матка будет очень, очень умна.

Кресс смотрел широко открытыми глазами на заполняющее экран лицо.

— Ваши рабочие,— сказал он с усилием.— Те, которые уже здесь были... которые устанавливали террариум...

Яла Во снизошла до бледной улыбки.

— Шейд,— сказала она.— Шейд — это песочник.

— И вы продали мне его... его детей. О...

— Не говорите глупостей. Песочник в первой стадии больше похож на сперматозоид, чем на ребенка. В естественных условиях войны контролируют их число, их размножение. Только один из ста достигает второй стадии. Только один из тысячи — третьей и последней, становясь таким, как Шейд. Взрослые песочники не одевают маток специальным расположением. Их слишком много, а войны становятся вредителями.

Она вздохнула.

— А весь этот разговор занимает время. Белый песочник вскоре придет в себя. Вы ему не нужны, а он вас ненавидит и очень голоден. Эта перемена требует очень много сил, как перед этим, так и потом матка должна иметь огромное количество продовольствия. А следовательно вы должны немедленно исчезнуть. Вы понимаете?

— Я не могу,— простонал Кресс.— Мой глиссер уничтожен, ни одним из оставшихся я не могу воспользоваться. Вы можете за мной прилететь?

— Да, я могу, мы тут же вылетаем. Вдвоем. Но до вас двести километров, а кроме того, мы должны взять оснащение, необходимое для того, чтобы покончить с этими дегенерировавшими песочниками, которых вы сами создали. Вы не можете нас там ждать. У вас есть ноги. Используйте их. Пожалуйста, идите на восток, как можно точнее на восток. И как можно быстрее. Те окрестности почти полностью пустыни. Мы найдем вас легко, вы поняли?

— Да,— сказал Кресс.— Да, да.

Она отключилась и Кресс быстро пошел в сторону дверей. Был уже на половине дороги, когда услышал какой-то звук, что-то лопнуло и захрустело. Один из песочников раскрылся, из щели высунились четыре маленькие, измазанные розовато-желтой жидкостью ручки и начали разрывать мертвую кожу. Кресс побежал.

Он не принял во внимание жару.

Холмы были сухими и скалистыми. Кресс бежал так быстро, как

только мог, быстрее подальше от дома. Он бежал, пока не заболели ребра. Он не мог схватить дыхание. Потом он пошел, но как только немного отдохнул, снова бросился бежать. Почти час он шел и бежал попеременно. Шел и бежал под палящими лучами солнца. Он обильно потел и жалел, что не взял с собой немного воды. Постоянно смотрел на небо в надежде, что увидит ВО и Шейда, прилетевших ему на помощь.

Он не был создан для таких путешествий. Было слишком жарко и сухо, а у него была слабая кондиция. Но он шел вперед, гонимый воспоминаниями того дыхания, там в подвале, и мыслью с снующих там маленьких чудовищах, которые наверняка расползлись по всему дому. Он надеялся, что ВО и ШЕЙД смогут с ними разобраться.

У него были свои планы, касающиеся той пары. Он решил, что это их вина. И они за это должны поплатиться. Лиссандры уже не было, но он знал других, которые занимались тем же ремеслом. Он отомстит. Он клялся себе в этом десятки раз, потя и напрягая силы, чтобы идти точно на восток.

По крайней мере у него была надежда, что это Восток. Он не умел точно определять направление, а кроме того он не помнил, в какую сторону убегал вначале, когда его охватила паника. Однако он с того времени старался следовать совету ВО идти в сторону, которая по его мнению была востоком.

Бегство продолжалось уже несколько часов, а помощь все еще не приходила. Кресс стал сомневаться, что это восток.

Когда прошло еще несколько часов, он испугался. А если ВО и Шейд не смогут его найти? Он умрет в этой пустыне. Он не ел уже два дня. Он слаб и испуган. Горло одеревенело от жажды. Вскоре он не сможет идти дальше — солнце склонялось к западу, а в темноте он совсем потеряется. Почему они не появляются? Возможно, их съели песчанники. Страх снова вернулся к нему, наполнил его, а вместе с ним пришли ужасная жажда и голод. Но он все еще шел. Спотыкался. Два раза упал. Во второй раз он поранил себе руку о камень и из раны полилась кровь. Он сосал ее, беспокоясь о возможной инфекции.

За его плечами солнце коснулось горизонта. Стало немного прохладнее, Кресс был за это благодарен. Он решился идти до тех пор, пока не наступит полная темнота, а потом где-нибудь устроиться на ночь. Он уже достаточно далеко, чтобы опасаться песчанников. А ВО и ШЕЙД наверняка найдут его, как только рассветет.

Когда он взобрал на вершину очередного холма, он увидел перед собой очертания здания. Оно не превосходило его дом, но этого было вполне достаточно. Он означал крышу над головой, безопасность. Кресс крикнул и побежал в его направлении. Еда и питье... Он должен что-то съесть. Уже сейчас чувствовал вкус мяса. Он сбежал с холма, размахивая руками и крича. Было уже почти темно, но он разглядел фигурки, играющих возле дома детей.

— На помощь,— крикнул он.— Эй, на помощь!

Они побежали в его сторону. Кресс внезапно остановился.

— Нет... О, нет...!

Он отступил на несколько шагов, поскользнулся на песке, встал и попробовал убежать.

Они легко поймали его. Были страшными маленькими чудищами с выпученными глазами и оранжевой кожей. Он пробовал вырваться — бесполезно. Они были маленькими, но у каждого четыре руки, а у Кресса только две.

Они понесли его в сторону дома. Это было мрачное и бедное здание, слепленное из уже осыпающегося песка. Но двери в него были довольно большие. И темные. И дышали. Это было страшно, но не вырвало из горла Кресса вопля страха. Он закричал, когда увидел детей, которые выползали из дому и хладнокровно смотрели на него, когда он миновал их.

У ВСЕХ БЫЛО ЕГО ЛИЦО.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

ДОРОГИЕ ПОЧИТАТЕЛИ СЕРИИ!

К нам стали поступать данные из Москвы от Яна и из Санкт-Петербурга от Ильи, о том, что некоторые из Вас хотели бы, чтобы в серии было побольше новинок ни разу не издававшихся на русском языке. Идя навстречу Вашим пожеланиям, настоящий сборник составлен именно по такому принципу: в основном, в него входят вещи ни разу не публиковавшиеся в России.

Но я хочу напомнить, что такой стиль не основной в нашей работе. Мы стараемся выбрать из "моря" зарубежной фантастики захлестнувшего книжный рынок и зачастую довольно низкого качества только те произведения, которые гармонически вливались бы в наш сериал и читались бы "на одном дыхании". В целом же серия рассчитана на молодых людей — поклонников фантастических боевиков, войн в космосе и на далеких планетах.

Следующей книгой нашего сериала будут давно обещанные читателям "Первые войны пустыни."

С уважением...

А. САЯПИН.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Дар Земли	3
2. Подводная война	163
3. Планета-тюрьма	215
4. Когда время сошло с ума	281
5. Мутанты	345

ЛАРРИ НИВЕН

"Тринадцатые звездные войны". /"Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа" Выпуск 21/.

Художественный редактор А.САЯПИН
Технический редактор Л.ЗАЙЧКИНА, И.ТЫРВА

"МЕЛОР". ЕЕ0601. Эстония, г.Таллинн, а/я 3515.

ЛР № 062693 от 7 июня 1993 г. Сдано в набор 19.04.94 г. Подписано в печать 25.05.94 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24. Уч.-изд. л. 24,8. Заказ № 4453. Тираж 10 000 экз. Заказное. Качество печати соответствует качеству диапозитивов, представленных издательством.

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Комитета Российской Федерации по печати. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

21